**Ежемесячный научный
и общественно-политический
журнал
Российской академии наук**

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

№ 6, 2021

СОЦИС

Журнал основан
в июне 1974 года

Содержание

ТЕОРИЯ. МЕТОДОЛОГИЯ

3 ДАВЫДОВ Д.А. Посткапитализм и классовая трансформация в современном обществе: от класса-освободителя к новому антагонизму?

14 ГО Дж. Три неувязки в теории расового капитализма

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ

24 ГУБА К.С. Большие данные в исследовании науки: новое исследовательское поле

34 ДЕЖИНА И.Г., КЛЮЧАРЕВ Г.А. Международные коллаборации вузовской науки: стимулы и препятствия

СОЦИОЛОГИЯ МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

46 БОГОМЯГКОВА Е.С., ПОПОВА Е.Е. «Усталость сострадать» в практиках медиапотребления (на примере отношения к проблематизации распространения COVID-19)

57 ВЕСЕЛОВ Ю.В., СКВОРЦОВ Н.Г. Доверие в эпоху цифровых трансформаций: опыт социологического исследования

69 НАЗАРОВ М.М. Телевидение в конвергентной медиасреде: аудиторные тренды

ЮБИЛЕИ

79 Докторову Б.З. – 80 лет!

80 ДОКТОРОВ Б.З.: «Этот проект оказался спасительным для меня» (интервью Ж.Т. Тощенко)

91 Коломийцу В.П. – 70 лет!

92 КОЛОМИЕЦ В.П. Индустриальная трансформация телевидения

101 Личные страницы профессионального пути социолога (к 75-летию А. Матулиониса)

104 Хагурову А.А. – 85 лет!

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

105 ЗОТОВ А.А. Органицизм Я.А. Новикова: социальная эволюция как адаптация и критика социализма

115 ФЕДОТОВА Л.Н. Юбилейная страница в истории изучения общественного мнения в СССР

КАФЕДРА. КОНСУЛЬТАЦИИ

121 МАЛЕРТ Б. Т. Парсонс в учебниках по социологии: прошлые споры, современные читатели и их будущие открытия

ДИСКУССИЯ. ПОЛЕМИКА

134 СИКЕВИЧ З.В., ФЕДОРОВА А.А. Границы русского патриотизма (опыт нереактивного и классического исследования)

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

147 ХЕДЖЕС К. Шелдон Волин и перевернутый тоталитаризм

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

154 ДЕМИДЕНКО С.Ю. Как действуют механизмы саморегуляции жизнедеятельности в культурном пространстве молодежи?

158 ПОПОВА Е.С. Не образованием едины: разнообразие, дискуссия, сообщество

160 ВЕРШИНИНА И.А., ЛЯДОВА А.В. Здоровье и здравоохранение в Европе: между неравенством и новыми возможностями

163 **КОРОТКО О КНИГАХ**

165 **ЖУРНАЛЬНЫЙ ГИД**

175 **CONTENTS**

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ (2-я стр. обл.)

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ (4-я стр. обл.)

При подготовке направляемых в журнал статей просим руководствоваться правилами, указанными на сайте журнала (http://www.socis.isras.ru/; http://www.isras.ru/socis.ru) или в № 1 и № 6 журнала. Статьи присылать по электронной почте (socis@isras.ru) в формате *.doc и печатный экземпляр на адрес редакции. Авторы **несут ответственность** за подбор и достоверность приведенных данных.

Решение о публикации принимается в течение **2-х месяцев** со дня регистрации рукописи. Принятие решения о соответствии/несоответствии поступивших статей профилю, концепции и тематике журнала является прерогативой редколлегии и редакции журнала. На основе рецензирования редакция принимает окончательное решение о публикации (или отклонении) статей.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только после разрешения редакции. Ссылка на источник обязательна. Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителей, редколлегии и редакции.

Полнотекстовые версии статей выставляются в свободном доступе на http://www.socis.isras.ru/, http://www.isras.ru/socis.html через три месяца после выхода печатной версии.

Сообщаем, что для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН можно воспользоваться редакционно-издательским порталом RAS.JES.SU. См. подробнее: https://ras.jes.su/submit-paper-ru.html

По возникающим вопросам обращаться по телефону редакции: +7 (499) 128-84-39 или писать на электронный адрес редакции: socis@isras.ru

© Российская академия наук, 2021
© Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, 2021
© Редколлегия журнала «Социологические исследования» (составитель), 2021

© 2021 г.

Д.А. ДАВЫДОВ

ПОСТКАПИТАЛИЗМ И КЛАССОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ОТ КЛАССА-ОСВОБОДИТЕЛЯ К НОВОМУ АНТАГОНИЗМУ?

ДАВЫДОВ Дмитрий Александрович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия (davydovdmitriy90@gmail.com).

Аннотация*. В статье поднимается проблема перспектив классового анализа как инструмента изучения посткапиталистических тенденций в современном обществе. Критикуются попытки рассмотреть в этих тенденциях признаки появления нового класса-освободителя, чья миссия заключается в установлении нового общественного устройства, свободного от классовых антагонизмов. Утверждается, что сегодня складывается новая антагонистическая общественная формация, о чем свидетельствует расширяющаяся сфера конкурентной борьбы за самореализацию и новый дефицитный ресурс – внимание. Представлена концепция нового классового расслоения: на тех, кто находится в центре общественного внимания (персоналиат), и всех тех, кто в силу объективных причин не имеет необходимых возможностей для публичной самопрезентации (имперсоналиат). Показано, что складывающимся общественным отношениям свойственны основные признаки классового антагонизма: а) выходящая за рамки капиталистических механизмов накопления и распределения продуктивная деятельность оборачивается массовой конкурентной (и отчуждающей) борьбой за дефицитные блага и ресурсы; б) имеется ряд структурных факторов, способствующих существенному неравенству в распределении ключевых дефицитных благ и ресурсов; в) новая социальная реальность обусловлена отношениями эксплуатации.*

Ключевые слова: *социальный класс • классовый анализ • марксизм • посткапитализм • классовая борьба • прекариат • персоналиат • общественные формации*

DOI: 10.31857/S013216250014309-2

Введение. В последние годы в академическом сообществе вновь стала актуальна тематика кризисных тенденций капиталистического общества, а также открывшихся перспектив, свидетельствующих о том, что капитализм[1] постепенно трансформируется в нечто иное (см., напр.: [Mason, 2017; Srnicek, Williams, 2016]). Набор рассматриваемых альтернатив: от сохраняющего актуальность марксистского дискурса о неизбежности и/или необходимости перехода к социализму/коммунизму до антиутопических предположений о грядущем неофеодализме [Дин, 2019]. В контексте этих дискурсов актуальна социологическая по существу задача изучения трансформации классовой структуры. Этому есть объяснение. В марксистской традиции классовый анализ нацелен на поиск антагонизмов, которые должны вести к накоплению освободительной энергии, а в конечном счете –

[1] Под «капитализмом» я далее предлагаю понимать экономическую систему производства и распределения, основывающуюся на товарном производстве и извлечении прибавочной стоимости (К. Маркс).

к преодолению классовости как таковой. Однако дело не обязательно должно ограничиваться марксистской версией. Изучение классовых противоречий в любом случае обнажает имеющиеся общественные проблемы (неравенство, несправедливость и т.п.), которые могут прямо или косвенно свидетельствовать о назревающих или происходящих системных трансформациях.

Проблема в том, что унаследованный от классического марксизма акцент на поиске, условно говоря, *класса-освободителя* может в итоге стать причиной ошибочных представлений о де-факто куда более противоречивых посткапиталистических тенденциях. На предполагаемых «освободителей» возложены обманчивые надежды, в то время как один классовый антагонизм заменится другим. В настоящей статье я представлю теоретическую перспективу, которая исключалась из марксистской и околомарксистской социологии: капитализм – не последняя антагонистическая общественная формация. Мы свидетели формирования новой классовой структуры, не определяемой капиталистическими производственными отношениями.

Ставка на класс-освободитель. У идеи посткапиталистического общества сложная судьба. То, что капитализм не вечен, мы можем понять из ретроспективного анализа истории и из здравого смысла: не вечно ничего. Поэтому, начиная с классиков, непрестанно ведутся дискуссии о том, когда и при каких условиях наступит конец капитализма, а главное – какой социальный субъект станет его «могильщиком». Ключевой категорией анализа при этом в большинстве случаев (если не считать некоторые дискурсы «новых левых», постмодернистские дискурсы о сборках, множествах и т.п.) является класс: если капитализм – система, базирующаяся на экономической эксплуатации, то необходимо смотреть на ситуации, «когда права и полномочия людей относительно производительных ресурсов распределены неравно – то есть когда одни люди имеют больше прав/полномочий относительно конкретных видов производительных ресурсов, чем другие» [Райт, 2019: 28]. При этом классовый анализ был, в основном, нацелен на поиск *класса-освободителя*, под которым можно понимать такую социальную страту, представители которой: а) эксплуатируются и всячески притесняются, видя своей целью разрушение имеющейся социально-экономической системы и построение новой; б) в силу своего классового сознания, классового бытия и специфики внутриклассовых отношений несут в себе зародыш новых общественных отношений, которые лягут в основу обновленной экономики и общества в целом (общественной формации).

Есть основания полагать, что такой подход вряд ли оправдает себя. Дело в том, что он релевантен, только если исходить из телеологического по своей сути допущения о том, что капитализм – это последняя классово-антагонистическая общественная формация, а его преодоление – это и есть «снятие» всех возможных классовых антагонизмов. В данном случае мы вынуждены делать исключение из правил: новая формация зародится только в результате эгалитарно-демократической борьбы против буржуазной системы, а не за новые формы господства, эксплуатации и притеснения, как было во все предыдущие межформационные периоды (скажем, замена феодальной эксплуатации капиталистической). Соответственно, классу-освободителю приписывают своего рода «моральную миссию», ведь движение к лучшему миру – это движение к добру, справедливости, равенству, подлинной демократии, свободному и дружному творчеству. Несложно понять, почему такая тактика часто заводила в тупик. Во-первых, оказывалось, что те ценности, которые видели в «простых людях» интеллектуалы, не разделяются подавляющим большинством. Во-вторых, социальные группы, которые находили свою солидарность в угнетенном положении, резко ее теряли по мере того, как росло общественное благополучие в целом.

В подобном тупике мы рискуем остаться сегодня, когда центральное место в дискуссиях о противоречиях капитализма начинает занимать дискурс о *прекариате* [Standing, 2011; Тощенко, 2018] как новом (прото-)классе и расширении новых социальных отношений, которые связаны с творческой деятельностью, свободным обменом знаниями и добровольной общественной деятельностью. Эти дискурсы опираются на достижения левой

социологии и политэкономии последних десятилетий: идеи, согласно которым когнитивный капитализм рано или поздно должен переродиться в коммунизм знаний [Gorz, 2010], творческая деятельность придет на смену отчужденному труду, а роботизация и автоматизация производства породят изобилие материальных благ, которые можно будет распределить всем без исключения с помощью таких инструментов, как безусловный доход (например, концепт капиталистического пути к коммунизму [Van Parijs, Vanderborght, 2019]).

Казалось бы, классовый анализ в его марксистской версии вновь становится актуальным, так как дискурсы новых левых, опирающиеся на политику идентичности, оказались бессильными против могущества глобального капитализма. При этом, правда, имеется некоторая неопределенность в том, на какую конкретную часть общества сделать ставку. Постепенно становится ясно, что прекариат как новый (прото-)класс, включающий социально уязвимые группы населения (неформально занятые и т.п.), еще не обладает посткапиталистической субъектностью. А потому ведется поиск класса-союзника, представители которого смогли бы направить протестную энергию прекариата в позитивное русло посткапиталистических общественных отношений. Так, А. Бузгалин и А. Колганов переосмысливают с марксистских позиций концепцию креативного класса Р. Флориды [Florida, 2002], чтобы указать не столько на «страдающий», сколько на «возвышающийся» класс. Для них образчики – это представители креатосферы, «в которой в процессе творческого по своему содержанию труда создаются феномены культуры и личностные качества человека (образование, наука, искусство и т.п.)» [Бузгалин, Колганов, 2019: 21].

Однако и такая логика в конце концов сталкивается с уже знакомыми затруднениями, ведь часть креативного класса давно встроилась в буржуазную систему, извлекая из нее материальные выгоды и преимущества (когнитариат как верхушка креативного класса, задействованного в высокотехнологичных индустриях и финансах). Кроме того, значимая часть представителей креатосферы скорее паразитирует на всем остальном обществе, занимаясь «дерьмовой работой» [Graeber, 2018] или порождая негативные экономические экстерналии. Именно поэтому Бузгалин и Колганов вынуждены, опираясь на довольно зыбкие критерии, выделять отдельный подкласс «хороших» (полезных, прогрессивных, нацеленных на всеобщее благо) творческих работников – *социалиат*. «Социалиат, – пишут они, – это работники образования и здравоохранения, науки и искусства, экологи и социальные работники, главная специфика труда которых – наличие значимой, определяющей содержание их труда, *творческой компоненты*» [Бузгалин, Колганов, 2019: 25].

Проблема здесь заключается в том, что, хотя прекариат часто пересекается с социалиатом (скажем, вынужденные постоянно искать временную подработку художники), многие факты свидетельствуют о неоднозначной картине. Можно сказать, что интересы наиболее успешной и видной части социалиата в корне противоречат интересам наиболее уязвимой части прекариата. Бузгалин и Колганов ориентируются на мифологизированные представления о благородном, скромном и самоотверженном бюджетнике, что свойственно скорее российскому пространству социального воображаемого (и то не в полной мере). Скажем, в США значимая часть врачей и университетских преподавателей, а также художников и деятелей культуры, уже давно входит в страту высокооплачиваемых «профессионалов-суперзвезд» (часть самовоспроизводящейся меритократической элиты [Markovits, 2019]). Более того, именно представители творческой интеллигенции и творческие работники в большинстве своем обладают космополитическим мышлением, ориентируются на постматериалистические ценности, не видят особых проблем в неолиберальном мировом порядке, поддерживают фрагментирующую общество политику идентичности и в приоритет ставят защиту гражданских прав и борьбу с глобальным потеплением («сословие» *клериси*, согласно Дж. Коткину [Kotkin, 2020]). Все это сильно контрастирует с «материалистическим» мышлением тех же американских реднеков или беднейших прослоек населения земного шара, для которых первичны вопросы порядка и стабильности (отсюда стремление к сильным авторитарным лидерам и рост национализма и популизма), обеспечения товарами потребления и дешевой энергией, поддержка семейных ценностей [Williams, 2018], а не свобода

во всех ее проявлениях или необоснованное сокращение промышленных выбросов, ведущее к росту цен на топливо и коммунальные услуги [Lomborg, 2020]. Поэтому сегодня речь идет о новых расколах: например, между Anywheres и Somewheres [Goodhart, 2017], то есть между людьми, чьи когнитивные и прочие способности делают их востребованными во всем мире, и людьми, остающимися «прикрепленными» к земле и семье и сильно зависящими от конкретной работы или сферы деятельности. Иными словами, социалиат оказывается плохим союзником для прекариата и рабочего класса, а если быть точнее – скорее врагом.

Все вышесказанное не означает, что капитализм вечен, а отмечаемые сегодня свидетельства разложения капиталистических общественных отношений ложны. Но нам необходимо сменить исследовательскую оптику, чтобы разобраться во всех имеющихся противоречиях. Возможно, стоит перестать искать класс-освободитель. Все наблюдаемые аномалии – это, на самом деле, порядок вещей. Мы движемся к новой антагонистической общественной формации, а потому складывающиеся посткапиталистические отношения характеризуются новым классовым антагонизмом. Как такое возможно?

Новая классовая структура: персоналиат и имперсоналиат. На протяжении истории человечества ни разу не было случая, когда переход к новой общественной формации осуществлялся классом-освободителем. Этот переход всегда происходил в силу необходимости (изменения в производительных силах) и в интересах новых классов-эксплуататоров (упрощенная схема: от рабовладельцев к феодалам, от феодалов к капиталистам). Марксистская коммунистическая телеология возникла из предположения, что большая *экономическая* общественная формация (условно говоря, «формация антагонистических формаций») закончится вместе с обеспечением всех материальными благами, необходимыми для удовлетворения базовых нужд, а в идеале – с достижением материального изобилия. Современные сторонники идеи коммунизма исходят из аналогичного посыла: будущее – преимущественно за творчеством, производством знаний и культурных ценностей, что есть *изобильные* нематериальные блага (научные теории или произведения искусства в цифровом виде могут быть доступными для всех совершенно бесплатно). Именно поэтому ставка иногда делается на творческую прослойку населения.

Но это только верхушка айсберга. Не все нематериальные блага изобильны. Да, знания или произведения искусства можно оцифровать и тем самым «оторвать» от дефицитных материальных носителей. Но имеется другая крайность: одна разновидность нематериальных благ неразрывно связана не просто с материальными носителями, но с *единичными представителями человечества*. Скажем, *личность* человека тоже может являться *нематериальным благом*. Здесь стоит сразу сделать ремарку, ибо слово «личность» в настоящей статье употребляется в предельно узком значении: *это прежде всего совокупность социально разделяемых представлений о конкретном индивиде, позволяющих, во-первых, этому индивиду выделяться на фоне остальных, заявлять о себе как о неповторимом человеке, а во-вторых, извлекать те или иные выгоды* (как удовольствие от нахождения в центре внимания, так и богатство, даруемое славой). Личность – это благо, которое может «потребляться» только одним человеком, *и его*, что важно отметить, *невозможно купить, продать или подарить*. Более того, каждая личность имеет свой «вес», зависимый от привлеченного *внимания*, которого, очевидно, не хватит на всех в равной степени (личность, известная только сотне человек, сильно отличается по своему «весу» от личности, известной сотням миллионов человек).

Один из уже высказывавшихся тезисов заключается в том, что сегодня наблюдается формирование нового класса, который является претендентом на статус господствующего, – *персоналиата* (отмечу, что этот концепт уже встречался на страницах «Социологических исследований» [Кондрашов, 2020]). Персоналиат – это социальная прослойка тех, кто «обладает» важнейшим благом и одновременно ресурсом – *популярной личностью*. Разумеется, личностью невозможно не «обладать» (или не быть ей), так как каждый является уникальным и не может не привлекать хоть какого-то внимания. Однако внимание есть новый важнейший *ограниченный ресурс* (и он останется таковым даже в условиях предсказываемого теоретиками посткапитализма материального изобилия), а современное

коммуникативное пространство способствует накоплению этого ресурса в руках ограниченного круга влиятельных людей (см. ниже). Там же, где имеется господствующая прослойка, всегда будет противоположный полюс – те, кто находится в крайне уязвимом положении и не обладает необходимыми стратегическими преимуществами. В нашем случае – это *имперсоналиат*, люди, условно говоря, «не обладающие личностью» (вернее – не имеющие возможности сделать свою личность достоянием общественности, привлечь необходимое внимание). Представители персоналиата (знаменитые медийные персоны, актеры, музыканты, блогеры, популярные ученые и т.п.) сегодня становятся все более влиятельными с политической точки зрения[2], а сама погоня за общественным вниманием – все более ожесточенной и затрагивающей широкие слои населения по крайней мере в развитых странах [Давыдов, 2020]. Однако далее я хотел бы показать, что речь идет именно о *классовом* расслоении, вернее, о тенденции к новому классовому *расколу*, важнейшей чертой которого является *эксплуатация*.

Классовый раскол. Отказ от марксистской телеологии еще не значит отказ от марксистского классового анализа. С точки зрения марксистской методологии социальный класс – это результат действия объективных закономерностей, свойственных той или иной социально-экономической системе. Классовая принадлежность определяется не только и не столько субъективным ощущением принадлежности к той или иной группе (идентичностью), сколько местом в исторически определенной системе общественного производства, отношением к средствам производства (в этом смысле возможна ситуация, когда люди (еще не осознают своего классового положения в силу разных причин). В таком случае классовый анализ призван указать на глубинные причины имеющегося неравенства и несправедливости, тем самым подорвав идеологию господствующего класса (скажем, миф об американской мечте, согласно которому сегодня каждый житель США может достичь богатства, если приложит необходимые силы). Соответственно ключевой концепт марксистского классового анализа – *эксплуатация*. Как отмечает Э.О. Райт, концепт эксплуатации «призван обозначить определенную форму взаимозависимости материальных интересов людей, а именно ситуацию, удовлетворяющую трем критериям: (1) Принцип обратной взаимозависимости благополучия <…> (2) Принцип исключения: Та самая обратная взаимозависимость благополучия эксплуататоров и эксплуатируемых определяется исключением доступа эксплуатируемых к определенным производительным ресурсам. (3) Принцип присвоения: Исключение создает материальные преимущества для эксплуататоров, поскольку позволяет им присваивать трудовые усилия эксплуатируемых» [Райт, 2019: 45].

Впрочем, на мой взгляд, следует отойти от акцента именно на материальном благополучии. *Производство*[3] *личности* – это тоже экономическая деятельность, ибо связана в конечном счете с распределением ограниченного ресурса – внимания (см. также: «производство себя» («production of the self» [Marwick, 2013])). Другое дело – обосновать, что расширяющаяся сфера производства личности ведет к настоящему *пост*капиталистическому классовому

---

[2] Здесь можно возразить, что над теми, кто успешно монетизирует внимание и популярность, находится страта сверхбогатых собственников и топ-менеджеров тех коммуникационных платформ, на которых «звезды» аккумулируют свои виртуальные/сетевые «капиталы». В определенном смысле это действительно так. Но, как было сказано выше, не стоит смотреть на формирование новой общественной формации как на радикальный слом старой системы (так никогда не было). Новые отношения господства всегда формировались отчасти в «синтезе» со старыми и, постепенно вызревая, вытесняли их. Вряд ли мы бы сегодня, оглядываясь назад, сказали бы, что становление капитализма было невозможно, ибо над первыми буржуа находилась страта сверхбогатых лендлордов и знатных феодалов. Если же мы копнем глубже и детальнее взглянем на то, как коммуникационные платформы преобразуют капитализм, то убедимся скорее в их разрушительном для буржуазной системы потенциале. Например, сфера музыки: там, где раньше были звукозаписывающие корпорации, дистрибьюторы, студии и т.п., сегодня все чаще оказываются личности, предоставленные сами себе. Немногочисленные владельцы социальных медиа присваивают себе богатства, но только за счет уничтожения целых отраслей капиталистической экономики.

[3] Именно *производство*, так как во многих случаях речь идет о целенаправленных практиках конструирования, продвижения и «монетизации» личности (от создания повседневного образа до рекламы блогов в Instagram).

антагонизму. Для этого складывающаяся ситуация должна соответствовать ряду условий: а) выходящая за рамки капиталистических механизмов накопления и распределения продуктивная деятельность оборачивается массовой конкурентной (и отчуждающей) борьбой за дефицитные блага и ресурсы; б) имеется ряд структурных факторов, способствующих существенному неравенству в распределении ключевых дефицитных благ и ресурсов; в) продуктивная («производственная») деятельность обусловлена отношениями эксплуатации. Рассмотрим, соответствуют ли этим условиям наблюдаемые общественные тенденции.

1. Расширению сферы производства личности способствует множество факторов. Еще Р. Инглхарт показал, что вследствие экономического развития и удовлетворения базовых потребностей становятся все более актуальными постматериалистические ценности: людей больше интересуют проблемы *самореализации*, идентичности, заботы об окружающей среде и т.п. [Inglehart, 2018]. Улучшение качества и продолжительности жизни для многих отодвигает заботу о материальном благополучии на второй план. *Главным в жизни становится «поиск себя», смысла, забота об имидже и индивидуальности и привлечение внимания*. Данная тенденция совпала с другой: новейшие коммуникационные технологии открыли небывалые возможности для взаимодействия с другими и завоевания популярности. Если еще век назад знаменитостей можно было пересчитать по пальцам, то сегодня благодаря социальным медиа количество влиятельных и популярных медийных персон разного масштаба (от *микроселебрити* до *нано-инфлюенсеров*) увеличивается в геометрической прогрессии. Более того, инструменты публичной самопрезентации появились буквально у каждого (блоги и видеоблоги). В итоге происходит нечто подобное тому, что наблюдалось при становлении капитализма: появляется новый «праздный класс», состоящий из популярных персон (персоналиат) и формирующий новые стандарты высокого «потребления» (окружение вниманием, богатство, сочетающееся с медийной популярностью, и т.п.). Этот класс провоцирует погоню за новыми высокими статусами[4], вовлекающую широкие массы населения. В итоге почти каждый *производит* свою личность, перенимая практики селебрити в социальных медиа (от привлекающих внимание постов в Facebook и Instagram до имитации внимания со стороны папарацци). Иными словами, если появление капитализма сопровождалось погоней за товарами массового потребления, то сегодня можно говорить о формировании *общества всеобщей самореализации*.

Все названные тенденции подтверждаются эмпирически. Так, социологические исследования показывают, что современные дети в развитых западных странах предпочтение отдают профессиям, основанным на привлечении внимания и способствующим личностной самореализации[5] (блогер (ютубер, тиктокер и т.п.), музыкант, актер, модель, художник и т.д.). Популярность все чаще становится самоценностью, а не просто средством обогащения (которое, к слову, также не обязательно должно быть именно капиталистическим, то есть основанным на товарном производстве и извлечении прибавочной стоимости)[6]. При этом *достижение славы* среди представителей поколения Z (рождены с 1997 по 2012 г.) определенно является одним из наиболее важных

---

[4] Да, можно сказать, что и буржуазная борьба за те или иные статусы является разновидностью «производства личности». Однако статус в буржуазную эпоху определяется скорее групповой принадлежностью (к группе элит) и обладанием предметами статусного потребления (большой дом, роскошная яхта и т.п.), нежели яркой индивидуальностью. Сегодня важнее становится именно последняя.

[5] Именно поэтому, кстати, речь уже не идет о простом создании и коммерциализации образов – процессе, еще прочно встроенном в капиталистическую экономику и основательно изученном социологами, но именно о *само*реализации, об удовольствии от *признаваемого окружающими* творчества.

[6] Согласно опросу (2019, *N* = 3000) The Harris Poll, около 3 из 10 американских и британских детей хотят стать ютуберами или блогерами. См.: https://arstechnica.com/science/2019/07/american-kids-would-much-rather-be-youtubers-than-astronauts/ (дата обращения: 12.03.2021). При этом, что примечательно, деньги далеко не всегда являются основной причиной выбора карьеры в социальных медиа. Опрос The Sun (2017, *N* = 1000) показал, что на первом месте находится креативность (24%), на втором – слава (11,4%), на третьем – самореализация (11%) и только на четвертом – деньги (9,8%). См.: https://www.thesun.co.uk/news/3617062/children-turn-backs-on-traditional-careers-in-favour-of-internet-fame-study-finds/ (дата обращения: 12.03.2021).

жизненных приоритетов (и этот показатель для молодых поколений значительно выше, чем для старших)[7]. Развитые западные страны – не исключение. Скажем, согласно данным ВЦИОМ, в России немалая доля (50%) молодых людей (18–24 года) считают, что блогер – профессия будущего, в то время как представителям более старших поколений такой взгляд не свойствен (27% в группе 60+)[8].

Замечу, что *производить личность* не означает непременно являться блогером или стремиться к известности. *По ту сторону борьбы за материальное благосостояние расширяется пространство погони за признанием, лайками, вниманием, одобрением, восхищением, комплиментами или, скажем, популярностью в рамках небольших сообществ*. И, как это обычно бывает, чувства нужды и недостатка не избежать там, где новые *потребности* должным образом не удовлетворяются. Как отмечается в одном из недавних исследований (эксперимент, в котором имитировалось взаимодействие в социальных сетях), недостаток лайков приводит к эмоциональному стрессу у подростков [Lee et al., 2020]. Сегодня мы также знаем, что количество лайков под постами в соцсетях увеличивает привлекательность того или иного человека, позволяя закрывать глаза на недостатки внешности или поведения [Bradley et al., 2017]. А исследование с помощью МРТ продемонстрировало, что просмотр фотографий в Instagram с большим количеством лайков был связан с активностью в нейронных областях, участвующих в «обработке» вознаграждения, социальном познании, имитации и внимании [Sherman et al., 2016]. Наконец, исследования социальных психологов показывают заметную положительную корреляцию между вовлеченностью в социальные сети и растущим уровнем заболеваемости депрессией среди молодежи, особенно среди молодых девушек. Эта зависимость объясняется прежде всего тем, что в социальных сетях принято демонстрировать положительные стороны жизни (красоту, путешествия, достижения и т.п.), а это создает иллюзию в духе «у всех хорошо, а у меня плохо» [Nesi, Prinstein, 2015].

Иными словами, сфера производства личности становится широкой и затрагивает практически каждого (соответственно, это отнюдь не то, что касается исключительно знаменитостей). Эту сферу по вышеназванным причинам резонно охарактеризовать как *пост-* или *вне*капиталистическую, хотя, разумеется, мир коммерции и мир творческой самореализации тесно соприкасаются («межформационные соприкосновения» – не исторический прецедент). Здесь важно отметить следующее: «побочным» результатом всеобщей «борьбы за личность» могут являться произведения искусства, красивые изображения или, скажем, научные открытия, доступные всем абсолютно бесплатно. Но это не исключает перспективы, в которой для очень многих творческая деятельность – это лишь средство достижения чего-то большего и *исключительного* посредством ассоциации творческого «продукта» с конкретным *именем* (подобно тому, как «дух» буржуазного общества заключается вовсе не в обеспечении всех самым необходимым, а в повсеместной погоне за материальными благами). И, как и в прежние времена, мы сталкиваемся с серьезными объективными ограничениями: *внимания на всех не хватит*.

2. На самом деле стоит говорить не просто о дефицитном характере внимания как ключевого ресурса будущего. Сама сетевая структура современного коммуникативного пространства способствует возвышению небольшой прослойки «суперзвезд» (опять же, здесь речь идет о феномене, который уже не обусловлен капитализмом как таковым). *Сеть, в которой акторы сами решают, с кем вступать в контакт, способствует крайнему неравенству*: люди склонны выбирать то, что уже и так нравится другим, а это благоприятствует постепенной

---

[7] Исследование Morning Consult (2019, *N* = 3000, в том числе представителей поколения Z – 1000) показало, что почти четверть взрослых американцев из поколения Z стремятся к славе: 23% говорят, что для них важно быть известным, и это на восемь пунктов выше, чем у миллениалов, и на 15 пунктов выше, чем у поколения X. См.: https://morningconsult.com/form/gen-z-worldview-tracker/ (дата обращения: 12.03.2021).

[8] См.: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ot-blogerov-k-inflyuenseram-borba-za-vnimanie-i-vliyanie-na-auditoriyu-novye-trendy (дата обращения: 12.03.2021).

сверхконцентрации внимания [Barabási, 2014]. «Популярная книга, ресторан или интернет-сайт, – пишет Д. Дин, – имеют примерно в два раза больше соединений/ссылок, чем стоящие на втором месте в списке популярности; второе место собирает в два раза больше "линков", чем третье, в то время как различия между позициями, находящимися в конце пищевой цепи, в конце графика распределения, несущественны. <…> У наиболее популярных людей в твиттере – более 100 миллионов подписчиков, у тех, кто находится на девятом или десятом месте, – около 50 миллионов, а у рядовых пользователей – около 200 подписчиков» [Дин, 2019: 105]. Если взять коэффициент Джини и заменить показатели неравенства в распределении материальных благ на показатели, отражающие распределение внимания (подписчики, просмотры, цитирования и т.п.), то получим то, что сегодня называют коэффициентом Кардашьян (в честь соответствующей «знаменитости знаменитой своей знаменитостью»). Этот коэффициент в 2016 году уже был измерен для социальной сети Twitter: 0,9412 для распределения количества подписчиков, 0,9133 для распределения количества упоминаний и 0,9034 для распределения количества ретвитов [Zhu, Lerman, 2016]. Данные показатели отражают сильнейшее неравенство. Для сравнения – имущественный индекс Джини по миру в целом в 2005 году по разным подсчетам составлял 0,61–0,68 (чем он меньше единицы и ближе к нулю, тем лучше – выше уровень равенства и т.п.). Такая ситуация характеризует образ возможного будущего, в котором, учитывая вышесказанное, счастливы далеко не все, а скорее очень многие глубоко несчастливы.

3. Наконец, можно заметить, что наличие «суперзвезд» (как «суперличностей») невозможно без эксплуатации. Конечно, представители новой прослойки эксплуатируемых не гнут спины на плантациях под палящим солнцем и не работают на фабриках за зарплату, которой хватает лишь для воспроизводства рабочей силы. Посткапиталистическая эксплуатация специфична – связана с извлечением чего-то вроде *прибавочного внимания*, так как существование наиболее ярких, выдающихся или популярных как раз обусловлено, условно говоря, *публичной анонимизацией* всех остальных. Эксплуатируемые (импресоналиат) «лишаются» личности, выступая в роли *коммуникативных ретрансляторов*: их роль заключается в «потреблении» творческого продукта и, что примечательно, в коллективном соучастии в его производстве, но также в *перенаправлении внимания* от «себя» к «другим». Популярная личность непредставима без сотен тысяч просмотров, лайков, репостов, комментариев, цитирований, рекомендаций, слухов, фан-встреч и всех прочих коллективных действий, в рамках которых массовые усилия лишь утверждают превосходство отдельных персон. Эксплуататоры (представители персоналиата), в свою очередь, активно ассоциируют свое *имя* с тем, что создается всегда коллективно (от научных теорий, которые всегда основываются на уже имеющемся коллективном знании, до музыкальных композиций, которые являются «отражением» эмоций, желаний или настроений публики). Именно поэтому по мере роста творческой конкуренции у многих появляется чувство отчужденности, несправедливости, враждебности по отношению к тем, кто находится на вершине коммуникационной цепи [Gross, Musgrave, 2020: 68–70]. А стоит учитывать, что неравенство в распределении внимания может в итоге вести к неравенству в распределении доходов. Так, в 2014 году сообщалось, что на 1% музыкантов приходилось 77% доходов[9] от записи музыки, что выше 71% в начале века (то есть речь идет о тенденции к большему неравенству)[10]. Понятно, что всем остальным практически ничего не остается (ни денег, ни, что более важно, *внимания*).

Все это, таким образом, приводит к столкновению двух фундаментальных дискурсов: меритократической идеологии (новая идеология господствующего класса), оправдывающей доминирование творческих элит их талантом и заслугами; и идеологией *анти*меритократической,

[9] В посткапиталистическом обществе не обязательно должно быть равенство доходов. В конце концов, неравенство доходов – это вовсе не изобретение капитализма. И до буржуазной эпохи оно имело место быть, но имело преимущественно рентную природу.

[10] См.: https://musicindustryblog.wordpress.com/2014/03/04/the-death-of-the-long-tail/ (дата обращения: 12.03.2021).

показывающей, что талант и заслуги – ничто по сравнению с *удачей* или социальными связями. К примеру, в одном эксперименте было показано, что успех музыкальной композиции очень сильно зависит от первой «волны поддержки» (положительных отзывов), а существенной разницы между творчеством суперзвезд и рядовых музыкантов нет при «слепом» распределении предпочтений [Фрэнк, 2019: 56–57]. И то, что касается музыки, актуально для очень многих творческих и не только сфер [Gladwell, 2008]. Мы движемся к моменту, когда *ожесточающаяся творческая конкуренция* постепенно приведет к осознанию представителями имперсоналиата своего классового положения, обусловленного вовсе не ленью или отсутствием таланта, а глубокими системными проблемами.

Заключение. Настоящая статья – скорее приглашение к дискуссии. В ограниченном по объему формате невозможно раскрыть все нюансы и тонкости. Моя задача была показать, что те, кого мы считали частью класса-освободителя, на самом деле могут оказаться оторванными от проблем социальных «низов» представителями нового класса-эксплуататора. Долгое время считалось, что после капитализма наступит нечто вроде относительной идиллии, а главная проблема заключается в капиталистических общественных отношениях. Реальность может оказаться несколько сложнее. Возможно, мы наблюдаем очередную межформационную эпоху, когда вместо предсказанной освободительной борьбы наблюдается новый синтез элит, возникновение и возвышение нового господствующего класса – персоналиата. Выходящая за пределы капитализма сфера *борьбы за личность* и внимание как ключевой ограниченный ресурс превращается в область *тотального неравенства* и новых форм отчуждения. При такой перспективе становятся понятными все парадоксы современной классовой борьбы. Представители персоналиата как претендента на статус господствующего класса имеют специфическое «классовое мироощущение», ориентирующее на творческую свободу и мобильность. При этом у марксистского классового анализа есть еще одна особенность: он всегда отсылает к моральной проблематике. Существенная социологическая задача будущего заключается в критическом переосмыслении складывающейся меритократической мифологии. Яркие творческие личности, медийные персоны, популярные интеллектуалы и все те, кто имеют доступ к инструментам формирования дискурса, сегодня очень часто говорят о посткапиталистическом обществе. И есть большая вероятность того, что в предлагаемом ими посткапиталистическом мире комфортно чувствовать себя будут лишь наиболее успешные, а точнее – удачливые. Но, возможно, нам стоит обращать больше *внимания* на тех, кого *не слышно* и *не видно*?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бузгалин А.В., Колганов А.И. Трансформации социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекариату и креативному классу? // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 18–28. DOI: 10.31857/S013216250003744-1.

Давыдов Д.А. Революция личности, или Восхождение персоналиата // Полития. 2020. № 4. С. 68–89. DOI: 10.30570/2078-5089-2020-99-4-68-89.

Дин Д. Коммунизм или неофеодализм? // Логос. 2019. № 6. С. 85–116. DOI: 10.22394/0869-5377-2019-6-85-114.

Кондрашов П.Н. Посткапитализм как новая общественная inter/trans-формация // Социологические исследования. 2020. № 2. С. 150–159. DOI: 10.31857/S013216250008524-9.

Райт Э.О. Основы неомарксистского классового анализа // Подходы к классовому анализу / Под ред. *Э.О. Райта*. Киев: ИС НАН Украины, 2019. С. 18–56.

Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018.

Фрэнк Р. Успех и удача: Фактор везения и миф меритократии. М.: ВШЭ, 2019.

Barabási A.-L. Linked: How Everything Is Connected to Everything Else and What It Means for Business, Science, and Everyday Life. New York: Basic Books, 2014.

Bradley S.W. et al. Experimental Evidence of Observed Social Media Status Cues on Perceived Likability // Psychology of Popular Media Culture. 2017. Vol. 8. No. 1. P. 41–51. DOI: 10.1037/ppm0000164.

Florida R. The Rise of the Creative Class. New York: Basic Books, 2002.

Gladwell M. Outliers: The Story of Success. New York: Little, Brown and Company, 2008.

Goodhart D. The Road to Somewhere: The Populist Revolt and the Future of Politics. London: Hurst, 2017.

Gorz A. The Immaterial: Knowledge, Value and Capital. New York; London: Seagull Books, 2010.
Graeber D. Bullshit Jobs: A Theory. New York: Simon & Schuster, 2018.
Gross S.A., Musgrave G. Can Music Make You Sick? Measuring the Price of Musical Ambition. London: University of Westminster Press, 2020.
Inglehart R. Cultural Evolution: People's Motivations are Changing, and Reshaping the World. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.
Kotkin J. The Coming of Neo-Feudalism: A Warning to the Global Middle Class. New York: Encounter Books, 2020.
Lee H.Y. et al. Getting Fewer "Likes" Than Others on Social Media Elicits Emotional Distress among Victimized Adolescents // Child Development. 2020. Vol. 91. No. 6. P. 1–19. DOI: 10.1111/cdev.13422.
Lomborg B. False Alarm: How Climate Change Panic Costs us Trillions, Hurts the Poor, and Fails to Fix the Planet. New York: Basic Books, 2020.
Markovits D. The Meritocracy Trap: How America's Foundational Myth Feeds Inequality, Dismantles the Middle Class, and Devours the Elite. New York: Penguin Press, 2019.
Marwick A.E. Status Update: Celebrity, Publicity, and Branding in the Social Media Age. London: Yale University Press, 2013.
Mason P. Postcapitalism: A Guide to Our Future. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2017.
Nesi J., Prinstein M.J. Using Social Media for Social Comparison and Feedback-Seeking: Gender and Popularity Moderate Associations with Depressive Symptoms // Journal of Abnormal Child Psychology. 2015. Vol. 43. No. 8. P. 1427–1438. DOI: 10.1007/s10802-015-0020-0.
Sherman L.E. et al. The Power of the Like in Adolescence Effects of Peer Influence on Neural and Behavioral Responses to Social Media // Psychological Science. 2016. Vol. 27. No. 7. P. 1027–1035. DOI: 10.1177/0956797616645673.
Srnicek N., Williams A. Inventing the Future: Postcapitalism and a World Without Work. New York: Verso, 2016.
Standing G. The Precariat: The New Dangerous Class. London: Bloomberg Academic, 2011.
Van Parijs P., Vanderborght Y. Basic Income: A Radical Proposal for a Free Society and a Sane Economy. Harvard: Harvard University Press, 2019.
Williams J.C. White Working Class: Overcoming Class Cluelessness in America. Boston: Harvard Business Review Press, 2018.
Zhu L., Lerman K. Attention Inequality in Social Media // Computer Science. 2016. URL: https://arxiv.org/pdf/1601.07200.pdf (дата обращения: 12.03.2021).

Статья поступила: 16.03.21. Принята к публикации: 31.03.21.

POST-CAPITALISM AND CLASS TRANSFORMATION IN MODERN SOCIETY: FROM A LIBERATOR CLASS TO A NEW ANTAGONISM?

DAVYDOV D.A.

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of RAS, Russia

Dmitry A. DAVYDOV, Cand. Sci. (Polit.), Senior Research Fellow, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of RAS, Yekaterinburg, Russia (davydovdmitriy90@gmail.com).

Abstract. The article raises the problem of the perspectives of class analysis as a tool for studying post-capitalist trends in modern society. Attempts to consider in these tendencies the signs of the emergence of a new liberator class, whose mission is to establish a new social order, free from class antagonisms, are criticized. It is argued that today a new antagonistic social formation is emerging, and this is evidenced by the expanding sphere of competition for self-realization and a new scarce resource – attention. The concept of a new class stratification is presented: on those who are in the center of public attention (the personaliat) and those who, due to objective reasons, do not have the necessary opportunities for public self-presentation (the impersonaliat). It is shown that the emerging social relations are characterized by the main features of class antagonism: a) productive activity that goes beyond the capitalist mechanisms of accumulation and distribution turns into a massive competitive (and alienating) struggle for scarce goods and resources; b) there are a number of structural factors that contribute to significant inequality in the distribution of key scarce goods and resources; c) the new social reality is conditioned by the relations of exploitation.

Keywords: social class, class analysis, Marxism, post-capitalism, class struggle, precariat, personaliat, social formations.

REFERENCES

Barabási A.-L. (2014) *Linked: How Everything is Connected to Everything Else and What it Means for Business, Science, and Everyday Life*. New York: Basic Books.

Bradley S.W. et al. (2017) Experimental Evidence of Observed Social Media Status Cues on Perceived Likability. *Psychology of Popular Media Culture.* Vol. 8. No. 1: 41–51. DOI: 10.1037/ppm0000164.

Buzgalin A.V., Kolganov A.I. (2019) Social Structure Transformation of Late Capitalism: from Proletariat and Bourgeoisie towards Precariat and Creative Class? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 18–28. DOI: 10.31857/S013216250003744-1. (In Russ.)

Davydov D.A. (2020) Revolution of Personality, or the Rise of Personaliat. *Politiya* [Politeia]. No. 4: 68–89. DOI: 10.30570/2078-5089-2020-99-4-68-89. (In Russ.)

Dean J. (2019) Communism or Neo-Feudalism? *Logos*. No. 6: 85–116. DOI: 10.22394/0869-5377-2019-6-85-114. (In Russ.)

Florida R. (2002) *The Rise of the Creative Class*. New York: Basic Books.

Frank R. (2019) *Success and Luck: Good Fortune and the Myth of Meritocracy.* Moscow: Izdatel'stvo Vysshey shkoly ekonomiki. (in Russ.)

Gladwell M. (2008) *Outliers: The Story of Success*. New York: Little, Brown and Company.

Goodhart D. (2017) *The Road to Somewhere: The Populist Revolt and the Future of Politics*. London: Hurst.

Gorz A. (2010) *The Immaterial: Knowledge, Value and Capital*. New York; London: Seagull Books.

Graeber D. (2018) *Bullshit Jobs: A Theory.* New York: Simon & Schuster.

Gross S.A., Musgrave G. (2020) *Can Music Make You Sick? Measuring the Price of Musical Ambition*. London: University of Westminster Press.

Inglehart R. (2018) *Cultural Evolution: People's Motivations are Changing, and Reshaping the World*. Cambridge: Cambridge University Press.

Kondrashov P.N. (2020) Post-capitalism as a Social Inter/trans-formation. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 150–159. DOI: 10.31857/S013216250008524-9. (In Russ.)

Kotkin J. (2020) *The Coming of Neo-Feudalism: A Warning to the Global Middle Class*. New York: Encounter Books.

Lee H.Y. et al. (2020) Getting Fewer "Likes" Than Others on Social Media Elicits Emotional Distress among Victimized Adolescents. *Child Development*. Vol. 91. No. 6: 1–19. DOI: 10.1111/cdev.13422.

Lomborg B. (2020) *False Alarm: How Climate Change Panic Costs us Trillions, Hurts the Poor, and Fails to Fix the Planet.* New York: Basic Books.

Markovits D. (2019) *The Meritocracy Trap: How America's Foundational Myth Feeds Inequality, Dismantles the Middle Class, and Devours the Elite*. New York: Penguin Press.

Marwick A.E. (2013) *Status Update: Celebrity, Publicity, and Branding in the Social Media Age*. London: Yale University Press.

Mason P. (2017) *Postcapitalism: A Guide to Our Future.* New York: Farrar, Straus and Giroux.

Nesi J., Prinstein M.J. (2015) Using Social Media for Social Comparison and Feedback-Seeking: Gender and Popularity Moderate Associations with Depressive Symptoms. *Journal of Abnormal Child Psychology*. Vol. 43. No. 8: 1427–1438. DOI: 10.1007/s10802-015-0020-0.

Sherman L.E. et al. (2016) The Power of the Like in Adolescence Effects of Peer Influence on Neural and Behavioral Responses to Social Media. *Psychological Science*. Vol. 27. No. 7: 1027–1035. DOI: 10.1177/0956797616645673.

Srnicek N., Williams A. (2016) *Inventing the Future: Postcapitalism and a World Without Work*. New York: Verso.

Standing G. (2011) *The Precariat: The New Dangerous Class*. London: Bloomsbury Academic.

Toshhenko Zh.T. (2018) *Precariat: From Protoclass to a New Class*. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Van Parijs P., Vanderborght Y. (2019) *Basic Income: A Radical Proposal for a Free Society and a Sane Economy.* Harvard: Harvard University Press.

Williams J.C. (2018) *White Working Class: Overcoming Class Cluelessness in America*. Boston: Harvard Business Review Press.

Wright E.O. (2019) Foundations of Neo-Marxist Class Analysis. In: Wright E.O. (ed.) *Approaches to Class Analysis*. Kiev: IS NAN Ukrainy: 18–56. (In Russ.)

Zhu L., Lerman K. (2016) Attention Inequality in Social Media. *Computer Science*. URL: https://arxiv.org/pdf/1601.07200.pdf (accessed 12.03.2021).

Received: 16.03.21. Accepted: 31.03.21.

© 2021 г.

Дж. ГО

ТРИ НЕУВЯЗКИ В ТЕОРИИ РАСОВОГО КАПИТАЛИЗМА

ГО Джулиан – профессор социологии Чикагского университета, Чикаго, США (jgo34@uchicago.edu).

Аннотация*. В современном западном обществоведении активно обсуждается проблема влияния расовой идентичности и расизма на роль людей в современном капиталистическом обществе. В этой связи вниманию читателей предлагается новейшая статья американского социолога Д. Го, в которой дан критический обзор популярных на Западе (особенно в США) научных взглядов на концепт так называемого расового капитализма. Автор статьи указывает на три слабых места в современной литературе по данной проблематике. Во-первых, не очевидно, что раса – в отличие от других форм социальных различий – первична для классовой дифференциации при капитализме. Во-вторых, вызывает сомнения утверждение, что новый концепт расового капитализма закрывает пробелы в марксистской теории капитализма. В-третьих, хотя и наблюдается зависимость участия в капиталистических производственных отношениях от расы, но не ясно, что это – совпадение, значимое лишь для немногих стран, или логическая взаимосвязь. Дискуссии о расовом капитализме прямо или косвенно ставят вопрос об этих трех проблемах, но пока не предлагают их адекватного решения. Тем не менее, по мнению американского социолога, они важны для дальнейшего развития социологической теории и для исследований социальных конфликтов. Хотя для современной России эта проблематика кажется не актуальной, знание данного дискурса важно, чтобы понимать закономерности развития социологической науки (особенно ее леворадикальных версий) за рубежом, а также учитывать его в социологии межэтнических отношений.*

Ключевые слова: *зарубежная социология • расовый капитализм • расизм • капитализм • марксизм*

DOI: 10.31857/S013216250014684-5

Термин «расовый капитализм» сейчас в чем-то уподобился модному мему. Он особо заметен в среде историков, переосмысливающих связи рабства и капитализма [Johnson, 2018; Kelley, 2017; Robinson, 2000]. Его также используют правоведы, исследователи здравоохранения, философы, ученые-этнологи, политологи и, конечно, социологи [Dawson, 2018; Fraser, 2019; Leong, 2013; Melamed, 2015; Pirtle, 2020; Virdee, 2019]. Истоки этого термина – в трудах марксистских интеллектуалов и активистов, писавших в условиях южноафриканского апартеида 1970-х гг. [Hudson, 2018; Legassick, Hemson, 1976; Nupen, 1972]. Позднее С. Робинсон [Robinson, 2000] содействовал популяризации данного термина в своем анализе условий возникновения «радикальной черной традиции».

Несмотря на появляющуюся литературу, значение дискуссий о расовом капитализме для социологической теории остается неясным. Чему нас учит литература о расовом капитализме в плане теории или концептуальных рамок, относящихся к изучению расы и капитализма? Проблема в том, что термин «расовый капитализм» не имеет выхода в теорию в качестве «однозначного логически интегрированного каузального причинного объяснения» [Calhoun, 1995: 5]. Этот термин широко используют, характеризуя взаимосвязь расового

Перевод выполнен по: *Go J.* Three Tensions in the Theory of Racial Capitalism // Sociological Theory. 2021. Vol. 39. No. 1. P. 38–47. Автор статьи, американец филиппинского происхождения, является видным специалистом по исторической и политической социологии, специализируется по проблемам колониализма и имперской политики. Ранее на русском языке публиковалась его работа: *Го Дж.* Бурдье, Алжир и постколониальная социология // Социологические исследования. 2019. № 4. С. 86–98.

неравенства с капитализмом, но литература не предлагает конкретного единого набора каузальных отношений, связей между расизмом и капитализмом. В литературе также не предложено единых понятий или какого-либо общего концептуального аппарата. С учетом этого, имеет ли хоть какое-нибудь отношение литература о расовом капитализме – под ней я понимаю работы ученых ряда дисциплин, для которых в центре внимания стоит термин «расовый капитализм»[1], – к теории?

В данной статье я указываю на три теоретические неувязки в имеющейся литературе. Первая неувязка – сам концепт расы: не ясно, что конкретно значит обозначаемое как «раса» в концепции расового капитализма. Второе замечание указывает на неадекватность «расового капитализма» существующим теориям, особенно марксистской теории капитализма, который литература о расовом капитализме намерена «лечить». Третий вопрос заключается в том, является ли расизм имманентно присущим капитализму или он для капитализма случаен, что, в свою очередь, поднимает вопрос о социальных различиях при его современных формах.

Выделив эти неувязки, я стремлюсь не критиковать, не дезавуировать литературу по расовому капитализму, а скорее подчеркнуть некоторые из базовых проблем, которые, считаю, дадут импульс дальнейшей концептуализации, теоретизированию и исследованиям. Соответственно, не пытаясь решить эти три вопроса, я предлагаю некие пути их анализа, которые можно продуктивно обдумать и реализовать.

Определения расового капитализма. Начать следует с краткого обзора смысла термина «расовый капитализм». Трудность в том, что определения в имеющейся литературе нечеткие или отличаются одно от другого. У. Пиртл [Pirtle, 2020]), говоря о расовых неравенствах при вспышке COVID-19, использует этот термин, не определяя его. Н. Леонг [Leong, 2013: 20] использует понятие «расовый капитализм» для обозначения того, как институты белых присваивают символический капитал небелых идентичностей. М. Ральф и М. Сингхал полагают, что данный термин используется в основном для «объяснения того, как расизм слился с капитализмом, …а также акцентирования принуждения и производительности капиталовложений и форм обмена» [Ralph, Singhal, 2020: 857]. Марксисты из ЮАР М. Легасик и Д. Хемсон [Legassick, Hemson, 1976] среди первых использовали этот термин еще до того, как его применил С. Робинсон, но у них данный термин конкретизировал специфику апартеида, в то время как Робинсон его применял к глобальному капитализму, впервые появившемуся в Европе.

Несмотря на эти сложности, представляется возможным назвать следующие разделяемые всеми общие черты данного термина.

Во-первых, концепт «расового капитализма» подчеркивает, что существует глубокая связь между расизмом (расовым неравенством) и капитализмом. В литературе часто ссылаются на исторические связи, например, между докапиталистическими расовыми разделениями в Европе и последующим развитием капитализма [Kelley, 2017; Robinson, 2000], между рабством и развитием капитализма [Johnson, 2018; 2020]. Может быть, поэтому и многие историки приняли этот концепт. Но он также используется обществоведами (social scientists) и в применении к более свежим контекстам. Так, интеллектуалы и активисты ЮАР применяют данный термин для характеристики взаимозависимости апартеида и экономики Южной Африки. Другие ученые, используя его, подчеркивают неравенства внутри рабочего класса, что стало одной из главных тем Робинсона [Robinson, 2000] (см. также: [Melamed, 2015: 77]). Другие подчеркивают, как сейчас капитализм зависит от насилия и отъема собственности – от тех социальных отношений, которые конвенциональные теории капитализма (как, например, теория Маркса) считают неважными для этой системы, отклонениями от нее или

[1] Конечно, те же темы, что и в литературе о расовом капитализме, исследует огромная когорта ученых, но их труды не используют напрямую концепт «расовый капитализм». Все «черные» марксисты, о которых пишет Робинсон [Robinson, 2000], от Уильяма Дюбуа до Сирила Джеймса, можно сказать, анализировали именно «расовый капитализм», не используя сам этот концепт.

предшествующими ей [Ralph, Singhal, 2019: 857]. Обобщающим моментом всех этих модусов употребления исследуемого термина выступает изучение и раскрытие способов, благодаря которым «расовые иерархии могут стать функциональными для капиталистического социального порядка», и наоборот [Dawson, 2018].

Во-вторых, термин «расовый капитализм», как правило, используется в применении к глобальным отношениям, а не к капитализму в рамках одного национального контекста. В частности, интеллектуалы ЮАР использовали его для передачи специфики южноафриканской ситуации, давая понять, что Южная Африка демонстрирует лишь один из конкретных вариантов данной системы, воспроизводимой во многих странах.

В такой традиции Робинсон и многие другие, от Уильяма Дюбуа до Оливера Кокса, обсуждали расу в глобальном масштабе, изучали историю колониальных завоеваний, империализм, лишение собственности, чтобы показать связь капитализма с расизмом. Историки показали, как рабство стало трансатлантической системой, включающей транснациональные и трансимперские отношения. Короче, расовый капитализм – это и глобальный капитализм, а рабочие мира составляют (знаменитая фраза Дюбуа) «черный пролетариат» [DuBois, 1935: 15].

В-третьих, важны, наконец, политические аспекты рассуждений о «расовом капитализме». В частности, дебаты среди интеллектуалов и активистов Южной Африки прямо связаны с их политическими планами. В конце концов, если расизм и капитализм тесно переплетены, то борьба с апартеидом не может не быть борьбой против капитализма – и наоборот. «Мы должны признать справедливость требований африканскими массами политических прав и экономического процветания,– заявлял Национальный союз студентов Южной Африки,– и мы должны серьезно изучить, какие перемены должны произойти в конкретном случае южноафриканского расового капитализма, чтобы удовлетворить выполнение этих устремлений» [Nupen, 1972: 2]. М. Уолцер [Walzer, 2020] политические следствия использования такого термина изложил еще ясней: если расизм и капитализм взаимосвязаны, как утверждает термин «расовый капитализм», тогда борьба против расизма – это и борьба против капитализма. Но если раса и капитализм не связаны, то бои против расизма должны мыслиться как отдельная и особая борьба, и ее нужно вести соответственно.

Что такое «раса» в расовом капитализме? Теперь вернемся к ранее нами сформулированным трем неувязкам в литературе о расовом капитализме. Начнем с проблемы расы. Это критически важно, поскольку если термин «расовый капитализм» должен войти в социальную теорию, то необходимо предложить жестко определенные концепты, образующие общеприменимый концептуальный аппарат. Конечно, одним из таких концептов должна быть «раса». Но что такое «раса» в точном смысле? Проблема в том, что «раса», как правило, имеющейся литературой не определяется, поэтому не ясно, не являются ли иные категории, маркирующие различия, такие как «этничность», более уместными, чем «раса». Не должны ли мы обсуждать «этнический капитализм», а не расовый?

Труд С. Робинсона «Черный марксизм» [Robinson, 2000] – яркий тому пример. Почти все ученые утверждают: одна из ключевых граней его вклада – это демонстрация, что капитализм возник из докапиталистического расового разделения в Европе. Капитализм всегда «расовый», по Робинсону, «так как расизм проник уже в феодальное общество Запада»; капитализм надстроен над расизмом [Kelley, 2017; Táíwò, Bright, 1996]. Проблема в том, что у самого Робинсона нет ясности, были ли докапиталистические социальные различия действительно «расовыми». С одной стороны, он действительно использует в своем анализе термин «раса». «Расизм,– писал С. Робинсон [Robinson, 2000: 2] (см. также [Robinson, 2000: 26–27, 66–67]),– служил структурации "внутренних" отношений европейских народов» до капитализма; значит, капитализм в своем развитии использовал расизм. С другой стороны, обсуждая некоторые якобы «расовые» группы феодальной Европы, Робинсон [Robinson, 2000: 10–11] имел в виду скорее лингвистические, чем фенотипические отличия, тем самым приравняв расовые группы к группам лингвистическим. В частности, обсуждая, как

рабочая сила мигрантов формировала базу армий абсолютистских государств и производство стоимости при аграрном капитализме, он фактически колеблется между обозначением их как «расовые» и «этнические» группы. Например, Робинсон [Robinson, 2000: 23] писал про «этнические разделения рабочей силы иммигрантов XVI века» и вообще писал о «национальных» отличиях, говоря, видимо, о домодерновых «расовых» отличиях.

С учетом этих неясностей, аргументы Робинсона можно прочесть иначе, нежели они привычно понимаются. Тогда не капитализм выстроен на предшествовавших ему расовых различиях; скорее, капитализм послужил расовому профилированию ранее существовавшего этнического разделения труда, тем самым превратив религиозные, культурные или лингвистические отличия в «расовые», легитимируя свою новую эксплуататорскую структуру. В этом свете *расиализация* (racialization) – процесс превращения социальных групп в биологические единицы, называемые «расами», – часть современного капитализма, но не его предтеча (см.: [Omi, Winant, 1986]). В ряде мест Робинсон именно так и говорит: «Тенденция европейской цивилизации при капитализме была направлена не на однородность, а на дифференциацию – на преувеличение региональных, субкультурных и диалектных различий до уровня "расовых"» [Robinson, 2000: 26].

Конечно, ответ на вопрос, существовала ли «раса» до капитализма, не меняет основного аргумента расово-капиталистического подхода, что расовая дифференциация и капитализм поддерживают друг друга. Однако натяжки в труде Робинсона демонстрируют более глубокий вопрос: относится ли «расовый капитализм» только к расе или и к другим идентичностям? Эта проблема отражена в недавней критике М. Уолцером [Walzer, 2020] концепта расового капитализма. Уолцер приводит примеры России и Китая, где капиталистическая эксплуатация опирается не на расовые различия, а скорее на этническую и религиозную дифференциацию. «Возможно, мусульмане – одни из самых эксплуатируемых работников в России, – писал он. – Но они в большинстве своем – аборигены Кавказа, и нам придется говорить о религиозном капитализме, где привилегированная группа – православные христиане, а не белые люди». На этом основании Уолцер отвергает концепт расового капитализма в лучшем случае как ограниченный и в худшем случае – аналитически бесплодный.

Критики Уолцера выдвинули опровержение: его аргументы не замечают глобальных измерений капитализма. Вопрос – не в связи расовой стратификации с капитализмом в какой-либо одной стране, а в том, что она пронизывает всю мир-систему капитализма. Сторонники такого взгляда легко могли бы собрать данные о том, что в глобальном масштабе подавляющее большинство мирового пролетариата, субпролетариата и лишенных собственности,– выращивающих виноград или кофе на фермах обеих Америк, убирающих офисы в Лондоне или производящих одежду в «потовыжималках» Нью-Дели, – все они, перефразируя выражение Дюбуа, «желтые, коричневые и черные». Вопреки Уолцеру, это подкрепляет главный тезис концепции расового капитализма: *раса и капитализм переплетены.*

Однако такое рассмотрение капитализма на глобальном уровне приносит свои затруднения – опасность, которую П. Бурдье и Л. Вакан [Bourdieu, Wacquant, 1999] назвали «уловками империалистического [расового] разума». Речь идет о том, что сосредоточенные в США ученые навязывают американо-центричную классификацию (в данном случае «расу») остальному миру, тем самым применяя расовые подходы к контекстам, где они могут не работать. Нас, например, обязывают применять расовые классификации к таким латиноамериканским странам, как Бразилия, где их применимость оспаривается [Loveman, 1999; Wimmer, 2015]. Если настаивать на глобальном характере расового капитализма, то нужно признать, что и расовые классификации аналитиков тоже глобальны. Возможно, они и глобальны, но главные труды о расовом капитализме и недавние дискуссии недостаточно осветили проблематичность данного упущения[2].

---

[2] Ральф и Сингхал тоже отметили, что Робинсону нужно «прояснить, что он имеет в виду под словом "раса"», а нам нужно «спросить себя, почему гендер, сексуальность, география и способности – не часть очевидной рамки, которую он предложил для анализа» [Ralph, Singhal, 2019: 865].

Разрешима ли такая неувязка? Один из путей к ее решению – обсудить возможность того, что концепт расового капитализма лучше всего работает для тех групп, которые несомненно расиализованы, как, например, члены африканской диаспоры Северной Америки[3]. В таком случае «расовый капитализм» будет отнесен в основном к черному населению, бывшим рабам, которым выпало перенести самые выраженные и злостные формы расизма. Это может объяснить, почему литература о расовом капитализме сфокусирована на афроамериканцах и трансатлантической работорговле, но не на других угнетенных этносоциальных группах по всему миру. Но такое кажущееся решение значимо снизило бы масштаб применения концепта расовый капитализм. Тогда расовый капитализм не будет глобальной системой.

Наверное, лучшим было бы решение, добытое путем более рефлексивного исследования. Мы можем изучить, как «раса» связана с капитализмом в разных регионах в разные периоды времени. Но при этом нужно внимательнее смотреть, идет ли речь об определении расы аналитиком или о некой категории практики. Говоря проще, мы можем получить решение только путем тщательного исследования, которое бы яснее определило «расу».

Недостатки существующей теории. Второй пробел в литературе о расовом капитализме – в вопросе связи этой литературы с существующими социальными теориями капитализма, в частности марксовой теорией капитализма.

Есть тезис, будто теории капитализма Маркса неадекватны, потому что затемняют расовые основания капитализма. Для Робинсона «западный марксизм … оказался недостаточно радикальным, чтобы обнажить и искоренить расовый строй, который отравляет возможности его аналитического и философского применения» [Robinson, 2000: 317]. Использование историками концепта расового капитализма в качестве подхода основано на допущении, что марксизм неадекватно признал роль рабства в капитализме, а также на сохраняющейся важности колониализма и «первоначального накопления», якобы задвинутых Марксом на периферию его теории [Smallwood, 2018]. Именно поэтому ученые, сторонники этой традиции, настаивают на термине «расовый капитализм»: марксова теория якобы не смогла теоретизировать расу; мы должны добавить определитель «расовый» к обозначаемому «капитализм».

Но что если теория Маркса все же фактически учитывает расу, рабство, колониализм и империализм, а сторонники расового капитализма давали ошибочное прочтение Маркса? Если так, претензии (если не все посылы) трудов Робинсона и других о расовом капитализме проваливаются из-за неверного прочтения теории Маркса. Ряд ученых уже фактически выступали против представления, будто марксистская мысль не учитывает расу, рабство и колониализм. Опираясь в основном на журналистские работы Маркса, они показывают, что Маркс не только обсуждал расу, рабство и колониализм, но и видел их в центре проблем развития капитализма. Из этого аргумента следует, что Маркс считал расу достаточно важной для капитализма, что его теория видела пролетариат также «черным, коричневым и желтым». Это прямо противоречит заявлению Робинсона, будто марксистская теория видела подлинным субъектом истории только белый европейский пролетариат [Anderson, 2010; Foster et al., 2020; Ralph, Singhal, 2019]. Если критика этой позиции верна, то литература о расовом капитализме основана на «ошибочном прочтении Маркса» [Ralph, Singhal, 2019: 864].

Как можно объяснить этот явный пробел в марксистской теории, если вообще его можно объяснить? Здесь необходимо констатировать отличие теории капитала Маркса и теории капитализма[4]. Набросок первой – это зрелая социальная теория Маркса, изложенная в «Капитале» и связанная с такими трудами, как «Grundrisse»[5] [Postone, 1996]. Эти труды предлагают формализованное и абстрактное представление о внутренней работе капитала,

---

[3] Информативный анализ того, как понятие Робинсона можно применить к выходцам из Азии, см.: [Cheng, 2013].

[4] Я взял эту формулировку у Гарви [Harvey, 2014]. Также полезно обоснование этого различия в [Roediger, 2017: 2–4].

[5] В России этот труд К. Маркса известен как «Экономические рукописи 1857–1859 гг.». – *Прим. перевод.*

его накоплении, противоречиях и его необходимом уходе с арены истории в форме ряда центральных категорий, передающих ключевые элементы капиталистической системы. На этом уровне абстрагирования главные категории этой теории («стоимость», «прибавочная стоимость», «конкретный труд», «капитал», «общественно необходимое рабочее время») лишены какой-либо исторической специфики или социального содержания и как таковые могут применяться к различным историческим фазам и общественным формациям (к капитализму трансатлантического мира XVIII в., к России 1998 г., к глобальной системе XXI в.). Такие категории, как раса, гендер и этничность, поэтому в рамках теории капитала Маркса не главные, ибо они слишком конкретны.

Напротив, теория капитализма относится к развитию капитализма и к его динамике в эмпирической конкретности. Она предназначена объяснять и описывать конкретные капиталистические формации в развитии, какими они действительно существуют в мире, не в их абстрактной концептуальной форме. Эту теорию можно извлечь из журналистских трудов и других очерков Маркса, и именно здесь подняты проблемы рабства и этничности; эти очерки касаются реальных событий и таких острых проблем, как, например, Гражданская война в США и ирландский вопрос в Великобритании [Anderson, 2010]. Но эти замечания или заявления по конкретным процессам и отношениям, таким как рабство, при реально существующем капитализме – что и есть теория капитализма Маркса – не нарушают и не искажают его теорию капитала, которая остается сфокусированной на отношениях наемной рабочей силы, выведенной на весьма абстрактном уровне из его анализа производства текстиля. Если и когда он все же обсуждал такие вещи, как рабство (например, в главе восьмой «Рабочий день» первого тома «Капитала»), Маркс рассматривал рабство как проходящую фазу, вне внутренней логики капитала, как некий эвристический прием для лучшего понимания и освещения последнего [Marx, [1867] 1906: 328–330] (об анализе рабства как эвристическом приеме см.: [Smallwood, 2018]).

Такое различение теории капитализма Маркса и его теории капитала помогает нам найти наилучший подход к дебатам о расовом капитализме. Когда Робинсон и другие сторонники идеи расового капитализма критикуют теорию Маркса за намеренный уход от расы, рабства и колониализма (или за их сознательное замалчивание), то они критикуют теорию капитала Маркса, а не его теорию развития капитализма. Здесь приверженцы расово-капиталистического подхода стоят на прочной почве. Теория капитализма Маркса все же учитывает расу, рабство и колониализм, но его теория капитала затрагивает эти проблемы в лучшем случае мимоходом[6]. Отсюда и главный акцент расово-капиталистического подхода: раз теория капитала Маркса не ставит в центр расу, то концепт расового капитализма, исследования и теоретизирование по этим направлениям могут заполнить пустоту. Этот концепт может обеспечить базу альтернативной теории не только расового капитализма, но и расового капитала.

Необходимость, контингентность и различие. Последняя неувязка в концепте расового капитализма – это вопрос, является ли взаимосвязь расовых различий и капитализма логической необходимостью или совпадением[7]. Если, согласно литературе о расовом капитализме, рабство и связанная с ним логика расизма были ключевыми для развития капитализма и сегодня глобальный капитализм остался связан с расовой стратификацией, то

---

[6] Маркс мог строить свою теорию и иначе, начав, например, анализ капитала не с отношений свободных наемных работников, а с отношений раба и его хозяина [Smallwood, 2018].

[7] Логическая необходимость означает нечто имманентное теории: она прямо следует из определенного набора логических положений. В этом случае вещи и явления – именно такие, какие они есть, потому что нет логической альтернативы, по-иному не могло быть. Контингентная необходимость подразумевает нечто вытекающее из конкретных исторических условий или социальных обстоятельств. В этом случае вещи и явления – такие, какие они есть, потому что такова история, а в иных исторических обстоятельствах они могли быть иными.

в какой мере эти отношения внутренне присущи капитализму или случайны? Иными словами, является ли капитализм неизбежно расистским [Fraser, 2019; Lemann, 2020]?[8]

Для некоторых эта связь лишь контингентна. Уолцер [Walzer, 2020] утверждал, что в некоторых странах капитализм прекрасно развивается без расовых различий, поэтому если и есть расовые различия глобального масштаба, они исторически контингентны. Хотя большинство работников небелые, Уолцер дает понять, что это – не из-за какой-то внутренней логики капитализма, но из-за демографической случайности (раз большинство населения мира небелые, то и большинство рабочих мира будут небелыми). По этой причине, считает Уолцер, надо отвергнуть концепт расового капитализма.

Напротив, другие исследователи утверждают, что расизм все же имманентно присущ капитализму[9]. Есть две версии этого утверждения. Одна заключается в том, что расизм нужен для раскола рабочего класса и легитимации власти буржуазии. Расизм – идеологическая необходимость капитализма, оправдание его отношения неравенства [Camp et al., 2019; McCarthy, 2016; Taylor, 2016]. «Капитализм требует неравенства, – считает Р. Гилмор [Gilmore, 2015],– и расизм освящает его». Совсем другая версия, идущая в основном от Н. Фрейзер, состоит в том, что капитализм неизбежно создает отношения эксплуатации и экспроприации, подпитывающие друг друга. Эксплуатация – это извлечение стоимости у «свободных субъектов» посредством платы за труд. Но экспроприация, включая рабство и колониализм, извлекает стоимость из расово «зависимых субъектов» и выступает тем, что в первую очередь делает возможной эксплуатацию. Экспроприация – это «необходимое предварительное условие эксплуатации работников» [Fraser, 2019] и поэтому самого капитализма. Поэтому капитализм логически зависит от расизма[10].

Итак, где же ответ? Опять полезно разделять теорию капитала и теорию развития капитализма. Теория капитализма может показать, что расовая дискриминация исторически необходима для накопления капитала; ссылаясь на историю эмпирической реальности, капитализм и расизм всегда были переплетены. Но утверждать, что расизм – логическая необходимость капитализма, означало бы делать вывод не из теории капитала, а только из эмпирики. Нужна дедукция из категорий теории Маркса о необходимости расизма или расовой дифференциации в обществе. В этом плане аргументы о логической необходимости переплетения капитализма с расой не работают.

Посмотрим на аргумент, что расизм необходим капитализму, так как капитализму нужна расовая идеология для раскола рабочего класса. Это – функционалистский аргумент, который недостаточно функционален, так как устраняет логическую возможность функциональной подмены. Может оказаться, что расизм исторически всегда функционировал, разделяя рабочий класс, но в теории другие «*измы*» могут служить той же функции. Нет ничего присущего логике капитала, что требовало бы, чтобы именно расовая принадлежность быть идеологией раскола [Lebowitz, 2006: 39][11]. Почему не этничность? Почему не

---

[8] Вопрос этот не только научный, но и политический. Если капитализм сущностно расистский, то всякая политическая борьба против капитализма является внутренне антирасистской, а всякая антирасистская борьба есть борьба политическая. Но если обе связаны лишь контингентно, то и антирасистская и антикапиталистическая борьба должны строиться соответственно.

[9] Такой взгляд на необходимость присущ некоторым давним трудам о расовом капитализме. М. Легасик и Д. Хемсон [Legassick, Hemson, 1978] вначале использовали концепт расового капитализма как вызов либералам и капиталистам, считавшим апартеид неудачным отклонением от чистого капитализма и полагавшим, что он (апартеид) мог быть устранен в его рамках (см. также: [Hudson, 2018]).

[10] Кое для кого вопрос, присущ ли расизм капитализму, вообще вне пределов проблематики расового капитализма [Táíwò, Bright, 2020].

[11] Логичное предложение, адекватное нашей задаче: мы должны полагаться не на эмпирику, а на положения используемой теории (т.е. теории капитала Маркса). Но и эмпирические свидетельства тоже нужно использовать. Например, мы можем ответить, как капиталисты вносили раскол в ряды рабочих и там, где раса не была главной разграничительной линией (скажем, в Ирландии начала XX в. антагонистами были рабочие-протестанты и рабочие-католики), или мы можем посмотреть, как пролетариев во всем мире делят по национальным, а вовсе не расовым, границам.

сексуальность? Возьмите аргумент Фрейзер, что экспроприация внутренне присуща капитализму и потому расовая дифференциация тоже должна быть таковой. Похоже на правдоподобие и даже убедительно заявление, что экспроприация необходима капитализму, но менее убедительно утверждение, что именно расовые различия логически необходимы для экспроприации. Гендер тоже вполне мог служить главной осью классификации зависимости (в феминистском марксизме он и исполняет эту функцию), как смогли бы этничность, религия, сексуальность, гражданство. Фрейзер требовалось показать, что экспроприация и отсюда капитализм требуют именно расовой классификации – отличной от других социальных категорий. Эта задача осталась невыполненной[12].

Иным и, возможно, более продуктивным путем была бы смена рамки проблемы – рассмотрение не расы, а социальных различий. Необходим ли расизм капитализму? Есть все основания, как только что сказано, так не думать. Но необходимы ли для него социальные различия разных видов – от расы до гендера и этничности?[13] Это более доказуемо и эмпирически (ссылаясь на реально существующий капитализм), и теоретически (ссылаясь на логику накопления капитала). Например, аргумент Фрейзер об экспроприации можно переформулировать так: экспроприация необходима для эксплуатации, которая в свою очередь необходима для накопления капитала, а экспроприация требует дифференциации рабочих. Эта дифференциация может проходить как по расовым границам, так и по другим линиям (например, таким как гендер), но дифференциация должна быть. Заметьте, этот аргумент логически подразумевает некий расовый компонент, оставаясь достаточно абстрактным при объяснении других возможных идентичностей в различных капиталистических формациях. Он может объяснить расовый труд рабов в трансатлантическом мире XVIII в. (где «раса» была одной из ключевых осей дифференциации), Россию XX в. (где этничность или религия могли быть важной осью) или роль гендера во всех этих формациях.

Это лишь одна возможность, но есть и другие. Д. Чакрабарти [Chakrabarty, 1993], например, ухватился за категории Маркса «абстрактный» и «реальный» труд, чтобы приписать различия теоретической архитектуре Маркса. «Абстрактный труд», создаваемый капитализмом, имеет в виду однородность разных и никак не сопоставимых видов труда. Это – регистр юридически свободного субъекта. Но «реальный труд» предполагает многообразие, регистрирующее несопоставимость разных видов труда. Она поэтому относится к различию, которое реально «только как у Дерриды – след чего-то, что невозможно предъявить» [Chakrabarty, 1993: 1096]. Насколько убедительно такое прочтение Чакрабарти, остается под вопросом. Суть в том, что эта попытка, как и другие подобные случаи, говорит о теоретических возможностях, открытых литературой о расовом капитализме, которые еще надо тщательно проработать. Сделать можно больше[14].

Заключение. Я показал три незакрытых пробела в литературе о расовом капитализме, утверждая, что некоторые ее претензии нуждаются в переоценке и переосмыслении. Но это не значит, что литературу о расовом капитализме нужно отвернуть. В ней есть неувязки, но это *продуктивные* неувязки. Они подсказывают, что мы скорее должны принять, нежели отвернуть концепт расового капитализма. Именно из-за того, что литература о расовом капитализме содержит неувязки, она связана с разными существующими теоретическими дебатами в социологии, в то же время поднимая важные новые вопросы дальнейшего теоретизирования и исследования. Сама по себе литература о расовом капитализме не представляет собой некую совершенно новую единую теорию капитализма или расы. Но поставленная ею проблематика слишком важна, чтобы ее игнорировать.

---

[12] Это было бы похоже на мысли марксистов о теории государства, когда пытаются вывести государство из формы стоимости, демонстрируя тем самым скорее логическую, чем фактическую, необходимость государства для капитализма [Jessop, 1990].

[13] Я благодарен за эту формулировку обсуждению Д. Редигера, «не является ли производство различий фактически частью внутренней логики капитала» [Roediger, 2017: 3].

[14] Еще одна возможность вписать различия в сердцевину теории капитала идет от марксисток-феминисток, включая – но не только – труды [Hartsock, 1983; Federici, 2018].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

Anderson K.B. (2010) *Marx at the Margins.* Chicago: University of Chicago Press.

Bourdieu P., Wacquant L. (1999) On the Cunning of Imperialist Reason. *Theory, Culture & Society.* Vol. 16. No. 1: 41–58. DOI: 10.1177/026327699016001003.

Calhoun C. (1995) *Critical Social Theory.* Malden, MA: Blackwell.

Camp J., Heatherton C., Karuka M. (2019) A Response to Nancy Fraser. *Politics/Letters*. May 20. Retrieved November 29, 2020. URL: http://quarterly.politicsslashletters.org/a-response-tonancy-fraser/ (accessed 15.04.2021).

Chakrabarty D. (1993) Marx after Marxism: A Subaltern Historian's Perspective. *Economic and Political Weekly.* Vol. 28. No. 22: 1094–1096.

Cheng W. (2013) Strategic Orientalism: Racial Capitalism and the Problem of 'Asianness'. *African Identities*. Vol. 11. No. 2: 148–158. DOI: 10.1080/14725843.2013.797284.

Dawson M. (2018) Racial Capitalism and Democratic Crisis. *Insights from the Social Sciences*. December 4. Retrieved November 28, 2020. URL: https://items.ssrc.org/race-capitalism/racialcapitalism-and-democratic-crisis/ (accessed 15.04.2021).

DuBois W.E.B. (1935) *Black Reconstruction in America.* New York: Russell & Russell.

Federici S. (2018) *Witches, Witch-Hunting and Women.* Oakland, CA: PM Press.

Foster J.B., Holleman H., Clark B. (2020) Marx and Slavery. Monthly Review. Vol. 72. No. 3: 96–117.

Fraser N. (2019) Is Capitalism Necessarily Racist? *Politics/Letters*. Retrieved November 28, 2020. URL: http://quarterly.politicsslashletters.org/is-capitalism-necessarily-racist/ (accessed 15.04.2021).

Gilmore R.W. (2015) The Worrying State of the Anti-prison Movement. *Social Justice*. February 23. Retrieved November 29, 2020. URL: http://www.socialjusticejournal.org/the-worrying-state-of-the-antiprison-movement (accessed 15.04.2021).

Hartsock N. (1983) The Feminist Standpoint: Developing the Ground for a Specifically Feminist Historical Materialism. In: Harding S., Hintikka M.B. (eds) *Discovering Reality.* Boston: D. Reidel: 283–310.

Harvey D. (2014) *Seventeen Contradictions and the End of Capitalism.* Oxford, UK: Oxford University Press.

Hudson P.J. (2018) Racial Capitalism and the Dark Proletariat. *Boston Review.* February 20. Retrieved November 28, 2020. URL: http://bostonreview.net/forum/remake-world-slavery-racial-capitalismand-justice/peter-james-hudson-racial-capitalism-and (accessed 15.04.2021).

Jessop B. (1990) *State Theory: Putting Capitalist States in Their Place*. University Park: University of Pennsylvania Press.

Johnson W. (2018) To Remake the World: Slavery, Racial Capitalism, and Justice. *Boston Review.* February 20. Retrieved November 28, 2020. URL: http://bostonreview.net/forum/walter-johnson-to-remakethe-world (accessed 15.04.2021).

Johnson W. (2020) *The Broken Heart of America: St. Louis and the Violent History of the United States.* New York: Basic Books.

Kelley R.D.G. (2017) What Did Cedric Robinson Mean by Racial Capitalism? *Boston Review.* January 12. Retrieved November 28, 2020. URL: http://bostonreview.net/race/robin-d-g-kelley-what-didcedric-robinson-mean-racial-capitalism (accessed 15.04.2021).

Lebowitz M. (2006) The Politics of Assumption, the Assumption of Politics. *Historical Materialism.* Vol. 14. No. 2: 29–47. DOI: 10.1163/156920606777829212.

Legassick M., Hemson D. (1976) *Foreign Investment and the Reproduction of Racial Capitalism in South Africa.* London: Anti-Apartheid Movement.

Lemann N. (2020) *Is Capitalism Racist?* The New Yorker. May 25.

Leong N. (2013) Racial Capitalism. *Harvard Law Review.* Vol. 126. No. 8: 2151–2226. DOI: 10.2139/ssrn.2009877.

Loveman M. (1999) Is 'Race' Essential? *American Sociological Review.* Vol. 64. No. 6: 891–898. DOI: 10.2307/2657409.

Marx K. (1906) *Capital.* New York: The Modern Library.

McCarthy M. (2016) Silent Compulsions: Capitalist Markets and Race. *Studies in Political Economy.* Vol. 97. No. 2: 195–205. DOI: 10.1080/07078552.2016.1211155.

Melamed J. (2015) Racial Capitalism. *Critical Ethnic Studies*. Vol. 1. No. 1: 76–85. DOI: 10.5749/jcritethnstud.1.1.0076.

Nupen C. (1972) Opening Address to the 56th NUSAS Congress. *JSTOR Primary Sources.* Retrieved November 28, 2020. URL: https://www.jstor.org/stable/10.2307/al.sff.document.spe19781127.026.022.000 (accessed 15.04.2021).

Omi M., Winant H. (1986) *Racial Formation in the United States*. New York: Routledge.

Pirtle W. (2020) Racial Capitalism: A Fundamental Cause of Novel Coronavirus Pandemic Inequities in the United States. *Health Education & Behavior.* Vol. 47. No. 4: 504–508. DOI: 10.1177/1090198120922942.

Postone M. (1996) *Time, Labor and Social Domination.* Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Ralph M., Singhal M. (2019) Racial Capitalism. *Theory & Society.* Vol. 48. No. 6: 851–881. DOI: 10.1007/s11186-019-09367-z.
Robinson C. (2000) *Black Marxism: The Making of the Black Radical Tradition.* Chapel Hill: University of North Carolina Press.
Roediger D. (2017) *Class, Race and Marxism*. New York: Verso.
Smallwood S. (2018) What Slavery Tells us about Marx. *Boston Review.* February 21. Retrieved November 28, 2020. URL: http://bostonreview.net/forum/remake-world-slavery-racial-capitalism-and-justice/stephanie-smallwood-what-slavery-tells-us (accessed 15.04.2021).
Táíwò O.O., Bright L.K. (2020) A Response to Michael Walzer. *Dissent*. August 7. Retrieved November 28, 2020. URL: https://www.dissentmagazine.org/online_articles/a-response-tomichael-walzer (accessed 15.04.2021).
Taylor K.-Y. (2016) *From #BlackLivesMatter to Black Liberation.* Chicago: Haymarket.
Virdee S. (2019) Racialized Capitalism: An Account of its Contested Origins and Consolidation. *Sociological Review.* Vol. 67. No. 1: 3–27. DOI: 10.1177/0038026118820293.
Walzer M. (2020) A Note on Racial Capitalism. *Dissent*. July 29. Retrieved November 28, 2020. URL: https://www.dissentmagazine.org/online_articles/a-note-on-racial-capitalism (accessed 15.04.2021).
Wimmer A. (2015) Race-Centrism: A Critique and a Research Agenda. *Ethnic and Racial Studies.* Vol. 38. No. 13: 2186–2205. DOI: 10.1080/01419870.2015.1058510.

Перевод с англ. Н.В. РОМАНОВСКОГО

РОМАНОВСКИЙ Николай Валентинович, д. ист. н., проф., гл. науч. сотр., Институт социологии ФНИСЦ РАН; проф. Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия (socis@isras.ru).

THREE TENSIONS IN THE THEORY OF RACIAL CAPITALISM

GO J.

University of Chicago, USA

Julian GO, Professor of Sociology at the University of Chicago, Chicago, USA (jgo34@uchicago.edu).

Abstract. In this essay the author assesses the relevance of scholarship on racial capitalism for sociological theory and highlights three tensions within the existing literature: (1) whether "race" as opposed to other forms of difference is the primary mode of differentiation in capitalism, (2) whether deficiencies in existing theory warrant the new concept "racial capitalism", and (3) whether the connection between race and capitalism is a contingent or logical necessity. Existing discussions of racial capitalism implicitly or explicitly raise these tensions, but they do not adequately resolve them. Nonetheless, they remain important for generating further theory and research.

Keywords: foreign sociology, racial capitalism, racism, capitalism, Marxism.

Transl. by Nikolay V. ROMANOVSKIY, Dr. Sci. (Hist.), Prof., Chief Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Prof., Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (socis@isras.ru).

© 2021 г.

К.С. ГУБА

БОЛЬШИЕ ДАННЫЕ В ИССЛЕДОВАНИИ НАУКИ: НОВОЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ ПОЛЕ

ГУБА Катерина Сергеевна – кандидат социологических наук, директор Центра институционального анализа науки и образования при Европейском университете в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия (kguba@eu.spb.ru).

***Аннотация**. Сейчас, когда обширные данные о науке и научной деятельности могут быть взяты из открытых источников, можно говорить о формировании нового направления исследований науки на основе больших данных. Масштаб данных оказался особенно важным в изучении науки, поскольку при работе с небольшими выборками существует риск неполноты образа объекта. Инструменты сетевого и текстового анализа позволяют иначе решать исследовательские задачи. С их помощью удается отказаться от проведения жестких границ исследовательского поля и заранее сформированных категорий, как это было свойственно многим традиционным исследованиям в сфере науки. Новые возможности в сборе и анализе данных о науке привлекли в эту область специалистов из разных научных областей. Результатом стало применение новых концептуальных моделей, которые уже не ограничиваются только социологическими концептуализациями.*

***Ключевые слова:** социология науки • большие данные • наукометрия • наука*

DOI: 10.31857/S013216250013878-8

Введение. Расширение использования больших данных и новые инструменты анализа во многом преобразили социальные науки [McFarland, Lewis, Goldberg, 2016; Kitchin, 2014][1]. Данные по науке находятся в относительно открытом доступе, пользующиеся ими исследователи могут работать со всей генеральной совокупностью, и, что не менее важно, появилась возможность получать по ним значимые для публичного представления результаты. Многие авторы с разным дисциплинарным бэкграундом, которые до этого не занимались исследованиями науки, сейчас регулярно публикуют статьи по исследованиям паттернов поведения ученых в журналах уровня *Science* и *Nature*.

Исследование выполнено за счет гранта РНФ, проект № 21-18-00519.

[1] Обзор перспектив применения больших данных в социологии см.: [Губа, 2018; Одинцов, 2017]. Возможности их использования для других наук см.: [Волков и др., 2016; Берман, 2020; Сивков, 2017]. Среди всех социальных наук особое внимание к новым данным характерно для социологии. Масштаб данных о поведении людей на микроуровне меняет те научные области в социологии, для которых ранее существовали серьезные ограничения при исследовании социального поведения. Это главным образом позволило продвинуться в решении теоретической проблемы, связанной с определением природы социального влияния [Golder, Macy, 2014]. Социология меняется с приходом новых данных не только в своих отдельных областях, но и в общем видении дисциплины в связи с призывом идти от данных, а не от теории [McFarland et al., 2016].

В статье приводится аналитический обзор результатов исследований науки на основе больших данных, опубликованных за последнее десятилетие в англоязычных источниках. Мы сопоставим их с исследованиями, относимыми к традиционной социологии науки, альтернативой которым стала новая наука о науке (science of science). С появлением более масштабных данных и новых инструментов анализа расширились возможности изучения науки, чем занимаются теперь не одни науковеды и социологи науки. Но нам важно рассмотреть не только новые возможности, но и то, насколько новое поле отличается от традиционных социологических способов исследования науки.

Вначале мы рассмотрим специфику этого исследовательского направления, в основе которого лежат эмпирические исследования, проводимые на больших данных с применением новых инструментов анализа. Какие возможности получают исследователи, работая с наборами данных в миллионы статей и ссылок? В чем преимущества для изучения науки новых инструментов анализа данных, в первую очередь лингвистических методов? Далее пойдет речь о концептуальных особенностях нового поля. Его важной чертой является миграция исследователей из других наук, преимущественно естественнонаучного спектра. Она объясняется преимуществами, которые предоставили большие данные, а также возможностью повлиять на научную политику через проводимые исследования, что важно в контексте широко звучащего диагноза о кризисе современной науки. Насколько исследователи из других наук «наследуют» социологическое видение науки? Привносят ли они совершенно новые модели концептуализации?

Природа больших данных. Под большими данными понимаются не только большие массивы данных, но и связанные с ними технологии поиска необходимой информации и методы ее обработки. Согласно Р. Китчину, большие данные отличаются от обычных прежде всего объемами, высокой скоростью накопления (они создаются здесь и сейчас и их объем может увеличиваться каждую секунду), многообразием форм, исчерпывающим характером (зачастую представляют всю совокупность), высокой дискретностью и разнородностью (что позволяет дробить их по отдельным группам и легко идентифицировать), возможностью привязки к другим типам данных и гибкостью [Kitchin, 2014]. Однако далеко не все данные, которые в научных работах называют большими, можно описать через все эти семь характеристик, к тому же нет четких критериев, позволяющих установить, где заканчиваются обычные данные и начинаются большие данные (Big Data). Исследователи определили только две их ключевые характеристики – скорость накопления и всеобъемлющий охват [Kitchin, McArdle, 2016], однако их объем не является единственным выражением их сути. Важной особенностью является и сам способ их производства и получения – то, что они создавались не для целей исследования. Это неизбежно влияет на особенности их изучения, когда появляется потенциал для индуктивного способа (призыв «идти от данных», которые «говорят сами за себя»). Развиваются и технологии их машинной обработки, включая компьютерный анализ текстов, рассматриваемых в качестве данных.

Главным ограничением для следования по пути больших данных является доступ к ним, так как ими зачастую владеют большие компании, для которых запросы исследователей не являются приоритетными. Государственные ведомства, собирающие эту информацию для своих целей, также не всегда готовы предоставить ее для анализа. Университеты могут обойти ограничения, создавая специальную инфраструктуру, однако это требует больших финансовых вложений. Более простой путь – обратиться к анализу тех данных, доступ к которым имеет меньше ограничений (данные в социальных сетях, комментарии на интернет-форумах, контент веб-страниц, публикуемые в цифровом формате статьи, архивные документы и т.д.). В исследованиях науки такими данными оказывается не только совокупность сочинений ведущих ученых, но и научная периферия: массивы статей в научных журналах, диссертаций, грантовых заявок, патентов, записей по научным дискуссиям на социальных порталах и в соцсетях и т.д. Безусловно, и здесь имеются свои ограничения, к примеру, данные о публикациях доступны, только если есть оплаченная подписка к международным цитатным базам. Тем не менее, в сравнении с данными

о других сферах, большие данные о науке более доступны для проведения академических исследований [Evans, Foster, 2011].

Новые исследования науки. Исследования науки на основе больших данных имеют свой манифест «Метазнание» (Metaknowledge), авторами которого являются социологи Дж. Эванс и Дж. Фостер [Evans, Foster, 2011]. Он содержит призыв развивать исследования на основе анализа данных о науке – больших массивов публикаций, патентов, ссылок, грантовых заявок и т.д. Они вводят новое понятие «метазнание», называя его знанием о знании. Эванс и Фостер предлагают следующий способ рассмотрения научных статей по теме исследования: мы видим название журнала, в которой она опубликована и которого для многих достаточно, чтобы определить его влиятельность в дисциплине. Имя автора может указать на научную репутацию исследователя, так же как и его аффилиация – работает ли он в престижном университете. Информация, которая превращается в данные, содержится также в названии статьи, ключевых словах, аннотации и ссылках. В некоторых дисциплинах метазнание особенно легко извлекать и анализировать. Например, в статьях по биомедицине в аннотациях нужно обязательно указать информацию об используемых в исследовании химических соединениях, заболеваниях и методах. При этом исследователям не нужно разрабатывать метод анализа содержания статей, так как основные ее характеристики уже кодифицированы.

Идея использовать метазнание строится на том, что производство научного знания становится все более сложным, появляются новые технологические факторы, которые в том числе влияют на социальные процессы, важные для создания, распространения и использования научного знания [Evans, Foster, 2011]. В этом смысле сквозная тема, которая объединяет самые разные эмпирические работы, – это факторы, способствующие или мешающие производству нового оригинального знания [Fortunato et al., 2018]. Один из ярких примеров – исследование соотношения оригинальных и традиционных стратегий в выборе исследовательской тематики [Foster et al., 2015], в ходе которого научные статьи рассматривались как итоги выбора автором стратегии – была ли она связана с решением традиционных исследовательских проблем или носила новаторский характер. Ссылки на статьи (6,5 млн аннотаций научных статей) и награды от профессиональных обществ в области биомедицины анализировались, чтобы узнать, какие стратегии являются более выигрышными. Главный вывод состоял в том, что исследователи чаще склонны выбирать более надежные стратегии в ущерб рискованным новаторским идеям. Во многом это соответствует часто звучащему диагнозу о том, что в современной науке редко случаются прорывные открытия.

В новых исследованиях науки легко можно проследить сходство с наукометрическими исследованиями, которыми занимаются ученые уже не одно десятилетие. В обоих направлениях зачастую используются схожие источники данных и методы их анализа. Однако сами адепты исследований науки на основе больших данных отграничиваются от наукометрии [Evans, Foster, 2011]. Они полагают, что различие состоит в главной задаче исследований. Если наукометрия сосредоточена на разработке метрик оценки результативности научной работы, то новые исследования науки с использованием Big Data направлены на создание моделей, которые помогут глубже понять механизмы производства научного знания.

Что меняют большие данные и новые инструменты? Многие проводившиеся в рамках социологии науки исследования опирались на данные, которые так же, как и в новых исследованиях по большим данным, не создавались исследователями. Однако имелись ограничения эффективности тех исследований, связанные, во-первых, с источниками данных, во-вторых, со способами анализа. Эванс и Фостер убеждены, что некоторые паттерны видны только на больших массивах данных [Evans, Foster, 2011]. Прежние исследования науки часто выполнялись на ограниченных выборках, так как не было возможности охвата полных данных. Более того, многие исследовательские вопросы не ставились потому, что собрать данные не представлялось возможным, или вопросы задавались, но несли в себе множество ограничений – ресурсов было достаточно только для того, чтобы прояснить детали для одной части картины, оставив остальное без внимания. Далее

я приведу примеры исследований, которые стали возможными благодаря расширению набора данных и появлению новых инструментов их сбора и анализа.

Расширение наборов данных. В американской социологии продолжением традиции мертонианской социологии науки стали в том числе исследования академического рынка [Baldi, 1995; Long, 1978]. В основном анализировались данные о первом найме после получения степени с тем, чтобы установить наличие или отсутствие связи между престижем департамента, в котором была получена степень, и престижем департамента, где сейчас работает социолог. Работы опирались на справочник Американской социологической ассоциации, который сообщает сведения о преподавателях социологических департаментов вместе с информацией, где они получили степень. Исследовательские вопросы в этих статьях были сформулированы под данные, которые можно было извлечь из справочника. Мы можем представить академическую карьеру как смену позиций в одном или в нескольких университетах. Однако практически отсутствуют исследования, которые бы изучали академические траектории социологов, так как в главном источнике данных нет информации о смене позиций, указывается только, где человек получил степень и где работает сейчас. Возможен самостоятельный сбор таких данных вручную через анализ CV, но он оборачивается затратами времени, поэтому такие попытки предпринимались только на небольшой выборке.

Неплохим примером исследования академического рынка, в котором ограничения были сняты, является статья, посвященная карьерным траекториям физиков с ключевым вопросом о том, получают ли физики при смене работы более престижное место или же они перемещаются ниже в иерархии, и как этот переход связан с их научной продуктивностью. Главное отличие этой работы заключается в масштабе данных, которые состоят из информации о перемещениях 237 038 физиков [Deville et al., 2014]. Информация извлекалась из журналов по физике, в которых было проанализировано 425 369 статей. Автор встраивает свою работу в изучение мобильности людей на большом масштабе с опорой на данные, которые основаны на «следах» перемещений. Интересно, что в статье отсутствуют ссылки на социологические работы об академической мобильности, хотя сами результаты повторяют основные выводы социологов – перемещения происходят внутри одного сегмента и не связаны с изменениями в продуктивности.

Меньший масштаб данных не является проблематичным сам по себе, однако современная наука отличается высокой стратификацией и сегментацией, поэтому ограничение интереса небольшим участком вызывает риск получения далеко не полной картины. Раньше преимущество меньшего масштаба заключалось в том, что на небольшом количестве данных можно собрать информацию, необходимую для объяснения феномена. Например, в исследовании паттернов соавторства среди социологов главный вопрос заключался в том, с какой целью авторы пишут статьи в соавторстве [Leahey, Reikowsky, 2008]. Мы знаем теперь, что социологи чаще пишут статьи в соавторстве не по той причине, что они дополняют исследование разными специализациями. Авторы выяснили это на данных четырех социологических журналов, изучая их статьи за один год – всего 71 статья в соавторстве. Главное ограничение – небольшая выборка, и мы не можем быть уверены, что предложенное объяснение характерно для социологии в целом. В некоторых субдисциплинах доля соавторов может оказаться больше, так же как специфика исследования может порождать иные мотивы для соавторства.

Преимущество сбора трудоемкой информации для сложных гипотез на небольших выборках исчезает вместе с появлением новых инструментов работы с данными. Сейчас сбор сложной информации возможен на больших массивах данных, так как привлекаются новые мощности и инструменты компьютерной науки.

Инструменты анализа данных. Расширение данных нужно рассматривать в контексте новых возможностей по увеличению мощностей и применению новых инструментов анализа. Это позволило иначе решать исследовательские задачи, так как появилась гибкость и возможность отказаться от готовых решений, например, в определении своего

объекта, что могло заметно определять итоговые результаты. Новые возможности позволили заранее не проводить жестких границ поля, как это было свойственно многим исследованиям в социологии науки, а опираться на поведение ученых. Иллюстрацией может служить статья с результатами анализа физики на протяжении ста лет на основе нескольких миллионов статей [Sinatra et al., 2015]. Ее авторы задались вопросом о границах дисциплины, подвергнув сомнению распространенное представление, что физика является обособленной областью, мало связанной с остальными науками. Принадлежность к дисциплине определялась через научные статьи, причем сам факт определения текста как статьи по физике потребовал большого массива данных и специальных методов анализа. Как можно было решить задачу идентификации статей, которые появляются не в журналах по физике, однако по своему содержанию и по тому, какое влияние они оказали на физику, их следуют считать физическими статьями? Авторы проанализировали паттерн цитирования всех статей в Web of Science, учитывая исходящие и входящие ссылки. Правило было следующим: статья является физической, если в ней цитируются статьи ядра физической науки (2,4 млн), то есть встречаются чаще, чем это предполагает гипотеза о случайном характере ссылок. Алгоритм применялся к 40 млн статей, что позволило идентифицировать еще 5 млн статей.

Такое исследование позволяет изучить анатомию дисциплины с опорой на данные о поведении ученых. Анализ показывает, что список журналов, классифицированный экспертами как журналы по физике, можно использовать лишь с большим ограничением. Лучше опираться на то, как распределяется внимание ученых. Если ориентироваться на ссылки, то мы можем заземлить дисциплины в пространстве отношений с другими науками, а также выявить их внутреннюю структуру. Это позволяет отказаться от традиционного анализа отношений между дисциплинами через ссылки между журналами, которые приписываются экспертами к той или иной категории в базе Web of Science или Scopus. В результате статьи, опубликованные в журналах, которые не входят в категорию, не считаются социологическими или психологическими, даже если по содержанию они таковы. Лучший результат показывает применение алгоритмов, решающих задачу определения границ научного поля на основе публикационного поведения ученых, а не по заранее определенным категориям.

Исследователи полагают, что один из прорывов в анализе данных связан с применением новых инструментов анализа больших массивов текстовых данных и отсылает к области вычислительной лингвистики [McFarland, Lewis, Goldberg, 2016; Dimaggio, 2015]. Главный инструмент из области вычислительной лингвистики – это тематическое моделирование, появление которого описывается как шаг революционного значения, который на данный момент пока не оценен социологами в должной мере. Этот инструмент позволяет снять ограничения для исследователя по предварительной разработке категорий и анализировать большие массивы научных текстов. Показательным примером здесь стало междисциплинарное исследование распространения идей в научных сообществах [Macfarland et al., 2013]. Главная гипотеза состояла в том, что оригинальное знание развивается на стыке наук, а значит, новые влиятельные идеи можно ожидать скорее от междисциплинарных команд. Исследователи применяли компьютерные техники и модели для того, чтобы извлекать, с одной стороны, информацию о научных идеях, измерять их новизну и оригинальность, а с другой – использовать сетевые данные о научном сотрудничестве ученых.

Интересное решение также можно найти в работе Вилхена и его соавторов [Vilhena et al., 2014], которая посвящена поиску «культурных дыр» в сфере науки, а также вопросу о том, препятствуют ли они или способствуют формированию связей между учеными. Границы научных областей определялись на основе ссылок, а их культурная составляющая выявлялась через анализ текста статей – насколько они содержат специфический дисциплинарный язык. Для этого тексты сверялись с некоторыми кодами каждой дисциплины (ключевые для дисциплины слова). Тем самым исследование было выстроено так, что авторы избегали использовать заранее определенные категории. В недавнем исследовании

[Hofstra et al., 2020] также анализировались данные из диссертаций, защищенных с 1977 по 2015 г. (около полутора миллиона текстов). Исследователи сопоставили информацию, извлеченную из диссертаций, с карьерными траекториями их авторов. Тексты анализировались с применением лингвистических методов и машинного моделирования для того, чтобы определить оригинальность научного вклада (через новаторское сочетание концептов). Анализ показал, что в диссертациях меньшинств чаще можно найти научные инновации, однако они получают меньше признания со стороны ученых.

Подводя итог, отметим, что Big Data позволили анализировать всю совокупность объектов, сняв дилемму между сбором более детальной информации и сбором данных о большем количестве наблюдений. Вместе с новыми инструментами появилась возможность опираться на более гибкие подходы в анализе науки, в частности, полагаться на данные о поведении ученых без опоры на заранее заданные категории. Несмотря на бесспорность новых возможностей в сборе и анализе данных, дискуссионным остается вопрос о том, способны ли эти новые исследования науки предложить иное понимание процессов производства научного знания, которое в корне отличалось бы от социологической концептуализации.

Новые концептуальные модели? Характерной особенностью новых исследований является их междисциплинарность: они выполняются учеными из самых разных дисциплин, преимущественно из наук естественного полюса (компьютерные и инженерные науки, физика, математика). Вместе с инструментами анализа исследователи-естественники привносят и новые концептуальные модели, которые начинают применяться наряду с уже известными социологическими концептуализациями. Это заимствование отражает установку на то, что наука не является особой сферой, которой свойственны собственные закономерности. По словам Эванса и Фостера [2011], исследователи из широкого спектра дисциплин начали использовать науку как площадку для наблюдений за социальными феноменами, которые более универсальны, чем институты науки. Один из примеров – статья профессора неврологии, посвященная механике возникновения системы убеждений в науке [Greenberg, 2009]. Сложившаяся система убеждений может препятствовать развитию нового знания, если она подвергает сомнению устоявшиеся положения. Этот автор проанализировал систему убеждений о причинах накопления бета-амилоида в нервных клетках головного мозга при Альцгеймере и увидел в полученной им сети универсальный паттерн информационного каскада: новые статьи опираются на список статей, процитированных в предшествующих статьях. В итоге если критические или негативные данные цитируются меньше, то они и дальше будут появляться меньше, так как воспроизводится сложившийся порядок цитирования [Greenberg, 2009]. Устойчивость в системе убеждений обеспечивается провалами в распространении негативных результатов.

Более того, есть исследования, в которых наука оказывается только одной из областей, сравниваемой с другими, как это видно в исследовании роли случая в четырех областях символического производства – науке, киноиндустрии, музыке и литературе [Janosov et al., 2020]. Исследование показало, что в четырех этих областях очень трудно спрогнозировать, когда карьера окажется на пике, когда ученый опубликует свою лучшую работу, режиссер снимет лучший фильм, а музыкант или литератор напишет лучшее произведение. Исследователи трактовали неожиданные флуктуации в ходе карьеры как указание на удачу и задались вопросом, отличаются ли различные области в роли случая. В анализ попало более четырех миллионов карьер на протяжении всего XX в. Результат показал, что случайность – это скорее индивидуальная особенность, а не характеристика области.

Социологическая концептуализация прослеживается через заметное присутствие интуиций сетевого анализа. В социологии науки еще задолго до появления больших массивов данных проводились исследования социальной структуры отдельных научных областей. Основной вопрос был связан с тем, действительно ли инновациям в науке сопутствует определенная социальная организация тех научных групп, которые их производят. Социология науки исходила из того, что научные интересы и взгляды ученого

определяются коммуникацией с другими учеными [Friedkin, 1998]. Плотные личные контакты обеспечивают консенсус тем, что задают выбор интересных для исследований проблем, а также критерии оценки качества исследований. Классической работой стало исследование Дианы Крейн, которая тестировала гипотезу о существовании «невидимых колледжей» в науке [Crane, 1969].

Сетевая интуиция продолжает заметно присутствовать в новых исследованиях и уже не только в виде анализа связей между учеными, но также в виде анализа сложной сети, состоящей из объектов разного рода – авторов, статей, концептов [Fortunato et al., 2018; Shi et al., 2015]. За этим кроется понимание науки как разновидности сложной системы, которая создается за счет взаимодействий между отдельными компонентами и производит коллективное поведение [Shi et al., 2015]. На этой концептуализации строится анализ миллионов статей базы MEDLINE для того, чтобы определить, каким образом ученые выбирают исследовательские вопросы. Анализируя большое количество статей (9 300 182 автора, 9159 химических продуктов, 4390 болезней и 2370 методов), можно видеть, каким образом складываются устойчивые соединения разных элементов сети и за счет какого ингредиента они меняются. Исследователи обнаружили, что ученые обычно соединяют новые элементы через уже знакомые элементы – они начинают изучать новые методы, заболевания или химические ингредиенты через уже изученные методы или заболевания. Это можно связать с тем, что ученые стремятся быстрее опубликоваться, а значит, пишут статьи, в которых часть результатов уже известна [там же].

Кроме взгляда на науку как на сложную систему в исследованиях можно увидеть заметное внимание к различным формам признания. Как устроена научная репутация? К кому приходит научное признание? Действительно ли оно связано с научными заслугами? Это те же классические вопросы для мертонианской социологии науки с тем отличием, что исследования выполняются на большом объеме данных и с более тонкими инструментами их сбора. Например, всем известно, что становится все больше статей с несколькими авторами, и что это создает проблему определения, кто из всего набора авторов заслуживает признание. Шен и Барабаши [Shen, Barabasi, 2014] предлагают опереться на интуицию о том, что признание распределяют другие ученые, значит нужно посмотреть на все статьи, которые цитируются вместе с интересуемой статьей. Если в этом пуле больше статей одного из двух авторов, то основной кредит должен уйти к нему. Оказалось, что их алгоритм в 4 из 5 случаев правильно определял, кого следует считать главным автором, то есть наиболее цитируемые по этой теме статьи были написаны будущими нобелевскими лауреатами [Shen, Barabasi, 2014]. Вопросы предсказания, кто станет будущим нобелевским лауреатом, решались в исследовании Мазлумян и его соавторов [Mazloumian et al., 2011].

Таким образом, мы видим, что новое исследовательское поле скорее определяется через особенности работы с данными, чем через новаторское понимание процессов производства научного знания. Несмотря на примеры новых работ, в которых присутствуют идеи из других областей научного знания, самые сильные метафоры имеют явное социологическое происхождение.

Заключение. Интерес к большим данным в социальных науках неравномерен и пока в большей степени проявляется в тех областях, где и раньше большую роль играли данные, не предполагающие прямого участия исследователя при их создании. В социологии науки исследователи гораздо реже имели дело с традиционными источниками данных в виде результатов опросов, интервью и наблюдений, чем в иных областях социологии. Эмпирические данные брались из разных источников – справочников, журналов, библиографических баз данных. Такие данные о науке существуют в своем роде сами по себе, и даже если бы исследователи не задавали о них вопросы, ученые не перестали бы продолжать писать статьи, обновлять свои CV или цитировать научные работы. Ранее работа с такой информацией была ограничена тем, что их превращение в структурированную базу данных или создание одной базы из нескольких совершенно разных источников

требовало серьезных затрат, и поэтому исследования редко включали большое количество наблюдений. Сейчас новые способы агрегирования данных позволяют сделать превращение информации в данные менее трудоемким.

Одновременно с большими данными в исследованиях науки используются компьютерные техники и новые способы их анализа (главным образом, тематическое моделирование). Мы видим, с каким энтузиазмом за эту идею взялись не только социологи, но и естественники и инженеры, разрабатывающие инструменты для сбора и анализа данных о науке. В этом смысле новый вариант исследований науки прежде всего заключается в том, что они должны быть эмпирическими, выполненными на больших данных и с применением арсенала компьютерной науки (в отношении как извлечения данных, так и их анализа). Здесь междисциплинарность пока не привела к тому, чтобы социологические концептуализации были полностью потеснены новыми моделями науки, однако это возможное будущее, если продолжат доминировать исследователи с бэкграундом в компьютерных науках, физике или биологии.

В российском контексте мы также имеем возможность проводить эмпирические исследования науки и высшего образования. Во-первых, существует важный источник наукометрических данных – Российский индекс научного цитирования. Его особенность заключается в широте охвата журналов и других форматов научного текста, хотя и зачастую в ущерб качеству [Moskaleva et al., 2018]. Это может усложнять поиск научных источников по своей теме, однако для исследовательских задач такой подход позволяет ставить более разнообразные вопросы. В частности, мы можем исследовать в деталях, как меняется публикационное поведение ученых и организаций в ответ на требования увеличить результативность научной работы. Практики академической нечестности находятся во внимании исследователей самых разных стран, но возможность их изучения только на международных базах данных ограничена. В свою очередь локальные базы публикаций, которые охватывают широкий круг источников, являются хорошим источником данных для поиска эмпирических закономерностей и тестирования гипотез, объясняющих паттерны публикационного поведения. Подобные исследования реализованы в итальянской академии [Seeber et al., 2019], есть немногочисленные примеры российских работ [Guskov et al., 2018]. Отдельным преимуществом РИНЦа является спектр показателей, которые рассчитываются для авторов, организаций и журналов – учет соавторства, самоцитирования, что не имеет прямых аналогов в международных базах.

Кроме того, ведомства собирают огромное количество информации о научных организациях, так как государство нуждается в информации об объектах, которыми оно управляет. Область высшего образования не является исключением. Министерство науки и высшего образования на постоянной основе обращается к университетам с указанием предоставить информацию о разных аспектах их деятельности: итоги приемной кампании, научные достижения, финансовую отчетность и многое другое. Информация в основном используется для решения внутренних управленческих задач – обновления статистики и оценки эффективности организаций. При этом все больше данных появляется в открытом доступе, что открывает возможности для проведения эмпирических исследований. Здесь важно учесть, какую огромную роль государственные ведомства играют в том, что оказывается внутри этих данных [Волков и др., 2016]. «Слабость» российских данных может стать их силой, если мы хотим понять поведение ученых и организаций в условиях плотного государственного регулирования. Российские исследования на больших, в том числе административных, данных о науке могли бы внести свой значимый вклад.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

Берман Ш. Большие данные и историческая социальная наука // Социологические исследования. 2020. № 2. С. 144–149. [Bearman P.S. (2020) Big Data and Historical Social Science. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 144–149. (In Russ.)] DOI: 10.31857/S013216250008501-4.

Волков В., Скугаревский Д., Титаев К. Проблемы и перспективы исследований на основе Big Data (на примере социологии права) // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 48–57. [Volkov V., Skugarevsky D., Titaev K. (2016) Problems and Prospects for Studies Based on Big Data (the Case of Sociology of Law). *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 48–57. (In Russ.)]

Губа К. Большие данные в социологии: новые данные, новая социология? // Социологическое обозрение. 2018. № 1. С. 41–64. [Guba K. (2018) Big Data in Sociology: New Data, New Sociology? *Sotsiologicheskoye obozreniye* [Russian Sociological Review]. No. 1: 41–64. (In Russ.)] DOI: 10.17323/1728-192X-2018-1-213-236.

Одинцов А.В. Открытость баз данных как условие формирования «больших данных» в социологии // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. № 12. URL: http://e-koncept.ru/2017/173020.htm (дата обращения: 12.05.2021). [Odincov A.V. (2017) Openness of Databases as a Condition for the Formation of "Large Data" in Sociology. *Nauchno-metodicheskiy elektronnyj zhurnal "Kontsept"* [Scientific-methodological electronic journal "Koncept"]. No. 12. URL: http://e-koncept.ru/2017/173020.htm (accessed 12.05.2021). (In Russ.)]

Сивков Д. Большие данные в этнографии: вызовы и возможности // Социология науки и технологий. 2017. Т. 8. № 1. С. 56–68. [Sivkov D. (2017) Big Data and Ethnography: Challenges and Opportunities. *Sociologia Nauki i Tehnologij* [Sociology of Science & Technology]. Vol. 8. No. 1: 56–68. (In Russ.)]

Baldi S. (1995) Prestige Determinants of First Academic Jobs of New Sociology PhD. s, 1983–1992. *The Sociological Quarterly.* Vol. 36. No. 4: 777–789. DOI: 10.1111/j.1533-8525.1995.tb00464.x.

Crane D. (1969) Social Structure in a Group of Scientists: A Test of the "Invisible College" Hypothesis. *American Sociological Review.* Vol. 34. No. 3: 335–352. DOI: 10.2307/2092499.

Deville P. et al. (2014) Career on the Move: Geography, Stratification, and Scientific Impact. *Scientific Reports*. No. 4. Article no. 4770. DOI: 10.1038/srep04770.

Dimaggio P. (2015) Adapting Computational Text Analysis to Social Science (and Vice Versa). *Big Data & Society.* Vol. 2. No. 2: 1–5. DOI: 10.1177/2053951715602908.

Evans J., Foster J. (2011) Metaknowledge. *Science*. Vol. 331. No. 6018: 721–725. DOI: 10.1126/science.1201765.

Fortunato S. et al. (2018) Science of Science. *Science*. Vol. 359. No. 6379. Article no. eaao0185. DOI: 10.1126/science.

Foster J., Evans J., Rzhetsky A. (2015) Tradition and Innovation in Scientists' Research Strategies. *American Sociological Review.* 2015. Vol. 80. No. 5: 875–908. DOI: 10.1177/0003122415601618.

Friedkin N. (1998) *A Structural Theory of Social Influence.* Santa Barbara: University of California.

Golder S., Macy W. (2014) Digital Footprints: Opportunities and Challenges for Online Social Research. *Annual Review of Sociology.* Vol. 40. No. 1: 129–152. DOI: 10.1146/annurev-soc-071913-043145.

Greenberg S. (2009) How Citation Distortions Create Unfounded Authority: Analysis of a Citation Network. *BMJ.* Vol. 339. Article no. b2680. URL: https://www.bmj.com/content/bmj/339/bmj.b2680.full.pdf (accessed 12.05.2021). DOI: 10.1136/bmj.b2680.

Guskov A., Kosyakov D., Selivanova I. (2018) Boosting Research Productivity in Top Russian Universities: The Circumstances of Breakthrough. *Scientometrics*. Vol. 117. No. 2: 1053–1080. DOI: 10.1007/s11192-018-2890-8.

Hofstra B. et al. (2020) The Diversity-Innovation Paradox in Science. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America.* Vol. 117. No. 17: 9284–9291. DOI: 10.1073/pnas.1915378117.

Janosov M., Battiston F., Sinatra R. (2020) Success and Luck in Creative Careers. *EPJ Data Sci. A Springer Open Journal.* Vol. 9. No. 1. DOI: 10.1140/epjds/s13688-020-00227-w.

Kitchin R. (2014) Big Data, New Epistemologies and Paradigm Shifts. *Big Data & Society.* Vol. 1. No. 1. DOI: 10.1177/2053951714528481.

Kitchin R., McArdle G. (2016) What Makes Big Data, Big Data? Exploring the Ontological Characteristics of 26 Datasets. *Big Data & Society.* Vol. 3. No. 1. DOI: 10.1177/2053951716631130.

Leahey E., Reikowsky R. (2008) Research Specialization and Collaboration Patterns in Sociology. *Social Studies of Science.* Vol. 38. No. 3: 425–440. DOI: 10.1177/0306312707086190.

Long J. (1978) Productivity and Academic Position in the Scientific Career. *American Sociological Review.* Vol. 43. No. 6: 889–908. DOI: 10.2307/2094628.

Mazloumian A., Young H., Helbing D., Lozano S., Fortunato S. (2011) How Citation Boosts Promote Scientific Paradigm Shifts and Nobel Prizes. *PLoS ONE*. Vol. 6. No. 5. Article no. e18975. DOI: 10.1371/journal.pone.0018975.

McFarland D. et al. (2013) Differentiating Language Usage through Topic Models. *Poetics*. Vol. 41. No. 6: 607–625. DOI: 10.1016/j.poetic.2013.06.004.
McFarland D., Lewis K., Goldberg A. (2016) Sociology in the Era of Big Data: The Ascent of Forensic Social Science. *American Sociologist*. Vol. 47. No. 1: 12–35. DOI: 10.1007/s12108-015-9291-8.
Moskaleva O., Pislyakov V., Sterligov I., Akoev M., Shabanova S. (2018) Russian Index of Science Citation: Overview and Review. *Scientometrics*. Vol. 116. No. 1: 1076–1086. DOI: 10.1007/s11192-018-2758-y.
Seeber M., Cattaneo M., Meoli M., Malighetti P. (2019) Self-citations as Strategic Response to the Use of Metrics for Career Decisions. *Research Policy.* Vol. 48. No. 2: 478–491. DOI: 10.1016/j.respol.2017.12.004.
Shen H., Barabási A. (2014) Collective Credit Allocation in Science. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 111. No. 34: 12325–12330. DOI: 10.1073/pnas.1401992111.
Shi F., Foster J., Evans J. (2015) Weaving the Fabric of Science: Dynamic Network Models of Science's Unfolding Structure. *Social Networks.* Vol. 43: 73–85. DOI: 10.1016/j.socnet.2015.02.006.
Sinatra R., Deville P., Szell M., Wang D., Barabási A. (2015) A Century of Physics. *Nature*. Vol. 11. No. 10: 791–796. DOI: 10.1038/nphys3494.
Vilhena D. et al. (2014) Finding Cultural Holes: How Structure and Culture Diverge in Networks of Scholarly Communication. *Sociological Science*. Vol. 1. No. 15: 221–238. DOI: 10.15195/v1.a15.

Статья поступила: 02.02.21. Финальная версия: 08.04.21. Принята к публикации: 27.04.21.

BIG DATA IN STUDIES OF SCIENCE: NEW RESEARCH FIELD

GUBA K.S.

European University at Saint Petersburg, Russia

Katerina S. GUBA, Cand. Sci. (Sociol.), Head of the Center for Institutional Analysis of Science and Education, European University at Saint Petersburg, St. Petersburg, Russia (kguba@eu.spb.ru).

Acknowledgements. This article was prepared with support from the Russian Science Foundation, project No. 21-18-00519.

Abstract. The article discusses the unprecedented opportunities of bringing big data for studies of science. Due to the dramatic change in how quickly and in what volumes data can be extracted from open sources, the science of science has been developed offering research of science based on large-scale metadata. The scale of the data is especially valuable for the study of science, which is characterized by a high level of stratification and segmentation. In turn, the techniques of network and computational text analysis have influenced how research questions were proposed. These new tools declare far-reaching implications for the science of science because researchers have the possibility to employ a flexible approach and refuse to rely on pre-defined categories, as was common for previous studies in the sociology of science. New opportunities in data collection and analysis have attracted researchers from diverse scientific fields. The result is the application of new conceptual models that are no longer limited to sociological conceptualizations.

Keywords: sociology of science, big data, scientometrics, science.

Received: 02.02.21. Final version: 08.04.21. Accepted: 27.04.21.

© 2021 г.

И.Г. ДЕЖИНА, Г.А. КЛЮЧАРЕВ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОЛЛАБОРАЦИИ ВУЗОВСКОЙ НАУКИ: СТИМУЛЫ И ПРЕПЯТСТВИЯ

ДЕЖИНА Ирина Геннадиевна – доктор экономических наук, руководитель Департамента анализа научно-технологического развития, Сколковский институт науки и технологий, ведущий научный сотрудник Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара (degina@iep.ru)*; КЛЮЧАРЕВ Григорий Артурович – доктор философских наук, руководитель Центра социологии образования и науки Института социологии ФНИСЦ РАН, профессор кафедры философии, социологии, политологии имени Г.С. Арефьевой Национального исследовательского университета «Московский энергетический институт»* (Kliucharev@mail.ru)*. Оба – Москва, Россия.*

Аннотация. *Анализируются модели взаимодействия российской вузовской науки и мировой науки. Изучено и оценено соотношение между различными формами международных научных коллабораций (совместные исследовательские проекты, участие в международных конференциях и академических обменах, стажировки) в современных социально-политических условиях. Проведен анализ стимулов, а также факторов, препятствующих развитию международного научного сотрудничества. На данных опроса 223 экспертов (проректора по научной работе и международным связям, руководители крупных международных проектов) из 112 вузов показано, что в вузовской науке международная кооперация существенно диверсифицирована по типам работ и странам сотрудничества, находясь в русле сложившейся в России межстрановой кооперации. Приоритетом сотрудничества остаются традиционные и «легкие» формы кооперации (совместные статьи, участие в конференциях, взаимные визиты), при малой включенности в проекты, связанные с коммерциализацией результатов исследований.*

Ключевые слова: *наука • университеты • вузы • международное сотрудничество • формы научной кооперации • стимулы и препятствия*

DOI: 10.31857/S013216250014592-4

Введение. Наука – это особая, относительно самостоятельная сфера человеческой деятельности, выступающая как исторический продукт длительного развития цивилизации и духовной культуры. Ей присущи свои типы взаимодействия людей, виды исследовательского труда и формы знания. Наука как социальный институт имеет устойчивый комплекс норм, правил и принципов, организующих и упорядочивающих участие индивидов в научной деятельности, взаимодействие с другими социальными институтами. Современная социология науки, при всем разнообразии исследовательских направлений, стремится к изучению взаимосвязей в науке, их форм и функций, социокультурных и институциональных предпосылок, глобальных и локальных проявлений.

Одним из проявлений данной взаимосвязи является глобализация науки – стремительный рост числа международных проектов, образовательных и научно-исследовательских программ, а в случае прикладных наук – развитие совместных доконкурентных исследований и разработок. Участие в глобальной науке рассматривается не только как фактор престижа, но и необходимое условие повышения продуктивности научной деятельности. Научная продуктивность выступает в целом как социально значимый феномен, интерпретируемый в зависимости от конкретного экономического, исторического и ценностного контекста. Исследования подтверждают более высокую результативность научных исследований благодаря международным партнерствам [Abramo et al., 2011; Abramo et al., 2019; Sugimoto et al., 2017], а также рост креативности благодаря обмену идеями [Wagner, 2018]. Соответственно, международное

сотрудничество – это форма получения знаний, способствующая повышению производительности науки.

Особую роль международное научное и научно-образовательное сотрудничество имеет для университетов. Однако отсутствует четкое понимание того, какие конкретные формы международного сотрудничества развиваются наиболее интенсивно и к каким результатам они приводят. Нет и согласия относительно основных препятствий развитию международной кооперации. Для России это особенно актуально, поскольку есть недостаток данных о современных процессах в вузовской науке в целом.

В статье систематизированы основные характеристики современной международной коллаборации российских вузов, что позволяет сконструировать современный образ наиболее распространенного научного партнерства, а также идентифицировать основные стимулы и препятствия его развития.

Обзор литературы. В большинстве зарубежных и российских источников исследование проблем международных коллабораций, как правило, либо встроено в проблематику оценки научной продуктивности [Душина, Ащеулова, 2014], либо сосредоточено на факторах, способствующих или препятствующих международному научному сотрудничеству [Matthews et al., 2020; Shore, Cross, 2005]. Одна из недавних работ в этом ряду – книга Г. Шера, где на основе интервью, проведенных с 62 учеными из России и США, он выявил основные преимущества и проблемы международных научных коллабораций между двумя странами [Sher, 2019]. Также международные коллаборации рассматриваются как часть активно развивающейся в настоящее время проблематики "научных групп" (*team science*) и того, как наука меняет культуру и организацию проведения исследований [Bozeman et al., 2012]. Существует ограниченное количество качественных исследований, нацеленных на оценку взаимного восприятия партнеров и особенностей межкультурных взаимодействий. Так, на основе анализа 44 интервью с российскими и французскими учеными показаны экономические, политические и культурные аспекты развития научных партнерств России и Франции [Dezhina, 2018]. Однако в целом в российском дискурсе наиболее популярным направлением является анализ кооперaций, инициированных на правительственном уровне [Инглхарт и др., 2013; Земнухова, 2017].

Еще одно самостоятельное направление изучения международного взаимодействия связано с используемым методом – библиометрией. На основе анализа совместных публикаций было показано, что Россия пытается развивать связи со странами Западной Европы и США, следуя тренду стран догоняющего развития [Wilson, Markusova, 2004]. Основными партнерами российских ученых являются исследователи из США и Германии [Коцемир, 2012]. Подобные исследования, конечно, дают ценные сведения о картине научных партнерств, но они не раскрывают иных, отличных от публикаций, результатов международного научного сотрудничества. Кроме того, возможно, что отдельные партнерства не привели к появлению совместных публикаций, а это далеко не всегда является признаком неудачного сотрудничества [Glänzel, Schubert, 2004; Laudel, 2002]. Наконец, не стоит «сбрасывать со счетов» такой важный показатель результатов, как коммерциализация полученных научных результатов и возникновение трансформационных (интегрированных фундаментально-прикладных) исследований [Дежина, 2020].

Российская специфика вопроса. В последнее время интернационализация науки стала активно обсуждаться в связи с изменением характера научной деятельности (роста междисциплинарности, миграции научных кадров, расширения международных образовательных программ, глобального разделения труда) и трансформирующимися геополитическими условиями (для России, например, политика санкций, конфликты интересов на постсоветском пространстве, участие в региональных системах международных отношений и т.д.). В нашей стране интернационализация науки обладает рядом особенностей.

Во-первых, согласно Стратегии международного научно-технического сотрудничества (МНТС)[1] России, которая является важнейшим директивным документом, основной целью названо мировое лидерство российской науки. Причем достижение лидерства предлагается обеспечить не столько прогрессом в науке и инновациях (хотя и это признается ресурсом развития), сколько активным участием в определении международной повестки в этих сферах [Дежина, Ключарев, 2020]. По сути речь идет о различных амбициозных стратегиях – от научной дипломатии до поиска ниш, где Россия окажется лидером в развитии конкретных технологий, не зависящих от США и других развитых стран.

Во-вторых, после 2012 г. на сфере международного научного сотрудничества стали сказываться последствия введения Федеральных законов «Об иностранных агентах» и о нежелательных иностранных организациях[2]. Это запустило процесс серьезных изменений в системе негосударственной поддержки науки через некоммерческие фонды, привело к вынужденному уходу из страны организаций, многие годы реализовывавших программы поддержки научных исследований и подготовки кадров как в естественных, так и в общественных науках. Одновременно многие ученые, научные организации и вузы перестали подавать заявки на зарубежные гранты, чтобы избежать весьма вероятных негативных последствий.

В-третьих, уровень интернационализации российской науки (по объемам финансирования совместных проектов и числу публикаций в международном соавторстве) остается низким, несмотря на разворачивающуюся деятельность по привлечению в страну ученых-соотечественников и зарубежных ученых. Доля российских статей в международном соавторстве в общем числе российских статей, индексируемых в базе данных Scopus, составила в 2019 г. 21,7%, Web of Science – 27,2% [Индикатор науки..., 2021: 331–332], и в последние годы эти показатели снижаются: в 2016 г. эти же показатели в Scopus были 25%, в Web of Science – 29,5% [Индикатор науки..., 2018: 303–304]. В развитых странах наблюдается противоположный тренд. Кроме того, там значительно выше удельный вес статей, написанных с зарубежными партнерами: США – 38,8%, Германия – 52,6%, Великобритания – 59,9% .

Только у ряда российских университетов есть возможность расширения контактов путем привлечения зарубежных специалистов, преподавателей и аспирантов (студентов). В последние годы финансовые возможности для этого расширялись у тех университетов, которые участвовали в различных государственных программах «превосходства» и получили статус исследовательских, федеральных или опорных[3]. Особенно эти возможности развивались у университетов, попавших в Проект 5–100 и получивших существенное дополнительное бюджетное финансирование [Ключарев, Неверов, 2018; Agasisti et al., 2020].

В государственном секторе науки, к которому относятся академические институты, внутренних ресурсов для международного сотрудничества стало меньше. Особенно это затронуло бывший академический сектор после начала реформы Российской академии наук в 2013 г. И хотя отдельные институты могут рассчитывать на получение дополнительных средств, специализированные программы поддержки, аналогичные тем, что действуют сегодня для относительно небольшой группы вузов, отсутствуют.

В то же время с точки зрения зарубежного финансирования, поступающего в российскую науку, вузовский сектор находится в худшем положении, чем ситуация по науке в целом. В 2019 г. доля зарубежного финансирования в общих расходах на науку в России составляла

---

[1] Принята в 2019 г. Стратегия международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации. Одобрена решением Правительства РФ от 8 февраля 2019 г. № ТГ-П8–952. URL: https://france.mid.ru/upload/iblock/7f8/7f8aadb5de45b3a58103046d70eabef2.pdf (дата обращения: 03.04.21).

[2] Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» от 20.07.2012 № 121-ФЗ и Федеральный закон РФ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» №129-ФЗ от 23.05.2015 г.

[3] Стоит подчеркнуть, участие и инициирование международных проектов – важное требование в рейтинговании всех российских университетов, а не только участников проекта 5–100.

2,4%, тогда как в вузовском секторе – 1,4% [Индикаторы науки…, 2021: 147]. Следует отметить, что за последние пять лет порядок цифр и пропорции практически не изменялись.

Об исследовании. Наше исследование опирается преимущественно на данные экспертного опроса, проведенного в 2019 г. ООО «Центр социального прогнозирования» в рамках национального проекта «Наука» методом письменного анкетирования, на выборке 112 государственных вузов, получающих бюджетное финансирование. Общее число экспертов – 223 человека. В выборку были включены вузы, получавшие специальное бюджетное финансирование, в том числе на международную деятельность (11 участников Программы 5–100; 6 национальных исследовательских университетов). Принявшие участие в опросе вузы расположены в 28 регионах. Удельный вес Москвы составил чуть больше четверти (28%), Петербурга – 14%, Новосибирской области – 11%, Свердловской области – 6%.

Респонденты были представлены преимущественно проректорами по науке или по международным связям, руководителями крупных международных проектов, а также заведующими лабораторий и кафедр. Соответственно, по уровню квалификации 52% респондентов – доктора наук, 47% – кандидаты наук, 1% – без ученой степени. Средний стаж научно-исследовательской работы опрошенных специалистов – 17 лет.

Все респонденты за последние три года, предшествовавшие опросу, участвовали в тех или иных формах международной научной кооперации. Рассматривались только естественные, технические, медицинские и сельскохозяйственные науки, поскольку в качестве результатов сотрудничества интерес представляли не только публикации, но свидетельства их практической значимости – патентование и первые шаги по коммерциализации. Почти четверть респондентов (24%) были включены в сугубо прикладные исследования. Общественно-гуманитарные науки не рассматривались, поскольку у них отсутствуют четко выраженные показатели практической значимости, иные традиции сотрудничества, существенно ниже капиталоемкость (расходы на оборудование и эксперименты) и выше доля тех, кто взаимодействует с зарубежными коллегами на индивидуальном (инициативном) уровне. Кроме того, в международной научной кооперации значительная ее часть приходится именно на естественнонаучные и технические специальности, поскольку в России общественные и гуманитарные науки по численности исследователей составляют только 9% [Индикаторы науки…, 2021: 56]. Естественные науки представляли 51,6% респондентов, технические – 31,8%, медицинские – 9%, сельскохозяйственные – 7,6%.

Таким образом, выборка позволяет оценить параметры международной кооперации для вузовского сектора науки в целом, а не только для элитарной его части. Нам показалось важным рассмотреть именно ситуацию в среднем, поскольку в последние годы основной пласт исследований был посвящен университетам проекта 5-100 и их успехам в развитии вузовской науки, в том числе на основе международной кооперации [Agasisti et al., 2020; Matveeva, Ferlogoj, 2020].

Принимая во внимание российский контекст развития международного научного сотрудничества и разнообразие вузов, входящих в выборку, исходное предположение анализа состояло в том, что вузы в целом стремятся поддерживать международное сотрудничество, поскольку оно является одним из возможных средств по наращиванию как научных, так и образовательных компетенций. Вместе с тем в условиях ограниченных финансовых ресурсов скорее всего будут преобладать формы кооперации, которые не требуют существенных инвестиций (совместное участие в конференциях, подготовка совместных публикаций и т.п.).

Мотивация к сотрудничеству. Основным мотивом для международной коллаборации на уровне вуза в целом респонденты посчитали необходимость активизации научной и образовательной работы (58% опрошенных), в том числе за счет получения дополнительного исследовательского опыта (49%). Кооперация также дает возможность почти половине опрошенных (48%) получить доступ к современной технике и оборудованию. Несмотря на то что в последние годы научная база университетов обновилась, в среднем по вузовской науке ситуация остается неблагополучной, однако это затронуло в основном элитные вузы, получающие дополнительные бюджетные средства.

Таблица 1

Главные страны-партнеры российских вузов

Страна	Доля респондентов, отметивших, что у вуза есть контакты с данной страной, %	Доля респондентов, отметивших, что с данной страной контакты постоянные, %
Германия	57	37
Китай	53	33
Белоруссия	50	27
Франция	48	26
Казахстан	47	35
США	43	24
Великобритания	38	19
Италия	33	15

При этом большинство респондентов (73%) считает, что сотрудничество является паритетным. Вероятно, под паритетностью понимается в первую очередь независимость от зарубежного финансирования. Действительно, только в 3% случаев было отмечено, что преимущественно зарубежный партнер финансирует совместную работу. Это корреспондирует с данными о том, что у вузов очень мало зарубежного финансирования в общем объеме средств на научную деятельность.

Рассуждая о собственной, а не общеуниверситетской мотивации к международному партнерству, респонденты в первую очередь отмечали научный интерес (76%), потребность в обмене информацией (65%) и возможность повысить свой научный уровень (35%). Для сравнения: десятью годами ранее (в 2008 г.) исследование мотивов кооперации российских ученых в рамках Программы грантов кооперационных исследований (Cooperative Grants Program), которая администрировалась Американским фондом гражданских исследований и развития, также были названы обмен идеями, доступ к оборудованию и новым методам исследований. Тогда эти стимулы к сотрудничеству отметило более 65% опрошенных[4]. Таким образом, на индивидуальном уровне есть ряд мотивирующих к научной кооперации факторов, которые мало меняются со временем. Особенно это касается взаимодополняемой экспертизы и обмена идеями. При этом мотивации на институциональном и индивидуальном уровне совпадают лишь в части потребности в получении исследовательского опыта, в том числе за счет доступа к современному научному оборудованию. Для вузов, судя по всему, международная кооперация является в первую очередь не самостоятельной ценностью, а средством решения задачи по активизации научной работы.

Преобладающие формы кооперации. Большинство участников опроса выделили те формы сотрудничества на уровне вуза, которые свидетельствуют об эпизодичности кооперации с зарубежными партнерами. Преобладает участие в научных конференциях и симпозиумах, которые упомянули 59% респондентов. Следующая по распространенности форма сотрудничества (43%) – поездки за рубеж для чтения лекций и проведения консультаций. Около 40% респондентов указали, что вуз участвует в выполнении совместных исследований теоретического или прикладного характера (примерно в равной пропорции). Только 18% респондентов отметили, что вуз осуществляет совместно с зарубежными коллегами техническую или технологическую разработку.

Следует отметить, что представители вузов не упомянули значительное число форм кооперации, в том числе современных, например, таких как создание совместных научных лабораторий, или софинансирование постдокторских позиций. Полученный перечень форм кооперации существенно короче, чем составленный более 20 лет назад известными специалистами по научной и технологической политике Катцем и Мартином [Katz,

[4] Оценка программы CGP за 2008 г. (неопубликованные материалы авторов).

Таблица 2

Основные научные партнеры России, по числу совместных статей (Scopus) в области естественнонаучных и инженерных дисциплин, *по данным за 2018 г.*

Страна	Число совместных статей, шт.	Доля от общего числа российских статей в международном соавторстве, %
Россия – всего статей	21530	100
В том числе написанные в соавторстве с:		
США	4881	22,7
Германия	4508	20,9
Франция	2905	13,5
Великобритания	2606	12,1
Китай	2457	11,4
Италия	2079	9,7
Япония	1339	6,2

Источник: Science and Engineering Indicators-2020. National Science Board, 2020. Table S5a-33, Internationally coauthored S&E publications, by selected region, country, or economy pairs: 1996 and 2018.

Martin, 1997]. Их список включил следующие основные формы международного научного сотрудничества: 1) софинансирование фундаментальных исследований или исследование на доконкурентных стадиях, 2) совместное определение приоритетов научного развития, 3) стажировки для ученых и студентов, 4) совместные тренинги, 5) трансфер технологий, 6) разработка технологических стандартов, 7) софинансирование совместных исследовательских программ, 8) создание совместных лабораторий, 9) софинансирование постдокторских позиций, 10) совместные публикации. Вероятно, «бедность» форм международного сотрудничества российских вузов связана с тем, что университеты, располагающие средствами (например, для создания совместных лабораторий, софинансирования постдокторских позиций, трансфера технологий), составили в выборке только около 15%.

Исследование форм взаимодействия российских вузов с зарубежными партнерами, которое проводилось в 2014 г. на выборке 43 вузов, показало, что тогда еще менее были распространены формы кооперации, связанные с технологическими разработками и трансфером. Только 7% вузов отметили такую форму кооперации [Дежина, 2015: 78]. Несмотря на несопоставимость этих двух выборок, можно, тем не менее, отметить некоторую тенденцию к росту числа международных проектов, связанных с проведением исследований, имеющих потенциальный коммерческий выход, хотя их «вес» среди форм международной кооперации остается очень низким.

Страны-партнеры. Вузы сотрудничают с большим числом стран, однако самые интенсивные контакты развиваются с восемью странами (табл. 1). Помимо понятной тесной кооперации с развитыми странами (США, странами ЕС и Великобританией), которые дают возможность реализовать основные стимулы к сотрудничеству, активно развивается кооперация с двумя странами СНГ – Беларусью и Казахстаном. Причем Казахстан – вторая после Германии страна, где наблюдается наибольшее число постоянных связей.

Если сравнить полученные результаты со структурой стран – основных партнеров России, определенных по библиометрическим данным, то картина оказывается несколько иной. Преобладают совместные публикации с развитыми странами, в первую очередь США, Германией и Францией (табл. 2). Ни Казахстан, ни Белоруссия не входят в число основных партнеров.

Как следует из данных таблицы 2, уровень концентрации сотрудничества с главными партнерами очень высокий – на 7 стран приходится почти 97% российских публикаций, написанных в международном соавторстве. В 1996 г. (25 лет назад) основные партнеры России были теми же самыми, за исключением Китая. С Китаем тогда было опубликовано чуть более 1%

статей[5]. Таким образом, в динамике смена стран – главных научных партнеров российских ученых происходит в незначительной степени. Основными для России остаются ведущие страны ЕС и США.

На примере опрошенных вузов примечателен большой масштаб российско-китайского сотрудничества, связанный в первую очередь с бурным развитием китайской науки. Казахстан и Белоруссия в числе основных партнеров вузов могли появиться благодаря не столько научному сотрудничеству, сколько взаимодействию в области образования [Арефьев, Шереги, 2014].

Финансовые условия научного сотрудничества. О финансовых условиях сотрудничества можно говорить применительно к совместным научным исследованиям, которые получают поддержку из разных источников, преимущественно в форме грантов. Как показал опрос, более, чем для половины респондентов основным источником финансирования международного сотрудничества является федеральный бюджет, распределяемый как через ведомства, так и научные фонды (РФФИ, РНФ). Из иных источников финансирования были упомянуты зарубежные (15%) и российские компании (9%). При этом пятая часть респондентов отметила, что получить финансирование от иностранных научных фондов и российских компаний очень сложно. Наиболее «доступный» источник средств – российские научные фонды. Это отметила почти половина респондентов, а 40% считает доступными, хотя и скромными, средства федерального бюджета. В целом на трудности получения финансирования под совместные проекты указала половина респондентов. По всей видимости, недостаток материальных ресурсов для международной кооперации определяет ее ориентированность на малозатратные формы сотрудничества.

Однако главная проблема оказалась не финансовой, а связанной с дефицитом квалифицированных специалистов (62%), а также отсутствием современной технической базы (51%) и слишком краткими сроками проектов (51%). Примечательно и то, что почти треть респондентов затруднилась идентифицировать сложности, возникающие при выполнении международных проектов, что, по нашему мнению, указывает на низкую заинтересованность в международном сотрудничестве.

Оказавшаяся самой острой проблема дефицита квалифицированных кадров может быть связана в том числе с плохим знанием английского языка. Действительно, как показывают недавние исследования [Шматко, Волкова, 2018], среди кандидатов и докторов наук свободно владеют английским языком только 14% и практически столько же – совсем не знают английского языка. Остальные находятся в пограничной зоне, недостаточно владея устной и письменной речью. При этом наибольшая доля сотрудников с учеными степенями, не владеющих английским, приходится как раз на вузы – там они составляют 16%.

Типология результатов международной кооперации. Поскольку основные формы международной кооперации вузов связаны с проведением совместных мероприятий, 80% респондентов посчитали сделанные на них доклады главным результатом. Более серьезные достижения в виде совместных статей также есть во многих вузах: за последние три года в изданиях, индексируемых в базе данных Scopus, опубликовались 64% респондентов, в Web of Science – 61%. Однако четверть (26%) участников международных проектов не публиковалась совсем, что может указывать на их вспомогательную или второстепенную роль в проекте.

Характерно, что участники международных проектов имеют высокие показатели собственной публикационной активности. За последние три года 92% респондентов опубликовали результаты своей научной работы в изданиях, индексируемых в базе данных Scopus, и 89% – в Web of Science. И только около 2% не имели публикаций, однако в ряде случаев это было обусловлено закрытым характером проекта. По всей видимости, в международной кооперации участвуют наиболее квалифицированные сотрудники. В свою очередь, поскольку

[5] Рассчитано по данным из Science and Engineering Indicators-2020. National Science Board, 2020. Table S5a-33, Internationally coauthored S&E publications, by selected region, country, or economy pairs: 1996 and 2018.

международное сотрудничество положительно влияет на результативность научной работы [Abramo et al., 2011; Abramo et al., 2019; Sugimoto et al., 2017], наблюдается эффект Матфея – сильные становятся еще сильнее.

К научным результатам относятся и монографии, хотя их существенно меньше. 8% опрошенных указали, что подготовленные совместно монографии были опубликованы в России, и 6% – за рубежом. Такой скромный процент объясняется тем, что для естественных и технических наук основным результатом научной работы является статья.

Другие формы результатов встречаются гораздо реже. Только 17% респондентов указали, что по итогам проекта занимаются коммерциализацией результатов, в том числе подали заявку на российский или международный патент. При этом партнеры по патентованию представляют те страны, с которыми больше всего развиты разнообразные формы кооперации, – Германия, Китай, США, Казахстан и Белоруссия. Однако наиболее примечателен факт, что большинство участников международных проектов не знают, где были внедрены их результаты, хотя коммерциализация осуществляется преимущественно в России и странах СНГ. Это, скорее всего, следствие малого интереса к такого рода деятельности.

Таким образом, исходное предположение, что в международной научной кооперации вузов преобладают низкоресурсные формы сотрудничества, приводящие к соответствующим результатам, подтвердилось. Основным результатом стали статьи и выступления на научных мероприятиях, в то время и коммерциализация результатов исследований происходит гораздо реже.

Подготовка кадров. Образовательные аспекты кооперации. Образовательные аспекты кооперации часто являются компонентом научного партнерства. К *научно*-образовательному взаимодействию можно отнести поездки за рубеж для чтения лекций и стажировки ведущих ученых (46%) и приглашение в Россию их иностранных коллег (43%). Во многих случаях такие визиты становятся началом совместного проекта – публикации совместной статьи, монографии, стажировки постдоков и талантливой молодежи. До сих пор большой популярностью пользуется взаимодействие с ЮНЕСКО и создание соответствующих международных кафедр под известного ученого или эффективного организатора науки.

Менее распространены такие формы взаимодействий, как проведение совместных исследований в области развития образования (21%), создание международных межвузовских интернатур по медицинским специальностям (12%). Особый интерес последние годы вызывает изучение эффективности машинного обучения (*machine learning, deep learning*), возможности его широкого применения в российских университетах. Продолжаются дискуссии специалистов о привлечении зарубежных ученых для чтения массовых онлайн учебных курсов в рамках и вне рамок (дополнительное образование) учебных планов и программ.

Совершенно очевидно, что международные проекты непосредственно связаны с подготовкой и привлечением в науку молодых кадров. Молодежь более восприимчива к инновациям, и сотрудничество с зарубежными коллегами является важным фактором повышения ее научной квалификации и компетентности. При этом международные научные коллаборации можно рассматривать и как практики *непрерывного образования*, участие в которых дает возможность научным коллективам и отдельным ученым быть конкурентоспособными в условиях глобализации и интернационализации современной науки. Для ведущих российских университетов сотрудничество на уровне образовательных практик и совместных научных проектов имеет также большое значение при определении их положения в международных системах рейтингования.

Трудности и барьеры сотрудничества. Респондентам было предложено указать самые главные, по их мнению, трудности и препятствия в следующих номинациях – начало проекта, подбор российских участников – исполнителей проекта, финансирование, техническое обеспечение, взаимодействие с зарубежными партнерами, коммерциализация (использование) полученных результатов, отчетность (документация). В первой номинации (старт проекта) в качестве основных трудностей треть респондентов назвали поиск иностранных партнеров, сложность составления заявки, дефицит квалифицированных специалистов по оформлению

и сопровождению (юридическому, бухгалтерскому) проекта и долгий путь согласований заявки с российской стороны. Примечательно, что согласования заявки за рубежом происходили в два раза быстрее.

При подборе российских участников к числу основных трудностей было отнесено плохое знание (или незнание) английского языка, что существенно затрудняло коммуникацию.

В сфере финансирования было отмечено, что российская сторона гораздо чаще не соблюдает сроки выделения средств, а при выплате гонорара зарубежному соисполнителю сталкивается с правовыми и организационными затруднениями. Также выяснилось, что во многих случаях оплата труда российских участников существенно ниже, чем иностранных, – на это указали треть экспертов. Такая же часть указала, что в российской организации часто отсутствует экспериментальная база или не хватает современного оборудования, аппаратуры для успешного выполнения проекта. А в тех случаях, когда зарубежный партнер оказывает помощь в решении этого вопроса, возникают трудности с прохождением таможенного оформления присылаемых для российской организации оборудования и материалов.

На очень важной стадии реализации полученных результатов (коммерциализация полученного продукта) основная трудность связана с отсутствием в России фирм, которые имели бы опыт трансфера инновационных технологий на рынок и в производство. Также значительные проблемы создает российское патентное законодательство, которое плохо «состыковывается» с международным патентным правом. Отсюда российская сторона несет значительные издержки, уступая правообладание патентом зарубежному партнеру.

И наконец, «бумажные» трудности связаны с очень большим объемом отчетной документации, необходимостью проводить весьма затратный с точки зрения времени и ресурсов ежегодный аудит финансовой деятельности по проекту. При этом в России и за рубежом приняты различные системы оценки промежуточных результатов проекта, что требует дополнительных согласований и выработки новых компромиссных подходов.

Таким образом, ряд макропроблем, которые были выявлены в процессе реализации совместных научных грантов, являются частью более разнообразного набора препятствий, возникающих на всех этапах сотрудничества с зарубежными партнерами как в научной, так и образовательной сфере.

Выводы. Международное научное и научно-образовательное сотрудничество является важным направлением деятельности российских университетов. Настоящее исследование позволяет обрисовать «портрет» такого сотрудничества. Для него характерно разнообразие стран-партнеров, при ведущей роли коллабораций с развитыми научными державами. Сотрудничество именно с этими странами позволяет реализовать основные цели кооперации, которые обозначили эксперты, – обмен идеями, доступ к современному оборудованию и методам исследования, повышение уровня проводимых исследований и образования. Не менее важной для вузов является кооперация с некоторыми странами СНГ, но преимущественно в образовательной сфере. Это косвенно подтверждается данными о преобладании в российских вузах студентов из этих стран.

Научная результативность международного научного сотрудничества достаточно высокая – подавляющее большинство участников публикует статьи в изданиях, индексируемых в международных базах данных, растет мобильность (о чем свидетельствует высокий уровень участия в международных мероприятиях, в их подготовке и организации). Можно предположить, что действует *эффект Матфея* – в международной кооперации участвуют сильнейшие, что в свою очередь усиливает их научный потенциал.

Кроме того, международные проекты становятся школой для молодых научных кадров. Молодежь более восприимчива к инновациям, и сотрудничество с зарубежными коллегами является важным фактором повышения ее научной квалификации и компетентности. При этом международное сотрудничество, по своей сути, это практика *непрерывного образования*, участие в котором дает возможность научным коллективам и отдельным ученым оставаться конкурентоспособными в условиях глобализации и интернационализации современной науки.

Проблемы, которые возникают у российских вузов в ходе международной кооперации, в какой-то мере типичны для российской науки в целом: бюрократия, долгие сроки принятия решений, несоблюдение финансовой дисциплины (если речь идет о выделении бюджетных средств), отсутствие инфраструктуры инновационной деятельности.

Примечательно, что большинство вузов пока не выходит за рамки научно-образовательной сферы, не переходит к этапу технологических разработок и их коммерческой реализации. Это может быть связано как с неготовностью вести такие проекты, в том числе из-за слабого финансирования со стороны индустриальных партнеров, так и вследствие нормативно-правовых ограничений, связанных с межстрановым различием в системах защиты и охраны результатов интеллектуальной деятельности. В целом, как показало исследование, вузы и вузовские ученые практикуют наиболее простые и низкоресурсные формы коллаборации. Они не приносят таких результатов, какие можно ожидать от долговременных высокобюджетных проектов с коммерциализацией полученных результатов. С этой точки зрения нынешнюю ситуацию можно истолковывать как время упускаемых возможностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арефьев А.Л., Шереги Ф.Э. Иностранные студенты в российских вузах. Министерство образования и науки Российской Федерации. М.: ЦСИ, 2014.

Дежина И.Г. Трансформационные исследования: новый приоритет государств после пандемии. М.: Ин-т Гайдара, 2020.

Дежина И.Г., Ключарев Г.А. Российские Концепции международного научно-технического сотрудничества: смена драйверов развития // Социология науки и технологий. 2020. Т. 11. № 4. С. 51–68.

Дежина И.Г., Кузнецов Е.Н., Коробков А.В., Васильев Н.В. Развитие сотрудничества с русскоязычной научной диаспорой: опыт, проблемы, перспективы. М.: РСМД, 2015.

Душина С.А., Ащеулова Н.А. Международные лаборатории: шанс сохранить науку в России (по материалам интервью с инсайдерами) // Наука. Инновации. Образование. 2014. № 16. С. 119–138.

Земнухова Л.В. "Мегагранты": как управляются международные лаборатории // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2017. № 3 (33). С. 114–125.

Инглхарт Р., Карабчук Т.С., Моисеев С.П., Никитина М.В. Международные научно-исследовательские лаборатории в России: субъективная и объективная оценка результативности // Форсайт. 2013. № 4. С. 44–59.

Индикаторы науки: 2018: статистический сборник / *Н.В. Городникова, Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский и др.*; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2018.

Индикаторы науки: 2021: статистический сборник / *Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский, Е.И. Евневич и др.*; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2021.

Ключарев Г.А., Неверов А.В. Проект "5–100": некоторые промежуточные итоги // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2018. Т. 18. № 1. С. 100–116.

Коцемир М.Н. Динамика российской и мировой науки сквозь призму международных публикаций // Форсайт. 2012. Том 6. № 1. С. 38–58.

Шматко Н.А., Волкова Г.Л. Знание иностранных языков российскими учеными // Наука. Технологии. Инновации. Экспресс-информация. М.: ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, 24.10.2018. URL: https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/226629690 (дата обращения: 31.03.21).

Abramo G., D'Angelo C.A., Solazzi M. Are researchers that collaborate more at the international level top performers? An investigation on the Italian university system // Journal of Informetrics. 2011. No. 5(1). P. 204–213.

Abramo G., D'Angelo C.A., Di Costa F. The collaboration behavior of top scientists // Scientometrics. 2019. No. 118. P. 215–232.

Agasisti T., Shibanova E., Platonova D., Lisyutkin M. The Russian Excellence Initiative for higher education: a nonparametric evaluation of short-term results // International Transactions in Operational Research. 2020. Vol. 27. No. 4. P. 1911–1929.

Bozeman B., Youtie J., Slade C.P., Gaughan M. The "dark side" of academic research collaborations: Case studies in exploitation, bullying and unethical behavior. Paper prepared for the Annual Meeting of the Society for Social Studies of Science (4S). October 17–20, 2012. Copenhagen Business School: Frederiksberg, Denmark.

Dezhina I.G. Russian-French scientific collaboration: Approaches and mutual attitudes // Sociology of Science and Technology. 2018. Vol. 9. No. 1. P. 101–115.

Glänzel W., Schubert A. Analyzing scientific networks through co-authorship // Handbook of Quantitative Science and Technology Research / Eds. *H.F. Moed, W. Glänzel, U. Schmoch*. Springer, Dordrecht, 2004. P. 257–276.

Laudel G. What do we measure by co-authorships? // Research Evaluation. 2002. No. 11(1). P. 3–15.
Matthews K.R.W., Yang E., Lewis S.W., Vaidyanathan B.R., Gorman M. International scientific collaborative activities and barriers to them in eight societies // Accountability in Research. 2020. Vol. 27. No. 8. P. 477–495.
Matveeva N., Ferligoj A. Scientific collaboration in Russian universities before and after the excellence initiative Project 5–100 // Scientometrics. 2020. No. 124. P. 2383–2407.
Sher G. From Pugwash to Putin. A critical history of US-Soviet Scientific Cooperation. Indiana University Press, 2019.
Shore B., Cross B. Exploring the role of national culture in the management of large-scale international science projects // International Journal of Project Management. 2005. No. 23. P. 55–64.
Sugimoto C.R., Robinson-Garcia N., Murray D.S., Yegros-Yegros A., Costas R., Larivière V. Scientists Have the Most Impact When They're Free to Move // Nature. 2017. No. 550. P. 29–31.
Wagner C.S. The Collaborative Era in Science: Governing the Network. Cham, CH: Palgrave Macmillan, 2018.
Wilson C.S., Markusova V. Changes in the scientific output of Russia from 1980 to 2000, as reflected in the International Science Citation Index (WoS), in relation to national politico-economic changes // Scientometrics. 2004. No. 59 (3). P. 345–389.
Katz J.S., Martin B. What is Research Collaboration? // Research Policy. 1997. No. 26(1). P. 1–18.

Статья поступила: 05.04.21. Финальная версия: 14.04.21. Принята к публикации: 10.05.21.

REFERENCES

INTERNATIONAL COLLABORATIONS OF THE UNIVERSITY SCIENCE: INCENTIVES AND OBSTACLES

DEZHINA I.G.*, KLIUCHAREV G.A.**

**Skolkovo Institute of Science and Technology, Leading Researcher at the Institute for Economic Policy named after E.T. Gaidar, Russia; **Institute of Sociology of FCTAS RAS, National Research University "Moscow Power Engineering Institute", Russia*

Irina G. DEZHINA, Dr. Sci. (Econ.), Head of the Department for Analysis of Scientific and Technological Development, Skolkovo Institute of Science and Technology, Leading Researcher at the Institute for Economic Policy named after E.T. Gaidar (degina@iep.ru); *Grigory A. KLIUCHAREV, Dr. Sci. (Philos.), Head of the Center for Sociology of Education and Science, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Prof. of the Department of Philosophy, Sociology, Political Science named after G.S. Arefieva of the National Research University "Moscow Power Engineering Institute"* (Kliucharev@mail.ru)*. Both – Moscow, Russia.*

Abstract. The article analyzes models of interaction between Russian university science and world science. The relationship between various forms of international scientific collaboration (joint research projects, participation in international conferences and academic exchange) in modern socio-political environment has been evaluated. Analysis of geography and incentives for international scientific cooperation based on the survey data from 223 experts (vice-rectors for research, vice-rectors for international relations, leaders of large international projects) representing 112 Russian universities, showed that international cooperation is significantly diversified by types of work and countries of cooperation. In general, it reflects the structure of international cooperative linkages that are characteristic for Russian science as a whole. Traditional and "light" types (participation in conferences, mutual visits, and joint articles) mainly represent the prevailing forms of cooperation. Much less, universities are involved in projects related to commercial applications of research results.

Keywords: science, universities, international cooperation, forms of scientific cooperation, incentives and obstacles.

Abramo G., D'Angelo C.A., Solazzi M. (2011) Are researchers that collaborate more at the international level top performers? An investigation on the Italian university system. *Journal of Informetrics.* No. 5(1): 204–213.

Abramo G., D'Angelo C.A., Di Costa F. (2019) The collaboration behavior of top scientists. *Scientometrics.* No. 118: 215–232.

Agasisti T., Shibanova E., Platonova D., Lisyutkin M. (2020) The Russian Excellence Initiative for higher education: a nonparametric evaluation of short-term results. *International Transactions in Operational Research*. Vol. 27. No. 4: 1911–1929.

Arefyev A.L., Sheregi F.E. (2014) *Foreign students in Russian higher education institutes.* Ministry of education and science of the Russian Federation. Moscow: TSI. (In Russ.)

Bozeman B., Youtie J., Slade C.P., Gaughan M. (2012) *The "dark side" of academic research collaborations: Case studies in exploitation, bullying and unethical behavior.* Paper prepared for the Annual Meeting of the Society for Social Studies of Science (4S). Copenhagen Business School: Frederiksberg, Denmark.

Dezhina I.G. (2018) Russian-French scientific collaboration: Approaches and mutual attitudes. *Sociology of Science and Technology.* Vol. 9. No. 1: 101–115.

Dezhina I.G. (2020) *Transformational research: new priority of the state after the pandemic*. Moscow: In-t Gaidara. (In Russ.)

Dezhina I.G., Kliucharev G.A. (2020) Russian Concepts of International Scientific-Technological Cooperation: Changing Drivers of Development. *Sociologiya nauki I tekhnologii* [Sociology of Science and Technology]. Vol. 11. No. 4: 51–69. (In Russ.)

Dezhina I.G., Kuznetsov E.N., Korobkov A.V., Vasilyev N.V. (2015) *Development of Collaboration with Russian-Speaking Research Diaspora: Experience, Problems, Prospects*. Moscow: RSMD. (In Russ.)

Dushina S.A., Asheulova N.A. (2014) International laboratories: chance to save science in Russia (based on interviews with insiders). *Nauka. Innovatsii. Obrazovanie* [Science. Innovation. Education]. No.16: 119–138. (In Russ.)

Glänzel W., Schubert A. (2004) *Analyzing scientific networks through co-authorship.* Handbook of Quantitative Science and Technology Research. Eds. H.F. Moed, W. Glänzel, U. Schmoch. Springer, Dordrecht: 257–276.

Gorodnikova N.B., Gokhberg L.M., Ditkovsky K.A. et al. (2018) *Indicators of science: 2018:* statistical collection. Moscow: NIU VSHE.

Gokhberg L.M., Ditkovsky K.A., Evnevich E.I. et al. (2021) *Indicators of science: 2021:* statistical collection. Moscow: NIU VSHE.

Inglehart P., Karabchuk T., Moiseev S., Nikitina M. (2013) International Research Laboratories in Russia: Factors Underlying Scientists' Satisfaction with Their Work. *Forsait* [*Foresight-Russia*]. *V*ol. 7. No. 4: 44–59. (In Russ.)

Kliucharev G.A., Neverov A.V. (2018) Project "5–100": some interim results. *Vestnik RUDN. Ser.: Sotsiologiya* [Bulletin of the RUDN. Sociology Series]. Vol. 18. No. 1: 100–116. (In Russ.)

Kotsemir M. (2012) Dynamics of Russian and World Science through the Prism of International Publications. *Forsait* [*Foresight-Russia*]. Vol. 6. No. 1: 38–58. (In Russ.)

Laudel G. (2002) What do we measure by co-authorships? *Research Evaluation.* No. 11(1): 3–15.

Matthews K.R.W., Yang E., Lewis S.W., Vaidyanathan B.R., Gorman M. (2020) International scientific collaborative activities and barriers to them in eight societies. *Accountability in Research*. Vol. 27. No. 8: 477–495.

Matveeva N., Ferligoj A. (2020) Scientific collaboration in Russian universities before and after the excellence initiative Project 5–100. *Scientometrics*. No. 124: 2383–2407.

Sher G. (2019) *From Pugwash to Putin. A critical history of US-Soviet Scientific Cooperation.* Indiana University Press.

Shmatko N.A., Volkova G.L. (2018) Knowledge of foreign languages by Russian scientists. *Express-information "Science. Technology. Innovations"*. Moscow: ISIEZ NRU-HSE. URL: https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/226629690 (accessed 31.03.21). (In Russ.)

Shore B., Cross B. (2005) Exploring the role of national culture in the management of large-scale international science projects. *International Journal of Project Management*. No. 23: 55–64.

Sugimoto C.R., Robinson-Garcia N., Murray D.S., Yegros-Yegros A., Costas R., Larivière V. (2017) Scientists Have the Most Impact When They're Free to Move. *Nature.* No. 55: 29–31.

Wagner C.S. (2018) *The Collaborative Era in Science: Governing the Network*. Cham, CH: Palgrave Macmillan.

Wilson C.S., Markusova V. (2004) Changes in the scientific output of Russia from 1980 to 2000, as reflected in the International Science Citation Index (WoS), in relation to national politico-economic changes. *Scientometrics*. No. 59 (3): 345–389.

Zemnukhova L.V. (2017) "Megagrants": how international laboratories are operated. *Problemy deyatelnosti iuchenogo v nauchnykh kollektivah* [Problems of the scientist's activity in research teams]. No. 3(33): 114–125. (In Russ.)

Katz J.S., Martin B. (1997) What is Research Collaboration? *Research Policy*. No. 26 (1):1–18.

Received: 05.04.21. Final version: 14.04.21. Accepted: 10.05.21.

© 2021 г.

Е.С. БОГОМЯГКОВА, Е.Е. ПОПОВА

«УСТАЛОСТЬ СОСТРАДАТЬ» В ПРАКТИКАХ МЕДИАПОТРЕБЛЕНИЯ (на примере отношения к проблематизации распространения COVID-19)

БОГОМЯГКОВА Елена Сергеевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории социологии (e.bogomyagkova@spbu.ru); *ПОПОВА Екатерина Евгеньевна – бакалавр социологии* (katya.popova9898@mail.ru). *Обе – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.*

Аннотация*. Статья содержит результаты эмпирического исследования эффекта «усталости сострадать» в практиках медиапотребления активных пользователей Интернета и социальных сетей, проведенного весной 2020 г. методом онлайн-опроса. В качестве кейса анализировались используемые современными СМИ стратегии проблематизации ситуации распространения COVID-19. Актуальность обращения к данной теме обусловлена двумя основными обстоятельствами: слабой разработанностью проблематики сложных и нелинейных отношений медиа и аудитории в российском социологическом дискурсе и беспрецедентной медико-социальной ситуацией, сопровождавшейся чрезмерной активностью СМИ. В результате в целевой группе был обнаружен эффект «усталости сострадать» уже в течение первого месяца эпидемии как реакция на содержание медиасообщений, описаны его проявления и некоторые детерминанты, выявлены гендерные и возрастные различия в восприятии информации о коронавирусе и способах эмоционального реагирования. Исследование зафиксировало рост усталости и раздражения среди респондентов, связанный с целенаправленным уклонением от получения новых сведений. Значимым фактором эмоционального выгорания является оценка новостей о коронавирусе как драматичных и сенсационных. При этом контент интернет-ресурсов оценивается более негативно по сравнению с телевизионным и в большей степени вызывает отрицательные переживания. Полученные данные свидетельствуют о резистентности активных интернет-пользователей к мобилизации с помощью стратегий драматизации, применяемых СМИ. Достаточно быстрое эмоциональное выгорание аудитории в первую волну эпидемии объясняется тем, что сегодня «усталость сострадать» становится априорной установкой, а современные практики медиапотребления могут быть описаны с помощью метафоры серфинга на гребне информационных волн.*

Ключевые слова: *«усталость сострадать» • интернет-пользователи • медиапотребление • проблематизация • COVID-19 • социальные сети • вовлеченность*

DOI: 10.31857/S013216250012269-8

Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ (проект № 18-18-00132).

Актуальность и постановка проблемы. Развитие средств массовой коммуникации в XX в. сформировало потребителя новостей, стремящегося быть в курсе последних событий. XXI в. с его экспансией Интернета и социальных сетей не только превратил пассивного реципиента информационного контента в активного и креативного просьюмера, но и сделал принципиально невозможным его выход из насыщенного медиапространства. Непрерывное восприятие, транслирование и производство сообщений развлекательного и новостного характера порождают страх упустить что-нибудь важное (FOMO – fear of missing out). Это выражается в потребности постоянно оставаться «на связи». Бурное развитие традиционных и цифровых информационных источников, в роли которых выступают и сами пользователи, обострило и без того жесткую конкуренцию между ними за общественное внимание. Стремясь привлечь и удержать интерес аудитории, ограниченный в том числе размерами «лишнего сострадания» ("surplus compassion") [Hilgartner, Bosk, 1988], медиа отбирают, интерпретируют и представляют общественности острые вопросы повестки дня, а синергия коммуникационных каналов усиливает воздействие информационных потоков. Применяя различные стратегии проблематизации, СМИ не только формируют у публики картину мира, но и вызывают интенсивный эмоциональный отклик, инициируют социальную активность.

Вопросы эффективности воздействия медиа на аудиторию занимают значительную нишу в исследованиях массовых коммуникаций. При этом остаются лакуны в понимании и объяснении сложных, нелинейных отношений между реципиентами информационного контента и источником сообщений. Одним из малоизученных феноменов является эффект «усталости сострадать», под которым понимают реакцию аудитории на насыщение медиапространства негативной информацией о драматичных событиях и социальных проблемах. Как правило, это выражается в формировании утомления и безразличия, сопровождающихся целенаправленным отказом от получения новостей, отчуждением и нежеланием инициировать коллективные действия, направленные на изменение ситуации [Borer, 2012; McIntyre, 2017; McIntyre, 2019; Moeller, 1999; Tester, 2001]. Именно об «усталости сострадать» проблеме COVID-19 в период первой волны эпидемии со стороны активных пользователей Интернета пойдет речь в данной статье. Актуальность темы обусловлена двумя основными обстоятельствами.

Во-первых, реакции эмоционального выгорания публики в результате опосредованной коммуникации зачастую ускользают от взгляда отечественных ученых. Поиск по словосочетанию «усталость сострадать» в базе данных РИНЦ выдает восемь релевантных публикаций, содержащих лишь два эмпирических социологических кейса. В зарубежных исследованиях массовых коммуникаций и социальных проблем еще со времен Р. Мертона и П. Лазарсфельда [Лазарсфельд, Мертон, 2002] этой проблематике уделяется большое внимание. «Усталость сострадать» рассматривается и как пассивный ответ массовой аудитории, противопоставляемый интересу, вовлеченности и энтузиазму [Haavisto, Maasilta, 2015], и как «активный взгляд в сторону» [Seu, 2003]. Она может быть длительной или мгновенной, глобальной или локальной реакцией, индивидуальной практикой или коллективной установкой. Большинство работ посвящено поиску факторов, детерминирующих рассматриваемый эффект. Как правило, ученые сосредотачиваются на анализе содержания медиасообщений, связывая эмоциональный отклик публики со способами репрезентации ситуаций [Maier, 2015; Ong, 2014] и различными журналистскими техниками [Haavisto, Maasilta, 2015; McIntyre, 2017].

Полученные разными исследователями результаты весьма противоречивы. С одной стороны, по данным С. Майера, риторические приемы оказывают незначительное воздействие на онлайн-аудиторию, тогда как тема сообщения и географическая близость освещаемого события влияют на частоту комментариев пользователей, количество лайков в Facebook и практики цифрового обмена [Maier, 2015]. С другой стороны, привыканию и скуке способствует стереотипизация социальных проблем и их участников («жертв» и «спасателей») [Hoijer, 2004; Moeller, 1999], а информационные сообщения, трактуемые

как пропагандистские или фейковые, существенно снижают интерес аудитории к событиям [Haavisto, Maasilta, 2015]. Такие свойства медиаконтента, как акцент на сенсационности, преобладание «плохих» новостей, неспособность представить контекст ситуации и повышенное внимание к проблемам, а не к их решениям, оказались значимыми факторами эмоционального выгорания аудитории в исследовании американских ученых [Kinnick et al., 1996]. Согласно их данным, степень интенсивности медиапотребления также вносит вклад в эмоциональную опустошенность зрителей, а общественный интерес зависит от типа проблемы. Констатируются социокультурная, гендерная, классовая обусловленность «усталости сострадать» [Hoijer, 2004], а также существование разных форм сочувствия и равнодушия [Haavisto, Maasilta, 2015]. В российском контексте данные о связи медиастратегий проблематизации ситуации с эмоциональными реакциями публики, и в частности с возникновением эффекта «усталости сострадать», отсутствуют. Имеющиеся исследования в основном обращаются к контенту печатных и телевизионных СМИ. Наше внимание сконцентрировано на активных пользователях Интернета и их практиках медиапотребления. Полагаем, что интерактивный формат цифровых медиа, обеспечивая большую вовлеченность аудитории, вызывает и более интенсивный и быстрый эмоциональный ответ.

Во-вторых, в качестве кейса будут рассмотрены применяемые СМИ способы интерпретации и проблематизации ситуации распространения COVID-19 в период первой волны эпидемии – в марте–апреле 2020 г. Текущая пандемия – событие беспрецедентное не только в силу глобальных медико-социальных последствий, но и в связи с тем, что впервые в истории эпидемический процесс сопровождается массовым использованием технологий и социальных сетей, что позволяет вести наблюдение в режиме реального времени. Жесткие ограничения «живого» взаимодействия, вступившие в силу весной 2020 г., повысили значимость коммуникации, опосредованной медиа. По данным ВЦИОМ, в апреле 2020 г., по сравнению с февралем, на 6 п.п. увеличилась доля россиян, использующих Интернет для получения новостей о жизни в городе, стране или мире (89 и 83% соответственно)[1]. Пользователи, постоянно погруженные в колоссальные потоки онлайн- и офлайн-информации, содержащей как достоверные данные, так и фейки, оказались в крайне уязвимой позиции. Обеспокоенная сложившимся положением дел ВОЗ фактически констатировала разворачивание двух эпидемий: с одной стороны, экспансию биологического вируса, а с другой – инфодемию – распространение «вируса» информационного[2]. По данным Интерфакс[3] на 20 марта 2020 г., каждая третья публикация в нашей стране была посвящена COVID-19; число упоминаний о вирусе в российских СМИ превышало 114 тыс. в сутки во время недели замеров. Согласно результатам опроса ВЦИОМ[4], на 19 марта 2020 г. о коронавирусе знали 99% россиян, а 59% были уверены, что эта болезнь опасней, чем сезонный грипп[5]. Изучение практик медиапотребления новостей о COVID-19 и способов реагирования аудитории на переизбыток противоречивых сведений в период первой волны оправданно и еще по одной причине. Возникшая ситуация была абсолютно новой, не имеющей аналогов в повседневном опыте человека, а потому СМИ сначала обладали практически неограниченной властью в формировании мнений и установок аудитории. Колоссальная неопределенность сложившейся обстановки и эмоциональная

[1] Сеть как спасение. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10221 (дата обращения: 05.04.2021).

[2] Борьба с инфодемией на фоне пандемии COVID-19: поощрение ответственного поведения и уменьшение пагубного воздействия ложных сведений и дезинформации. URL: https://www.who.int/ru/news/item/23-09-2020-managing-the-covid-19-infodemic-promoting-healthy-behaviours-and-mitigating-the-harm-from-misinformation-and-disinformation (дата обращения: 05.04.2021).

[3] Каждая третья новость в российских СМИ рассказывает о коронавирусе. URL: https://www.interfax.ru/russia/700150 (дата обращения: 05.04.2021).

[4] И снова о коронавирусе: что думают россияне? URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10205 (дата обращения: 05.04.2021).

[5] Россияне опасаются коронавируса и ищут пути защиты от него. URL:https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10173 (дата обращения: 05.04.2021).

перегрузка, вызванная в том числе режимом самоизоляции, обострили чувствительность публики к медиадискурсу. По мере адаптации к иной реальности люди в своих оценках стали реже опираться на сведения, поставляемые СМИ, и все чаще – на личный опыт и информацию, полученную в межличностном общении.

Дизайн эмпирического исследования. Для выявления связи эмоциональных реакций активных пользователей Интернета с их практиками медиапотребления и информационным контентом авторы провели эмпирическое исследование. Мы стремились обнаружить эффект «усталости сострадать» по отношению к проблеме коронавируса в период первой волны эпидемии, а также описать его проявления и детерминанты. Сбор данных производился спустя месяц после начала активных карантинных мероприятий в нашей стране, что позволило зафиксировать реакции аудитории на насыщение медиадискурса сообщениями о новом вирусе. Эмоциональное выгорание публики в период пандемии может быть обусловлено в том числе кардинальными изменениями образа жизни (режим самоизоляции, переход к дистанционному формату занятости и т.д.). При этом цель нашего исследования состояла в определении вклада медиа в этот процесс. По данным ФОМ, на пике пандемии за новостями о коронавирусе внимательно следили более 70% наших сограждан, совсем не были вовлечены в этот процесс лишь 2–3%. По состоянию на конец июля 2020 г., 36% респондентов наблюдали за этой темой внимательно, 41% – не очень внимательно, 22% – совсем не следили. При этом среди последних половина раньше отслеживала новости на эту тему, а на момент опроса перестали[6]. Несмотря на то что в данном исследовании описываются некоторые используемые респондентами стратегии получения информации, за рамками интереса оказываются спектр эмоций по поводу содержания новостей, а также их связь с практиками целенаправленного ограничения медиапотребления.

В ходе настоящего исследования фиксировались: информированность респондентов о проблеме коронавируса и о последних событиях, связанных с эпидемией; переживания, которые проблема вызывает у человека, а также практики потребления медиаконтента (активный поиск информации либо уклонение от нее). В качестве факторов, способных оказать влияние на возникновение «усталости сострадать», проверке подверглись: интенсивность просмотра новостей о COVID-19 и основные источники информации (традиционные СМИ или «новые» медиа); оценка респондентами содержания новостного контента; обсуждение проблемы коронавируса с другими людьми. Поскольку одно содержание может восприниматься по-разному, мы, не в пример большинству западных исследований, принимали в расчет субъективные оценки информационных сообщений. Отдельно анализировались социально-демографические различия в проявлении «усталости сострадать».

Объект исследования – не население в целом и не вся аудитория СМИ, а активные пользователи Интернета и социальных сетей. Соответственно, наиболее эффективный для рекрутинга указанной целевой группы метод онлайн-опроса, который и был использован. Он[7] был размещен в двух официальных группах: социальной сети «ВКонтакте» – «Хитрый Петербург» (109 600 тыс. подписчиков) и «Объявления ПУНК, ВУНК, ДУНК, СПбГУ – Студенты СПб» (11 900 тыс. подписчиков), а также на личной странице одного из авторов в период с 25 апреля по 6 мая 2020 г. Выбор этих площадок был обусловлен значительным количеством участников сообществ, доступностью поля и готовностью администрации ресурсов сотрудничать. Анализ данных проводился с помощью программы SPSS Statistics (ver. 20), $p(\text{Sig.}) < 0{,}05$ была принята значимой.

Выборка составила 253 человека, из них 75,1% женщин и 24,9% мужчин. Формат онлайн-опроса предопределил возрастной состав опрошенных, основная доля которых

---

[6] Внимание к теме коронавируса со стороны россиян. URL: https://covid19.fom.ru/post/vnimanie-k-teme-koronavirusa-so-storony-rossiyan (дата обращения: 05.04.2021).

[7] Данные были собраны при помощи Ресурсного центра Научного парка СПбГУ «Социологические и интернет-исследования» (проект № 106-17101).

принадлежит представителям более молодых поколений, традиционно являющихся главными пользователями Интернета: 37,9% в возрасте 18–24 лет, 24,9% – 25–34 лет, 18,6% – 35–44 лет, 11,5% – 45–54 лет. Среди респондентов лишь 3,6% относятся к категории 55–66 лет и 2,4% старше 65 лет. 59,5% имеют высшее образование, 25,8% – неоконченное высшее образование, 10,3% – среднее профессиональное образование.

Практики медиапотребления. Как и следовало ожидать, большинство опрошенных (61,7%) регулярно следило за актуальной информацией о коронавирусе. 36% имели представление о проблеме, однако не интересовались новостями, и лишь 2,3% респондентов что-то слышали о COVID-19 и не были осведомлены о последних событиях. Значимых гендерных и статусных различий в данных практиках обнаружено не было. При этом с увеличением возраста респондента росла его осведомленность о проблеме.

Наиболее популярными источниками информации о COVID-19 являются официальные группы в социальных сетях и сайты интернет-СМИ (например, «Лентач», «Медуза», «РБК» и т.д.) – их использовали 58,9% опрошенных. 49,4% узнавали новости из разговоров с родными, близкими, друзьями. 26,9% обращались для этих целей к телевидению, 23,3% – к YouTube ресурсам центральных телеканалов, журналистов и т.д. 17,4% использовали электронные издания газет и журналов. Развлекательные паблики в социальных сетях (8,7%), а также такие традиционные медиа, как радио (9,1%) и печатные версии газет и журналов (2,4%), являлись наименее привлекательными ресурсами для аудитории. Предсказуемо, что опрошенные в возрасте 18–54 лет предпочитали получать информацию о коронавирусе из социальных сетей и сайтов интернет-СМИ, а представители группы старше 55 лет использовали для этих целей центральные телеканалы.

Больше половины респондентов (57,1%) смотрели/читали/слушали новости о коронавирусе 1–2 раза в день, 16,5% обращались к информационным каналам 3–5 раз в день, 9,5% опрошенных – 6 и более раз в день. 12,5% не смотрели/не читали сообщения о COVID-19. При этом осведомленность респондентов о проблеме росла с увеличением частоты потребления новостей (критерий Спирмена 0,5, Sig. = 0,00). Поскольку ситуация с коронавирусом была принципиально нова и неопределенна, то респонденты не просто ежедневно узнавали последние сведения (как, например, фиксировал ФОМ), но делали это несколько раз в течение дня. В то же время такие практики медиапотребления оказываются вполне рутинными для активных пользователей Интернета и скорее демонстрируют непрерывное погружение в Сеть.

Почти половина респондентов (49,4%) полагала, что стали тратить меньше времени на просмотр новостей о вирусе за последний месяц; 45,4% были уверены, что их практики медиапотребления не изменились, 5,3% затруднились с ответом. Таким образом, примерно у половины опрошенных было отмечено снижение интереса к проблематике COVID-19 уже на протяжении первого месяца эпидемии – в марте–апреле 2020 г. 57,3%, принявших участие в исследовании (сумма ответов «согласен» и «скорее согласен»), признались, что им приходилось целенаправленно избегать информации о вирусе. 40,9% отрицали уклонение от медиасообщений, при этом категорично делали это лишь 11,9%. Среди игнорировавших новости 66,2% пролистывали сообщения в ленте в социальных сетях, 53,8% сократили время на просмотр пабликов интернет-СМИ и чтение новостей, а 34,5% полностью отказались от данных практик, 43,4% перестали смотреть новости по телевизору. При этом лишь 20,7% прекратили участие в обсуждениях в группах в социальных сетях/форумах и 13,1% перестали ставить лайки и делать репосты сообщений на личную страницу в социальных сетях. Среди тех, кто целенаправленно продолжал интересоваться новостями о коронавирусе, 52,8% читали сообщения о COVID-19 в группах или на сайтах интернет-СМИ/официальных телеканалов, 36% искали более подробную информацию в Интернете, 16,7% включались в просмотр телевизионного контента (делали громче звук, фокусировали внимание). Наименее распространенные способы поиска информации о вирусе: участие в обсуждениях в социальных сетях/форумах (3,7%), лайки и репосты (3,7%), а также увеличение громкости звука радио (1,9%).

Подавляющее большинство (90,9%) обменивались мнениями о проблеме с другими людьми, при этом значимых гендерных и возрастных различий обнаружено не было. Наиболее популярные способы: личные встречи (не использовали лишь 22,5%), телефонная и компьютерная аудио- и видеосвязь, например, звонки по мобильному телефону, в скайпе, WhatsApp, Zoom (не использовали 35%); личная переписка в социальных сетях (совсем не применяли 20,1%). Лишь четверть респондентов (27,1%) оставляли комментарии под новостными постами в социальных сетях, а также ставили лайки и делали репосты. Обычно обсуждали COVID-19 с родственниками 88,9% опрошенных, 79% – с друзьями и знакомыми, 51,3% делились новостями с коллегами, лишь 3% дискутировали с незнакомыми людьми (например, с сотрудниками магазинов, банков).

Оценка новостного контента о проблеме коронавируса. Одна из задач исследования состояла в определении восприятия аудиторией различных стратегий проблематизации проблемы COVID-19. Предлагаемые для оценки новости были разделены на условно «позитивные» – акцентирующие положительные аспекты эпидемиологической ситуации, и условно «негативные» – подчеркивающие отрицательные последствия распространения вируса. Респондентам предлагалось выразить свое согласие или несогласие со степенью насыщенности медиапространства различными типами сообщений. Сводные результаты, полученные при объединении вариантов ответа «согласен» и «скорее согласен», а также «не согласен» и «скорее не согласен», представлены в таблице 1. Подавляющее большинство опрошенных согласны с тем, что преобладали новости, подчеркивающие масштабность проблемы коронавируса, – таких 77,1%. Этот вариант набрал и меньшее количество несогласных (7,9%), а также сомневающихся (15%). Примерно поровну разделились согласные и несогласные с превалированием сообщений, акцентирующих отрицательные последствия эпидемии для страны. Почти половина (46%) опрошенных полагала, что наиболее распространена драматичная информация, и лишь треть (33,8%) видела избыток сенсаций.

В блоке условно «позитивные» новости лидирующие позиции заняла информация, отражающая меры, принятые для решения проблемы коронавируса в нашей стране. Считают, что такие сообщения занимают значительную долю медиаконтента, 53,8% респондентов. Вместе с тем не согласны, что новости содержат информацию об успехах здравоохранения по борьбе с вирусом, 38,3%, а 49,6% опрошенных недостаточно информации о мобилизации населения для решения проблемы COVID-19. В целом респонденты более охотно соглашались с тем, что в медиа преобладают негативные сообщения, подчеркивающие отрицательные последствия ситуации, а не ее решения.

Помимо этого, участники исследования могли самостоятельно охарактеризовать содержание информационных потоков, проблематизирующих эпидемию. Полученные комментарии можно сгруппировать следующим образом. Первая группа подчеркивает пресыщение информацией о COVID-19: «*переизбыток информации о вирусе отбивает желание вообще читать новости*», «*они заполонили все новости, 9/10 новостей о коронавирусе*». Второй блок содержит оценки новостного контента как неопределенного и пугающего: «*вгоняют людей в панику и депрессию», «преобладают новости, оставляющие ощущение …неизвестности*». Третья группа делает акцент на пропагандистском характере медиаконтента: «*много излишне надоедливой пропаганды, противостояния точек зрения относительно коронавируса, бесконечные ток-шоу*», «*раздутая проблема*». Опрошенные также считали, что «*СМИ нагнетают массовую истерию*», и отмечали, что способ подачи материала, доминирование информации о коронавирусе в медиадискурсе «*отбивают желание*» читать/слушать/смотреть новости; такие сообщения надоедают. Интересно, что в ответах на открытый вопрос поднимались темы легитимности медиаэкспертизы и (не)доверия источникам информации: «*каждый второй стал экспертом в области вирусологии*», «*много фейковой информации*», «*тотальное вранье на государственных телеканалах*», «*очень много диванных аналитиков*».

По мнению респондентов, сетевой контент в большей степени по сравнению с содержанием телевизионных новостей насыщен драматичной информацией, а также сведениями,

Таблица 1

Оценка медиасообщений (*в %, N = 253*)

	Преобладают новости	Сумма ответов согласен/ скорее согласен	Сумма ответов не согласен/ скорее не согласен	Затруднились ответить
«Негативные» новости	Подчеркивающие масштабность проблемы коронавируса	**77,1**	7,9	15
	Содержащие драматичную информацию о проблеме коронавируса	46,0	32,1	21,9
	Отражающие негативные последствия коронавируса для страны	39,3	35,1	25,6
	Сенсационные новости о проблеме коронавируса	33,8	43	23,2
«Позитивные» новости	Отражающие меры, принятые для решения проблемы коронавируса	53,8	15,3	30,9
	Подчеркивающие деятельность государства в борьбе с вирусом	43,6	29,8	26,6
	Отражающие успехи здравоохранения	26,6	38,3	35,1
	Подчеркивающие мобилизацию населения для решения проблемы коронавируса	23	49,6	27,4

подчеркивающими масштабность проблемы и отражающими негативные последствия COVID-19 для страны. В то же время опрошенные полагали, что центральные телеканалы делают акцент на деятельности государства в борьбе с вирусом.

Эмоциональные реакции на проблему COVID-19. В ходе исследования мы стремились выявить эмоциональные реакции аудитории в отношении освещения темы коронавируса российскими медиа, а также изменения эмоционального фона на протяжении первого месяца эпидемии (табл. 2). В начале режима самоизоляции страх, панику и отчаяние испытывали 23% опрошенных, а спустя месяц их доля сократилась до 10,9%, что не позволяет рассматривать этот период как классическую «моральную панику». Лишь 16,9% и 18,2% респондентов соответственно проявляли интерес и желание что-либо сделать в отношении сложившейся ситуации, т.е. большинство демонстрировало пассивное потребление медиаконтента и проявляло низкую социальную активность. Важно, что подобные эмоции статистически значимо связаны с декларацией дефицита информации о мобилизации населения для решения проблемы коронавируса (критерий Спирмена 0,179, Sig. = 0,049): те, кто не испытывал интерес и желание изменений, чаще соглашались с недостатком новостей о мобилизации, и наоборот. Наиболее существенно на протяжении марта–апреля 2020 г. выросла доля ощущающих усталость и раздражение в отношении транслируемой информации о вирусе: если в начале введения активных карантинных мероприятий таких было 13,9%, то месяц спустя их количество увеличилось до 47,8%. Практически не изменились доли тех, кто остался равнодушным и безразличным к новостям, – таких порядка 20%, значит, проблема COVID-19 волновала людей. Любопытно, что на 6,3 п.п. сократилось количество «спокойных» респондентов, т.е. отмечался небольшой рост тревоги.

Участники исследования имели возможность описать в свободной форме свои эмоции в отношении проблемы (35,2% опрошенных оставили свои комментарии). Здесь также

Таблица 2

Характеристики испытываемых эмоций при потреблении информации о коронавирусе
(*в %, N = 253*)

Эмоции	Испытывал месяц назад*	Не испытывал месяц назад**	Испытываю сейчас*	Не испытываю сейчас**
Страх, паника и отчаяние	23	61,9	10,9	67,7
Усталость и раздражение	**13,9**	**73**	**47,8**	**40,4**
Равнодушие и безразличие	22,9	63,1	22	62,7
Спокойствие	**37,1**	40,6	**30,8**	41,9
Вера в лучшее	52,9	24,8	50,4	30,2
Скептицизм	32,8	45,5	34,3	41,4
Интерес и желание что-либо сделать в отношении проблемы	16,9	62,3	18,2	54,4

Примечание. *Сумма ответов «согласен» и «скорее согласен»; **сумма ответов «не согласен» и «скорее не согласен».

можно выделить наиболее часто встречающиеся типы суждений. Во-первых, был зафиксирован факт «нормализации» проблемы коронавируса: «*уже не воспринимается как что-то сверхъестественное и необычное… привычные новости, несмотря на статистику заразившихся и умерших, ощущение обыденности*». Во-вторых, респонденты вновь указывали на состояние усталости от чрезмерного потока сообщений: «*уже надоело это все обсуждать», «скука, раздражение*». В-третьих, часть опрошенных признавалась в практиках избегания новостей, а также выражала обеспокоенность противоречивостью медиасообщений: «*желание не читать ничего по этой теме*», «*растерянность из-за разной информации, которую транслируют СМИ*». Кроме того, респонденты отмечали тревогу, в том числе за состояние своих родных и близких, особенно пожилых, а также проявляли сочувствие медикам как основной жертве COVID-19. Ключевую роль в формировании отрицательных эмоций опрошенные приписывали транслируемой медиаинформации о коронавирусе.

Переживания респондентов варьируют в зависимости от источника сведений. Например, усталость и раздражение, а также страх и панику в большей степени вызывают новости, размещенные на сайтах и в официальных группах интернет-СМИ в социальных сетях. Кроме того, пользователи Интернета более скептично настроены к получаемой информации. А вот спокойствие и вера в лучшее, как правило, свойственны преимущественно зрителям центральных телеканалов.

В большей степени усталость и раздражение проявляются у респондентов, полагающих, что в информационном пространстве преобладают драматичные новости о вирусе (критерий Спирмена 0,3, Sig. = 0,00), а также сенсационные сообщения (критерий Спирмена 0,11, Sig. = 0,00). Данные переживания оказались статистически значимо связаны с практиками избегания новостей о проблеме (критерий Спирмена -0,3, Sig. = 0,00): если среди респондентов, не уклоняющихся от медиаконтента, лишь 13,8% испытывают подобные переживания, то среди тех, кто целенаправленно игнорирует новости о COVID-19, таких 51,8%. Опрошенные, испытывающие усталость и раздражение, склонны меньше обсуждать проблему с другими людьми (18%) по сравнению с теми, кому эти эмоции совсем не свойственны (2,3%). Резкое увеличение респондентов, ощущающих усталость и раздражение по отношению к новостям на протяжении марта–апреля 2020 г., а также связь эмоций с изменениями практик медиапотребления позволяют говорить о возникновении «усталость сострадать» в отношении проблемы коронавируса уже в первую волну эпидемии. Интересно, что данные настроения не связаны с интенсивностью обращения к медиаконтенту (критерий Спирмена 0,054, Sig. = 0,3). Однако, по сравнению с другими группами, среди тех, кто вообще не смотрит/не слушает новости о коронавирусе,

наибольшую долю составили испытывающие усталость и раздражение, что косвенно подтверждает наличие связи между негативными эмоциями и отказом от активного медиапотребления.

Мужчины в меньшей степени, чем женщины (критерий Спирмена 0,2, Sig. = 0,02), испытывают усталость и раздражение и соответственно реже избегают новостей (критерий Спирмена -0,22, Sig. = 0,003). В то время как среди женщин 63,6% (сумма ответов «согласен» и «скорее согласен») признались в практиках уклонения от информации, среди мужчин таких 38,1%. Полагаем, что выявленные гендерные различия объясняются не столько отличиями в восприятии медиаконтента, сколько разницей в социальном и культурном нормировании эмоций и неодинаковыми ожиданиями, предъявляемыми к представителям разного пола. Статистически значимых различий в проявлении подобных переживаний по критериям образования, возраста и уровня дохода выявить не удалось. Однако в группах с доходами менее 20 тыс. руб./в месяц и более 100 тыс. руб./в месяц сравнительно бóльшие, по сравнению с другими группами, доли респондентов испытывают усталость и раздражение. Вероятно, эти категории оказались в наиболее уязвимой позиции в результате эпидемии. Полагаем, что вторых волнует перспектива лишения собственного бизнеса или высоких доходов, а первых – возможная потеря средств к существованию. Среди испытывающих усталость и раздражение основную долю составляют респонденты в возрасте 18–54 лет, т.е. наиболее экономически активная группа населения, а также главные пользователи Интернета и социальных сетей. В меньшей степени подобные переживания свойственны опрошенным старше 55 лет. Выявленные различия могут объясняться предпочтением разных источников информации: контент интернет-СМИ оценивается более негативно и соответственно вызывает отрицательные переживания. Старшее поколение предпочитает телевизионные новости и присваивает им позитивные значения, что, в свою очередь, определяет спектр испытываемых ими эмоций. Полагаем, что на разницу в оценках медиаканалов влияет доверие к ним и уверенность в правдивости демонстрируемого контента.

Выводы. В ходе эмпирического исследования был обнаружен эффект «усталости сострадать» в отношении проблемы коронавируса среди активных пользователей Интернета и социальных сетей. Хотя любые эмоциональные реакции являются феноменом мультифакторным, установленные статистически значимые связи позволяют говорить о вкладе медиа в их формирование. Были выявлены эмоциональные и поведенческие проявления «усталости сострадать», а также некоторые детерминанты изучаемого эффекта. Эмпирически он выражается в нарастании усталости и раздражения аудитории от информационного потока, сопровождающихся целенаправленным избеганием новостей. Основной вклад в эмоциональное выгорание пользователей вносит насыщение медиадискурса сообщениями, оцениваемыми пользователями как драматичные и сенсационные, а потому злоупотребление СМИ подобным контентом приводит не к привлечению аудитории, а к ее «уходу». Вопреки ожиданиям именно сетевой контент воспринимается респондентами более негативно, по сравнению с телевизионным, и в большей степени вызывает отрицательные переживания. Обусловленный возрастом опыт потребления «новых» медиа определяет и оценки ситуации с новым вирусом: респонденты старших возрастов в целом настроены более позитивно. В то же время женщины в большей степени склонны испытывать эмоциональное выгорание по сравнению с мужчинами. Своеобразной профилактикой «усталости сострадать» являются практики обсуждения текущей ситуации с другими людьми. Полученные результаты не позволяют делать выводы о направленности обнаруженной связи, а потому отсутствие межличностной коммуникации может выступать не столько причиной эмоционального выгорания, сколько его следствием и говорить о прекращении вовлечения в проблему в целом.

Данные исследования свидетельствуют о резистентности активных пользователей Интернета и социальных сетей к мобилизации с помощью стратегий проблематизации и драматизации событий, используемых современными СМИ. Сверхинтенсивное

медиапотребление и невозможность выхода из Сети, свойственные данной группе, приводят к тому, что «усталость сострадать» становится для ее участников априорной установкой. Именно поэтому эмоциональное выгорание в случае с COVID-19 проявилось в их ответах на вопросы исследования так быстро (спустя месяц после начала эпидемии). Вероятно, интерес и вовлеченность, равно как усталость и раздражение, являются достаточно сильными, но кратковременными реакциями активных интернет-пользователей, а их практики медиапотребления могут быть описаны метафорой серфинга на гребне все новых информационных волн.

В то же время респонденты ощущают недостаток сведений о мобилизации населения для решения проблемы коронавируса, а интерес и желание что-либо сделать в отношении сложившейся ситуации в апреле–мае 2020 года испытывали только 18,2%. С одной стороны, данный факт говорит о преобладании среди Интернет-пользователей пассивного потребления медиаконтента. С другой стороны, можно сделать вывод о парадоксальности функционирования современных СМИ. С точки зрения эффективности воздействия на аудиторию (ее привлечения и вовлечения) преимуществом обладают не доминирующие в информационном поле стратегии драматизации ситуации, а производство «позитивного» контента, нехватку которого декларируют участники исследования.

Настоящее исследование является лишь первым шагом на пути изучения сложных и нелинейных воздействий медиа на аудиторию и обладает некоторыми ограничениями. Во-первых, небольшой объем выборки не позволяет говорить о достаточной репрезентативности, а потому полученные результаты с уверенностью могут быть распространены только на участников онлайн-опроса. Во-вторых, за рамками внимания оказались такие вероятные детерминанты «усталости сострадать», как близость к проблеме (личный опыт инфицирования COVID-19 либо среди ближайшего окружения), доверие источникам информации, профессия и др. Вместе с тем получены актуальные данные о современных практиках медиапотребления активных интернет-пользователей, которые дают возможность формулировать новые исследовательские вопросы и проверять их в иных контекстах и с использованием других инструментов.

В условиях усиливающейся медиатизации общества, обусловливающей все более интенсивное погружение аудитории в потоки информации, распространения постправды и фейковых новостей, проблематика эмоционального выгорания имеет широкие перспективы дальнейшего изучения. Поскольку «усталость сострадать» предполагает наличие не только эмоционального компонента, но и поведенческого, оправданно вести речь об «усталости от вовлечения» и сфокусировать внимание не только на объяснении равнодушия публики, но и уклонения ее от социального участия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

Лазарсфельд П.Ф., Мертон Р.К. Наркотизирующая дисфункция средств массовой коммуникации / Хрестоматия / Пер. с англ.; сост. *И.Г. Ясавеев.* Казань: Казан. ун-т, 2000. С. 185–186. [Lazarsfeld P.F., Merton R.K. (2000) Narcotizing Dysfunction of Mass Communication. In: *Mass Communication and Social Problems*. Trasl. from Eng., compl. by I.G. Yasaveev. Kazan: Kazansk. un-t: 185–186. (In Russ.)]

Borer T.A. (2012) Introduction: Willful Ignorance – News Production, Audience Reception and Responses to Suffering. In: Borer T.A. (ed.). (2012) *Media, Mobilization, and Human Rights: Mediating Suffering.* New York: Zed Books.

Haavisto C., Maasilta M. (2015) Towards a Journalism of Hope? Compassion and Locality in European Mediations of Distant Suffering. *Critical Arts*. Vol. 29. No. 3: 327–341. DOI: 10.1080/02560046.2015.1059548.

Hilgartner S., Bosk Cl. (1988) The Rise and the Fall of Social Problems: A Public Arenas Model. *American Journal of Sociology.* Vol. 94. No. 1: 53–78. DOI: 10.1086/228951.

Hoijer B. (2004) The Discourse of Global Compassion: The Audience and Media Reporting of Human Suffering. *Media, Culture and Society.* Vol. 26. No. 4: 513–531. DOI: 10.1177/0163443704044215.

Kinnick K.N., Krugman D.M., Cameron G.T. (1996) Compassion Fatigue: Communication and Burnout toward Social Problems. *Journalism & Mass Communication Quarterly.* Vol. 73. No. 3: 687–707. DOI: 10.1177/107769909607300314.

Maier S.R. (2015) Compassion Fatigue and the Elusive Quest for Journalistic Impact: A Content and Reader-Metrics Analysis Assessing Audience Response. *Journalism & Mass Communication Quarterly.* Vol. 92. No. 3: 700–722. DOI: 10.1177/1077699015599660.

McIntyre K. (2017) Motivating News Audiences: Shock them or Provide them with Solutions? *Communication & Society.* Vol. 30. No. 1: 39–56. DOI: 10.15581/003.30.1.39-56.

McIntyre K. (2019) Solutions Journalism. *Journalism Practice.* Vol. 13. No. 1: 16–34. DOI: 10.1080/17512786.2017.1409647.

Moeller S.D. (1999) *Compassion Fatigue: How the Media Sell Disease, Famine, War and Death.* New York: Routledge.

Ong J.C. (2014) "Witnessing" or "Mediating" Distant Suffering? Ethical Questions across Moments of Text, Production, and Reception. *Television & New Media.* Vol. 15. No. 3: 179–196. DOI: 10.1177/1527476412454687.

Seu B. (2003) Your Stomach Makes You Feel that You Don't Want to Do Anything about It': Desensitization, Defense Mechanisms and Rhetoric in Response to Human Rights Abuses. *Journal of Human Rights.* Vol. 2. No. 2: 183–196. DOI: 10.1080/1475483032000078170.

Tester K. (2001) *Compassion, Morality and the Media.* Buckingham: Open University Press.

Статья поступила: 14.10.20. Финальная версия: 02.02.21. Принята к публикации: 19.04.21.

THE EFFECT OF "COMPASSION FATIGUE" IN PRACTICES OF MEDIA CONSUMPTION (the Case of the Attitude to the COVID-19 Problematization)

BOGOMIAGKOVA E.S.*, POPOVA E.E.*

**St. Petersburg State University, Russia*

Elena S. BOGOMIAGKOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof. of the Department of Theory and History of Sociology (e.bogomyagkova@spbu.ru); *Ekaterina E. POPOVA, Bachelor of Sociology* (katya.popova9898@mail.ru). *Both – St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.*

Acknowledgements. This article was prepared with support from the Russian Science Foundation, project No. 18-18-00132.

Abstract. The article presents the main results of the empirical study of the effect of "compassion fatigue" in the media consumption practices of active users of the Internet and social networks, conducted in the spring of 2020 via an online survey. The strategies of problematization of COVID-19 using by the media in current Russia were in our focus. The relevance of addressing this topic is due to two main factors: the shortage of research of complex and nonlinear relations between the media and the audience in Russian sociological discourse, and the unprecedented medical and social situation, accompanied by infodemic. The manifestations of the public burnout, the main factors of its formation, as well as some socio-demographic differences, gender first, in the perception of news about coronavirus were discovered. As a result, an increase in tiredness and irritation among respondents in the first month of the epidemic is recorded. Its strongly statistical correlation with purposeful avoidance of information about the current situation indicates "compassion fatigue" of Internet users. The assessment of news about coronavirus as dramatic and sensational is a significant factor of negative emotions, while the intensity of media consumption does not play a key role. The obtained data indicate the resistance of active Internet users to strategies of dramatization of situation. The rather rapid emotional burnout of the audience in the first wave of the epidemic is explained by the fact that today "compassion fatigue" becomes an a priori attitude. So, modern media consumption practices can be described using the metaphor of surfing on the crest of information waves.

Keywords: "compassion fatigue", Internet users, media consumption, problematization, COVID-19, social networks, involvement.

Received: 14.10.20. Final version: 02.02.21. Accepted: 19.04.21.

© 2021 г.

Ю.В. ВЕСЕЛОВ, Н.Г. СКВОРЦОВ

ДОВЕРИЕ В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

ВЕСЕЛОВ Юрий Витальевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии (y.veselov@spbu.ru); *СКВОРЦОВ Николай Генрихович – доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии* (n.skvortsov@spbu.ru). *Оба – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.*

***Аннотация**. Доверие в современном мире становится социальной, моральной и политической, а также и экономической категорией. Доверие связано с уровнем трансакционных издержек в экономике, поэтому общество низкого доверия (доверия граждан друг другу; доверия государства гражданам и граждан государству; доверия цифровым системам и технологиям) не может обеспечить необходимый уровень экономического роста и общественного благосостояния. В цифровом обществе проблема доверия еще более актуальна: экономические трансакции осуществляются в мобильных приложениях на смартфонах; оплата товаров и услуг происходит с помощью телефонов; поиск работы смещается в социальные сети; информация все больше представляется через интернет-каналы. Как формируется доверие цифровым системам, цифровым источникам информации, цифровой экономике? Каков уровень этого доверия? Это ключевые исследовательские вопросы данной статьи. В ее первой части авторы рассматривают сравнительные исследования доверия и раскрывают природу трансформации доверия: от доверия личностного характера к институциональному доверию и затем цифровому. Во второй части представлены результаты эмпирического исследования цифрового доверия (на примере Санкт-Петербурга): телефонный опрос, N = 1032, выборка репрезентативна по основным социально-демографическим параметрам; серия глубинных интервью. В заключительной части статьи авторы характеризуют социальные эффекты цифровизации и определяют препятствия развитию цифрового доверия.*

***Ключевые слова:** доверие • межличностное доверие • институциональное доверие • сравнительная социология доверия • экономика доверия • цифровое доверие*

DOI: 10.31857/S013216250012556-4

Введение. Сравнительная социология доверия. Несколько лет назад на улицах Санкт-Петербурга можно было увидеть постеры с надписью: «*Доверие. Что это? Расскажите вашим детям! Все равно?!*» Эта социальная реклама призывала взрослых объяснять детям важность доверия в жизни. Однако мы, занимаясь более 20 лет исследованием доверия в России, как теоретическим, так и эмпирическим, затруднились бы в нескольких словах объяснить – тем более ребенку – что такое доверие. Это сложный многогранный феномен, трактовать его однозначно не получается. В классическом определении Э. Гидденса: «Доверие может быть определено как уверенность в надежности человека или системы...» [Giddens, 1990: 34]. В нем, как и в социальной рекламе доверия, молчаливо предполагается, что доверие – общественное благо, которое необходимо в семье и в обществе. Действительно, многие ученые подчеркивают принадлежность доверия к категориям морали («Доверие между людьми – это хорошо, а недоверие – плохо») [Uslaner, 2002]; доверие объявляется социальным капиталом [Putnam, 1999], источником экономического роста и процветания [Fukuyama,1995]. Но является ли общественным благом доверие властям в авторитарных, тоталитарных обществах (особенно если вспомнить

Статья опубликована при поддержке РФФИ, грант 20-011-00155 А.

ситуацию в Германии, Италии и СССР 1930-х гг.)? Как объяснить высокий уровень доверия в преступных сообществах [Gambetta, 1993]? Необходимо ли полное доверие в рамках фирмы? М. Грановеттер подчеркивает: избыточное доверие в экономической организации только провоцирует обман; необходимо сочетание доверия и контроля [Granovetter, 1985: 481–510]. П. Штомпка обращает внимание на то, что развитая демократия предполагает определенный уровень недоверия между ветвями власти [Sztompka,1999]. Значит, доверие в обществе и в экономике необходимо не максимальное, а оптимальное – определенный баланс доверия и недоверия, наиболее эффективный в социальном плане. Так называемое слепое доверие ничего, кроме проблем, не принесет. Кроме того, теперь мы лучше понимаем, что каждое общество имеет собственную культуру доверия, которая формируются за длительный период времени. Поэтому не так просто применять общую социологическую парадигму модернизации в объяснении трансформации доверия.

В сравнительной социологии доверия сложился фрейм видения России как общества с низким его уровнем. Ф. Фукуяма в книге «Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию» (1995) делит страны мира на три группы. К государствам с высоким уровнем доверия он относит либеральные демократии (США, Германия, Япония); традиционалистские страны (Китай, Франция, Италия) характеризуются высоким уровнем доверия в семье (familistic trust), но низкой степенью генерализированного и институционального доверия; страны Восточной Европы и Россию он причисляет к «атомизированным обществам» с самым низким уровнем социального капитала и доверия. В 2006 г. В.Э. Шляпентох опубликовал статью, в которой утверждал, что уровень доверия общественным институтам в России – один из самых низких в мире [Shlapentokh, 2006: 153–174].

Однако сравнительные эмпирические исследования уровня доверия в разных странах, проведенные в 1990-е и 2000-е гг., показали иную картину. Наивысшим уровнем межличностного доверия, наряду со скандинавскими странами, обладает Китай. США не так сильно отличаются в этом отношении от России (табл. 1). Есть страны с феноменально низким уровнем межличностного доверия (Турция), что не мешает им достигать высоких темпов экономического роста, при этом никакого отношения к социализму эти страны не имели (о сравнительном исследовании доверия подробнее см.: [Рукавишников, 2008: 17–25]).

Таблица 1

Доверие в Китае, России, Швеции, Турции, США, *2017–2018* (*в %*)

«Если говорить в целом, вы считаете, что большинству людей можно доверять или нужно быть очень осторожными в отношениях с людьми?»	Китай (2018)	Россия (2018)	Швеция (2018)	Турция (2018)	США (2017)
Большинству людей можно доверять	63,5	22,8	62,8	14,0	37,0
Надо быть очень осторожным	35,7	73,9	35,7	84,1	62,5
Не знаю	–	3,0	1,2	1,6	0,4
Отказ от ответа	0,8	0,3	0,4	0,2	0,4
N	3036	1838	1198	2415	2596

Источник: World Values Survey, Wave 7, 2017–2020.

Сравнительные данные никак не вписываются в либеральную теорию доверия («чем выше уровень демократии, тем выше уровень доверия»), поэтому сразу стали говорить, что в Китае абсолютно другое повседневное понимание того, что такое доверие, оно воспринимается китайцами, в отличие от остального мира, совершенно иначе. Как тогда объяснить разницу в уровне институционального доверия? В России правительству доверяют 50,7% респондентов (ровно столько же, сколько в Швеции), а в США – 33,1% (данные World Values Survey, Wave 7, 2017–2020; также см.: [Терин, 2020: 144–157]). Похоже, доверие оказалось гораздо более сложным социальным феноменом, чем это представлялось

социологам 1990-х гг. (и нам в том числе). Поэтому важным видится развитие социальной истории и теории доверия, объясняющей, как возникает и трансформируется доверие в зависимости от общественных изменений [Hosking, 2013: 1–25].

Процессы трансформации и модернизации доверия. Как понимали доверие в науке XVIII в.? А. Смит в «Теории нравственных чувств» (1759) с позиции сенсуалистской философии пишет, что доверие – врожденное чувство, ребенок рождается с полным чувством доверия, а потом в семье и школе его обучают недоверию. «Благоразумие и опытность научают нас недоверию», – пишет он [Смит, 1997: 324–325]. В XX в. доверие все больше трактуют как рациональную конструкцию и объясняют с точки зрения теории рационального выбора [Эльстер, 2011].

Как происходит процесс исторической модернизации доверия? В самом общем виде вектор изменений выглядит так: от доверия личностного характера (к конкретному индивиду), основанного на чувстве, на коллективной установке, формируемого в крестьянских сообществах (общинах), – к доверию безличному, институциональному, индивидуализированному, основанному на рациональности и воспроизводимому в городских обществах. В традиционном, аграрном обществе круг доверия («радиус доверия») узок: люди доверяют членам семьи или соседской общины; поскольку все свои и нет чужих, то отсутствует и риск взаимодействия с ними [Веселов, 2004: 109–134]. Это доверие личностного типа (персонализированное доверие), традиционное и патриархальное. В городских сообществах в эпоху модерна появляется фигура чужого – по каким правилам с ним взаимодействовать? [Стоянов, 2004: 32–49]. Возникает риск обмана или агрессии. Для решения этой проблемы появляется современный социальный механизм доверия. Доверие решает именно проблему риска, утверждает Н. Луман [Luhmann, 1996: 104–107]. В отношениях между людьми возникают принимаемые всеми правила доверия и разделение институционализированных ролей – один выступает в роли trustor (тот, кто оказывает доверие); другой – в роли trustee (тот, кто принимает доверие) [Coleman, 1990: 91]. Доверие теперь в большей степени институциональное.

Если модернизация снижает роль доверия личности, как объяснить абсолютное доверие тоталитарным лидерам в 1930-е гг.? Дело в том, что процессы урбанизации связаны с массовой миграцией крестьян в города («окрестьянивание» городского населения» – 80% населения в Петербурге конца XIX в. из крестьян). Бывшие жители деревни приносят стереотипы доверия общинного типа: доверие личностное – доверяют не функции, не институту, а конкретному лидеру; от него требуют власти по типу «сильной руки». Так возникает тоталитарное доверие, которое после 1950-х гг. как будто исчезает, все больше уступая место институционализированному доверию. Однако то в одной стране, то в другой мы видим рецидивы возникновения этого типа доверия.

В нынешнем столетии доверие все более трансформируется в «цифровое», т.е. в доверие людям, институтам, организациям, опосредованное цифровыми технологиями коммуникации. Общение происходит в большой степени в Интернете: нужно учиться доверять не просто другим людям, а тем, кто представлен в социальных сетях; цифровым институтам, цифровому правительству. И экономические институты все больше приобретают цифровой характер: оплата через мобильные приложения банков; покупки смещаются в сторону интернет-магазинов. Мы покажем в данной статье, как цифровое доверие соотносится с обычным межличностным доверием; как социальные группы (разделяемые по полу; возрасту; образованию и доходу) включены в этот цифровой мир; как они по-разному формируют доверительные отношения вообще и к цифровым технологиям и цифровой экономике в частности. Тема эта в большой степени новая, не разработанная ни в отечественной, ни в зарубежной теории социологии доверия.

Динамика доверия. Начиная исследование доверия в конце 1990-х (теоретическое и эмпирическое), мы предполагали, что рыночные преобразования будут способствовать трансформации системы доверия и приведут к накоплению социального капитала и росту межличностного доверия. Но реальность оказалась другой: в исследованиях World Values Survey, Wave 2 показано, что уровень доверия в СССР в 1990 г. составлял 34,7%; в 2006 г.,

Wave 5, он снизился до 24,6%; в 2011 г., Wave 6, поднялся до 27,8%; а в 2018 г., Wave 7, опустился до 22,8%. Можно, конечно, объяснять такое снижение доверия с 34,7 до 22,8% переменами в России в этот период. Однако и в США уровень межличностного доверия снизился с 50% в 1990 г. до 37% в 2018 г., а в Китае повысился с 59,4% в 1990 г. до 63,5% в 2018 г. Единственное, что оправдалось в наших предположениях, – высокий уровень доверия в предпринимательской среде.

В нашем эмпирическом исследовании, которое проводилось в Санкт-Петербурге в июле 2020 г. (телефонный опрос, N = 1032, выборка репрезентативна по основным социально-демографическим параметрам; опрос проводился в июле 2020 г. Центром социологических и интернет-исследований СПбГУ, руководитель С.М. Снопова), мы задавали для измерения межличностного доверия тот же вопрос, что и в World Values Survey: «*Если говорить в целом, вы считаете, что большинству людей можно доверять или надо быть очень осторожным в отношениях с людьми?*» (Подчеркнем, что, строго говоря, доверие и осторожность – это противоположности разных сущностей, то есть можно и доверять людям, и одновременно быть осторожным; однако для сравнения мы ничего не меняли в форме вопроса.) В целом в Петербурге уровень доверия немного выше среднего по стране, что объяснимо, – в крупных городах всегда уровень доверия выше [Гудков, 2012]. Он составляет 25,7%. Но для сферы бизнеса (для тех, кто определяли себя как бизнесмен или индивидуальный предприниматель) он составляет 44,6%; это самый высокий показатель среди видов занятости. Самый низкий (ожидаемо) у государственных служащих – 14,3%. Тем не менее наш общий вывод не изменился: рыночные институты, становление которых происходило последние 30 лет, не повысили уровень межличностного доверия и социальный капитал в российском обществе. Рыночная экономика развивалась своим путем (можно сказать довольно успешно), а гражданское общество – своим.

Цифровое доверие. Что происходит с доверием в России в эпоху цифровых трансформаций? Каков уровень цифрового доверия? Эти вопросы были в центре нашего исследования. К задачам относилось определение уровня доверия в социальных сетях (типа Facebook), анализ его социальной структуры; исследование доверия к институтам цифровой экономики; доверие «цифровому правительству» (интернет-портал ГосУслуги); анализировались риски в цифровой среде и ее социальная эффективность.

Мы спрашивали респондентов: «*Доверяете ли вы друзьям или подписчикам в социальных сетях (типа ВКонтакте, Facebook, Instagram)?*» Изначально мы предполагали, что доверие в них сильно фрагментировано и ослаблено: зачастую не предполагая личного знакомства или взаимодействия индивидов. «Другом» в виртуальной реальности может быть незнакомый человек. Социальные связи в интернет-сетях похожи на то, что М. Грановеттер называл «слабыми связями», характеризующимися: а) незначительным временем общения; б) низкой эмоциональной интенсивностью; в) неразвитой реципрокностью взаимодействия; г) невысоким уровнем взаимного доверия (mutual confiding) [Granovetter, 1973: 1361]. Оказалось, что уровень доверия в сетях выше, чем в обычном межличностном общении: «полностью доверяет» своим «друзьям» в социальных сетях 15,2% респондентов и частично доверяет – 44,3% (в сфере бизнеса эти показатели выше – 16,9 и 61,4%).

Почему же уровень обычного межличностного общения ниже, чем уровень доверия в социальных сетях? В них люди формируют аккаунты, размещают данные о себе, демонстрируют свою реакцию на события, создавая необходимый объем информации для других, на основе которого вызревает решение о доверии/недоверии. Эта «личная история» в сети создает «капитал доверия», который может быть немедленно использован [Mazzella, Sundararajan et al., 2016: 24–31]. В обычном взаимодействии такой агрегированной информации для формирования доверия гораздо меньше. Кроме того, риски взаимодействия в социальной сети ниже, ведь в любом случае можно быстро исключить индивида из своего круга общения.

Рассмотрим подробнее, как распределяется это цифровое доверие в сетях (т.е. доверие своим «друзьям» или подписчикам в социальных сетях типа Facebook или ВКонтакте) по таким социальным факторам, как пол, возраст, образование и доход (табл. 2–4).

Таблица 2

Распределение сетевого доверия по полу и возрасту (*в % по столбцам*)

Показатели	Всего	Мужчины	Женщины	18–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60 лет и старше
Полностью доверяю	**15,2**	13,4	16,6	16,7	12,0	13,9	17,0	15,6
Частично доверяю	**44,3**	47,3	41,9	61,1	57,1	45,1	46,3	18,7
Скорее не доверяю, чем доверяю	**12,2**	13,0	11,6	11,1	14,9	16,2	9,6	10,7
Совсем не доверяю	**11,4**	12,4	10,7	8,5	9,1	13,3	13,8	12,6
Не пользуюсь	**12,7**	8,7	15,9	0,4	2,3	5,2	8,0	38,9
Не знаю	**4,2**	5,2	3,3	2,1	4,6	6,4	5,3	3,4
Отказ от ответа	**0,0**	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0

Таблица 3

Распределение сетевого доверия в зависимости от уровня образования (*в % по столбцам*)

Показатели	Всего	Начальное, неполное среднее	Среднее полное	Начальное профессиональное	Среднее профессиональное	Неполное высшее	Высшее
Полностью доверяю	**15,2**	6,3	20,8	12,2	13,0	18,6	15,4
Частично доверяю	**44,3**	6,3	32,1	43,9	39,1	64,4	48,3
Скорее не доверяю, чем доверяю	**12,2**	25,0	11,3	9,8	13,0	6,8	12,4
Совсем не доверяю	**11,4**	12,5	11,3	12,2	15,2	6,8	9,9
Не пользуюсь	**12,7**	50,0	17,9	12,2	15,2	3,4	10,3
Не знаю	**4,2**	0,0	6,6	9,8	4,3	0,0	3,7
Отказ от ответа	**0,0**	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0

Таблица 4

Распределение сетевого доверия в зависимости от дохода (*в % по столбцам*)

Показатели	Всего	Ниже прожиточного минимума	Соответствует прожиточному минимуму	Немного выше прожиточного минимума	Более чем в 2 раза выше прожиточного минимума	Более чем в 3 раза выше прожиточного минимума	Более чем в 10 раз выше прожиточного минимума	Отказ отвечать
Полностью доверяю	**15,2**	12,7	19,0	14,9	17,7	14,4	20,8	9,1
Частично доверяю	**44,3**	46,6	38,6	44,0	41,4	53,0	54,2	39,1
Скорее не доверяю, чем доверяю	**12,2**	11,9	11,1	12,9	12,6	14,4	0,0	10,9
Совсем не доверяю	**11,4**	11,0	16,3	9,3	7,6	11,6	4,2	18,2
Не пользуюсь	**12,7**	13,6	11,1	14,5	18,2	3,9	8,3	15,5
Не знаю	**4,2**	4,2	3,9	4,4	2,5	2,8	12,5	7,3
Отказ от ответа	**0,0**	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0

В целом социальные характеристики распределения цифрового доверия совпадают с распределением обычного межличностного. У мужчин и женщин примерно одинаков уровень цифрового доверия – отличие в том, что женщины меньше вовлечены в социальные сети (ответ «*не пользуюсь*» социальными сетями у них 15,9%; у мужчин 8,7%). Люди старшего возраста меньше пользуются социальными сетями, и уровень доверия у пожилых людей ниже – 34,3%, у молодежи выше – 77,8% (табл. 2). Образование, как и в случае с обычным доверием, повышает цифровое доверие; самое высокое доверие в сетях – у студентов (тех, кто относит себя к лицам с неполным высшим образованием) – 83% (табл. 3). Уровень дохода увеличивает сетевое доверие. Интересно, что меньше всего пользуются сетями представители не самой бедной категории граждан, а те, у кого доход в два раза выше прожиточного минимума (табл. 4).

Социальные сети расширяют круг общения, обеспечивая эффективную коммуникацию, но помогают ли они людям в реальной (не виртуальной) жизни? Мы спросили у респондентов: «*Помогают ли вам социальные сети (типа LinkedIn; Facebook; ВКонтакте) в поиске работы?*» (табл. 5).

Таблица 5

Эффективность социальных сетей при поиске работы (*в % по столбцам*)

Показатели	Всего	Мужчины	Женщины	18–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60 лет и старше
Да, помогают	**25,9**	27,3	24,7	37,2	40,6	4,9	4,5	7,6
Нет, не помогают	**46,8**	47,9	45,9	55,1	47,4	58,4	48,4	30,2
Не пользуюсь	**25,3**	22,1	27,8	6,0	9,7	15,0	25,0	59,9
Не знаю	**2,0**	2,6	1,6	1,7	2,3	1,7	2,1	2,3
Отказ от ответа	**0,0**	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0

Около четверти опрошенных указывают, что сети эффективны в поиске работы. Если для представителей старшего возраста они практически бесполезны, то для людей среднего возраста (30–39 лет) очень эффективны. Для бедных социальные сети почти так же действенны в поиске работы, как и для богатых. Объяснимо, что для фрилансеров эффект социальных сетей самый заметный; но почти так же выигрывает группа студентов и неквалифицированных рабочих; кроме того, лица с начальным профессиональным образованием чаще находят работу с помощью социальных сетей, чем люди с вузовскими дипломами.

Мы спросили респондентов: «*Способствует ли вообще цифровой мир (Интернет, социальные сети) повышению вашего благосостояния?*» Положительно ответила половина (49,9%) респондентов; ожидаемо, что влияние «цифры» на старшее поколение

Таблица 6

Влияние цифрового мира на благосостояние пользователей (*в % по столбцам*)

Показатели	Всего	Мужчины	Женщины	18–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60 лет и старше
Да, способствует	**26,3**	33,4	20,5	45,7	32,6	24,3	19,7	10,7
Способствует только частично	**23,6**	24,7	22,8	26,9	33,7	27,2	23,4	11,8
Совсем не влияет на мое благосостояние	**44,1**	39,5	47,8	27,4	32,0	47,4	52,1	59,2
Не пользуюсь	**4,7**	1,7	7,0	0,0	0,6	0,6	2,7	15,6
Не знаю	**1,4**	0,7	1,9	0,0	1,1	0,6	2,1	2,7
Отказ от ответа	**0,0**	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0

минимально, но обескураживает разрыв между мужчинами и женщинами, 47,8% которых отмечают, что социальные сети никак не влияют на их благосостояние (табл. 6).

Рассмотрим доверие цифровым экономическим институтам. Мы спросили респондентов: «*Насколько вы доверяете мобильным приложениям банков (типа Мобильный Сбербанк)?*» Оказалось, охват цифровыми банковскими приложениями очень высок – ими пользуются около 90% населения крупного города (если этот показатель верен, то это настоящая цифровая революция в экономической жизни): 33,4% респондентов доверяют

Таблица 7

Уровень доверия институтам цифровой экономики (мобильные банковские приложения) (*в % по столбцам*)

Показатели	Всего	Мужчины	Женщины	18–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60 лет и старше
Полностью доверяю	**33,4**	40,1	28,0	46,2	39,0	32,4	32,4	19,5
Частично доверяю	**33,9**	33,8	34,0	38,9	38,3	38,7	35,6	22,1
Скорее не доверяю, чем доверяю	**8,4**	7,4	9,3	6,4	14,3	12,1	5,9	5,7
Совсем не доверяю	**12,7**	10,6	14,4	7,7	4,6	14,5	14,4	20,2
Не пользуюсь	**10,0**	6,1	13,1	0,4	2,3	1,2	9,6	29,8
Не знаю	**1,4**	2,0	0,9	0,4	1,1	1,2	1,6	2,3
Отказ от ответа	**0,2**	0,0	0,4	0,0	0,0	0,0	0,5	0,4

им полностью, 33,9% – частично. С ростом дохода и уровня образования уровень доверия возрастает (табл. 7).

Доверие порталам «цифрового правительства» не столь высоко, как цифровым экономическим институтам, но все же значительно (табл. 8). Мы спросили респондентов: «*Насколько вы доверяете цифровому порталу ГосУслуги?*» Выяснилось, что 37,5% – полностью, 30,1% – частично (здесь наиболее активна возрастная группа 50–59 лет). На вопрос, насколько эффективен портал, 12,8% ответили: «Полностью эффективен». Видимо, сказывается личный неудачный опыт. В серии глубинных интервью один респондент заметил: «*Когда я пытался через ГосУслуги заказать загранпаспорт, то у меня не получилось, поэтому пока у меня к этому порталу доверие невысокое… в моем случае эффективность оказалась нулевой*»[1].

Таблица 8

Уровень доверия интернет-порталу ГосУслуги (*в % по столбцам*)

Показатели	Всего	Мужчины	Женщины	18–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60 лет и старше
Полностью доверяю	**37,5**	39,3	36,1	39,7	49,1	37,6	41,5	24,8
Частично доверяю	**30,1**	28,6	31,3	38,5	30,9	32,9	33,0	18,3
Скорее не доверяю, чем доверяю	**5,5**	6,3	4,9	6,0	8,6	4,6	4,8	4,2
Совсем не доверяю	**5,9**	6,9	5,1	6,0	4,0	8,7	4,8	6,1
Не пользуюсь	**19,4**	16,9	21,4	8,5	6,3	14,5	13,8	45,0
Не знаю	**1,6**	2,0	1,2	1,3	1,1	1,7	2,1	1,5
Отказ от ответа	**0,0**	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0

[1] Серия полуструктурированных глубинных интервью проводилась летом и осенью 2020 г., *N* = 23, цель – исследование доверия в сфере цифровых коммуникаций; интервью проводились в общественных пространствах (кафе и др.). Авторы благодарны Е.В. Капусткиной за помощь в проведении интервью.

Другие институты «цифрового правительства» не столь популярны. Например, цифровым порталом Федеральной налоговой службы «Налоги.ру» не пользуются 65,5% граждан. Тем не менее цифровым институтам правительства доверяют гораздо больше, чем обычным государственным организациям. Цифровые порталы обладают важным качеством – транспарентностью. Если для пользователей правила работы организации прозрачны, эффективны и логичны, говорил П. Штомпка, доверие к ним выше [Sztompka,1999: 71–90]. Кроме того, в «цифровом общении» граждан с государством исключаются личные факторы, даже малейшая возможность коррупции.

В области доверия средствам массовой информации жители Петербурга однозначно склоняются к интернет-источникам. Мы спросили: «*Кому вы больше доверяете: телевидению или YouTube?*» Оказалось, 40,2% доверяют YouTube и 24,1% – телевидению. Битву за пространство информации ТВ, скорее всего, проиграло. В то же время на вопрос «*Насколько можно доверять информации, получаемой через интернет-каналы?*» 1,3% отвечают полностью утвердительно, а 80,5% считают, что доверять информации можно только частично. Вот ремарка одного из респондентов (женщина, 65 лет): «*Дело в том, что мне уже даже не до телевидения, потому что планшет – это маленькое телевидение, которое сопровождает ту информацию, которая выплывает. Я на нее натыкаюсь. Я очень много лет была человеком, который совершенно не интересуется политикой. Но тут появилась возможность, и я вынуждена была что-то читать. Я начинаю нервничать. Я очень переживаю. Так вот, мой самый старший сын сказал очень хорошую фразу, когда я, наверное, доняла его своими переживаниями: "Надо иметь иммунитет к информации, которую ты получаешь из Интернета"*».

Обратная сторона распространения YouTube и других цифровых каналов информации – снижение доверия научному знанию. На место экспертов приходят так называемые инфлюенсеры – люди, которые сами себя назначили знатоками. Недостаток квалификации и опыта не мешает им делиться мнением с аудиторией. Поэтому в России снижается число тех, кто доверяет научному знанию. Исследования ВЦИОМ выявили: показатель абсолютного доверия ученым более чем в два раза снизился за прошедшие 10 лет [Наука и ученые..., 2020].

Очень важен вопрос теоретической дискуссии вокруг цифрового доверия: способно ли цифровое доверие изменить наше обычное доверие? Иными словами, повлияет ли рост цифрового доверия на изменение генерализированного доверия в обществе? С одной стороны, есть те, кто обвиняет Интернет и «цифру» в снижении общего уровня доверия в обществе; с другой стороны, находятся «цифро-оптимисты», которые настаивают, что мы вступаем благодаря Интернету в «новую эпоху доверия». Среди представителей первой точки зрения можно назвать Р. Патнэма, который в 1990-е гг. говорил, что массовое распространение телевидения и Интернета в США приводит к снижению уровня социализации и доверия [Putnam, 1999, ch. 8]. Согласны с ним многочисленные представители концепции «цифрового аутизма» [Lane, Radesky, 2019: 364–368]. Среди адептов чрезмерно оптимистической позиции профессор Нью-Йоркского университета А. Сандараджан и др. [Sundarajan, 2016].

Представляется более обоснованной третья, нейтральная, точка зрения Э. Усланера, который на основе многочисленных эмпирических данных доказывает, что «использование Интернета не разрушает доверие, но и не создает его; неважно, чем вы занимаетесь в сети, – вы не станете больше (меньше) доверять другим…» [Uslaner, 2000]. Наше исследование подтверждает этот вывод: для молодых людей характерен самый высокий уровень доверия «в цифре», однако у них это не приводит к его росту в реальности (межличностное доверие составляет 25,6% для группы 18–29 лет в сравнении с 30,9% для группы 50–59 лет). Однако в долгосрочной перспективе цифровое доверие может повлиять на уровень генерализированного его аналога в обществе. Есть и обратное влияние. Однако во всех странах за последние 20 лет – независимо от степени генерализированного доверия – происходил рост цифрового, что вызвано стремительным распространением технологий.

Тем не менее уровень риска в цифровой среде очень высок. Мы спросили респондентов: «*Как, по-вашему, велик ли риск обмана в интернет-среде?*» «Очень велик» – считают 52,6% опрошенных, о «среднем уровне риска» сказали 38,8%. Представители бизнеса и предприниматели оценивают этот риск выше – 49,4 и 42,2% соответственно.

На вопрос «*Сталкивались ли вы лично с попыткой интернет-мошенничества, фишинга, хищения денежных средств?*» 16% ответили положительно, отметив при этом, что часто, 51,3% сталкивались иногда. Около 90% бизнесменов и предпринимателей были жертвами утечки личных данных в Интернете. Наши респонденты жалуются на высокий уровень агрессии в интернет-среде: 35% отмечают, что в сети он очень высок; 44,6% называют его средним. Респонденты в большинстве считают, что становлению уважительных и доверительных отношений в интернет-среде более всего мешает низкий уровень культуры и образования. Для укрепления доверия, повышения безопасности и снижения уровня рисков в цифровой среде, прежде всего, необходимо совершенствовать цифровую грамотность населения, ведь работать с текстовым редактором умеют только 41,1% россиян (для людей в возрасте 55–64 лет – 28%); отправить электронную почту с прикрепленными файлами – 36,8% (55–64 лет – 24,7%); копировать или перемещать файл – 34,5% (55–64 лет – 20,5%) [Абдрахманова и др., 2019: 130].

Общие выводы. В разгар пандемии было много разговоров о том, что в трудных условиях локдауна, когда все бросились запасаться продуктами и закрылись в своих квартирах, уровень эгоизма среди людей повысился, а уровень альтруизма упал; что произошло «размывание» социального капитала и доверие между людьми разрушилось. Наше исследование в Петербурге показало, что это не так, – уровень генерализированного доверия в 2020 г. не снизился по сравнению с 2018 г. В то же время за последние 30 лет такое снижение действительно произошло – с 34,7% в 1990 г. до 22,8% в 2018 г. (что характерно и для других стран, например США). В этом плане ожидания, что рыночные трансформации в России автоматически приведут к созданию социального капитала и доверия, не оправдались.

В условиях снижения генерализированного доверия стала проявляться новая форма доверия – цифровое доверие. Проведенное исследование показывает, что уровень цифрового доверия в экономике и обществе высок в сравнении с уровнем межличностного и институционального доверия. Какова социальная структура цифрового доверия? Она практически идентична социальной структуре обычного межличностного доверия. Для всех показателей цифрового доверия его уровень выше среди лиц с высшим образованием; как правило, уровень доверия у молодежи выше, чем в среднем и пожилом возрасте; уровень цифрового доверия выше у мужчин, чем у женщин. Цифровой мир производит новые формы социального неравенства (явление, получившее название *digital divide* – цифровой разрыв); появляются те, кто теперь особым образом исключается из этого цифрового мира. Мы выявили в исследовании, что в большей степени цифровой разрыв связан не с различием бедных и богатых (цифровое общение в будущем скорее станет уделом бедных, а офлайн-общение, например, с учителем и врачом смогут позволить себе состоятельные граждане), а с различием в возрасте – пожилые люди, не обладая навыками цифровой грамотности, исключаются из цифрового мира. В незначительной степени цифровое неравенство наблюдается между мужчинами и женщинами – видимо, женщины менее решительно осваивают цифровые технологии и гаджеты. Полагаем, что цифровое доверие при определенных условиях в долгосрочной перспективе вполне может стать локомотивом изменения структуры доверия. Позволяет надеяться на это уровень оптимизма сограждан: в разгар пандемии 76,3% населения Петербурга продолжают верить в лучшее будущее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдрахманова Г.И., Вишневский К.О., Гохберг Л.М. Индикаторы цифровой экономики, 2019: статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2019.

Веселов Ю.В. Трансформация доверия в российском/советском обществе // Экономика и социология доверия. СПб.: Социол. об-во им. М.М. Ковалевского, 2004. С. 62–75.

Гудков Л. «Доверие» в России: смысл, функции, структура // Вестник общественного мнения. 2012. № 2(112). С. 8–47. DOI: 10.24411/2070-5107-2012-00011.

Наука и ученые на фоне пандемии: кризис общественного доверия? // ВЦИОМ. Аналитический обзор. 2020. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nauka-i-uchyonye-na-fone-pandemii-krizis-obshhestvennogo-doveriya (дата обращения: 27.01.2021).

Рукавишников В.О. Межличностное доверие: измерение и межстрановые сравнения // Социологические исследования. 2008. № 2. С. 17–25.

Смит А. Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997.

Стоянов К. Доверие и отчуждение: аспекты социологической концепции Г. Зиммеля // Экономика и социология доверия. СПб.: Социол. об-во им. М.М. Ковалевского, 2004. С. 32–49.

Терин Д.Ф. Политическое доверие, удовлетворенность и представления о причинах бедности: роль нормативных аспектов институтов в производстве доверия // ПОЛИС. Политические исследования. 2020. № 3. С. 144–157. DOI: 10.17976/jpps/2020.03.1.

Эльстер Ю. Объяснение социального поведения: Еще раз об основах социальных наук. М.: ВШЭ, 2011.

Coleman J. Foundations of Social Theory, Cambridge, MA: Cambridge University Press, 1990.

Fukuyama F. Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity. London: Hamish Hamilton, 1995.

Gambetta D. The Sicilian Mafia: The Business of Private Protection. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993.

Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge, UK: Polity Press, 1990.

Granovetter M. Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness // The American Journal of Sociology. 1985. Vol. 91. No. 3. P. 481–510. DOI: 10.1086/228311.

Granovetter M. The Strength of Weak Ties // The American Journal of Sociology. 1973. Vol. 78. No. 6. P. 1360–1380. DOI: 10.1086/225469.

Hosking G. Trust and Distrust in the USSR: An Overview // The Slavonic and East European Review. 2013. Vol. 91. No. 1. P. 1–25. DOI: 10.5699/slaveasteurorev2.91.1.0001.

Lane R., Radesky J. Digital Media and Autism Spectrum Disorders: Review of Evidence, Theoretical Concerns, and Opportunities for Intervention // Journal of Developmental & Behavioral Pediatrics. 2019. Vol. 40. No. 5. P. 364–368. DOI: 10.1097/DBP.0664.

Luhmann N. Familiarity, Confidence, Trust: Problems and Alternatives // Trust: Making and Breaking Cooperative Relations / Ed. by D. Gambetta. Oxford: Basil Blackwell, 1996. P. 104–107.

Mazzella F., Sundarajan A., D'Espouse V., Möhlmann M. How Digital Trust Powers the Sharing Economy // IESE Insight. 2016. Third Quarter. P. 24–31. DOI: 10.15581/002.ART-2887.

Putnam R. Bowling Alone. New York: John Wiley, 1999.

Shlapentokh V. Trust in Public Institutions in Russia: The Lowest in the World // Communist and Post-Communist Studies. 2006. Vol. 39. No. 2. P. 153–174. DOI: 10.1016/j.postcomstud.2006.03.004.

Sundarajan A. Entering a Trust Age // BlaBlaCar. 2016. May 24. URL: https://blog.blablacar.com/newsroom/news-list/entering-trust-age (дата обращения: 27.01.2021).

Sztompka P. Trust: A Sociological Theory. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 1999.

Uslaner E. The Moral Foundations of Trust. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 2002.

Uslaner E. Trust, Civic Engagement, and the Internet (Paper Prepared for the Joint Sessions of the European Consortium for Political Research, Workshop on Electronic Democracy: Moblisation, Organisation, and Participation via New ICTs, University of Grenoble, April 6–11, 2000). URL: https://ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/4dc050ea-4801-4984-acbb-647b8c118608.pdf (accessed 27.01.2021).

Статья поступила: 20.11.20. Финальная версия: 01.02.21. Принята к публикации: 28.04.21.

TRUST IN THE AGE OF DIGITAL TRANSFORMATIONS: A SOCIOLOGICAL STUDY

VESELOV Yu.V.*, SKVORTSOV N.G.*

**St. Petersburg State University, Russia*

Yuri V. VESELOV, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Head of the Economic Sociology Department. (y.veselov@spbu.ru); *Nikolay G. SKVORTSOV, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Dean of the Faculty of Sociology* (n.skvortsov@spbu.ru). *Both – St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.*

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of RFBR, project No. 20-011-00155 A.

Abstract. In the contemporary world, trust is becoming not only a social, moral and political, but also an economic category. Trust is related to and associated with the level of transaction costs in the economy, therefore, a society of low trust (low trust of citizens to each other; low trust of the state to citizens and citizens to the state; low trust in digital systems and technologies) cannot provide the required level of economic growth and social welfare. In a digital society, the problem of trust becomes even more urgent: economic transactions are carried out in mobile applications on smartphones; payment for goods and services is made through the mobile phones; job search is shifting to social networks; information is more and more presented via internet channels. How trust is generated in these digital systems; digital sources of information; digital economy? What is the level of this trust? These are the key research questions for this article. In its first part, the authors examine comparative studies of trust and reveal the nature of the transformation of trust: from personal trust to institutional trust and then digital trust. The second part presents results of an empirical study of digital trust (using the example of St. Petersburg): telephone survey, *N* = 1032, the sample is representative in terms of the main socio-demographic parameters; a series of in-depth interviews. In the final part of the article, the authors characterize the main social effects of digitalization and identify obstacles to the development of digital trust.

Keywords: trust, interpersonal trust, institutional trust, comparative sociology of trust, economics of trust, digital trust.

REFERENCES

Abdrakhmanova G.I., Vishnevsky K.O., Gokhberg L.M. (2019) *Indicators of the Digital Economy, 2019:* Statistical Collection. Moscow: VShE. (In Russ.)

Coleman J. (1990) *Foundations of Social Theory.* Cambridge, MA: Cambridge University Press.

Elster J. (2011) *Explaining Social Behavior: More Nuts and Bolts for the Social Sciences.* Moscow: VShE. (In Russ.)

Fukuyama F. (1995) *Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity.* London: Hamish Hamilton.

Gambetta D. (1993) *The Sicilian Mafia: The Business of Private Protection.* Cambridge, MA: Harvard University Press.

Giddens A. (1990) *The Consequences of Modernity.* Cambridge: Polity Press.

Granovetter M. (1973) The Strength of Weak Ties. *The American Journal of Sociology.* Vol. 78. No. 6: 1360–1380. DOI: 10.1086/225469.

Granovetter M. (1985) Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness. *The American Journal of Sociology.* Vol. 91. No. 3: 481–510. DOI: 10.1086/228311.

Gudkov L. (2012) "Trust" in Russia: Meaning, Functions, Structure. *Vestnik obschestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii* [The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions]. No. 2(112): 8–47. DOI: 10.24411/2070-5107-2012-00011. (In Russ.)

Hosking G. (2013) Trust and Distrust in the USSR: An Overview. *The Slavonic and East European Review.* Vol. 91. No. 1: 1–25. DOI: 10.5699/slaveasteurorev2.91.1.0001.

Lane R., Radesky J. (2019) Digital Media and Autism Spectrum Disorders: Review of Evidence, Theoretical Concerns, and Opportunities for Intervention. *Journal of Developmental & Behavioral Pediatrics.* Vol. 40. No. 5: 364–368. DOI: 10.1097/DBP.0664.

Luhmann N. (1996) Familiarity, Confidence, Trust: Problems and Alternatives. In: D. Gambetta (ed.) *Trust: Making and Breaking Cooperative Relations.* Oxford: Basil Blackwell: 104–107.

Mazzella F., Sundararajan A., D'Espouse V., Möhlmann M. (2016) How Digital Trust Powers the Sharing Economy. *IESE Insight.* Third Quarter: 24–31. DOI: 10.15581/002.ART-2887.

Putnam R. (1999) *Bowling Alone.* New York: John Wiley.

Rukavishnikov V.O. (2008) Interpersonal Trust: Measurement and Cross-country Comparisons. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 17–25. (In Russ.)

Science and Scientists amid a Pandemic: a Crisis of Public Trust? (2020) WCIOM. July 20. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nauka-i-uchyonye-na-fone-pandemii-krizis-obshhestvennogo-doveriya (accessed 27.01.2021).

Shlapentokh V. (2006) Trust in Public Institutions in Russia: The Lowest in the World. *Communist and Post-Communist Studies*. Vol. 39. No. 2: 153–174. DOI: 10.1016/j.postcomstud.2006.03.004.

Smith A. (1997) *Theory of Moral Sentiments.* Moscow: Respublika.

Stoyanov K. (2004) Trust and Alienation: Aspects of the Sociological Concept of G. Simmel. In: *Economics and Sociology of Trust.* St. Petersburg: Sotsiol. ob-vo im. M.M. Kovalevskogo: 32–49. (In Russ.)

Sundarajan A. (2016) Entering a Trust Age. *BlaBlaCar.* May 24. URL: https://blog.blablacar.com/newsroom/news-list/entering-trust-age (accessed 27.01.2021).

Sztompka P. (1999) Trust: A Sociological Theory. Cambridge, MA: Cambridge University Press.

Terin D.F. (2020) Political Trust, Satisfaction and Perceptions of the Causes of Poverty: the Role of the Normative Aspects of Institutions in the Production of Trust. POLIS. Politicheskie issledovaniya [POLIS. Political Studies]. No. 3: 144–157. DOI: 10.17976/jpps/2020.03.1. (In Russ.)

Uslaner E. (2000) *Trust, Civic Engagement, and the Internet* (Paper Prepared for the Joint Sessions of the European Consortium for Political Research, Workshop on Electronic Democracy: Mobilization, Organization, and Participation via New ICTs, University of Grenoble, April 6–11, 2000). URL: https://ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/4dc050ea-4801-4984-acbb-647b8c118608.pdf (accessed 27.01.2021).

Uslaner E. (2002) *The Moral Foundations of Trust.* Cambridge, MA: Cambridge University Press.

Veselov Yu.V. (2004) Transformation of Trust in Russian/Soviet Society. In: *Economics and Sociology of Trust.* St. Petersburg: Sotsiol. ob-vo im. M.M. Kovalevskogo: 62–75. (In Russ.)

Received: 20.11.20. Final version: 01.02.21. Accepted: 28.04.21.

© 2021 г.

М.М. НАЗАРОВ

ТЕЛЕВИДЕНИЕ В КОНВЕРГЕНТНОЙ МЕДИАСРЕДЕ: АУДИТОРНЫЕ ТРЕНДЫ

НАЗАРОВ Михаил Михайлович – доктор политических наук, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (vy175867@yandex.ru).

Аннотация*. Важным фактором изменений отношения зрителей к современному телевидению являются процессы конвергенции медиа, влияющие на конфигурацию экранного потребления. Телевидение испытывает серьезную конкуренцию за внимание аудитории со стороны сервисов онлайн-видео в среде Интернет. В первой половине последнего десятилетия отмечался рост средней длительности просмотра, затем произошло снижение интереса населения к телевидению; в период пандемии и связанного с ней карантина тренд уменьшения российской аудитории телевидения сменился на обратный. На основе репрезентативных данных зафиксировано, что только треть аудитории считает важной роль телевидения в их жизни и досуге. Для определения ключевых обстоятельств, детерминирующих негативное отношение аудитории к телевидению, применялась модель бинарной логистической регрессии. Установлено, что ведущими здесь являются переменные, отражающие неудовлетворенность выбором и содержанием программ, принадлежность к группе молодежи в возрасте 15–24 лет, неудовлетворенность реализацией информационной функции современным российским телевидением. Доминирование коммерческого императива и форматов массовой постмодернистской культуры приводит к нравственно-эмоциональному наполнению содержания значительной части программ, которые не всегда оказываются принятыми аудиторией. Это ведет к постепенной утрате важных социальных функций ТВ, в том числе интегративного плана.*

Ключевые слова: *телевидение • Интернет • медиаконвергенция • медиапотребление • цифровизация • массовая коммуникация*

DOI: 10.31857/S013216250014208-1

В последнее десятилетие возможности удовлетворения информационных потребностей аудитории существенно возросли. Это связано с цифровыми трансформациями, развитием среды Интернет, процессами конвергенции медиа. В статье рассмотрены следующие вопросы: Каковы долгосрочные тренды использования телевидения? Каким является отношение аудитории к российскому телевидению? Как аудиторные тренды соотносятся с социальной ролью телевидения в обществе в целом?

Поскольку конвергенция медиа самым непосредственным образом влияет на аудиторные тренды телевидения, следует определиться с содержанием этого понятия. Под конвергенцией медиа обычно понимают развитие мультимедийности и интеграцию разных форм передачи и получения информации. Некоторые авторы связывают ее истоки с началом использования компьютеров и систем телекоммуникации как интегральной технологии и относят их к появлению во второй половине 1970-х гг. первых корпораций, владевших одновременно печатными и электронными СМИ, а также первых кабельных и спутниковых новостных ТВ каналов, таких как CNN [Encyclopedia…, 2009: 361]. Процессы интеграции медиа ускорились в 1990-х гг. с приходом глобальной сети Интернет, давшей импульс к образованию медиаконгломератов, работающих одновременно на нескольких медиаплатформах, таких как газеты, журналы, телевизионные станции и веб-сайты [там же: 362].

При осмыслении конвергенции медиа поначалу преобладали настроения технологического и социального оптимизма. Особая роль отводилась интерактивной природе Интернета, позволяющей трансформировать коммуникационную модель «от одного

к многим», присущую традиционным медиа, в том числе телевидению, к многостороннему информационному обмену в сети, когда «многие говорят со многими». В популярном в тексте Н. Негропонте «Быть цифровым» жестко противопоставлены традиционные медиа, приводящие к пассивности аудитории, и новые интерактивные медиа. Прогноз для вещательного телевидения был неутешительным – ожидалась его замена нишевыми медиа, просмотром программ по запросу [Negroponte, 1999]. Согласно оценкам другого цифрового оптимиста, Дж. Гилдера, компьютерные технологии в скором времени фактически поглотят телевидение [Gilder, 1994].

Со временем оценки медиаконвергенции стали сдержаннее. В первое десятилетие XXI в. широкую известность приобрела книга Г. Дженкингса «Конвергентная культура». В ней на первый план выходит идея активности аудитории; новых качеств, которые приобретают коммуникационные сообщества, трансформации пассивных потребителей в производителей контента. При этом автор говорит не о замене одних медиа другими, а о трансформации медиаландшафта, когда происходит «столкновение старых и новых медиа». Именно таков подзаголовок в названии его текста [Дженкингс, 2019].

По сути своей конвергенция характеризует скрещивание или гибридное соединение средств коммуникации, о котором писал в 1960-х гг. М. Маклюен: «Здесь идет речь о том, что средства коммуникации как расширения наших чувств, взаимодействуя друг с другом, устанавливают новые пропорции, причем не только между нашими частными чувствами, но и между собой» [Маклюен, 2003: 63–64]. Актуальными являются не технологические усовершенствования сами по себе, а «социальные последствия конфигураций или паттернов, усложняющих или ускоряющих существующие процессы, …то изменение масштаба, скорости или формы, которые привносятся в человеческие дела» [Маклюен, 2003: 10].

Для понимания результатов конвергенции медиа, в частности, в связи с трендами аудитории телевидения важно учитывать комплексный характер этого явления. Иными словами, конвергенция медиа имеет несколько уровней или ключевых областей проявления. Технологический уровень отражает инновации в способах обработки, накопления и передачи информации. На уровне медиаиндустрии конвергенция связана с изменениями бизнес-моделей, практик регулирования, сегментации рынка. Уровень организации и менеджмента медиакомпаний также претерпевает трансформации, обусловленные новыми корпоративными стратегиями, практиками слияний и поглощений. Наконец, уровень аудитории – пользователей, которым оказывается присущ новый коммуникативный, культурный и социальный опыт, обусловленный процессами конвергенции [Zotto, Lugmay, 2016: 9–10].

Потребление телевидения – эмпирические тренды[1]. С точки зрения особенностей медиапотребления (равно как и многих других процессов в обществе) последнее десятилетие правомерно разбить на два периода: на период относительно стабильного развития – примерно до начала января-февраля 2020 г., и период, связанный с мировым кризисом, обусловленным пандемией COVID-19.

Обратимся к данным о среднесуточной длительности просмотра аудитории российского вещательного телевидения на временном интервале 2012–2019 гг. Если в первой половине последнего десятилетия наблюдался рост средней длительности просмотра, то после 2016 г. заметным стало постепенное сокращение внимания аудитории к телевидению (табл. 1). Технологические инновации в коммуникационной сфере имеют глобальный характер, и поэтому рассмотрение российской ситуации будет проводиться в контексте

[1] Эмпирическую базу работы составили несколько источников. Для фиксации долгосрочных трендов потребления телевидения используются международные сравнительные данные компании Zenith (Media Consumption Forecasts, 2019. London: Zenith, 2019); международной организации The Global TV Group – объединения телевизионных вещателей Европы, США, Латинской Америки Deck (http://www.theglobaltvgroup.com). Особенности отношения к телевидению изучены на основе репрезентативных данных проекта «Телевидение глазами телезрителей», проведенного в 2019 г. Аналитическим центром «НСК» (опрос городского населения в возрасте от 15 лет и старше, N = 2000; опрос регулярных пользователей Интернета в возрасте 15–54 лет, N = 2180).

отдельных ведущих мировых рынков. При всех национальных особенностях это поможет лучше понять возможные перспективы российских аудиторных трендов телевидения.

Изменение длительности просмотра телевидения в нашей стране оказалось сходным с ситуацией в Германии. Опережающими темпами происходило уменьшение среднесуточного времени просмотра телевидения в Великобритании и США. В этих странах падение

Таблица 1

Динамика среднесуточной длительности потребления ТВ (*час:мин*)

Страны	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Россия	4:12	4:14	4:20	4:23	4:23	4:20	4:09	3:51
США	5:13	5:05	4:57	4:49	4:47	4:42	4:30	4:23
Великобритания	4:17	4:08	3:58	3:56	3:51	3:43	3:33	3:24
Германия	3:56	3:54	3:54	3:57	3:59	3:57	3:53	3:47

Источники: [Media Consumption Forecasts, 2019; Zenith, 2019].

длительности просмотра ТВ наблюдалось в течение всего периода с 2012 по 2019 г. и составило 53 мин. и 50 мин. соответственно. Сопряжен с трендом сокращения общего среднесуточного времени просмотра телевидения и другой важный момент. Уменьшение продолжительности просмотра телевидения наиболее выражено для зрителей младших возрастов [Назаров др., 2020; Телевидение…, 2020: 26; Полуэхтова, 2018][2].

Одна из причин сокращения средней длительности просмотра телевидения связана с технологическими инновациями, в результате которых возможности коммуникации посредством разных аудиовизуальных средств в целом расширились. Практики использования высокоскоростного мобильного Интернета и смартфонов в этот период стали присущими не только ограниченным сегментам так называемых «инноваторов», но и широким слоям населения. В течение нескольких последних десятилетий телевидение занимало лидирующие позиции в структуре свободного времени населения. К концу второго десятилетия нынешнего века ситуация изменилась. Среднесуточное пользование Интернетом оказалось примерно равным времени, которое население отводит просмотру телевидения. Причем в отдельных странах с высококонкурентной медиасредой, например в Великобритании, использование Интернета в 1,5 раза продолжительнее телевидения [Austin et al., 2019].

Применительно к обсуждаемой проблематике важен не только факт общего роста длительности времени использования Интернета. Благодаря конвергенции медиа меняется баланс экранного потребления в целом. Во второй половине XX в. и в первом десятилетии XXI в. просмотр телевидения был доминирующей формой экранного потребления. В последние годы благодаря Интернету увеличились возможности доступа аудитории к контенту, имеющему выразительно-изобразительную аудиовизуальную природу. Содержательный спектр просматриваемых в Интернете материалов очень широк и простирается от кинопродукции до коротких клипов, снятых самими зрителями. Если сначала эти материалы были доступны в Интернете преимущественно на экранах компьютеров, планшетов, смартфонов, то теперь зрители к ним обращаются и посредством современных домашних телевизоров с высоким качеством разрешения экрана и подключением к Интернету (так называемое Смарт ТВ). Эти видео доступны зрителям в Интернете с помощью разнообразных сервисов – видехостингов, онлайн-кинотеатров, мессенджеров. Конвергенция включает и встречный процесс, благодаря которому доставка телевидения

[2] Media Nations 2019. UK report. L.: Ofcom. P. 4. URL: https://www.ofcom.org.uk/__data/assets/pdf_file/0019/160714/media-nations-2019-uk-report.pdf (дата обращения: 18.11.20).

происходит теперь как посредством кабельных и спутниковых сетей, наземного цифрового вещания, так и с использованием инфраструктуры Интернета.

Таким образом, конфигурация экранного потребления меняется. У граждан появляются альтернативы и новые возможности удовлетворения информационных и рекреативных потребностей. Это привело к тому, что в последние несколько лет выросла доля видеопотребления в Интернете (табл. 2).

В России на просмотр линейного телевидения приходится около 70% всего времени, которое зрители отводят просмотру линейного телевидения и других форматов видео.

Таблица 2

Структура потребления телевизионного и другого видеоконтента
(*доли от общего среднесуточного потребления, в %*)

Страны	Линейное ТВ	ТВ через Интернет	Другой видеоконтент через Интернет
Россия	69,1	4,0	26,8
Великобритания	64,0	5,6	30,4
Германия	82,9	3,3	13,8

Источник: The Global TV Deck. The Global Proof of TV's Power and Popularity. URL: http://www.theglobaltvgroup.com/tgtv-deck/ (дата обращения: 18.01.21).

Около четверти видеопотребления (26%) приходится на обращение к различным интернет-видеосервисам, например Youtube, ivi.ru и др. Доля просмотра телевидения через Интернет – 4% (табл. 2). Среди тех, кто пользуется Интернетом не реже одного раза в неделю для просмотра фильмов, сериалов, телепередач, в сети используются: компьютеры или ноутбуки – 42%; смартфоны – 34%; телевизор (с подключением онлайн или для просмотра скачанных из сети материалов) – 23%; Смарт ТВ (через видеоприложения) – 17%; планшеты – 11%. Доля просмотра нетелевизионного контента существенно больше в молодых возрастных группах.

Как повлиял кризис, связанный с пандемией COVID-19, на изучаемые аудиторные тренды? Тренд уменьшения российской аудитории ТВ приобрел обратную направленность. Так, например, в апреле 2020 г. средняя длительность просмотра увеличилась на 15–20% в разных группах по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. Сильнее всего время телепросмотра выросло среди так называемых «нерегулярных зрителей» – тех, кто обычно мало смотрит ТВ, а также тех, кто практически не смотрел ТВ раньше. Также выросло время использования Интернета: в апреле 2020 г. все жители страны старше 12 лет стали проводить в Интернете на стационарных компьютерах (десктопе) на 19% и на мобильных устройствах на 11% больше времени, чем в марте того же года[3]. Возвращение аудитории в период кризиса к более активному, чем ранее, просмотру ТВ характерно и для ряда зарубежных стран. В период кризиса средняя продолжительность просмотра ТВ каналов увеличилась во Франции на 24%, в Италии на 17%, в Нидерландах на 16%, в Испании на 23%, в Великобритании на 20%[4].

По всей видимости, общий рост потребления ТВ и Интернета в период кризиса связан с тем, что увеличение времени нахождения дома, режим удаленной работы сопряжены с более активным медиапотреблением. Принципиально иная общественная атмосфера, обусловленная новыми вызовами и опасностями для жизни людей, объективно способствовала интенсификации коммуникационных процессов. Очевидно, что в этих условиях массовое информационное общение посредством ведущих медиа – телевидения

[3] *Ачкасова К.* Медиапотребление в новой реальности. Презентация на Digital Brand Day. 2020. 23 июня. URL: https://mediascope.net/news/1177564/ (дата обращения: 10.12.20).

[4] Stuck at Home: Media Behavior in the Time of Coronavirus. 2020. May 18. URL: https://magnaglobal.com/stuck-at-home-media-behavior-in-the-time-of-coronavirus-ed-4/ (дата обращения: 17.07.20).

и Интернета – стало одной из ключевых активностей людей. В период кризиса осуществление рекреативной и информационной функций медиа более востребовано, чем ранее.

Вместе с тем в области медиа получили дальнейшее развитие в условиях кризиса также конвергентные процессы. Традиционному вещательному ТВ кризис принес дальнейшее усиление конкуренции других игроков. В последний год в мире наблюдался опережающий рост так называемых стриминговых сервисов, когда на экране домашнего телевизора обеспечивается доступ к библиотекам качественного киноконтента и других развлекательных материалов (Netflix, DisneyPlus и др.). Также в кризис наблюдался рост использования экранов телевизоров с игровыми консолями. То есть востребованность разных форм теле- и видеоконтента продолжает возрастать. Экран современного телевизора, равно как смартфона и др., образует единое пространство конкуренции за внимание аудитории между традиционными телекомпаниями и рядом других игроков.

Отношение аудитории к российскому телевидению. Аудиторные тренды телевидения обусловлены не только процессами конвергенции медиа, о которых говорилось выше. Телевидение в течение более полувека занимало существенную долю в структуре свободного времени, являясь важным источником информации, рекреативной деятельности и т.п. Активность аудитории так или иначе связана с общим отношением людей к телевидению. В этой связи обратимся к результатам проекта «Телевидение глазами телезрителей» (подробнее о проекте см. выше в описании эмпирической базы работы). На основе репрезентативных данных исследования городского населения РФ (возраст от 15 лет и старше, $N = 2000$) было выявлено, какова субъективная значимость телевидения для аудитории. Для этого как индикатор использовались ответы на вопрос «Как бы вы оценили важность телевидения для вас лично, для вашей жизни и досуга?».

Российское население оценивает значимость телевидения по-разному. На важность телевидения для своей жизни и досуга указали 29,1% респондентов; мнение о том, что телевидение не важно для их жизни и досуга, разделяют 25,8% респондентов; 45,1% опрошенных указали нейтральное отношение к телевидению[5].

Какие обстоятельства связаны с тем, что телевидение теряет значимость для жизни и досуга значительной части населения РФ? Для ответа на этот вопрос применялась бинарная логистическая регрессия. Тестированию подлежала модель анализа влияния независимых переменных (предикторов) на зависимую переменную – отношение к телевидению. Всего в анализ было включено 49 независимых переменных. В содержательном плане эти переменные можно разделить на группы: социально-демографические; переменные, фиксирующие уровень продолжительности и особенности просмотра; мотивы обращения к телевидению, удовлетворенность контентом; подключение домохозяйств к телевидению и Интернету, активность использования коммуникационных устройств; практики просмотра телевидения через Интернет, обращение к другому (не телевизионному) видеоконтенту в среде Интернет. Все переменные, включенные в анализ, были предварительно дихотомизированы.

Результаты логистической регрессии показаны в табл. 3. Из всего перечня анализируемых переменных приводятся только предикторы, которые статистически значимы. Статистическая значимость – это вероятность наступления или не наступления исследуемого события. Уровень $p \leq 0{,}5$ означает, что с вероятностью 95% можно утверждать – исследуемая переменная (предиктор) имеет связь с независимой переменной. Для каждого предиктора приведен коэффициент B. Чем больше значение B, тем вероятнее влияние предиктора на зависимую переменную. Кроме того, в таблице представлены значения экспонент коэффициентов e^b. Применялся пошаговый метод анализа влияния независимых переменных на зависимую переменную.

---

[5] Для измерения использовалась порядковая шкала с крайними позициями: 1 – «совершенно не важно», 10 – «чрезвычайно важно». В тексте приводится распределение исходных данных по трехчленной шкале с позициями «важно», «отчасти важно, отчасти не важно», «не важно».

Таблица 3

Регрессионная модель: предикторы того, что телевидение не важно для жизни и досуга респондентов

Переменные (предикторы)	*B*	Значимость	Exp(*B*)
«Не устраивают выбор и содержание передач»	1,398	0,000	4,049
Возраст 15–24 года	0,882	0,000	2,415
Низкая среднесуточная продолжительность просмотра ТВ	0,808	0,000	2,243
Пол «мужской»	0,456	0,002	1,578
Больше смотрят ТВ фоном, совмещая с другими делами	0,379	0,008	1,460
Больше смотрят ТВ дома вместе с другими членами семьи	0,317	0,049	1,373
«ТВ помогает находить общие темы для обсуждения в семье, с друзьями, знакомыми»	–0,403	0,009	0,669
«ТВ помогает проводить время с семьей»	–0,427	0,008	0,653
«ТВ помогает получать практически полезные советы»	–0,470	0,003	0,625
«ТВ помогает отдохнуть и расслабиться после тяжелого дня»	–0,524	0,001	0,592
«ТВ помогает получить яркие впечатления и эмоции»	–0,560	0,001	0,571
«ТВ помогает быть в курсе новостей и текущих событий»	–0,751	0,000	0,472
R^2 Нэйджелкерка		0,460	

Согласно модели и полученным значениям коэффициентов, при фиксированных прочих переменных правомерно говорить о следующем. Наибольшую предсказательную силу имеет переменная, характеризующая негативные оценки выбора и содержания передач, предлагаемого российским телевидением. Наличие у респондентов подобной установки увеличивает примерно в полтора раза вероятность принадлежности к группе тех, кто считает, что телевидение не является значимым для их жизни и досуга (против тех, кто не разделяет отрицательных оценок содержания телевидения).

Несколько меньшей, но существенной предсказательной силой обладают две другие переменные: факт низкой продолжительности просмотра телепередач и принадлежность к возрастной группе молодежи 15–24 лет. Для респондентов, обладающих этими признаками, вероятность отношения к телевидению как к незначимому фактору их жизни возрастает примерно на 80%. Вероятность трактовки статуса телевидения как незначимого возрастает в пределах 30–50% для респондентов, обладающих следующими характеристиками: мужчины; лица, которые смотрят телевизор фоном; те, кто смотрят его преимущественно в рамках совместного просмотра с другими аудиовизуальными материалами. Кроме того, сюда относятся переменные, фиксирующие негативное отношение к тому, как телевидение удовлетворяет ряд базовых мотивов обращения людей к этому медиа. Особо в статистическом плане здесь выделяется неудовлетворенность информационной функцией телевидения (повышает вероятность общего негативного отношения к ТВ на 75%).

Для уточнения причин отношения к медиа рассмотрим их в контексте коммуникативных потребностей аудитории. В этой связи обратимся к традиции функционального анализа медиа. Здесь на уровне аудитории к ведущим относятся такие функции, как информационная, личностной идентификации, общения, рекреации [McQuail, 1989: 72–74]. Выше показано, что теперь благодаря Интернету телевидение находится в непосредственной конкуренции с большим по объему и широким в жанрово-тематическом плане набором видеоматериалов, доступных массовой аудитории. Для определения того, какие потребности лучше удовлетворяет телевидение, с одной стороны, и онлайн-видео – с другой, нами проведен анализ представлений регулярных пользователей Интернета.

Больше половины респондентов отдают предпочтение телевидению в части удовлетворения таких потребностей, как: «отдохнуть и расслабиться после тяжелого дня» (51 против 38%); «быть в курсе новостей и текущих событий» (56 против 35%); «проводить

время с семьей» (63 против 18%). Лидерство онлайн-видео наблюдается в связи с удовлетворением следующих потребностей: «развлечься, поднять настроение» (62 против 26%); «получать яркие впечатления и эмоции» (56 против 27%); «получать практически полезные советы» (78 против 13%); «не отставать от жизни» (60 против 27%); «повышать культурный уровень, эрудированность» (57 против 29%); «узнавать о жизни других людей» (56 против 32%). Практически равны доли респондентов, отдающих предпочтение телевидению и онлайн-видео в связи с возможностью «находить общие темы для обсуждения с членами семьи, друзьями, знакомыми».

«Функциональные образы» телевидения и онлайн-видео у аудитории различны. Телевидение удерживает функциональное лидерство в плане удовлетворения потребностей в новостях, обеспечении семейного общения. Онлайн-видео лидирует как средство получения эмоций, расширения кругозора, в несколько раз опережая телевидение в плане обеспечения информацией утилитарного плана.

Не стоит упускать из виду, что среди регулярных пользователей Интернета (частота обращение к Сети каждый или почти каждый день) около трети опрошенных не рассматривают или рассматривают лишь в очень небольшой степени возможности использования телевидения. В частности, об этом свидетельствует уровень согласия со следующими оценочными суждениями. «Телевизор вообще не нужен, когда есть Интернет» – 30,7%; «смотреть телевизор – это несовременно, сейчас все смотрят в Интернете» – 33%. Напомним, что доля регулярных пользователей Интернета среди городского населения не менее 70%.

Вместо заключения: аудиторные тренды и социальные функции телевидения. Содержание аудиторных трендов соотносится с осуществлением ряда социальных функций. По всей видимости, телевидение начинает постепенно утрачивать роль ведущего средства формирования картин мира, циркулирующих в обществе. Это характерно для России и для многих других стран. Ранее мейнстримные медиа, прежде всего телевидение, эффективно выполняли функции gatekeepers (привратников) – регулирования или «фильтрации» доступа к тому, что будет находиться в информационном пространстве, т.е. в сфере общественного внимания. Важным в этой связи фактором является соотнесение распространяемых в информационном пространстве материалов с доминирующими социально-политическими и культурными ценностями, соответствие их принятым нормам и конвенциям [Chandler, Munday, 2014: 166]. Процессы конвергенции медиа обусловили возможности формирования нового культурного и социального опыта аудитории, что связано с обращением к более широкому, чем ранее, спектру информационных источников с выражением разных точек зрения, в том числе имеющих несистемный характер.

Не будем забывать, что телевидение, являясь важной составляющей единой политической и культурно-информационной системы страны, выполняло значимые интеграционные функции. Интернет «вскрыл» ранее замкнутое и защищенное экранное пространство телевидения. Теперь «открытая» среда Интернет наряду с телевидением представляет собой важный зрительский «интерфейс реальности». В этих условиях телевидение испытывает серьезное давление в борьбе за внимание массовой аудитории со стороны целого ряда других игроков – агрегаторов и производителей видеоконтента. Зафиксированный в исследовании невысокий престиж телевидения у значительной части аудитории отражает, среди прочего, ослабление его интегрирующей функции, состоящей в обеспечении сопричастности к обществу в целом, поддержании присущих гражданам базовых норм и ценностей.

Очевидно, в деятельности телевидения как важного социального института находит выражение баланс между интересами общества, государства и рынка. Российское телевидение в течение своей истории испытывало влияние как государства, так и рынка. При этом вопрос о его социальных функциях находился на втором плане. Приоритетными были выполнение целей политического порядка, с одной стороны, и задач медиа как коммерческих предприятий – с другой. Деятельность медиа опосредуется особенностями сложившейся политической системы общества, спецификой политической культуры. В целом для институтов российской власти в период постсоциалистической трансформации были

характерны акценты на укрепление субъектности страны (на международной арене) с сохранением либерального курса в экономике и социальной сфере. Доминирующий тип медиадискурса, в том числе телевизионного, отражал эти тенденции. В последние 20 лет либеральный период сменило развитие авторитарных тенденций, проявляющихся в том числе в расширении сфер влияния институтов исполнительной власти, а также в уменьшении пространства функционирования независимых СМИ, в том числе в сегменте телевидения.

Говоря о так называемом коммерческом императиве, отметим, что ситуация на российском телевидении находилась в русле мирового тренда нескольких последних десятилетий, связанного с процессами коммерциализации. Взгляды представителей государства на медиа и журналистику в этом аспекте мало отличались от либеральных подходов в других областях экономики. «Государство видит журналистику как бизнес, рынок и работает с ним исключительно с точки зрения организации правил игры. Как это есть в любом бизнесе. При этом этот бизнес должен быть безопасным, в том числе для пользователя… Государство заказывает общественно полезную функцию СМИ, которая называется "производство детских и образовательных передач", которые коммерчески непривлекательны»[6].

С этим корреспондирует и другое обстоятельство. Современное телевидение по сути является неотъемлемой составляющей постмодернистской культуры. Значительная часть наиболее популярных форматов его содержания ориентирована прежде всего на коммерческий успех, который отражается в количественных показателях контактов аудитории с контентом и рекламой. Причем содержание, по крайней мере, в части развлекательных программ и сериалов, составляющих большую долю объемов вещания, зачастую отражает черты эстетики постмодерна: отсутствие высокого и низкого; минимальные ценности, как можно менее четкие и определенные; стремление к устранению каких-либо канонов; представление мира как хаоса; «карнавализация» и ирония; и др. Эти и им подобные константы определяют то нравственно-эмоциональное наполнение содержания значительной части программ, которые далеко не всегда оказываются принятыми аудиторией.

Существуют различные взгляды на основания, на которых должны функционировать медиа в обществе, в частности телевидение. Преобладающая ныне в мире идея дерегулирования медиа во главу угла ставит задачи формирования рыночной конкурентной среды, где потребитель имеет возможность свободного выбора интересного для него содержания медиа [Picard, 2011: 25–31]. Существует и другой подход, при котором свобода информации, справедливо, на наш взгляд, рассматривается, прежде всего, как общественная ценность, а не как товар. При такой установке общества выходят на первый план задачи удовлетворения информационных потребностей граждан. В этой связи становится возможным говорить о выполнении важнейших социальных функций телевидения – объективного информирования о жизни в обществе и мире; обеспечении согласия, поддержания общности социальных ценностей; выражении образцов доминирующей культуры и одновременно открытости к новым культурным направлениям; реализации рекреативных потребностей и др. [Кин, 2015: 270–276; Curran, 2001].

Многие деятели российской культуры, представители академических кругов и экспертного сообщества независимо от их мировоззренческих предпочтений указывали на негативные тенденции на российском телевидении, ведущие к падению качества общественно-политического и художественного вещания, потере его общественной значимости [Дондурей, 2007:10–19; Поляков, 2020: 114–119]. В целом это соотносится с критической традицией анализа медиа в современном социально-гуманитарном знании. Идеи критики «индустрии» культуры изначально были сформулированы теоретиками франкфуртской школы в середине прошлого века [Хоркхаймер, Адорно, 1997]. Позднее линия критики негативных сторон в деятельности телевидения была продолжена. В частности,

[6] *Скоробогатый А.* Журналистика – это просто бизнес. Интервью заместителя министра цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации А. Волина // Эксперт. 2020. 1 июня. № 23. URL: https://kiozk.ru/article/ekspert/zurnalistika-eto-prosto-biznes (дата обращения: 12.05.2021).

это относилось к отрицательным для общества последствиям гипертрофированной роли развлекательной составляющей; трансформации большей части телевизионного содержания в продукты шоу-бизнеса, когда под влиянием упрощенных медийных форматов находятся сферы политики, образования, культуры [Postman, 1985].

Вопрос о том, каким интеллектуальным тенденциям следует и какой тип культуры формирует телевидение, является не только российской проблемой. Он активно обсуждается в течение последних десятилетий во многих странах мира. Говоря о содержании современного российского телевидения, уместно вспомнить критику, с которой обращался глава национального регулятора США в области средств массовой информации – Федеральной комиссии по связи – в адрес руководителей телевизионной индустрии. «Я приглашаю каждого из вас сесть перед телевизором, когда ваша станция выходит в эфир …Могу заверить вас, что вы увидите бескрайнюю пустошь. Вы увидите процессию игровых шоу, насилия, шоу с участием аудитории, схематичных комедий о невероятных семьях, крови и громе, хаосе, насилии. …И бесконечно реклама – много криков, уговоров и раздражения. И, прежде всего, скука. Правда, вы увидите несколько вещей, которые вам понравятся. Но их будет очень и очень мало. Если вы думаете, что я преувеличиваю, я прошу вас попробовать» [Minow, 2003]. Показательно, что эти слова были сказаны почти семьдесят лет назад в другом культурном, социальном и политическом контексте. На наш взгляд, применительно к существенной части содержания современного российского телевидения это звучит вполне актуально.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дженкингс Г. Конвергентная культура: Столкновение старых и новых медиа. М.: Рипол Классик, 2019.

Дондурей Д. Цензура реальности // Телевидение: режиссура реальности / Сост. и отв. ред. *Д. Дондурей*. М.: Искусство кино, 2007. С. 10–18.

Кин Дж. Демократия и декаданс медиа. М.: ВШЭ, 2015.

Маклюен М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2003.

Назаров М.М., Иванов В.Н., Кублицкая Е.А. Медиапотребление в возрастных когортах: ТВ и интернет // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 3. С. 560–571. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-560-571.

Полуэхтова И.А. Социокультурные эффекты медиатизации телевидения // Социология и жизнь. 2018. № 4. С. 71–82. DOI: 10.17805/zpu.2018.4.7.

Поляков Ю.М. Зачем вы мастера культуры? О русской литературе и искусстве. М.: Книжный мир, 2020.

Телевидение в России в 2019 году: Состояние, тенденции и перспективы развития / Под ред. *Е.Л. Вартанова, В.П. Коломиец*. М.: ФАПМК, 2020.

Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения: Философские фрагменты. М.: Медиум, 1997.

Austin A., Barnard J., Hutcheon N. Media Consumption Forecasts 2019. London: Zenith, 2019.

Chandler D., Munday R. A Dictionary of Media and Communication. Oxford: Oxford University Press, 2014.

Curran J. Media Regulation in the Era of Market Liberalism // Market Killing: What the Free Market Does and What Social Scientists Can Do about It / Ed. by *G. Philo, D. Miller*. Edinburgh: Pearson, 2001. P. 216–232.

Encyclopedia of Journalism / Ed. by *C.H. Sterling*. London: Sage, 2009.

Gilder G. Life after Television. New York: Norton, 1994.

McQuail D. Mass Communication Theory: An Introduction. 2nd ed. London: Sage, 1989.

Minow N. Television and the Public Interest // Federal Communications Law Journal. 2003. Vol. 55. No. 3. Article no. 4. URL: http://www.repository.law.indiana.edu/fclj/vol55/iss3/4 (дата обращения: 18.11.2020).

Negroponte N. Being Digital. New York: Knopf, 1999.

Picard R.G. The Economics and Financing of Media Companies. New York: Fordham University Press, 2011.

Postman N. Amusing Ourselves to Death: Public Discourse in the Age of Show Business. New York: Methuen, 1985.

Zotto C., Lugmay A. Media Convergence as Evolutionary Process // Media Convergence Handbook / Ed. by *A. Lugmayr, C. Zotto*. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag, 2016.

Статья поступила: 09.03.21. Принята к публикации: 13.05.21.

TELEVISION IN CONVERGENT MEDIA ENVIRONMENT: AUDIENCE TRENDS

NAZAROV M.M.

Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS, Russia

Mihail M. NAZAROV, Dr. Sci. (Polit.), Chief Researcher, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS, Moscow, Russia (vy175867@yandex.ru).

Abstract. The article focusses on the last decade TV consumption trends in Russia. The concept of media convergence forms theoretical basis of the research. Due to convergence, the configuration of screen consumption, including television and online video, changes. The research provides evidence that in the first half of the last decade there was an increase in the average television viewing time. After 2016, a gradual decline in the audience's attention to television took place. During the latest crisis associated with the pandemic, the trend of a decrease in the Russian television audience reversed. Media convergence processes brings for broadcast television further increase of competition with streaming services, video exchange services, online movie theatres. Based on representative sample of Russian population, the results show that nearly third of the audience believes that television plays an important role in their life and leisure. It is recorded that negative attitude to television is primarily predicted by variables of dissatisfaction with the choice and content of programs; belonging to a group of young people aged 15–24 years; dissatisfaction with the implementation of the information function by Russian television. The author argues that the domination of the commercial imperative and mass formats of postmodern culture forms a moral and emotional content of a significant part of television programs. Often, this does not correspond to the interests of a sufficiently wide audience. Under current conditions, television does not perform a number of social functions important for Russian society.

Keywords: television, Internet, media convergence, media consumption, digitalization, mass communication.

REFERENCES

Austin A., Barnard J., Hutcheon N. (2019) *Media Consumption Forecasts.* London: Zenith.

Chandler D., Munday R. (2014) *A Dictionary of Media and Communication.* Oxford: Oxford University Press.

Curran J. (2001) Media Regulation in the Era of Market Liberalism. In: Philo G., Miller D. (eds) *Market Killing. What the Free Market Does and What Social Scientists Can Do about It.* Edinburgh: Pearson: 216–232.

Dondurei D. (2007) Censorship of Reality. In: Dondurei D. (ed.) *Television: Producing Reality.* Moscow: Iskusstvo kino: 10–18. (In Russ.)

Gilder G. (1994) *Life after Television*. New York: Norton.

Horkheimer M., Adorno T. (1997) *Dialectic of Enlightenment: Philosophical Fragments*. Moscow: Medium. (In Russ.)

Jenkins H. (2006) *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide*. New York: New York University Press. (In Russ.)

Keane J. (2015) *Democracy and Media Decadence*. New York: Cambridge University Press. (In Russ.)

McLuhan M. (1994) *Understanding Media: The Extensions of Man.* Cambridge: MIT Press. (In Russ.)

McQuail D. (1989) *Mass Communication Theory: An Introduction.* 2nd ed. London: Sage.

Minow N. (2003) Television and the Public Interest. *Federal Communications Law Journal.* Vol. 55. No. 3. Article no. 4. URL: http://www.repository.law.indiana.edu/fclj/vol55/iss3/4 (accessed 18.11.2020).

Nazarov M.M., Ivanov V.N., Kublitskaya E.A. (2020) Media Consumption of Different Cohorts: TV and Internet. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya* [RUDN Journal of Sociology]. Vol. 20. No. 3: 560–571. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-560-571. (In Russ.)

Negroponte N. (1999). *Being Digital.* New York: Knopf.

Picard R.G. (2011) *The Economics and Financing of Media Companies*. New York. Fordham University Press.

Polyakov Yu. (2020) *Why Are You Masters of Culture? About Russian Literature and Art.* Moscow: Mir knigi. (In Russ.)

Postman N. (1985) *Amusing Ourselves to Death: Public Discourse in the Age of Show Business.* New York: Methuen.

Sterling C.H. (ed.) (2009) *Encyclopedia of Journalism.* London: Sage.

Vartanova E.L., Kolomiets V.P. (eds) (2020) *Television in Russia in 2019: Status, Trends and Development Prospects*. Moscow: FAPMK. (In Russ.)

Zotto C., Lugmay A. (2016) Media Convergence as Evolutionary Process. In: Lugmayr A., Zotto C. (eds) *Media Convergence Handbook.* Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag.

Received: 09.03.21. Accepted: 13.05.21.

БОРИСУ ЗУСМАНОВИЧУ ДОКТОРОВУ – 80!

В июне отмечает юбилей известный российский социолог, профессор, доктор философских и кандидат психологических наук Борис Зусманович Докторов.

Юбиляр родился 6 июня – в день рождения А.С. Пушкина, Д. Веласкеса, Т. Манна и многих других представителей культуры и науки. Звезды сложились так, что часть мировой творческой энергии досталась и Борису Зусмановичу. Ему очень повезло с родителями, родственниками, учителями, друзьями, коллегами. Они всегда были источниками его вдохновения и разнообразных интересов. Б. Докторов – коренной петербуржец. Он формировался как личность и ученый в самой прогрессивной научной и культурной городской среде второй половины XX в.

Несмотря на то что юбиляр более четверти века живет в США, он по-прежнему тесно связан духовными скрепами с Санкт-Петербургом – его культурой, традициями и главное – петербургскими деятелями науки, литературы и искусства. Благодаря публикациям Докторова многие из них остаются частью живой культуры Петербурга. Они – герои его личной биографии и социологического творчества.

Нельзя не сказать коротко об основных вехах жизненного пути Бориса Зусмановича. После окончания матмеха ЛГУ (1964) и аспирантуры того же факультета (1967) пять лет он работал на кафедре философии Ленинградской ВПШ (1968–1973). Последующие годы (1973–1994) были посвящены работе в социологических организациях АН СССР/РАН. Работал во ВЦИОМ (1988–1993). С 1994 г. живет в США, является Почетным доктором ИС ФНИСЦ РАН, независимым аналитиком и консультантом. В 2009 г. за книгу «Реклама и опросы общественного мнения в США. История зарождения. Судьбы творцов» получил российскую Национальную премию в области развития общественных связей «Серебряный лучник», награжден Серебряной медалью им. П. Сорокина.

Юбиляр – автор более 500 научных работ. Среди них – фундаментальные труды по истории отечественной социологии, биографике, общественному мнению: Современная российская социология: История в биографиях и биографии в истории (СПб., 2013); Современная российская социология: Историко-биографические поиски: в 9 т. (М., 2016); Отцы-основатели: история изучения общественного мнения (М., 2006); Научные опросы общественного мнения (М., 2018); Реклама и опросы общественного мнения в США: в 2 ч. (М., 2018) и многие другие.

Докторов уникален тем, что работает в разных жанрах и форматах: пишет научные работы, публицистические очерки, активно ведет страницу в фейсбуке, публикуется в электронных сетевых изданиях.

Живя в США, Борис Зусманович делает много для российской социологии: изучает историю отечественной социологии, развитие российского Интернета, разрабатывает теорию и методологию исследования общественного мнения. А главное – консолидирует наше социологическое сообщество. Находясь на противоположном конце земного шара, он инициирует издание книг о региональных социологических центрах и школах на Урале, в Поволжье, Западной Сибири, на Дальнем Востоке. Благодаря биографическим интервью в историю нашей науки вошло более 200 современных портретов российских социологов от Петербурга до Владивостока.

Немногие знают, что Борис Зусманович – замечательный лектор с искрометным юмором, неиссякаемым обаянием, удивительным умением общаться со слушателями совершенно разного возраста. Когда он приезжал в Екатеринбург с циклом лекций по проблемам общественного мнения, то на встречи с ним собирались студенты и преподаватели разных факультетов из многих университетов города.

Особая сторона жизни и творчества Б. Докторова связана с американским обществом. Научное любопытство, любовь к жизни и людям проявились в его исследованиях и публикациях. Диапазон тем очень широк – от явления Барака Обамы до повседневной жизни Фостер-Сити (небольшой городок в Кремниевой долине, где живет юбиляр), от политики и общественного мнения до бытовых проблем и встреч с разными людьми.

Г.Е. Зборовский

Редколлегия и редакция журнала, его друзья и коллеги горячо поздравляют Бориса Зусмановича с юбилеем, желают ему крепкого здоровья, благополучия, хотят чаще видеть его в России и ждут новых исследовательских проектов и публикаций!

© 2021 г.

Б.З. ДОКТОРОВ

«ЭТОТ ПРОЕКТ ОКАЗАЛСЯ СПАСИТЕЛЬНЫМ ДЛЯ МЕНЯ»

DOI: 10.31857/S013216250014681-2

Жан Тощенко: ***Борис, ты вступаешь в «Клуб 80-летних», приветствую тебя как один из его представителей. Рад пожелать тебе здоровья и успешного развития твоих многочисленных исследовательских направлений. В первую очередь я имею в виду твое многолетнее и многоаспектное изучение истории современной российской социологии. Знаю, что этот проект стал продолжением анализа длительного пути становления американских опросов общественного мнения. События твоей жизни так развернулись, что в последние годы ты углубился в некоторые разделы биографического анализа. Не согласился бы ты рассказать о сделанном и, конечно же, о себе, о своей жизни? Ведь тебе удалось нечто удивительное: более четверти века жить в Америке и оставаться активным членом нашего профессионального сообщества.***

Борис Докторов: Спасибо, Жан, тронут твоим предложением и с радостью откликнусь на него. Безусловно, хотелось бы подвести некоторые итоги прожитого, но прежде всего – сделанного. Так случилось, что в силу разных причин я уже несколько раз описывал траекторию своей жизни. Все началось с интервью Н.Я. Мазлумяновой для «Социологического журнала» (2005, № 4). Оно оказалось для меня крайне важным, тогда я только входил в процесс интервьюирования российских коллег, и на собственном опыте понял, что значит вспоминать прожитое и выносить это на суд коллег. Этот опыт помог мне в налаживании общения с моими респондентами. Затем в петербургском журнале «Телескоп» (2009, № 3) опубликован мой разговор с Б.М. Фирсовым, многолетним коллегой и другом, где я впервые попытался очертить методологию своего изучения прошлого нашей социологии.

Продолжением биографического повествования и обсуждения концептуальных вопросов стала беседа с В.А. Ядовым (Телескоп, 2008, № 1, № 3). Там были главными две темы: осознано, что работа над биографиями – это общение с теми, о ком пишешь,

и начато рассмотрение поколенческой организации нашего профессионального сообщества. Прошло более десяти лет, и только сейчас мне открылись новые полезные следствия, вытекающие из трактовки интервью как формы общения, а концепция социологических поколений стала стержневой и в теоретическом плане, и в организации интервью. Эта беседа с Ядовым положила начало регулярных обсуждений с ним всей совокупности научных и этических аспектов изучения нашего прошлого.

Наконец, в 2014 г. я максимально развернуто рассказал о своей жизни в интервью Е.Д. Рождественской[1]. Я весьма благодарен ей за терпение и спокойное восприятие моего повествования, но главное – в недавние годы, отталкиваясь от этой беседы, я начал развивать концепцию и накапливать опыт «нелинейной (авто)биографии».

Ж.Т. ***Пожалуй, соглашусь с тобой, ты многое рассказал о прожитом, и в нашей беседе имеет смысл сосредоточиться на твоей профессиональной жизни в последние годы. Выше я отметил широту тематики проводимых тобой исследований, но все же, как начиналось твое возвращение в социологию?***

Б.Д. Абсолютно верно, Жан, и скажу больше: этот проект оказался спасительным для меня, жизненно важным. Не знаю, как сложилась бы моя жизнь здесь, если бы я не нашел его и не углубился. Наиболее полно и откровенно я рассказал о своем американском бытии в эссе «6000 дней другой жизни», написанном в связи с моим 70-летием и опубликованном в «Социологическом журнале» (2011, № 2). Даже сейчас мне сложно перечитывать некоторые его страницы. Я уехал в Америку весной 1994 г. и для начала прошел полный курс «начинающего эмигранта»: безработица, жизнь на велфере, работа сборщиком, окончание колледжа, первое настоящее дело – секьюрити в огромном офис-билдинге.

Лишь в самом конце века я начал возвращаться в социологию, но здесь всей нашей семье пришлось помогать нашему сыну бороться со смертельной болезнью… трагедия в том, что она оказалась неизлечимой… Возвращение в социологию пришлось начинать снова и вновь решать, как жить. Пришлось отказаться от задуманного варианта – приезжать в Россию на несколько месяцев и либо читать лекции, либо работать в какой-либо исследовательской команде. В сложившихся обстоятельствах я должен был быть дома, когда я все же выбирался в Россию, то не более чем на 4–5 дней.

В таком режиме вместе с Р.С. Могилевским был организован в Петербурге один из первых в стране семинаров по изучению Интернета, затем – при поддержке К.Г. Барбаковой в Тюмени состоялись «Первые Гэллаповские чтения в России». Форум прошел успешно и зарядил на изучение гэллаповской проблематики. Отмечу также совместную работу «на удаленке» с А.А. Ослоном и Е.С. Петренко, ее итог отражен в книге «Эпоха Ельцина: Мнения россиян. Социологические очерки» (2002). Эта работа оказалась последним моим опытом анализа российского общественного мнения, стало понятно, что, не живя в стране, не будучи погруженным в текущую реальность и в массовые информационные потоки, изучать этот феномен невозможно. Однако в Приложении к основному содержанию книги были опубликованы мои первые интервью с социологами (это были личные интервью) и небольшой исторический очерк об изучении общественного мнения в СССР. Но это ни в какой мере не было началом моего историко-социологического исследования, скорее, реализацией каких-то прошлых намерений и навыков.

Несмотря на некоторое продвижение по пути в науку, в целом жизненная ситуация складывалась крайне непросто. В Америке я профессиональную работу не искал: по возрасту, дело шло к 60, «переросток» для начальных позиций и «overqualified» для большинства позиций. На профессорские должности в соседних Стэнфорде и Беркли я не рассчитывал, там свои годами ждут. Думать о работе в других штатах или в других регионах Калифорнии я не мог, надо было быть близко от дома. Отъезд в Америку заморозил большинство моих российских контактов, не было и доступа к новой, ясно,

[1] *Докторов Б.* Моя жизнь: 53 года в России и уже 8000 дней в Америке. М.: ЦСПиМ, 2016. 91 с.

что и к старой, советской и российской социологической литературе. Надо было искать что-либо на «американском поле» – новое, но вписывающееся в круг знакомой проблематики.

До начала осени 2002 г., фактически более восьми лет американской жизни, я или вообще был вне социологии, или пробовал заниматься разными проектами, отыскивая собственную исследовательскую нишу. Я не догадывался, что она была найдена весной 2000 г.

«Гэллапиадой» я называю сделанное за двадцать лет в области изучения биографии Джорджа Гэллапа (1901–1984) и проблематики, фокусированной на становлении и развитии американских опросов общественного мнения. Моя погруженность в изучение этой тематики менялась и зависела от особенностей моей жизни и динамики научных интересов. Однако исходный импульс я ощутил весной 2000 г., после пребывания несколько дней в Москве. Окружающие – бывшие советские граждане – расспрашивали меня о многом, в частности, кто победит на президентских выборах в марте 2000 г. Ссылаясь на результаты опросов ВЦИОМа и ФОМа, я говорил о весьма вероятной победе В.В. Путина. Но люди не верили в то, что по данным опросов чуть более тысячи человек можно точно предсказать поведение электората. Исчерпав все аргументы в пользу использования небольших научно-организованных выборок, я решил обратиться к опыту истории электоральных прогнозов. В библиотеке нашел книгу с результатами прогнозов Гэллапа и написал небольшую статью. Один из моих соседей в то время работал в сан-францисской русской газете «Взгляд», и я попросил его прочесть написанное. Он прочел и попросил меня написать немного собственно о Гэллапе. Полистав несколько «Who is who», я нашел базовую биографическую информацию, внес ее в текст статьи и отправил материал во «Взгляд». 17 марта 2000 г. (2149-й день моей американской жизни) она была опубликована в этой газете. Так родилась моя «гэллапиада». Сразу было чувство того, что это – «моё».

Занимаясь в СССР / России методологией изучения общественного мнения, я, конечно же, знал фамилию Гэллапа и немного о его работах. Знали о нем и мои коллеги. Однако крайне мало. Даже беглое ознакомление с американскими энциклопедиями и рядом книг сразу заинтересовало меня и научным наследием Гэллапа, и его биографией. Гэллап – пример самой долгой в моих биографических поисках семейной истории. Если бы такой биографии, как у Гэллапа, не было, ее надо было бы придумать. Его жизнь и жизнь людей из его окружения дают богатейший материал для биографического анализа. Он – представитель десятого поколения американцев, и история его клана тщательно зафиксирована. Наконец, его и нескольких его коллег-ровесников изобретение – выборочная технология опросов общественного мнения во многом изменила политику и политическую культуру сначала США, затем – в глобальном измерении.

При поддержке Ф.Э. Шереги, А.А. Ослона, М.Е. Илле было опубликовано полдюжины книг и в разных журналах – не менее 20 статей. В 2008 г. в рамках изучения методологии опросов и прогнозирования итогов американских президентских выборов был начат первый годовой мониторинг динамики электоральных установок населения. Его итогом стала книга «Явление Барака Обамы. Социологические наблюдения». Мониторинги были продолжены в 2012, 2016 и 2020 гг.

Ж.Т. ***Борис, получается, что ты уже 20 лет исследуешь динамику технологии опросов общественного мнения, начинал, когда они носили классическую форму опроса по месту жительства, и вместе с ними вошел в онлайновую эру. Интересно, но как здесь произросло твое изучение истории советской / российской социологии?***

Б.Д. Уже несколько лет я отмечаю биографичность социологического творчества, которое проявляется во многих аспектах профессиональной деятельности исследователя. Поскольку я нигде не служу и формально ни перед кем не отчитываюсь, биографичность – доминирующее обстоятельство в выборе изучаемой тематики и в характере ее анализа. Замечу, иногда это «уводит» меня от задуманного, намеченного, но и каждое такое ответвление – тем более биографично. К концу весны 2004 г. – в какой-то степени неожиданно для меня – сложился объемный структурированный текст по истории

опросов общественного мнения. Возникли помыслы о книге, но чтобы они приобрели организационное оформление, нужно было на какое-то время отойти от этой тематики. Так случилось, что в апреле, а потом на рубеже июня–июля того года я был в Москве и Петербурге, читал лекции, выступал с докладами, встречался с большим числом коллег. Особое значение имела встреча с Б.А. Грушиным (13 апреля 2004 г.) у него дома. Он подарил мне очередной том своего «четырехкнижия» и рассказал о дальнейшей работе над этим грандиозным проектом. Опыт изучения биографий американских полстеров, многообразные российские впечатления, приближавшийся 75-летний юбилей Грушина стимулировали меня начать писать статью о нем. Я рассказал Грушину о своем замысле и предупредил, что статья не будет «юбилейной». Мне казалось, что рассуждения о «линии Грушина», вошедшие в «Эпоху Ельцина» можно будет довести до статьи, она вышла в сентябрьском номере «Телескопа». Грушин в целом принял работу и я с легкой душой отправил текст моим коллегам, знавшим Грушина и дружившим с ним. Б.М. Фирсов ответил: «Так мы друг о друге не писали...», Ядов написал: «Прочел твою статью о Грушине, каковая далеко не только о нем, но о многом другом, что важно для понимания процессов развития важнейшего направления в социологии. Совмещая в своем сознании статью о Гэллапе и "пост…", я думаю, что хорошо бы тебе подготовить и опубликовать у нас свою книгу». Добрым дополнением к реакциям моих друзей оказалось предложение издателя и главного редактора журнала «Телескоп» М.Е. Илле: подумать о создании рубрики по истории современной российской социологии. Еще не зная, что и как буду делать, я принял это предложение и написал небольшую заметку «История есть, только если она написана» (Телескоп, 2004, № 5). Отчасти, это была программа того, что я задумывал, но в большей мере это была психологическая настройка на абсолютно новое дело. У меня не было никаких заделов для этой работы, но я увидел в этом проекте форму возвращения в знакомую мне профессиональную среду. Я торопился, мне хотелось не только приступить к новому делу, но начать его «завтра». И сейчас я уверен, что в реку надо было прыгать, не раздумывая, не засиживаясь на бережку. Первый номер журнала «Телескоп» выходил в конце февраля 2005 г., и там уже должен был быть историко-социологический материал. Спасительным было то, что в таких обстоятельствах думаешь и принимаешь решения быстро.

Ж.Т. ***И каким же был твой первый шаг?***

Б.Д. Не имея возможности для работы в библиотеках и для поиска в американских университетах соответствующих архивов, я должен был обзаводиться собственным эмпирическим материалом для проекта. Простейший вариант – воспоминания тех, кто стоял у истоков нашей послевоенной социологии. Многих из них, в первую очередь представителей «ленинградской социологической школы», я знал на протяжении многих лет. Перебрав не слишком большое число вариантов получения нужных мне сведений, я пришел к выводу о необходимости проведения интервью с первопроходцами, используя электронную почту. Вглядываясь в прошлое, назову это решение одним из определяющих в судьбе исследования, я и сейчас не вижу более эффективного метода накопления эмпирии для данного проекта.

Два обстоятельства определили это методическое решение. Первое – раннее освоение электронной почты. В Кремниевой долине, где я живу, наличие в семье компьютера, Интернета и электронной почты в начале века было обыденностью. Второе – серьезное знакомство с технологией и практикой использования почтового опроса. На рубеже 1970–1980-х гг. я изучил многолетний опыт американских исследователей, провел серию методических экспериментов с выявлением влияния факторов повышения возврата заполненных анкет и был знаком с общим выводом – главное – персонализация обращения к потенциальным респондентам. В начале нулевых российские социологи только начинали осваивать электронною почту, я видел в этом трудность на пути сбора первичной информации, но никак не шлагбаум.

Почтовый опрос – это вид анкетирования. Но от анкеты, жесткого метода, я отказался сразу, было очевидно, что до воспоминаний никакой анкетой не добраться, нужно интервью в максимально свободной форме. Так возникла идея и процедура продолжительного диалога: респондент отвечал на заданные вопросы, высылал мне ответы, и, изучив их, я отправлял новые вопросы. Поначалу я задавал сразу несколько вопросов, но очень скоро я от этой практики отошел: трудно представить, чтобы в живом диалоге перед человеком сразу ставилось несколько вопросов. Исходно я использовал привычную для социолога лексику: интервью и респондент, но постепенно я заменил их на «беседа» и «собеседник». Они точнее отражают мягкую, диалоговую природу проводимого интервью.

Общий дизайн интервью базировался на моем немалом опыте написания биографий американских полстеров и исследователей эффективности рекламы. К этому меня подтолкнуло изучение биографии Гэллапа, который начинал свою карьеру как аналитик эффективности рекламы и занимался этим долгие годы, уже став признанным специалистом в проведении опросов общественного мнения. Моя первая статья по рекламной тематике «Они сильнее других хотели знать, как работает реклама» (Телескоп, 2001, № 4) содержала краткие биографические данные о 15 выдающихся исследователях газетно-журнальной и радиорекламы.

В беседах с российскими социологами всегда было четыре основных информационных блока: воспоминания о родительской семье; школа, ранние интересы и выбор профессии; получение высшего образования и процесс вхождения в социологию; работа в социологии. Разнообразие в ответах – огромное, и, конечно, было бы ошибочным заключить все многообразие рассказов моих собеседников в рамки стандартных анкет. Как я и планировал, первое интервью было проведено зимой 2004–2005 гг. Моим первым информантом был Б.М. Фирсов (Телескоп, 2005, № 1).

Ж.Т. ***Ты обозначил метод сбора информации, немного сказал об особенностях построения интервью, но пока – ни слова о выборке. Пожалуйста, приоткрой и эту сторону проекта.***

Б.Д. Как ни странно, в хронологии развития исследования эта тематика заявила о себе несколько позже, сначала я сконцентрировался на одной историко-методологической проблеме. Завершив беседу с Фирсовым и поняв, что задуманная схема сбора данных в целом работает, я продолжил интервьюирование с давно знакомыми мне социологами (Л.Е. Кесельманом и Я.И. Гилинским) и задумался о будущем анализе материалов. Стартовая информация для подобных рассуждений уже была: не только несколько собственно полученных биографий социологов, но и биографии, приведенные в известной книге «Российская социология 60-х годов в воспоминаниях и документах», подготовленной Г.С. Батыгиным. Меня заинтересовал вопрос о будущей типологии жизненных путей, соответствующей динамической природе исторического анализа. Традиционные группировки респондентов по полу, возрасту, типу образования, региону проживания и работы были сразу отброшены, они представлялись малоинформативными. Довольно скоро я понял, что перспективной может быть стратификация нашего сообщества по поколениям.

Проблема в том, что и у Батыгина, и у меня все «рассказчики» были примерно из одной возрастной группы: это были социологи, с которых начиналась наша социология, значит с них должна была начинаться поколенческая лестница. «Первые», имея философское, экономическое, историческое образование, не обладали никакой социологической подготовкой. Ядов, например, называл себя самоучкой, и это относится ко всем советским социологам-первопроходцам. Я не ожидал, что это так зримо проступит в жизненных путях первых социологов. Возможно, я не столь сильно удивлялся этому, я сопоставлял указанный факт с тем, что открылось мне при изучении биографии Гэллапа. Тогда мне показалось целесообразным узнать подробнее характер психологического образования Гэллапа, завершившего обучение со степенью Ph.D. по прикладной психологии. По моему запросу Айовский университет, где он обучался, прислал мне «Дело» студента Дж. Гэллапа, в котором были сведения о всех изучавшихся им курсах и преподавателях.

Отобрав тех, кто обучал Гэллапа психологическим дисциплинам, я выяснил, где и у кого они учились психологии, а затем постарался выяснить все это про «учителей учителей». Так за пять итераций я добрался до «дна»: до Фехнера, Гельмгольца, Гальтона, Шарко и Вундта. Только у них было учителей по психологии. Статья с изложением этого результата называется «Учителя и учителя учителей. К построению траектории преемственности» (Телескоп, 2007, № 2).

Поскольку никто из наших первых социологов не вспоминал ни о прямых контактах с коллегами, работавшими до них, ни о влиянии написанного ими, то был естественен вывод о «втором рождении» российской социологии. Осенью 2007 г. в Тюмени состоялась социологическая конференция, на которой я не мог присутствовать, но меня выручила В.В. Гаврилюк, она презентовала мой текст с выводом о «втором рождении». На текст, отправленный В.А. Ядову 11 октября, я получил ответ: «Боря, отличная и аргументированная статья. Термин "возрождение" нашей социологии я отныне забыл. Действительно, было становление социологии заново». Я облегченно вздохнул. Концепция второго рождения была изложена в моей книге «Современная российская социология. История в биографиях и биографии в истории» (2013) и рассматривалась мною в ряде статей, и я не встречал сколь-нибудь развернутой критики данного теоретического положения. Оно стало своеобразным эпиграфом к книге: «С конца 1950-х годов и до начала перестройки российские социологи фактически не знали своих профессиональных предков. Так сложилось, что прошлое российской социологии не стало импульсом для развития ее настоящего. Но настоящее в силу разных причин заставляет нас обернуться назад. И осознать, что сначала хрущёвская "оттепель" позволила российской социологии родиться во второй раз, а затем горбачёвская перестройка создала предпосылки для ее возрождения. Обращение российских социологов к своему прошлому можно было бы описать тезисом: "К возрождению через второе рождение". Другими словами, "возрождение" – не генезис современной российской социологии, а следствие ее существования».

Под возрождением я понимаю поиск всевозможных путей включения в нашу современную социологию информации о жизни и достижениях российских социологов разной глубины прошлого. Особого внимания заслуживают исследователи, работавшие в двухтрех первых десятилетиях XX в., а в некоторых случаях и наши старшие современники.

Формула «К возрождению через второе рождение» не раскрывает механизм движения к возрождению, однако ясно, что здесь не может быть фронтального, широкого движения, но лишь какие-то «точечные» кейсы, которые иллюстрировали бы плодотворность таких «шагов» и одновременно подталкивали бы нас к обогащенному пониманию логики развития российской социологии. Прошедшие годы показали, что это верное представление о процессе возрождения, главное, чтобы здесь не было продолжительных остановок.

Описанное решение проблемы генезиса послевоенной российской социологии открыло путь к решению другой, реально затруднявшей переход от «штучного» к «массовому» интервьюированию, а значит – к определению теоретической базы процедуры рекрутирования моих собеседников. Речь идет о правилах поколенческого структурирования российского социологического сообщества.

Я решал эту задачу не как социолог, а как математик и в опоре на общенаучные критерии и математические правила типологии. Исходным был подход Эйнштейна к тому, какой должна быть верная теория, ведь поколенческая шкала – это модель, теория возрастной стратификации в данном случае совокупности послевоенных социологов. Я включал в нее и те когорты социологов, которые уже участвовали в создании науки, и представителей будущих когорт. Согласно Эйнштейну, теория должна отвечать принципам «внутреннего совершенства», т.е. логической простоте, естественности, и принципу «внешнего оправдания», или соответствия опыту. Начинал с поиска алгоритма, обладающего «внутренним совершенством», ибо таковой больше, чем какие-либо другие типологические процедуры, обладает и «внешним оправданием».

Изучение различных подходов к выделяемым историками, демографами, социологами поколениям, на мой взгляд, показало, что они не удовлетворяют требованию «внутреннего совершенства», это, скорее, мнения, заключения экспертов, изучающих типологизируемую общность и созданные другими аналитиками поколенческие стратификации, в них всегда присутствуют ad hoc допущения, против которых выступал Эйнштейн. Я постарался избавиться от них, не привязывать поколенческую структуру к политическим, социальным и прочим аспектам развития советского общества и принял решение о том, что все поколения должны обладать одинаковой продолжительностью. В этом допущении делается акцент на естественность формирования поколений, которые сами себя формируют, они – синтез многих общественно-исторических и социально-биологических фактов и, следовательно, не могут быть ни слишком продолжительными, ни слишком короткими.

Я допускал, что внутри поколения всегда есть старшие и младшие группы, а при другом взгляде – старшие, средние и младшие. И аналитики в своем изучении поколений делят их на две или три части. Следовательно, продолжительность поколения должна быть числом четным и делящимся на три. Наименьшее такое число – 6, но оно слишком мало, чтобы за такой период сформировалось столь крупное образование, как поколение, значит, искомая продолжительность поколений – 12 лет. Последующий анализ показал, что примерно такой же продолжительностью обладают описанные в литературе поколения. Значит во всем этом построении оставался лишь один шаг – установить начало 12-летнего интервала для годов рождения первого поколения отечественных социологов. Помогла статистика рождений социологов, биографии которых были в книге, выпущенной Батыгиным. Оказалось, что в центре искомого интервала расположены 1928 и 1929 гг. Если известны два серединных интервала 12-пунктовой шкалы, то легко определить весь интервал рождения тех, кто составляет первое поколение, это – 1923–1934 гг.

Однако необходимо пояснить, что и представители второго поколения – это социологи, годы рождения которых заключены в этом же интервале; мы имеем тот случай, который можно назвать: один возраст – два поколения. Эта аномалия – отражение истории советской социологии, а именно – большого разрыва в ее существовании и очень осторожного движения в первые годы ее «второго рождения». Второе поколение – это первые ученики первых учителей, при этом ученики в целом были ровесниками учителей. Так, Б.М. Фирсов, имея весьма успешный опыт работы в комсомоле и партии, отработав несколько лет директором Ленинградского телевидения, по приглашению В.А. Ядова стал его аспирантом; оба – 1929 г.р. Формально А.Н. Алексеева (1934–2017) можно было бы отнести к первому поколению социологов, но в моем исследовании он во втором поколении; он пришел в социологию после многих лет работы в журналистике, и Ядов был его консультантом. Далее все делается автоматически: третье поколение – 1935–1946 гг.; четвертое – 1947–1958 гг.; пятое – 1959–1970 гг. и т.д.

В 2008 г. я сделал первое описание концепции 12-летних поколений советских российских социологов и отправил его В.А. Ядову. И получил от него весточку: «Мистика, но выглядит убедительно. Привет, Володя». Мне повезло, идея поколенческого строения рождалась в дружеской атмосфере. Ее первое обсуждение прошло в Институте социологии РАН на конференции памяти Г.С. Батыгина, организованной Л.А. Козловой, а презентация моей статьи была сделана В.В. Семеновой.

Ж.Т. ***Замечу, твое движение к концепции «второго рождения» и к системе поколений было непростым и заметно отличалось от практики обоснования историко-социологических построений. Но решение этих задач помогло тебе в интервьюировании коллег?***

Б.Д. Несомненно облегчило, хотя многое развивалось не так, как виделось до 2007 г. Прежде всего, у меня не было плана долгосрочного исследования, и я не планировал проведение большого числа интервью, думалось – несколько лет и несколько десятков

бесед. Многое изменила работа над статьей «Биографии для истории»[2], в которой подводились итоги первых теоретических рассуждений (еще не было изложенных выше концепций) и первого опыта интервьюирования (29 интервью были закончены или находились в процессе работы). Но обозначились новые грани моего проекта и пришло осознание того, что все это надолго. Процитирую вывод этой статьи: «Вопросы этики в исследованиях биографической направленности имеют как самостоятельное значение, так и сопряженное с науковедческими и методологическими проблемами. От характера решения этих вопросов во многом зависит, какой будет история нашей социологии, смогут ли будущие поколения знать, как она создавалась, кто развивал ее методологию и технологию (и что он туда привнес), а кто "лежал" на ее пути. Хочется надеяться, что проект, который ведется на страницах "Телескопа" уже два года, будет иметь продолжение и станет частью широких и многоцелевых исследований, направленных на создание истории единой российско-советско-российской социологии» (с. 22).

В начале интервьюирования я обращался к давним коллегам и друзьям, и у меня не было острой необходимости в определении процедуры отбора респондентов. Но уже были сформулированы критерии отбора: наличие электронной почты и возраст опрашиваемых (старшие – приближались или уже отметили 80-летие, младшие – не моложе 60 лет). В отсутствие концепции поколений говорилось о возрасте, причем достаточно зрелом. Я исходил из весьма ограниченного понимания целей исследования и из представления о том, что прошлое – нечто неподвижное, и о нем имеет смысл говорить лишь со «старшими». И третий критерий – успешность деятельности социолога. Она не связывалась напрямую с наличием степеней и званий, должностным статусом, количеством опубликованных книг и т.д. Речь шла о признании потенциального респондента профессиональным сообществом. Этот критерий сохраняет свою силу и сейчас.

Поиск респондентов не был особо сложным: многих я знал лично или по публикациям, и покатился «снежный ком», в поисках кандидатур я обращался к уже опрошенным. Но ни в то время, ни сейчас я не говорю о выборке респондентов, и главная причина – невозможность очертить должным образом генеральную совокупность. Один из вопросов, на который не было ответа: «Кого относить к социологам?», ведь долгое время в стране такая профессия не была узаконена. К тому же не было статистических данных о работающих социологах, их распределений по возрасту и полу, по географии работы, по научным степеням и пр.

Одно время я выделял (для себя) две группы респондентов: «старших» и «младших», но в какой-то момент неопределенность в представлении о строении нашего сообщества начала сказываться в работе, и появление концепции поколений внесло необходимую ясность. Стало понятным, что среди уже опрошенных есть лишь представители первых трех поколений, в 2007 г. я спонтанно провел первую беседу с М.А. Тарусиным – социологом IV когорты, но осознанное изучение этого поколения началось лишь на рубеже 2010–2011 гг., а в 2013 г. решился на интервью с коллегами V стратификационного слоя. Названная выше запевная для данного проекта статья «История есть, только если она написана» начиналась словами «История вершится постоянно, непрерывно, и потому она должна изучаться и описываться тоже постоянно и непрерывно». Переход к анализу пяти поколений стал на практике непрерывным изучением нашей истории. Представители пятого поколения входили в социологию в годы перестройки и обычно начинали свои исследования с изучения новой проблематики и пользовались более богатым набором методов, чем старшие. Это была уже новая социология, и много мне уже было неизвестным.

Таким образом, массив респондентов рекрутировался так, чтобы набиралась достаточно объемная в численном отношении группа социологов каждого поколения. По-видимому, во второй половине 2013 г. стал ощущаться перекос массива опрошенных

---

[2] *Докторов Б.* Биографии для истории // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 1. С. 10–22.

Таблица

Распределение по поколениям 213 биографий российских социологов

Поколения / временные (годы) границы поколенческих интервалов							
I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
1923–1934	Конец 1920-х –1934	1935–1946	1947–1958	1959–1970	1971–1982	1983–1994	1995–2006
20	24	48	51	26	26	17	1

в сторону Москвы, Петербурга и двух региональных центров: Екатеринбурга и Тюмени. Причина была ясна – метод «снежного кома»: каждый называл коллег своего города, научного центра. Ситуация изменилась в начале лета 2014 г., когда ты подарил мне выпущенную под твоей редакцией книгу «Социологи России. История социологии в лицах», пожелав мне продолжить мою «огромную текущую работу, которая пересекается с этим замыслом». Теперь я мог находить социологов в разных регионах страны и просить их рассказать о своей жизни и работе.

Достаточно долго я не обращался с предложением об интервью к социологам VI (1971–1982) и VII (1983–1994) поколений, они казались мне «слишком молодыми» для историко-социологического исследования. И все же в 2014–2015 гг. я нарушил этот «запрет» и через них начал входить в незнакомую мне по личному опыту реальность. Наконец, в конце 2020 г. было приведено первое и пока единственное интервью с социологом VIII поколения (1995–2006). Анализ биографий социологов VI и последующих поколений – это уже изучение нашего будущего.

Под поколением социологов понимается достаточно однородная по возрасту группа ученых, удовлетворяющая двум условиям: 1) их первичная социализация происходила в сходных исторических и социально-политических обстоятельствах и 2) их вхождение в отечественную социологию состоялось в рамках одной и той же фазы ее развития. Кратчайший путь показать внешнее оправдание предложенной лестницы поколений – это рассмотреть, чем в социально-историческом плане характерны серединные интервалы поколений. Так, революционный 1917 год ровно на 12 лет отстоит от одной из центральных точек интервала рождения первого поколения советских социологов (1929). И ровно 12 лет отделяют большевистскую революцию от Первой русской революции 1905 г. Сам 1929 год вошел в историю России как момент «великого перелома». Далее, с интервалом в 12 лет, на временной оси «расположены» 1941 г. – начало Великой Отечественной войны – и 1953 г. – смерть Сталина. Еще через одиннадцать лет – 1964 год (тоже являющийся центральным для V поколения), наступила эпоха Брежнева, а 1977 г. оказался переломным: Брежнев занял все высшие посты в стране и началось формирование периода, иногда иронично называемого «культом без личности». Наконец, 1989 г.– пик перестройки, выборы народных депутатов СССР и образование горбачёвского парламента. Все это было написано десять лет назад[3], но были указаны и серединные интервалы для казавшегося бесконечно далеким VIII поколения: 2000–2001 гг. Сегодня мы знаем, это годы начала президентства В.В. Путина.

В конце 2017 г., когда количество биографических интервью приблизилось к 170, я стал добавлять к этой коллекции мои статьи, эссе и клипы биографического характера. И именно тогда была в полной мере манифестирована, признана близость, родственность двух указанных способов биографического анализа: реальных и мысленных интервью, о чем я немного говорил в вышеназванном биографическом интервью, которое проводил В.А. Ядов в 2007–2008 гг.: «Мысленный диалог тоже может быть формой общения знающих друг друга людей, однако в рамках этого исследования под подобной формой коммуникации подразумевались, прежде всего, “мысленные разговоры”, “внутренние

[3] См. с. 141: *Докторов Б.* Современная российская социология. История в биографиях и биографии в истории. Санкт-Петербург: ЕУ в СПб., 2013.

Рис. «Большой портрет»

диалоги" живущих, активно действующих людей с их предшественниками, размышления по поводу жизни и наследия последних. В таких диалогах реальное "я", не порывая с собою, постоянно спрашивает о чем-то лично незнакомое ему "историческое" "не-я" и самостоятельно пытается ответить за него на эти вопросы. В момент внутреннего диалога реальный субъект общения "удваивается": он говорит за "я" и за "не-я"».

В таблице представлено распределение 213 биографий российских социологов, с которыми были проведены реальные или мысленные беседы.

На протяжении многих лет Е.И. Григорьева создавала интерактивную конструкцию, получившую название «Большой портрет» (рис.), где собраны фотографии всех тех, с кем были проведены реальные интервью (или о ком кто-либо из родных, коллег рассказал мне) или состоялись мысленные диалоги. Все эти замыслы удалось осуществить при поддержке Ф.Э. Шереги и на сайте его организации. С конца 2020 г. «Большой портрет» можно найти на сайте Института социологии ФНИСЦ РАН[4]. В «Большом портрете» – 218 фотографий, это активные ссылки, по клику на них осуществляется переход к биографии изображенного на ней человека. Это не только коллективная фотография нашего профессионального сообщества, но и книга о становлении, прошлом и будущем российской социологии.

Мой рассказ о прошедших годах и сделанном не может быть закончен без выражения благодарности моим друзьям и коллегам, без которых я в принципе не мог бы осуществить данное исследование. Прежде всего отмечу около 200 человек, откликнувшихся на мое предложение рассказать о своей жизни и работе, нелегкое это дело. И я бесконечно благодарен тем, кто помогал и помогает мне в моей без малого 20-летней работе: А.Н. Алексеев, Ю.М. Беспалова, Е.И. Григорьева, Г.Е. Зборовский, А.Г. Здравомыслов, М.Е. Илле, И.С. Кон, Л.А. Козлова, П.М. Козырева, Н.Я. Мазлумянова, Е.Ю. Рождественская, Ж.Т. Тощенко, Б.М. Фирсов, Д.Н. Шалин, Ф.Э. Шереги, В.А. Ядов. И конечно же – моя жена, Л.Д. Докторова.

Беседу вел Ж.Т. Тощенко, чл.-корр. РАН,
гл. науч. сотрудник ИС ФНИСЦ РАН

[4] *Докторов Б.З.* Биографические интервью с коллегами-социологами. 4-е доп. изд. [эл. ресурс] / Ред.-сост. *А.Н. Алексеев*. Ред. эл. издания *Е.И. Григорьева*. М.: ЦСПиМ, 2011–2020. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=3074 (дата обращения: 30.05.2020).

ВИКТОРУ ПЕТРОВИЧУ КОЛОМИЙЦУ – 70 лет!

В июне отмечает юбилейную дату один из ведущих специалистов в области социологии массовых коммуникаций, доктор социологических наук, профессор Виктор Петрович Коломиец.

Родился юбиляр 3 июня 1951 г. в поселке Красный Строитель Куйбышевской области. Окончил философский факультет МГУ в 1978 г. После аспирантуры Института философии и защиты в 1982 г. кандидатской диссертации Виктор Петрович начал преподавать. Сначала на философском факультете МГУ, затем с 1989 г. на социологическом факультете (с момента его основания) в должности старшего преподавателя, доцента по кафедре социологии культуры, с 2003 по 2010 г. профессор кафедры социологии коммуникативных систем. В 1994 г. Виктор Петрович защитил докторскую диссертацию. С 2012 г. возглавляет кафедру социологии журналистики (ныне – социологии массовых коммуникаций) факультета журналистики МГУ, а также читает курсы по социологии СМИ, теории массовых коммуникаций, теории и практики медиаисследований, СМИ в постнеклассической социологии.

В.П. Коломиец широко известен в научном мире исследованиями проблем теории массовой коммуникации, различных аспектов проведения опросов населения о роли телевидения и медиа в коммуникации, истории институционализации социологии СМИ в РФ. Автор многочисленных публикаций по социологии журналистики, был редактором-составителем и одним из авторов первой в России книги о телевизионно-рекламной индустрии (2001). В 1996 г. Виктор Петрович принял предложение компании Video International MS сформировать информационно-аналитический отдел, и вскоре после заключения соглашения между «Видео Интернешнл» и ВГТРК о долгосрочном сотрудничестве ему представилась возможность организации и проведения в созданном в медиакомпании Аналитическом центре (АЦВИ) социологических исследований и мониторингов отношения телезрителей к продукции отечественного ТВ. С 2000 г. научный руководитель долгосрочного исследовательского проекта «Телевидение глазами телезрителей», который включал ежегодные опросы населения РФ о телевизионных предпочтениях. С 2011 г. тематика опросов была расширена и включала анализ новых форм и каналов потребления медиа. В АЦВИ сложился дружный коллектив социологов, и материалы проводимых центром исследований были отражены в совместной монографии его сотрудников «Телевидение глазами телезрителей» (М., 2012) и в труде В.П. Коломийца «Медиасоциология: теория и практика» (М., 2014). После того как в 2016 г. «Видео Интернешнл» перестал существовать, проект удалось сохранить, и теперь он реализуется в объединенной компании НСК/НРА (Новая сервисная компания, Национальный рекламный альянс).

В 2013 г. Виктор Петрович вошел в состав редакционной коллегии журнала «Социологические исследования» и выполняет обязанности заместителя главного редактора на общественных началах. Его точный и в то же время корректный и бережный подход к авторским текстам вызывает неизменное уважение.

Мы сердечно поздравляем Виктора Петровича с юбилеем и желаем здоровья и благополучия. Покорения новых творческих и профессиональных высот, сохранения неиссякаемого интереса к жизни и работе.

Друзья, коллеги, ученики

© 2021 г.

В.П. КОЛОМИЕЦ

ИНДУСТРИАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЕЛЕВИДЕНИЯ

КОЛОМИЕЦ Виктор Петрович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии массовых коммуникаций факультета журналистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; руководитель департамента аналитических исследований НСК/НРА, Москва, Россия (vikkolomiets@yandex.ru).

***Аннотация**. В статье через рассмотрение материалов проекта «Телевидение глазами телезрителей», реализуемого уже более двадцати лет, представлена постепенная трансформация российского телевидения, актуализированы проблемная ситуация утраты телевидением монополии на распространение видеоконтента и вытекающие из этого последствия. Автор отстаивает тезис об абсолютной необходимости дальнейшего существования телевидения (речь идет о функциональности, которую выполняет телевидение) в его более широкой трактовке. В работе представлены некоторые обобщения как возможная теоретическая основа в выработке стратегии развития отечественного телевидения.*

***Ключевые слова:** видео • телевидение • телеканал • телевизионная индустрия • аудитория*

DOI: 10.31857/S013216250015558-6

Телевидение – это технокультурная структура, деятельность которой направлена на создание и распространение среди населения специально созданного аудиовизуального контента. Оно может рассматриваться также и как социокультурная конструкция, созданная для поддержания существующего общественного устройства, управления большими массами людей через информирование и развлечение, формирование индивидуальной «картины мира» и коллективных представлений. Властные, элитарные структуры контролируют распространяемые с помощью телевидения идеи, взгляды, представления. Сегодня телевидение находится в состоянии институциональной и интеллектуальной турбулентности. Идет постоянная борьба между традиционными телеканалами и новыми субъектами медиапространства (платформами, социальными сетями, стриминговыми сервисами и т.п.) за внимание аудитории и деньги рекламодателей.

Какие проблемы, связанные с функционированием телевидения, волнуют представителей телевизионной индустрии? Здесь все зависит от социальной позиции и роли отвечающего на данный вопрос. Если это представители руководства телевизионных каналов, осуществляющих традиционное линейное вещание (директора медиахолдингов и медиаменеджеры), то их беспокоит отток аудитории, и как следствие – уход денег рекламодателей из данного сегмента индустрии. Если это сотрудники телеканалов, то их беспокоит вымывание определенных традиционных профессий, безработица. Если это представители цифровых форм распространения видеоконтента, то они также беспокоятся о деньгах рекламодателей, инвестируемых, с их точки зрения – по инерции, в традиционные телеканалы. Это конфликт старого и нового, традиционного и консервативного, при котором почетнее находиться на стороне новаторов. Если попытаться смотреть на эти процессы со стороны телезрителей, то сейчас лучшее время, когда телевизионный экран переполнен разнообразным контентом, а стриминговые сервисы за небольшие деньги предлагают обширные библиотеки кино, сериалов и различных развлекательных программ. Здесь также присутствует определенная неудовлетворенность развлекательным содержанием и определенными идеологическими устремлениями некоторых телевизионных каналов, что способствует в условиях развития новых форм доставки видеоконтента «перетеканию»,

«уходу» аудитории от традиционного телевидения. Главное заключается в том, что для большинства граждан телевидение – уже не единственный регулярный источник информации и развлечения.

Ситуация с миграцией аудитории с традиционных телеканалов вызывает определенное беспокойство у политической элиты, так как она теряет важнейший канал ненасильственного управления населением. Миграция аудитории к цифровым ресурсам, прежде всего цифровым платформам, имеет далеко идущие последствия. Цифровые платформы, объединяя на основе единых правил коммуникаций и социальных взаимодействий большие массы людей, приобретают функции, которые ранее были свойственны только государственной власти. Расширение властных полномочий цифровых платформ не может не волновать общество.

Цель статьи в том, чтобы, опираясь на результаты многолетних эмпирических исследований, на включенное наблюдение и индустриальные данные, зафиксировать трансформационные изменения функционирования телевидения, которые имеют последствия как для него самого, так и для общества.

В статье используются эмпирические данные индустриального исследовательского проекта «Телевидение глазами телезрителей (ТВГТЗ)», который с 2000 года ведет возглавляемое автором подразделение компании НСК/НРА (ранее «Видео Интернешнл»), которая специализируется на размещении рекламы на телевидении. Проект включает ежегодный общероссийский опрос (или несколько опросов, например, в 2020 г.: телефонный опрос (CATI); интернет-опрос (CAWI)), репрезентирующий, как правило, городское население России в возрасте 15+ (в отдельные годы дополнительно включали сельское население или интернет-пользователей). С 2000 г. ведется мониторинг: медиасреды – оснащенность населения России ключевыми медийными устройствами (телевизионными приемниками, Смарт ТВ, персональными экранами и т.п.); услуг (прием телеканалов, наличие домашнего доступа в Интернет и т.п.); практик потребления видеоконтента (линейное телепотребление, OTT TV, видео по запросу и онлайн-видео). Иногда дополнительно проводятся качественные исследования, направленные на выявление новых практик телесмотрения. В настоящий момент проект реализует высокопрофессиональная команда во главе с проф. И.А. Полуэхтовой. В ее состав входят П. Ковалев, Е. Овчинская, А. Воронцова, Е. Орлова, И. Шалагинова. В статье используется результаты полевых исследований разных годов, которые обозначены аббревиатурой с указанием года, например ТВГТЗ 2020.

Телевидение как индустриальная система. Отечественные социологи, начиная с 1960-х гг., анализировали бурно развивавшееся телевидение [Коломиец, 2018]. Свердловский социолог В.И. Волков отмечал: «Ряд исследователей полагает, что лишь возникновение телевидения позволило говорить о формировании системы массовой коммуникации в обществе; сама теория и социология массовой коммуникации возникает как научная дисциплина именно на базе изучения телевидения» [Волков, 1975: 65]. Советская телевизионная эра, о которой писали исследователи в 1960–1980-х гг., закончилась в 1990-е гг., когда отечественное телевидение было вынуждено шагнуть в пучину коммерции. Из идеологического института оно стремительно превратилось в набор бизнес-структур – телевизионных каналов, которые стали жить по законам бизнеса. В 2001 г. вышла первая на русском языке книга о телевидении как бизнесе [Коломиец, 2001]. В ней был обобщен опыт первого десятилетия становления и функционирования коммерческого телевидения в России. Основной акцент был смещен в сторону рекламы как главного инструмента финансирования телевидения. Была представлена «интеллектуальная мозаика, посвящённая различным аспектам функционирования складывающейся в России телевизионно-рекламной индустрии – особенностям ее развития, технологии функционирования и аналитической работы в этом сегменте бизнеса» [там же: 5].

Двадцатилетие существования с 1990 по 2010 г. отечественного аналогового телевидения можно назвать годами становления коммерческого российского телевещания, отечественной телевизионной индустрии. В этот период оно стало многоканальным, разно-

образным как по содержанию, так и по формам доставки телевизионного контента. В 2010 г. городское домохозяйство в среднем могло принимать 27 телеканалов, тогда как в 2000 г. их было всего семь [Полуэхтова, 2012: 80]. Появилось платное телевидение, когда за потребление набора телеканалов платил уже телезритель, а не вещатель и рекламодатель – явление совершенно новое для России, основное население которой привыкло потреблять телевидение бесплатно. В 2006 г. услугами платного телевидения пользовались 16% городского населения, в 2010 г. – 44%. Вырос парк современных телевизионных приемников [Полуэхтова, 2012: 91].

Наряду с этим коммерциализация, становление телевизионного бизнеса и превращение телевидения в мощный сегмент медиаиндустрии стали основным трендом этого двадцатилетия. Некоторым теоретическим обобщением становления и развития системы коммерческого телевизионного вещания в доцифровой период стала работа коллектива авторов Аналитического центра «Видео Интернешнл» [Коломиец, Полуэхтова, 2010]. К этому времени становится понятным, что эпоха традиционного телевизионного вещания заканчивается. Во введении книги было провидчески сказано: «Эпоха традиционного телевидения – не только как технологии вещания, но и как социального, экономического и культурного феномена – заканчивается. Хотелось не только "подытожить" 20-летнюю историю коммерческого телевидения, но и зафиксировать определенный исторический момент – состояние индустрии накануне глубоких и безвозвратных перемен, которые несет с собой переход на "цифру"» [там же: 7].

Прошло еще одно, бурное для телевидения десятилетие, в результате которого произошел переход на цифровое эфирное вещание; практически все население получило возможность принимать в хорошем цифровом качестве более 20 каналов. За прошедшее десятилетие среднее количество телеканалов в городских домохозяйствах выросло до 84 (ТВГТЗ, 2020). Телевидение остается высокоохватным медиа, привлекающим на регулярной основе самые широкие слои населения. Две трети населения России (66%) смотрят телевизор каждый или почти каждый день. Больше и чаще других телевизор смотрят представители старшего поколения и жители малых населенных пунктов. Более половины населения России признает высокую значимость телевидения как спутника повседневной жизни, средства отдыха и развлечения, а также как важного источника новостей и разнообразного развлекательного контента (ТВГТЗ, 2020).

Однако в этот же период телевидение утратило свои лидерские позиции на рекламном рынке и потеряло значительную часть молодой аудитории, которая телевизору предпочла экран смартфона, а длинным телевизионным шоу короткие видеосюжеты на YouTube или зарубежный телесериал на стриминговых сервисах. Регулярная аудитория телевидения в городах снижается от года к году, и этот тренд продолжился в 2020 г., несмотря на ограничения в перемещении, связанные с пандемией, которые повлекли за собой резкий всплеск телесмотрения в марте-апреле. Самое существенное снижение интереса к телевидению происходит в возрастной группе 15–34 года (со скоростью –8% в год) и в группе 35–54 года (–4% в год). В возрастной группе от 55 лет и старше доля тех, кто включает телевизор каждый или почти каждый день, снижается примерно на 1% в год (ТВГТЗ, 2020). Для иллюстрации этой тенденции еще несколько цифр из последней волны исследования. За последние 8 лет в городах России телевидение потеряло регулярное внимание значительной части молодых зрителей (15–34 года): среди них доля смотрящих телевизор каждый или почти каждый день сократилась на 41%. За это же время доля горожан, смотрящих ТВ в средней возрастной категории (35–54 года), снизилась на 21%, а в старшей возрастной категории (55 лет и старше) – на 9%. Отток зрителей за последние 8 лет происходил более или менее равномерно в группе 55+, а в более молодых возрастных группах за последние 4 года он ускорился (ТВГТЗ, 2020).

Это стало следствием, с одной стороны, эфирной политики телевизионных каналов, направленной на удержание существующей постоянно стареющей аудитории с определенной политической ориентацией; с другой – развития высокоскоростного Интернета,

позволяющего получать видеоизображение хорошего качества. На базе этой технологической возможности стали развиваться многообразные видеосервисы, которые составили конкуренцию традиционному телевидению. Стала складываться цифровая экосистема с иным позиционированием телевещания, которая предполагает изменение представлений о телевидении.

Телевидение: расширение границ. Даже тогда, когда телевидение было аналоговым и распространялось только через эфир, было сложно дать определение данному СМИ. Об этом свидетельствует, например, расплывчатое определение телевидения в Большой советской энциклопедии [Лапин, 1969–1978]. Возникновение каналов распространения видеопродукции на основе Интернета привело к попыткам сформировать сегмент видео и противопоставить его традиционному телевидению. В массовом сознании стало складываться мнение, что видео – это новое, современное развлечение, которое смотрит молодое поколение, а старое, закостенелое, линейное телевидение существует для «пионеров и пенсионеров». Противопоставление телевидения и видео продолжается и в настоящее время, хотя градус противостояния существенно упал.

В настоящий момент средством демаркации телевидения от всех других форм визуальной продукции является государственный контроль, осуществляемый как с помощью законодательства, так и с использованием государственных субсидий, которые предполагают следование определенным правилам и установкам. Телевизионная среда является носителем определенных табу, которые не распространяются на другие визуальные продукты.

Наряду с этим отечественное телевидение – это сложившаяся организационно-управленческая структура с канальной дифференциацией, тяготеющая к холдинговым построениям. Телевизионные каналы остаются узнаваемыми маркерами значительной части телевизионного контента, поэтому организационно телевидение можно представить как совокупность телевизионных каналов – главных субъектов, несущих ответственность перед обществом за функционирование телевидения. Фиксация «телеканала» как субъекта традиционного телевидения есть дань времени, когда основным ресурсом телевидения выступала частота вещания. Получить лицензию на частоту вещания (канал) означало получить трубу, с помощью которой можно «качать» деньги из рекламодателей. Телевизионный канал как основной субъект системы телевидения может рассматриваться в различных аспектах.

Первый аспект. Телеканал сегодня – это команда создания разнообразного телевизионного контента, то есть творческая мастерская, которая производит продукцию. Не случайно телевизионная индустрия в дискуссии о судьбе традиционного телевидения в связи с приходом высокоскоростного Интернета все больше склоняется в своем позиционировании в сторону производства высококачественного видеоконтента, который традиционные телеканалы умеют делать хорошо и располагают необходимыми для этого ресурсами. Конечно, существует такой субъект, как независимые продюсерские центры, однако в нашей стране они, как правило, слабы, создаются на один проект, не обладают правами на производимый ими контент, а как следствие, у них нет библиотеки контента, которая приносила бы постоянный доход продюсерскому центру, в то время, когда они не снимают новый телевизионный продукт. Инициативно производить телепродукцию, а затем продавать ее телеканалам – очень высокие риски – ее может никто не купить.

Второй аспект связан с тем, что телеканал – это менеджмент телевизионного контента. Аккумулировав огромные массивы телевизионного контента, телеканалы столкнулись с проблемой его грамотного управления. Контент превратился в актив, который должен грамотно и эффективно размещаться (монетизироваться) в эфире телеканала и цифровых сервисах (с учетом возможной каннибализации аудитории[1]), продаваться (на уровне

[1] Речь идет об онлайн-поглощении части аудитории офлайн.

прав), выступать в качестве залога при получении кредита. Эта ситуация приводит нас к весьма неожиданному исследовательскому аспекту: телеканал – это пространство торговли. Торговый хаб[2], площадка, на которой покупаются и продаются права на произведенные продукты, разрабатываются различные модели монетизации произведенного или купленного контента. Центральными вопросами дискуссии являются вопросы цены и качества продукции, а также борьба с пиратством, которое наносит большой ущерб владельцам прав на тот или иной телевизионный контент.

Третий аспект: телеканал – это сложный технологический комплекс, который включен в среду распространения телесигнала, позволяющий принимать транслируемые телеканалы и получать контент независимо от количества людей, желающих его посмотреть. Таким образом, система работает без сбоев в период неожиданных пиковых нагрузок, когда события заставляют обратиться к телевизионным экранам миллионы людей. Интернет-среда как система распространения видеопродукции, включая телевизионную, пока не позволяет решать эту проблему. Это было хорошо видно, когда сервис по распространению видео «ОКО», получив эксклюзив на трансляцию английского футбола (Premier League), стал испытывать трудности при трансляции матчей топовых команд между собой, поскольку пропускная способность не позволяла в адекватном качестве просматривать контент такому большому количеству людей. Сервису пришлось срочно решать проблему, с которой он со временем справился.

Главный вектор развития традиционного телевидения – выход телеканалов в цифровую среду, Интернет используется как инструмент доставки программного наполнения каналов, также размещаются отдельные продукты в социальных сетях, на сайтах и иных интернет-носителях, что требует от исследователей более широкого представления о телевидении. «В российской медиаиндустрии для обозначения новых границ телевидения и телерекламного бизнеса стал использоваться термин Big TV, или «Большое телевидение». Концептуально «Большое телевидение» – это контент телеканалов независимо от среды/платформы его дистрибуции, времени и способа (линейно или нелинейно) его потребления и экрана, используемого для его просмотра [Полуэхтова, 2018: 29].

Поскольку легитимация медиатехнологии или медиапродукта происходит через признание со стороны аудитории, аудиторные показатели выступают основным аргументом в расширенной трактовке телевидения. Эмпирические данные показывают все более широкое развитие различных форм просмотра телевизионного продукта за пределами традиционного телевидения, в частности просмотр OTT TV, VOD. В среднем каждый четвертый (25%) житель России смотрит OTT TV хотя бы один раз в неделю. Меньше других интерес к OTT TV проявляют жители села и люди старше 60 лет. В остальных типах населенных пунктов и возрастных группах доля телезрителей, смотрящих OTT TV, отличается несущественно (ТВГТЗ, 2020).

В процессе исследования мы попытались определить общее количество людей, которые смотрят традиционное линейное телевидение, маркированное телевизионными каналами. Получилось, что во всех средах и на всех экранах контент телеканалов регулярно привлекает 75% населения России (69% смотрят ТВ на ТВ и Смарт ТВ + 6% смотрят только OTT TV на компьютерных и мобильных устройствах), что позволяет утверждать: при всех отмеченных выше тревожных тенденциях телевидение остается лидирующим средством массовой информации (ТВГТЗ, 2020).

Наряду с движением телеканалов в цифровую среду в результате исследования мы зафиксировали еще одну тенденцию, которая связана с расширением функционального использования телевизора, который до сих пор выступает основным техническим маркером телевидения для потребителя. Как показал опрос интернет-пользователей (CAWI), в 2020 г. респонденты использовали экран телевизора (помимо просмотра телеканалов) для самых разных целей, при этом они задействовали разнообразные технологии подключения этого экрана:

---

[2] Хабы (от *англ*. hub) – узлы в сети, где размещают материалы о покупках и продажах прав на телевизионный контент.

– для просмотра видео через приложения; подключали телевизор к компьютерным устройствам через кабель или же беспроводным путем; подключали флешки, жесткие диски: «смотрела фильмы с флешки», «смотрим видео с ПК», «беспроводная проекция с телефона», «смотрели снятое нами видео на камеру», «просмотр фильмов с жесткого диска», «включала трансляцию из эл. почты»;

– для видеоигр: «играл в World of Tanks», «играл на приставке», «играл в установленную игру»;

– для прочих развлечений (например, слушают музыку, поют караоке, смотрят фотографии, рисуют и пр.): «смотрели… фото через флешку», «рисовали», «караоке», «слушал музыку с флешки», «слушали радио»;

– в качестве экрана, на котором работают, делают онлайн-покупки, ищут информацию: «Мой ПК подключен к телевизору с хорошим Интернетом. На этой системе я делаю все! Смотрю, играю, подрабатываю», «заказывала книги на сайте лабиринт, озон, wb», «дублировал экран ноутбука» (ТВГТ3, 2020).

Телевизор – самый большой домашний экран становится универсальным экраном, выполняющим множество функций, который позволяет потребителю использовать широчайший набор сценариев поведения от пассивного наблюдения за происходящим на экране и до активности поиска и творения.

Впрочем, не только телеканалы проявляют активность в цифровом пространстве. Развитие цифровой среды существенно расширило возможности дистрибуции контента и, как следствие, конкуренцию коммуникационных каналов (площадок). Долгое время практически единственными игроками индустрии профессионального контента были телеканалы. А в «цифре» было несколько онлайн-кинотеатров, работающих по AVOD или TVOD-моделям (просмотр контента с рекламой или разовые покупки контента). В настоящее время происходят кардинальные изменения. Сейчас на рынок одна за другой выходят новые платформы, которые работают по подписке. Помимо традиционных медиахолдингов появляются новые игроки: Apple, Сбербанк, МТС. По данным ТВГТ3, в 2020 г. более половины (55%) пользователей в течение суток хотя бы раз смотрит интернет-видео. Среди людей в возрасте от 15 до 34 лет так делает 62%, среди представителей старшего поколения (55–64 года) – 47%. Иными словами, все возрастные группы интернет-пользователей широко освоили потребление интернет-видео (ТВГТ3 2020).

Российский стриминговый сервис также весьма развит. В частности, по данным ТВГТ3 (2019) 15% городского населения страны регулярно смотрят стрим телеканалы в Интернете, видя в этом удобную форму потребления телевизионного контента. На российском рынке есть несколько игроков, которые предлагают услуги стримингового просмотра: ivi, Okko, Amediateka, Кинопоиск HD, Мегафон ТВ, Premier/List, MEGOGO, Ростелеком, Start.ru, Netflix.

Наблюдая за процессами, происходящими в интернет-среде, можно с определенной долей допущения предположить, что все институализированные сервисы Интернета, которые специализируются на распространении профессионального видеоконтента, находятся на пути интеграции в телевидение в его широком понимании. Описать пространство современного телевидения призвана концепция его развития до 2025 г., которая в настоящее время разрабатывается рабочей группой при Правительственной комиссии по развитию телерадиовещания.

Теоретические обобщения. Отмеченные выше тенденции и процессы позволяют сделать ряд обобщений.

Первое связано с тем, что ключевой сегодня видится задача более целостного представления современного телевидения. Оно развивается как в форме традиционного производства телевизионного контента и его линейного распространения, так и в форме иных средств производства, хранения и доставки видеоконтента потребителям. Требует своего решения проблема равного правового регулирования всех возможных форм функционирования телевидения.

За телевидением остается функция привратника и основного субъекта производства и распространения смысловых конструкций, культурных ценностей. Самый широкий

аудиторный охват, презентация важнейших общенациональных или региональных событий, сочетание высокопрофессиональной информации и развлечения, программируемость эфирных событий и функционирование в определенных географических (национальных) границах являются его важнейшими преимуществами как общественного института. Наши исследования показывают, что телевидение остается основным источником новостей для 62% населения России, то есть за телевидением остается формирование новостной повестки дня, определения перечня проблем, требующих общественного внимания, их официальной трактовки (ТВГТ3, 2020).

Второе. Основная проблема телевидения сегодня не в цифровизации, а коммерциализации – в превращении телевидения во всех аспектах его проявления в технологию легитимного изъятия денег у товаропроизводителей через монетизациоинную эксплуатацию телезрителей. Зарабатывание денег для производства высококачественного контента из средства превратилось в цель. И это не случайность или какая-то злая воля – финансирование является важнейшим условием деятельности любого субъекта телевидения. В этих обстоятельствах телевидение вынуждено развивать сервисы, которые непосредственно направлены на удовлетворение потребностей рекламодателей, например развитие «адресного» телевидения под более глубокий рекламный таргетинг с возможностью фиксации перформативного эффекта.

Деятельность телевидения направлена на создание устойчивой модели рекламного телевидения, адекватной современной бизнес-среде и запросам потребителей, когда реклама не раздражает аудиторию у экрана, а дополняет ее зрительский опыт. Модель рекламного телевидения, при всех ее издержках, дает хотя бы призрачные надежды на независимую от властей деятельность телевизионных журналистов. В демократических обществах (идеальная модель) телевидение не является ни институтом, ни рынком, но опосредованным общественным пространством, в котором конфигурируются символические представления мира, общества и идентичностей.

Необходимо добавить, что телевидение почти всегда ограничено национальным пространством[3], существует в границах государства и отражает его культуру, интересы, ценности. Априорно оно выступает национальным инструментом, в определенной мере сдерживая усилия цифровых платформ, направленных на расширение своего рынка, а как следствие, политического влияния за пределами государственных границ. В этих устремлениях цифровых платформ нет интенций, направленных на объединение человечества на принципах добра и справедливости, а есть стремление заработать больше денег.

Третье. Новая контекстуальность телевизионного просмотра преобразует технологическое лицо аудитории. Если ранее аудитория – это люди, находящиеся в комнате с включенным телевизором (исходное положение стандарта измерения телевизионной аудитории), то есть зритель, сидящий перед телевизором дома, то сегодня в своем максимуме аудитория – это трудноуловимые те, кто везде и нигде. Кроме того, это люди, включенные в более широкий социальный контекст, поэтому для их исследования уже невозможно использовать деконтекстуальное наблюдение за поведением, простое счетное измерение телесмотрения (точнее, медиапотребление) через фиксацию времени. Необходимо вписаться в социальный контекст, поскольку внимание, вокруг которого и идет борьба, контекстуально опосредовано и не декодируется с помощью только временных параметров. Аудитория из объекта трансформируется в процесс пользования медиа как одной из форм общественных отношений.

Четвертое. Телевидение должно вписаться в онлайн-экономику, в которой «правят» с помощью больших данных и информации, собранной через сложные интерактивные коммуникационные технологии. В настоящее время у телевидения таких данных нет,

[3] Пакеты российских ТВ каналов за пределами Российской Федерации оказываются недоступными. Аналогично с телевидением иных стран, за исключением специализированных каналов, вещающих для зарубежной аудитории.

а телевизионные каналы не настолько богаты, чтобы тратить на это деньги. Вероятно, индустриальная интеграция и кооперация с исследовательскими компаниями позволят решить эту проблему.

Цифровые платформы уже пошли по этому пути, объединившись с рекламодателями, реализуют свой проект измерения аудитории, которая потребляет видео на всех платформах. Крупные транснациональные рекламодатели, представленные индустриальным сообществом World Federation of Advertisers (WFA) вступили в альянс с ведущими технологическими платформами – Google и Facebook и в 2021 г. запустили пилотный вариант кросс-медийного измерения Origin в США и Великобритании. В основу проекта положена система искусственного интеллекта, которая обучается на фиксируемых практиках видеопотребления и калибруется по панели телевизионных измерений [Ачкасова, 2020]. Предложенная система не предполагает выработку и следование определенным телевизионной индустрией стандартам, что свойственно нынешней системе измерения, а выглядит как «черный ящик», ключ от которого в руках цифровых платформ. В этой системе нет места индустриальному комитету, а также отсутствуют условия для консолидированных обсуждений и решений. В настоящее время трудно представить, как будут развиваться события; пока нет ответа на главный вопрос, станет ли система измерения, предложенная технологическими платформами, индустриальной валютой. Одно можно утверждать вполне уверенно: проект Origin потребует активных действий от телевизионной индустрии, в том числе и отечественной.

Завершим статью о противоречивых тенденциях развития современного телевидения еще одним фактом, зафиксированным нами в последней волне нашего проекта «Телевидение глазами телезрителей»: большинство населения России (65%) признает, что не хотели бы потерять телевидение и то, что оно приносит в их жизнь. Телевидение для людей – это больше, чем новости или развлекательный контент, и значимость данного медиа признают не только представители старших возрастных групп, но и молодежь, а также активные интернет-пользователи. Конечно, в молодых возрастных группах, среди жителей мегаполисов и среди активных интернет-пользователей этот показатель несколько ниже (например, возраст 15–24 – 43%; Москва – 41%), однако, это очень высокие показатели в период стремительной фрагментации всего и вся (ТВГТ3, 2020). И это придает некоторую уверенность в будущем телевидения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ачкасова К.А. Как меняются медиапотребление и медиаизмерения на пороге десятилетия // Российский рекламный ежегодник 2019. М.: РИПОЛ Классик, 2020. С. 97–101.

Волков В.И. Влияние телевидения на структуру и интенсивность культурной деятельности различных слоев населения // Телевизионная аудитория: структура, ориентации, культурная активность: Сб. статей. Свердловск, 1975. С. 65–101.

Коломиец В.П. (ред.) Телерекламный бизнес (информционно-аналитическое обеспечение). М.: МИР, 2001.

Коломиец В.П. Массовая коммуникация в дискурсе отечественных социологов (1960–1980-е гг.) // Социологические исследования. 2018. № 10. С. 92–102. DOI: 10.31857/S013216250002162-1.

Коломиец В.П., Полуэхтова И.А. (ред.) Российское телевидение: индустрия и бизнес. М.: АЦ «Видео Интернешнл», 2010.

Лапин С.Г. Телевидение // Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] / Гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1969–1978.

Полуэхтова И.А. (ред.) Телевидение глазами телезрителей / Аналитический центр «Видео Интернешнл». М.: ООО «НИПКЦ Восход–А», 2012.

Полуэхтова И.А. Социокультурные эффекты медиатизации телевидения // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 4. С. 71–82. DOI: 10.17805/zpu.2018.4.7.

Статья поступила: 03.05.21 Принята к публикации: 21.05.21.

INDUSTRIAL TRANSFORMATION OF TELEVISION

KOLOMIETS V.P.

Lomonosov Moscow State University, Russia

Victor P. KOLOMIETS. Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Head of Sociology of Mass Communication Department of the Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (vikkolomiets@yandex.ru).

Abstract. The article presents the gradual transformation of Russian television through the consideration of the materials of the project "Television through the Eyes of Viewers", which has been implemented for more than twenty years, and actualizes the problematic situation of the loss of the monopoly on the distribution of video content by television and the resulting consequences. The author defends the thesis of the absolute necessity of the continued existence of television (we are talking about the functionality that television performs) in its broader interpretation. The paper presents some generalizations as a possible theoretical basis for developing a strategy for the domestic television. The article presents the gradual transformation of Russian television through the consideration of the materials of the project "Television through the Eyes of Viewers", which has been implemented for more than twenty years, and actualizes the problematic situation of the loss of the monopoly on the distribution of video content by television and the resulting consequences. The author defends the thesis of the absolute necessity of the continued existence of television (we are talking about the functionality that television performs) in its broader interpretation. The paper presents some generalizations as a possible theoretical basis for developing a strategy for the domestic television.

Keywords: video, television, TV channel, television industry, audience.

REFERENCES

Achkasova K.A. (2020) How Media Consumption and Media Measurement are Changing at the Turn of the Decade. In: *Russian Advertising Yearbook 2019*. Moscow: RIPOL Klassik: 97–101. (In Russ.)

Kolomiets V.P. (2018) Mass Communication in Discourse of Russian Sociologists (1960s–1980s). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 92–102. DOI: 10.31857/S013216250002162-1. (In Russ.)

Kolomiets V.P. (ed.) (2001) *TV Advertising Business (Information and Analytical Support).* Moscow: MIR. (In Russ.)

Kolomiets V.P., Poluekhtova I.A. (ed.) (2010) *Russian Television: Industry and Business*. Moscow: AC "Video International". (In Russ.)

Lapin C.G. (1969–1978) Television. In: Prokhorov A.M. (ed.) *Great Soviet Encyclopedia*: in 30 vols. 3rd ed. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russ.)

Poluekhtova I.A. (2018) Sociocultural Effects of the Mediatization of Television. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill]. No. 4: 71–82. DOI: 10.17805/zpu.2018.4.7. (In Russ.)

Poluekhtova I.A. (ed.) (2012) *Television through the Viewer's Eyes*. Moscow: OOO "NIPKTs Voskhod–A". (In Russ.)

Volkov V.I. (1975) Television's Impact on Structure and Intensity of Cultural Activities of Various Population Strata. In: *TV Audience: Structure, Orientation, Cultural Activity*: Collection of articles. Sverdlovsk: 65–101. (In Russ.)

Received: 03.05.21. Accepted: 21.05.21.

© 2021 г.

ЛИЧНЫЕ СТРАНИЦЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПУТИ СОЦИОЛОГА (к 75-летию А. Матулиониса)

Начало моего социологического пути связано с тем, как я из инженера постепенно стал превращаться в социолога. В конце 1969 г. я стал младшим научным сотрудником Отдела философии, права и социологии Института истории АН Литовской ССР. Мне посчастливилось встретиться с эстонским социологом М. Титмой, ставшим моим научным наставником. Под его руководством я провел исследование и начал писать диссертацию. Но в 1972 г. меня призвали на военную службу и армия стала мне вместо аспирантуры. В 1974 г. служба была завершена, а диссертация подготовлена. Крестным отцом – оппонентом моей первой диссертации – стал Ф.Р. Филиппов. Благодаря общему научному интересу – исследованию молодежи и социальной структуры – это переросло в настоящую дружбу. Перед глазами наша общая фотография, на ней и его сын Саша. Жаль, что он так и не успел по-настоящему порадоваться за успехи сына – будущего доктора социологических наук. В последний раз мы с Фридрихом Рафаиловичем встретились на социологическом конгрессе в Мадриде в 1990 г., а потом из Москвы пришло известие, что его не стало…

Возвращение из армии с защищенной диссертацией во многом предопределило мое место в литовской социологии. В середине 1980-х гг. в СССР начался бум социального планирования: с «достижением первой фазы коммунизма» надо было продемонстрировать внимание к каждодневной жизни советского человека. В нашем отделе, помимо сектора социологии, было решено организовать лабораторию социального планирования, ее руководителем назначили меня. Надо было набираться опыта, и, конечно, в первую очередь мы обратили взоры на Ленинград, где происходили значительные изменения. Проблематика социального планирования начала формироваться в Институте социально-экономических проблем, директором стал экономист Г.Н. Черкасов, а ведущими специалистами по этой теме М.Н. Межевич и В.Р. Полозов. С ними мы и установили теснейшие научные связи. Социальное планирование действительно продвинуло решение социальных и культурных вопросов: мы не только выпускали методические материалы, но и участвовали в создании планов социального развития на различных уровнях и в контроле за их реализацией.

Работа в лаборатории отнимала много времени, но не умерила интерес к исследованию жизненных планов молодежи. Лонгитюдное исследование, руководимое М. Титмой, расширялось и охватывало новые регионы: помимо Эстонии и Литвы, включились Латвия, Беларусь, Россия, Украина, Молдавия, Таджикистан. В памяти запечатлелись очень светлые воспоминания о нашей работе на Алтае – о прекрасной природе и людях, в особенности о С.И. Григорьеве. Я до сих пор храню авторефераты докторских диссертаций Немировского и Григорьева, так как они оба защищались в Вильнюсе. Не могу не вспомнить о москвичках Л. Коклягиной и В. Семеновой. Контакт с ними помог нам найти выход на всесоюзные издательства, поэтому результаты нашего лонгитюдного исследования жизненного самоопределения печатались не только в Тарту, Таллине, Вильнюсе, Риге, Минске, но и в Москве. С Л. Коклягиной я сотрудничал и после распада СССР – мы изучали музыкальные предпочтения людей трех поколений.

Исследования молодежи стали основой моей докторской диссертации, о которой Ж.Т. Тощенко писал: *«Знакомство с этой работой произвело на меня большое впечатление: в ней откровенно и доказательно говорилось о серьезных назревающих изменениях в сознании и поведении молодежи и особенно в республиках Прибалтики, в том числе в Литве. Говорилось о формировании у молодежи национального самосознания, критике советского строя и на этой основе наличия антирусских взглядов. Аргументация была убедительная, хотя для официальной точки зрения очень спорная. Тем не менее на очередном заседании я с полной уверенностью убеждал коллег в научной обоснованности выводов, в том числе и нелицеприятных, о важности такого подхода, имеющего не только научное,*

но и практическое значение, предложив эти выводы довести до сведения ведомств, занимающихся молодежью. <…>

Участие Арвидаса в проекте Микка Титмы, эстонского социолога, охватившего около 15 регионов страны, посвященного поколениям молодежи, получило всесоюзное и международное признание, дало ему признание в социологическом сообществе Советского Союза и он на многие годы стал олицетворять лицо литовских и в целом прибалтийских социологов».

Свою роль в развитии социологии в Литве я определяю как организаторскую: создавал новые социологические подразделения, участвовал в подготовке кадров, способствовал развитию научных контактов до и после распада СССР. В основном это были коллеги, с которыми я познакомился преимущественно благодаря участию в работе Советской социологической ассоциации (ССА).

Контакты с российскими социологами стали важной частью моего профессионального пути. В 1977 г. мы – Прибалтийское отделение ССА – организовали конференцию в Паланге, на которой свои доклады представило множество социологов Литвы, Латвии и Эстонии. Украшением пленарного заседания стал доклад В.А. Ядова. Для прибалтов он был своим: недаром он имел дом на хуторе в Эстонии.

Навсегда мне в память врезался и образ Г.В. Старовойтовой, которая выступала на конференции ССА в Суздале. В то время наиболее актуальной была ситуация в Карабахе, где она бывала не раз и потому могла разъяснить причины национального противостояния. С ее мнением согласились и коллеги из Армении и Азербайджана. Но Старовойтова стремилась не только исследовать, но и действовать, что привело ее в политику. Я давно убедился, что часто политика – дело грязное, а политические игры – без правил. Знал, что социологов могут преследовать, но чтобы убивали…

Важную роль сыграл и Н.М. Блинов, в 1985 г. ставший оппонентом моей докторской диссертации. В 1988 г. он был консультантом отдела пропаганды ЦК КПСС. На встрече ССА он рассказал мне о том, что было принято решение организовать в вузах пять новых факультетов социологии. Я ответил, что один из них должен быть в Вильнюсском университете, и через некоторое время в Литву пришло постановление об этом. Так Николай Блинов стал его крестным отцом, хоть факультет и назвали философским.

В период перестройки Академия наук СССР в научные группы для контактов с зарубежьем стала включать не только москвичей, но и представителей республик. Для меня была большая честь быть приглашенным в эту группу для поездки в США вместе В.А. Ядовым, Б.А. Грушиным, О.И. Шкаратаном, М. Титмой, В.Е. Хмелько, В.И. Паниотто. С этой поездки в 1988 г. началась наша дружба с Овсеем Ирмовичем, с которым я познакомился на конференции в Бирштонасе в 1980-х гг. Мы многократно встречались в Москве и в Литве, в особенности в Паланге, и подолгу разговаривали о жизни – о семье, войне и послевоенном времени, науке. С его подачи я стал членом редакционного совета журнала «Мир России». Овсей также пригласил меня прочесть краткий курс о социальных изменениях в Литве, Латвии и Эстонии: было необычайно интересно и ответственно, но и печально, что новое поколение россиян почти ничего не знает о жизни наших стран и даже о новейшей истории самой России. В середине позапрошлого года я неожиданно получил звонок из Москвы. «Умер Сева…» – прерывая плач, сказала его жена Неля. Когда тебе за семьдесят, такие новости получаешь все чаще, но со смертью друзей свыкнуться не можешь.

В последний раз в Москве я был уже давно – в 2008 г., когда приехал на празднование 50-летия ССА и 40-летия создания первого института социологии. Жил у Шкаратана, который был приглашен в президиум юбилейной сессии ССА и повел меня с собою. Я сидел вместе со всем цветом российской социологии – В.А. Ядовым, А.Г. Здравомысловым, Н.И. Лапиным, Ж.Т. Тощенко, Г.В. Осиповым… С Овсеем мы продолжали встречаться летом в Паланге и в Вильнюсе, пока позволяло его здоровье. Потом остался скайп

и телефон, а теперь только время от времени созваниваемся с Нелей и теплым словом вспоминаем Севу…

О теплоте этих встреч с российскими социологами мне напоминает множество автографов. У многих есть хобби, мое – собирание автографов: их у меня десятки тысяч. Помимо уже указанных ранее в моей коллекции, есть автографы: Н.А. Аитова, И.В. Бестужева-Лады, Л.А. Гордона, Л.М. Дробижевой, И.С. Кона, Ю.А. Левады, В.Н. Иванова, С.А. Кугеля, В.А. Мансурова, В.Г. Мордковича, Р.Х. Симоняна и многих других.

Значимым в моей профессиональной жизни было и то, что я по рекомендации Жана Терентьевича был включен в международный редакционный совет журнала «Социологические исследования». Вместе с ним, по приглашению нашего польского коллеги К. Островского, мы участвовали в проекте Совета Европы. Он также написал предисловие к нашей книге «Три судьбы для трех социологов», написанной в соавторстве с Г.А. Погосяном и Б.З. Докторовым. Я искренне радуюсь творческой активности Жана Терентьевича и храню книги, украшенные его автографом. Жаль, что теперь наши встречи ограничились фейсбуком.

В 1991 г. я стал членом Академии наук Литвы. С 1993 по 1998 г. был советником президента Литовской Республики Альгирдаса Миколаса Бразаускаса. Это были напряженные годы становления нового независимого государства: пришлось формировать и саму президентскую институцию. Моя сфера работы охватывала просвещение, культуру, науку и религию, что во многом было связано с моей научной деятельностью и увлечениями. В то время я продолжал проводить исследования, а президент интересовался их результатами. Сразу после работы в президентуре я выиграл конкурс на должность директора Института культуры и искусства, а через четыре года снова вернулся к исследованиям стратификации общества, образа жизни и национальных общин. Но самое главное – я отпраздновал золотую свадьбу с женой Аудрой, две дочери – преподавательницы искусств, взрослеют два внука и две внучки. Так что жизнь продолжается и, несмотря ни на что, я все еще нахожу чему радоваться!

А. МАТУЛИОНИС, д. социол. н., Вильнюс, Литва

Редсовет, редколлегия и редакция журнала «Социологические исследования» искренне поздравляют Арвидаса Матулиониса с юбилеем и желают реализации творческих и научных замыслов. Пусть научная жизнь продолжается и радует!

АЙТЕЧУ АЮБОВИЧУ ХАГУРОВУ – 85 ЛЕТ!

Заслуженному деятелю науки Кубани и Адыгеи, доктору социологических наук, профессору, академику Российской академии социальных наук Айтечу Аюбовичу Хагурову 6 мая исполнилось 85 лет.

Родился Айтеч Аюбович в адыго-черкесской семье служащего. Среднюю школу окончил в г. Краснодаре в 1954 г., поступил в Кубанский сельскохозяйственный институт на факультет механизации, и окончил его в 1959 г. По полученной специальности проработал 5 лет. Одновременно учился на заочном отделении философского факультета МГУ. После окончания поступил заочно в аспирантуру и в 1971 г. защитил кандидатскую диссертацию об аграрных отношениях в колхозах. Интерес к теме был вызван уникальным положением колхозов в структуре социально-экономических отношений советского социализма и в контексте специфики сопряженности устоев жизни колхозных семей с трудом, бытом и межличностным общением.

В докторской диссертации (1991), кроме теории и методологии социального эксперимента, был представлен анализ социально-экономических экспериментов в разных отраслях и ведомствах, с которых начиналась перестройка. Обосновывалась мысль, что метод осторожных проб и анализа ошибок должен определять практику реформирования и перестройки. Предсказывалось появление в регионах крупных латифундий.

В книге «Русский хутор. Опыт этносоциологического исследования сельской глубинки» (Москва-Краснодар, 2004), наряду с экономическим анализом крестьянского хозяйства, представлена внутренняя мотивационная структура людей и смыслы, которые они вкладывают в свои поступки и действия. Автор доказывал, что малые села умирают отнюдь не естественной смертью и на конкретных фактах показал роль в этом процессе государства и чиновников разных уровней. В книге «Социология российского села» (выдержала три издания – 2008, 2010, 2012) представлена модель, сложившаяся в ходе реформ социально-экономической структуры сельского населения, четко обоснованы социальные функции села как подсистемы общества, ее роли в поселенческой структуре страны, контроле над агроландшафтами, описаны экономические функции села в обеспечении качества жизни россиян и продовольственной безопасности страны.

Проф. Хагуров проработал 22 года в Краснодарском педагогическом институте (ныне университете) на кафедре философии, в 1986 г. возглавил Краснодарский отдел Института социологии РАН, ныне – главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. С 2018 г. лаборатория, руководимая им, работает над проектом «Устойчивое развитие сельских территорий». Полученные данные нашли отражение в книгах «Влияние социальной структуры села на устойчивое развитие сельских территорий» (2019) и «Институциональные основания устойчивого развития села» (2020).

Кроме научной работы, Айтеч Аюбович занимается и литературной деятельностью. Он член Союза писателей России. За книгу «Жизнь коротка как журавлиный крик» юбиляру присуждена премия им. Е. Степановой – самая престижная на Юге России. В 2020 г. избран действительным членом Международной академии русской словесности. Не менее активно участвует в общественной жизни своего региона. В 1990-х гг. был членом правительства Кубани и первым советником губернатора, в 2000-х – первым советником президента Республики Адыгея. Имеет множество наград, среди которых: Серебряная медаль им. Питирима Сорокина «За вклад в науку» (2012) и «Золотая медаль РОС» (2014).

Мы от всей души поздравляем Айтеча Аюбовича с юбилеем. Желаем долгих лет, здоровья и благополучия. Пусть не иссякнет источник любви и жгучего интереса к жизни, который позволял юбиляру быть неравнодушным к судьбе своей страны, малой родины и науки.

Друзья, коллеги, ученики

© 2021 г.

А.А. ЗОТОВ

ОРГАНИЦИЗМ Я.А. НОВИКОВА: СОЦИАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ КАК АДАПТАЦИЯ И КРИТИКА СОЦИАЛИЗМА

ЗОТОВ Андрей Анатольевич – научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (andrzotow@yandex.ru).

Аннотация*. Представлены воззрения редко обсуждаемого в отечественных исследованиях социолога конца XIX – начала XX в. Я.А. Новикова на эволюцию человеческой популяции и преобразование людьми природной среды в ходе их трудовой деятельности, ставшие для мыслителя ключом к осмыслению социальных проблем его времени. Согласно Я.А. Новикову, люди меняют окружающий мир и поднимают уровень общественного и индивидуального благосостояния прежде всего из любви к самим себе, а не из альтруистических соображений или вследствие принятия ценностей коллективизма. Стоя на позициях автономии личности, Я.А. Новиков допускает возможность всестороннего и полного раскрепощения человека, что отчетливо проявилось в его критике социалистической идеологии, которой он противопоставил идею ненасильственного построения гармоничного общества.*

Ключевые слова: *Я.А. Новиков • органицизм в социологии • антропогенез • труд • капитал • критика социализма*

DOI: 10.31857/S013216250014016-0

Введение. О Якове Александровиче Новикове (1849–1912) как социологе в отечественной литературе информации мало. В большинстве случаев она представлена в виде скупых заметок и ограничивается общими сведениями: окончил юридический факультет Новороссийского университета, принадлежал к органическому направлению, был известен больше на Западе, чем в России. Наиболее подробно о нем рассказывается в [Кукушкина, 2013: 79–80], где, кроме всего прочего, упоминается, что по основному роду деятельности он был предпринимателем и разработал «оригинальную биоорганическую теорию общества», содержание которой, однако, не раскрывается. Следует также отметить статью О.В. Костенко [2014], посвященную исследованию Новиковым борьбы в биологическом мире и конфликтов в мире социальном, и работу М.М. Савченко [2020], касающуюся его экономических воззрений и критики протекционистской экономической политики[1]. Однако в целом ситуация с изучением и анализом трудов Я.А. Новикова в России мало изменилась за сто лет, прошедших с момента публикации небольшой заметки о нем Е.В. де Роберти: «...книги его печатались многими изданиями и на мнения его постоянно делаются ссылки в наиболее серьезных социологических и экономических работах иностранных ученых,

[1] Помимо анализа экономических воззрений, в работе М.М. Савченко представлена биография Я.А. Новикова как промышленника и социолога, а также материал по истории династии купцов первой гильдии Новиковых, к которой он принадлежал.

зато в собственном отечестве о Новикове даже специалисты имеют очень смутное понятие»[2] [Де Роберти, 1912: 390–391].

Малая известность Я.А. Новикова-социолога на родине объясняется в первую очередь тем, что подавляющее большинство его трудов выходило за рубежом. Издав пару работ на русском, он перешел на французский и начал публиковаться во Франции, куда часто выезжал по делам своего предприятия. Именно там были напечатаны без малого два десятка его книг и масса статей, появлявшихся в основном на страницах *Revue internationale de Sociologie*, в редколлегии которого он состоял с момента основания журнала. Кроме того, Я.А. Новиков активно участвовал в деятельности европейских учебных заведений. В частности, он сотрудничал с Международным институтом социологии в Париже, был его вице-председателем с самого момента основания в 1894 г., преподавал в Брюссельском Новом университете и Русской Высшей школе общественных наук в Париже [Долгова, 2011: 268].

Другая причина малого внимания к работам Я.А. Новикова в России – их жанр, который был ближе к научно-популярным сочинениям и эссе, нежели к собственно научным исследованиям. Помимо этого, современный читатель встретит в них архаику, обусловленную состоянием естествознания того времени и отчасти напоминающую (особенно в ранних произведениях) рассуждения Г. Спенсера о сходных закономерностях в развитии и функционировании биологических и социальных агрегатов. Однако, если не считать явно устаревших моментов, в его трудах присутствует осмысление острых социальных противоречий в развитии западноевропейского и российского общества начала XX в. и ведется напряженный научный поиск, содержащий ростки нового знания, не утратившего, возможно, своей актуальности и сегодня.

Даже из краткого перечня тем, занимавших Я.А. Новикова, и названий его книг видно, что социология была для него не просто досужим увлечением просвещенного промышленника, а интеллектуальной миссией: 1) причины и социально-экономические последствия протекционизма [Новиков, 2020], 2) экономическая и социальная борьба в обществах и между ними [Novicow, 1893], 3) проблемы устранения войн [Novicow, 1894], 4) способы избавления от нищеты и насилия [Novicow, 1908], 5) перспектива формирования федераций государств и объединения западноевропейских национальных государств в единую федерацию [Novicow, 1901], 6) критика социал-дарвинизма [Novicow, 1910], 7) социальная справедливость, мораль и право [Novicow, 1905; 1912]. Однако поскольку Я.А. Новиков предпочитал реализовываться как социолог не в России, материалов о нем в отечественной литературе довольно мало. Именно поэтому необходимо, на наш взгляд, восполнить имеющийся дефицит, конкретно и развернуто представить его социологическое творчество для русскоязычной аудитории.

Одной из последних работ Я.А. Новикова – «Проблема нищеты и естественные экономические явления» (1908) – в настоящей статье будет уделено особое внимание. Центральной для нее, как следует из названия, стала проблема повышения общественного благосостояния и избавления человечества от бедности. Помимо нее, в книге также обсуждается ряд смежных тем, в частности представлен подробный анализ политических и социальных проектов социалистов с разбором особенностей и истоков их ошибок.

Связь биологического и социального: ассоциация, эволюция, адаптация. Свое исследование проблем нищеты Я.А. Новиков предваряет рассуждениями о единстве всех форм существования природы и демонстрацией связей между неорганическим, органическим и социальным мирами. Для этого он вводит понятие «*ассоциация*», которым обозначает универсальный принцип организации материи на разных уровнях, подобный

[2] Если о социологических работах Я.А. Новикова в России мало кто знал даже при его жизни, то как промышленник – представитель четвертого поколения брянских купцов Новиковых и продолжатель их дела – он был широко известен в своем отечестве. Он избирался председателем строительной комиссии купеческой палаты Одессы, был гласным Одесской городской думы, работал в структурах городского и земского самоуправления.

ньютоновскому закону всемирного тяготения и противоположный диссоциации – распаду: «Жизнь невозможна без ассоциации не только в социологической области, что понятно всем, но также и в биологической области» [Novicow, 1912: 11]. В качестве ассоциаций он рассматривает разные природные и социальные объекты: объединение живых клеток в сложный организм, объединение животных, сбивающихся в стаю, объединение людей в клан, банду, племя, объединение держателей капиталов в акционерное общество, представляющее собой ассоциацию капиталов. Люди, между которыми устанавливается обмен деятельностью и услугами, представляют собой участников ассоциации, а общество в целом суть ассоциация ассоциаций.

Я.А. Новиков активно проводит аналогии между биологическими и социальными процессами и полагает социальную жизнь продолжением жизни природной, из чего делает вывод, что «социология неразрывно связана с биологией» [Novicow, 1893: 10]. В качестве аргументов он использует примеры из биологической эволюции: «Сообщества животных, очевидно, относятся к области зоологии, так как их составными единицами являются животные; но они также входят и в область социологии, если исходить из отношений, связывающих эти единицы. Даже если мы ограничим область социологии человеческим видом, нельзя будет указать границы этой науки по отношению к биологии. Человек медленно дифференцировался от своего животного предка, и поэтому нельзя сказать, с какого момента начинается человеческое общество, как нельзя сказать, с какого момента начался человеческий вид» [там же].

Констатировав длительность выделения человека как социального и разумного существа из животного мира, Я.А. Новиков переходит к рассмотрению особенностей антропогенеза. Основа эволюции в живой природе и человеческом обществе, утверждает ученый, общая – *адаптация* к условиям жизни. Опираясь на теорию Ч. Дарвина, он трактует биологическую эволюцию как постепенный переход от простой реакции живых существ на среду к умению воздействовать на нее и менять. Результатом борьбы за существование оказывается выживание наиболее приспособленных, т.е. наиболее адаптированных к среде существ. Человек же, в отличие от прочих растений и животных, адаптируется к окружающей среде не столько пассивной перестройкой организма, сколько ее изменением, созданием более комфортных условий, отвечающих его потребностям [Novicow, 1893: 31; 1908: 14].

Концепция адаптации к среде, включая способы ее трансформации людьми, стала для Я.А. Новикова универсальной аналитической рамкой для объяснения многих социальных явлений и процессов. Он выделил два типа адаптации в живой природе: пассивную, представляющую собой внутреннюю реакцию живого существа на воздействие среды, и активную, понимаемую как ответное воздействие живого существа на среду, приводящее к изменению последней [Novicow, 1908: 41]. Зачатки активной адаптации присутствуют и у животных, однако человек достигает в этой сфере наибольшей эффективности, поскольку осуществляет ее сознательно и целенаправленно: «До тех пор пока адаптация среды осуществляется через неосознанные рефлексы, она представляет собой чисто биологический акт. Человек осуществляет адаптацию среды осознанно, через представление внутренних образов, замыслов» [там же: 137–138]. По сути, Я.А. Новиков предвосхищает подход В.И. Вернадского к построению теории биосферы и ноосферы и показывает, насколько масштабно человек изменяет природные ландшафты. Прокладка дорог и каналов, овладение природными движущими силами, посев сельскохозяйственных культур, осушение болот, строительство городов и т.д. – все это не что иное, как адаптация природной среды, и она осуществляется везде, где живут люди. В результате их адаптационной деятельности формируется искусственная очеловеченная среда: «Чем дальше будет прогрессировать человеческий род, ...тем мощнее будет оказываемое людьми воздействие на среду» [там же: 23].

Однако, выделившись из биологического мира, люди в то же время остались привязанными к нему, что и демонстрирует Я.А. Новиков. Правда, подбирая аргументы в защиту данного тезиса, он порой необоснованно переносит человеческие качества на животный мир, не учитывая надбиологического, социального характера человеческой деятельности.

Так, например, зародыши трудовой деятельности он отыскивает вне человеческого общества на более низких уровнях организации жизни, ссылаясь на принцип единства природы, в силу которого «даже самые сложные явления содержатся в зародыше в более простых» [там же: 40].

От концепции адаптации к модели капиталистического производства. *Трудовую деятельность людей* Я.А. Новиков трактует как «адаптацию внешней среды к ее удобству для человека» [там же: 20], при этом он наделяет способностью трудиться не только людей, но и представителей животного мира, и даже стремится возвести трудовую деятельность в ранг всеобщего закона живой природы, от которого не может уклониться ни одно живое существо: «В целом можно сказать, что феномен питания одновременно входит как в биологию, так и в политическую экономию, поскольку питание возможно только благодаря производству. И как только мы встаем на эту точку зрения, так видим, насколько ошибочно считать, что производство является исключительно человеческим и социальным процессом. Напротив, оно представляет собой явление биологическое и универсальное. Простейшая из инфузорий беспрестанно стремится изменить окружающую ее среду, и, следовательно, она работает и производит. Экономические и социальные явления не парят в сфере, где господствует исключительно человеческая воля; нет, они целиком входят в сферу природных фактов» [там же: 11]. Конечно, с высоты сегодняшнего дня стремление видеть в трудовой деятельности исключительно биологическое явление кажется по меньшей мере странным. И здесь невольно вспоминаются строки из «Капитала» К. Маркса: «Паук совершает операции, напоминающие операции ткача. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове» [Маркс, 1960: 189]. Тем не менее Я.А. Новиков неожиданно сходится с К. Марксом в убеждении, что материальные блага и общественные богатства могут создаваться только в процессе производства «благодаря преобразованию среды, осуществляемому посредством разумного труда человека» [Novicow, 1908: 148].

Для Я.А. Новикова свойственно чрезмерно увлекаться аналогиями. Например, усмотрев сходство между использованием материальных ресурсов в производстве и переходом физической энергии из одной формы в другую, он уподобляет аккумуляцию *капитала* как производственного ресурса накоплению потенциальной энергии и приравнивает процесс капитализации к процессам превращения потенциальной энергии в кинетическую и обратно [там же: 26–28]. Отсюда он делает вывод: «производство без использования капитала противоречит законам природы», поскольку это «означало бы получение кинетической энергии без какого-либо предварительного накопления потенциальной энергии» [там же: 34]. Более того, согласно Я.А. Новикову, капиталом может быть любой предмет, необходимый для осуществления производственного процесса, и потому в обществе «беспрестанно совершается переход от производства к капитализации и от капитализации к производству. Мы погружены в это явление так же, как наше тело погружено в земную атмосферу. Поэтому оно ускользает от нашего сознания. Отсюда колоссальная ошибка, что производить можно и без наличия капитала» [там же: 36]. Участие денег, считает Я.А. Новиков, затрудняет правильное понимание сути данного явления, и для некоторых людей понятия «капитал» и «деньги» становятся идентичными, хотя на самом деле деньги выступают лишь посредником в обмене товарами и услугами [там же: 29]. «Поскольку мы видим, что производство осуществляется порой без участия денег, мы впадаем в грубую ошибку, когда полагаем, что производство возможно без капитала. Плохо понимая суть экономических явлений, некоторые известные люди, выступая с народных трибун, начинают всерьез заявлять, что капиталистическое производство – это лишь переходная фаза человечества, буржуазная фаза, охватывающая период с XVII по XX век» [там же: 36]. Увлекшись критикой сторонников социализма, Я.А. Новиков абсолютизирует капиталистический принцип производства, заявляя: «...на самом деле производство всегда и всюду было капиталистическим, как среди первобытных людей эпохи палеолита, так и в наши

дни на заводах Круппа и Крезо» [там же: 36], вследствие чего сам становится уязвимым для критики. Во-первых, он не учитывает, что капиталистическое производство не сводится исключительно к использованию капитала и наемного труда, а предполагает также разделение труда, специализацию производственной деятельности, существование свободной рабочей силы, развитость товарно-денежных отношений и наличие рынков сбыта, без которых капиталы омертвеют и не дадут прибыли (капитализм никак не мог возникнуть в эпоху палеолита!). Во-вторых, капитал трактуется Я.А. Новиковым слишком широко, как всякий ресурс, необходимый для производства, и это до известной степени сводит на нет его возражения социалистам, которым он приписывает стремление упразднить капитал (см. об этом ниже).

Я.А. Новиков выделяет в структуре производства три базовых элемента – идея, капитал, труд – и ставит им в соответствие три роли, выполняемые людьми в процессе производства, – изобретатель, капиталист, рабочий. Три указанных элемента обязательны: без наличия хотя бы одного из них процесс производства невозможен, но при этом вовсе не обязательно, чтобы соответствующие им роли исполнялись разными людьми: «В небольших семейных мастерских, которые еще сохранились в наше время в некоторых регионах, можно встретить случаи, когда идея, капитал и труд соединены в одном человеке. Это, к примеру, характерно для токаря или гончара, который придумывает новую игрушку или какой-нибудь иной полезный в домашнем быту предмет и затем производит его собственными инструментами» [там же: 27]. Однако «по мере того, как общества становятся цивилизованными и усложняются, три фактора производства могут распределиться между тремя различными индивидами: изобретателем, предпринимателем, или капиталистом, и рабочим» [там же: 27], при этом капитал выступает в качестве посредника – он служит ресурсом, позволяющим реализовать идею в процессе труда [там же: 31]. Нечто аналогичное, утверждает Я.А. Новиков, происходит и в природе: «Химические вещества, содержащиеся в почве, представляют собой запасы потенциальной энергии, которую растения преобразуют в текущую энергию своей жизнью и ростом. Поэтому минеральные вещества – это своего рода капитал для растений» [там же: 31].

Итогом рассуждений Я.А. Новикова о производстве как составной части процесса адаптации природной среды и предпринимательстве как воплощении инновационных идей, приводящих к улучшению производства, становится вывод о том, что прогресс в развитии общества связан с совершенствованием адаптации, ее облегчением и ускорением [там же: 41–42], а его основным фактором оказывается *получение удовольствия*: «Любое живое существо стремится обеспечить себе равновесие со своей средой, сделать тем самым более интенсивными свои жизненные движения, или, если подойти с психологической точки зрения, получить максимум удовольствий и наслаждений. Эта давно известная истина выражается фразой, что любое живое существо ищет удовольствий и избегает страданий» [там же: 40].

На ускорение адаптации в надорганической среде не последнее влияние оказывает организация, полагает Я.А. Новиков, и потому уделяет соответствующее внимание явлениям кооперации и разделения труда, а также значению организационных изобретений [там же: 65–70]. По мере своего развития общество переходит от простых форм кооперации (объединения усилий нескольких людей для выполнения однородных задач и простых операций типа перемещения тяжелых предметов) к более сложным видам коллективной деятельности, требующим дифференциации труда, что приводит в дальнейшем к дифференциации профессий [там же: 68–69]. К числу организационных изобретений, сильно ускоривших развитие человеческого общества, Я.А. Новиков относит формирование *рынка* как фиксированного места совершения обмена товарами и изобретение *денег*, выполняющих функцию посредника и измерителя при товарном обмене. Важные шагом в развитии последних он считает принятие людьми в качестве денег определенных драгоценных металлов, извлекаемых из недр в малых количествах и не подвергающихся коррозии. Следующее усовершенствование заключалось в придании деньгам особой формы,

которая позволила их считать, а не взвешивать. Далее произошли инновации в области финансов – появились банкноты, чеки, векселя. Таким образом, «вся серия изобретений, совершавшихся в области денег с самых древних времен и до наших дней, имела единственную цель, заключающуюся в сокращении времени, необходимого для оплаты, то есть в том, чтобы позволить совершать большее количество транзакций за то же время, что эквивалентно ускорению торговых обменов» [там же: 71].

Проблема бедности и критика социалистов. По мнению Я.А. Новикова, данная проблема не может быть решена так, как предлагают это сделать многие социалисты, а именно путем простого перераспределения производимых в обществе материальных благ [там же: 148–149]. Впрочем, прежде чем озвучивать решение какой-либо проблемы, необходимо разобраться в сути стоящих за ней явлений, поэтому свои рассуждения о бедности и способах ее устранения Я.А. Новиков начинает с анализа того, что вообще следует понимать под общественным богатством. Для большинства людей – это груды золота в сейфах и иных укромных местах. Однако подобная точка зрения является ошибочной. На самом деле богатство – «совокупность продуктов, которые поступают на рынки и должны беспрестанно извлекаться из физической среды» [там же: 149], а вовсе не золото или серебро, выступающие в качестве денежного эквивалента [Novicow, 1893: 702]. Единственным источником богатства является труд: «Богатства – это адаптация планеты к потребностям человека. Чтобы осуществлять эту адаптацию, надо изменять состояние планеты, то есть работать» [Novicow, 1908: 231]. Следовательно, для быстрого роста общественного благосостояния «надо, чтобы воздействие человека на среду осуществлялось непосредственно, без обходных путей и лишних затрат времени. Когда собственность на средства производства способствует этому, она полезна» [там же: 285]. Таким образом, заключает Я.А. Новиков, социалисты не правы, утверждая, что передача собственности на средства производства рабочим или государству «позволит решить социальный вопрос, или, иными словами, обеспечить всеобщее благосостояние» [там же: 285–291].

Другое ошибочное и чреватое социальными бедами, но тем не менее весьма распространенное убеждение состоит в том, что быстрее обогатиться, отняв у ближних, чем трудиться самому, создавая новые блага. Не только бандитизм и войны приводят народ к обнищанию, полагает Я.А. Новиков, но и другие формы «насилия снизу» и «насилия сверху», включая протекционистскую политику государства, системы прогрессивного налогообложения, штрафов, экспроприаций, конфискаций и поборы населения правящими группами: «...представление, будто общее благополучие может быть достигнуто путем присвоения имущества других людей, столь глубоко укоренилось в сознании, что целые экономические системы, претендующие на то, чтобы считаться научными, такие как социализм, были возведены на нем» [там же: 162]. Он не готов согласиться с бельгийским экономистом Г. де Молинари, что «создание орудий разрушения предшествовало созданию орудий производства, и человеческий род начинал свой путь с добывания средств к существованию через убийства и грабежи» [Molinari, 1907: 26–27]. Действительно, существование ранних и древних государств и обществ было тесно связано с военными походами, агрессией в отношении соседних народов и государств, а также с защитой от чужой агрессии и возведением защитных сооружений, однако собственно богатство даже тогда создавалось путем производства, которое предшествовало ограблению.

Исходя из отстаиваемой им трактовки сути и источника богатства, Я.А. Новиков считает неприемлемыми способы решения социального вопроса и снижения поляризации общества, которые предлагают социалисты, поскольку они противоречат естественным законам природы и общества, примитивны и не в состоянии обеспечить рост благосостояния масс. Не менее сомнительной кажется ему и уверенность социалистов в том, что после их победы в обществе почти сразу настанет социальный мир и «человечество вступит в рай всеобщего согласия» [там же: 206]. В этом они похожи на христиан, верящих в чудо и наступление рая на земле после Апокалипсиса: «"На развалинах старого мира мы построим мир будущего", – постоянно говорят они [социалисты]. Я спросил у одного экзальтированного юноши в моей

стране: "Что же вы понимаете под словом "развалины"? По-видимому, это сказано в переносном смысле, с точки зрения социальных институтов?" – "Вовсе нет, мы намерены разрушить принадлежащие капиталистам дома, фермы, предприятия, а затем их выстроим вновь, и тогда они уже станут общим социальным достоянием"» [там же: 204].

Хотя социалисты объявляют себя выразителями интересов всех трудящихся классов и защитниками всех обездоленных, в первую очередь, указывает Я.А. Новиков, они апеллируют к тем, кого именуют пролетариями. Крестьяне заботят их в гораздо меньшей степени, и они совершенно не учитывают интересы мелких буржуа и работников интеллектуального труда, тем самым совершая очередную последовательность ошибок. Во-первых, «грубой ошибкой является отождествление *труда* исключительно с экономическим производством» [там же: 218]. Во-вторых, «без наличия некоторого количества людей, обладающих достаточным состоянием, чтобы посвятить себя исключительно интеллектуальному производству, общество впадает в интеллектуальную стагнацию, которая приводит к аграрному и промышленному застою, то есть в конечном счете к обнищанию» [там же: 220]. И в-третьих, «социалисты утверждают, что нищенское положение современных наций вызвано тем, что рабочие экспроприированы капиталистами. Чтобы положить конец этому злу, социалисты не смогли найти ничего лучшего, чем повернуть ситуацию в противоположную сторону, то есть предложить рабочим в свою очередь экспроприировать капиталистов. ...этот детский способ не приведет ни к какому иному результату, кроме еще большего снижения уровня благосостояния масс, увы, весьма скромного» [там же: 238]. Вместе с тем они «тысячу раз правы, когда утверждают, что нищета возникает из-за экспроприации собственности некоторых одних людей в пользу некоторых других. Социалисты тысячу раз правы, когда протестуют всеми своими силами против этой экспроприации» [там же]. Однако из этого верного тезиса они снова делают ошибочный вывод, противопоставляя труд капиталу и предлагая решить проблему нищеты путем ограбления трудом капитала [там же: 225]. Стоящее за указанным решением отождествление капиталистов с грабителями Я.А. Новиков считает заблуждением и не разделяет лежащее в его основе клише, восходящее к социалистам XIX в. и К. Марксу, будто капитализм – антагонистический общественный строй, при котором капитал используют в целях извлечения прибыли посредством хищнической эксплуатации труда, интеллекта, знаний человека, природных ресурсов и т.д. На самом деле, уверен Я.А. Новиков, «можно быть грабителем и не быть капиталистом, как можно быть капиталистом и не быть грабителем. Это две совершенно разные вещи» [там же: 238].

Практически все социалисты в той или иной мере оказываются противниками частной собственности, так или иначе выступают за ее перераспределение и «намерены добиться принятия ряда законодательных мер, которые изымут собственность имущих классов, чтобы ее приписать пролетариям» [там же: 198]. Я.А. Новиков не разделяет подобного негативного отношения к частной собственности, полагая ее основой самой социальной жизни, а не причиной социального неравенства [там же: 363]. Ликвидация частной собственности, на которой настаивают социалисты, не приведет, по его мнению, к подъему благосостояния народных масс, а напротив, обернется разрушением социального порядка и еще большим обнищанием населения, так как грабеж остается грабежом независимо от того, лишает ли гражданина плодов его труда напавший на него сосед, или же их изымают у него по законодательному акту, принятому в официальном порядке. А поскольку «они [социалисты] стремятся практиковать ограбление в пользу одного-единственного класса и в ущерб совокупности других, то они вновь впадают в старые заблуждения: меньшинство привилегированных и большинство угнетенных. Оказывается ли привилегированный класс дворянством или пролетариатом, совершенно не меняет сути дела. Паразитизм одинаково разрушителен для социального порядка и человеческого счастья независимо от того, исходит он "снизу" или "сверху". Если же социалистами предлагается совершить ограбление во благо всем, то они впадают в вопиющее противоречие: полагают, что

смогут обеспечить радость посредством страданий; намереваются сделать всех счастливыми, сделав всех несчастными» [там же: 356].

Особенно тревожили Я.А. Новикова призывы к насильственному переделу собственности, распространившиеся среди радикальных социалистов России периода Первой русской революции. Он был убежден: благосостояние населения не поднимут никакие конфискации и перераспределения собственности богатых классов, поскольку это не что иное, как способ, «который еще с незапамятных времен ввергал человеческий род в разорение и запустение, а именно: бандитизм» [там же: 225]. Социальный вопрос невозможно решить ликвидацией капиталистического производства и упразднением капитала, как предлагают социалисты[3], потому что их невозможно уничтожить, это противоречит экономическим и физическим законам. Тем не менее приемлемое решение существует, считает Я.А. Новиков, достаточно взглянуть на проблему с другой стороны – упразднить пролетариат: «Вместо того чтобы мечтать о реализации неосуществимой химеры, чтобы никто не был капиталистом, *надо стремиться к тому, чтобы все становились капиталистами*» (курсив мой. – *А.З.*) [там же: 216]. Именно «такое решение окажется верным, поскольку оно не противоречит законам природы» [там же].

Единственный способ преодолеть бедность и нищету и обеспечить благосостояние народных масс, утверждает Я.А. Новиков, – сделать так, «чтобы человечество не было разделено на работающих и грабящих, ...чтобы все стали работающими» [там же: 362]. Как только из жизни общества будут устранены любые формы «бандитизма», спрос на продукты станет немного превышать предложение и производители всегда будут загружены заказами. А поскольку предложение рабочей силы напрямую зависит от спроса на производимые товары, «рабочие, получая хорошую плату за труд, станут более активно приобретать предметы потребления, что даст импульс к повышению производственной активности, и так далее» [там же: 363]. И конечно же, благосостояние народа, благополучие индивидов и процветание обществ непосредственно связано с развитием правовой культуры, повышением общественной морали и уважением всеми гражданами прав ближних [там же: 374].

Заключение. Я.А. Новиков был реалистом и не выражал надежд на скорый приход благополучной эпохи процветания народов – эры без насилия и войн. Спустя два года после его ухода из жизни разразилась Первая мировая война, а с ее окончанием мир сильно изменился, как и социализмы. Двадцатый век превзошел век девятнадцатый масштабами войн и иных проявлений «бандитизма», включая ограбление состоятельной части населения в странах победившего социализма путем проведения широкомасштабных конфискаций и национализаций. Строительство «нового общества» в СССР не обошлось без применения разных форм организованного насилия на государственном уровне, о которых в свое время пророчески писал Я.А. Новиков. А ближе к концу XX в. подтвердились и другие его опасения: «Как социалисты не видят, что если коллективизм, явно ложная доктрина, имеет так много сторонников в нашем индивидуалистическом обществе, то индивидуализм, явно верная доктрина, обретет еще больше сторонников в их коллективистском обществе, если оно когда-нибудь будет создано? <…> Утверждение коллективизма отнюдь не приведет к установлению рая на земле и к всеобщему согласию, как считают социалисты. Коллективистское правительство окажется в аду еще более неприятном, поскольку коллективизм содержит меньше правды, и для поддержания противоестественного режима потребуется намного больше насилия и давления, чем требуется для поддержания режима, отвечающего реальности вещей» [там же: 206].

[3] Я.А. Новиков не вполне корректно приписывает данный тезис социалистам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Де Роберти Е. Яков Александрович Новиков // Вестник Европы. 1912. № 6. С. 390–392.
Долгова Е.А. Образовательная концепция Русской высшей школы общественных наук в Париже // Вопросы образования. 2011. № 2. С. 268–281. DOI: 10.17323/1814-9545-2011-2-268-281.
Костенко О.В. Сущность и эволюция борьбы в работах Я.А. Новикова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. Социология. 2014. № 2. С. 127–133.
Кукушкина Е.И. История социологии: Учебник. М.: ИНФРА-М, 2013.
Маркс К. Капитал. Том первый // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1960.
Новиков Я.А. Протекционизм. 4-е изд. М.; Челябинск: Социум, 2020.
Савченко М.М. Убежденный и щедрый душой идеалист // *Новиков Я.А.* Протекционизм. 4-е изд. М.; Челябинск: Социум, 2020. С. 7–44.
Molinari G. Théorie de l'évolution. Progrès nécessités par la fondation des Etats // Journal des Economistes: Revue mensuelle de la science économique et de la statistique. 1907. 6e série Vol. 14. P. 22–35.
Novicow J. La critique du darwinisme social. Paris: Félix Alcan éditeur, 1910.
Novicow J. La fédération de l'Europe. Paris: Félix Alcan éditeur, 1901.
Novicow J. La guerre et ses prétendus bienfaits. Paris: Collin, 1894.
Novicow J. La justice et l'expansion de la vie. Essai sur le bonheur des sociétés humaines. Paris: Félix Alcan éditeur, 1905.
Novicow J. La morale et l'intérêt, dans les rapports individuels et internationaux. Paris: Librairie Félix Alcan, 1912.
Novicow J. Le problème de la misère et les phénomènes économiques naturels. Paris: Félix Alcan éditeur, 1908.
Novicow J. Les luttes entre les sociétés humaines et leurs phases successives. Paris: F. Alcan, 1893.

Статья поступила: 15.02.21. Финальная версия: 14.04.21. Принята к публикации: 11.05.21.

JACQUES NOVIKOW'S ORGANICISM: SOCIAL EVOLUTION AS AN ADAPTATION PROCCESS AND CRITICISM OF SOCIALISM

ZOTOV A.A.

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Andrey A. ZOTOV, Research Fellow, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (andrzotow@yandex.ru).

Abstract. The article is devoted to consideration of the views of the sociologist of the early 20th century Jacques Novikow on the evolution of human population and modification in the natural world around them. The study of the adaptation of the natural environment by people in the course of their working life became for Novikow the key to understanding many social problems of his time. One of the theses of his bio-organic theory is that people change the world around them and raise the level of social and individual well-being primarily out of love for themselves, and not out of altruistic considerations or on the basis of the values of collectivism. Novikow stood on the positions of the autonomy of the individual, proceeding from the possibility of a comprehensive and complete emancipation of a person. This was also reflected in his criticism of the socialist doctrines, which he opposed to the idea of non-violent building of a harmonious society.

Keywords: Jacques Novikow, organic approach in sociology, anthropogenesis, labour, capital, criticism of socialism.

REFERENCES

De Roberty E. (1912) Jacques A. Novikow. *Vestnik Evropy* [European Herald]. No. 6: 390–392. (In Russ.)
Dolgova E.A. (2011) The Educational Concept of the Russian Higher School of Social Sciences in Paris. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies Moscow]. No. 2: 268–281. (In Russ.) DOI: 10.17323/1814-9545-2011-2-268-281.
Kostenko O.V. (2014) The Nature and Evolution of Struggle in the Writings of Jacques Novicow. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 12. Sotsiologiya* [Vestnik of Saint-Petersburg University. Sociology. Ser. 12. Sociology]. No. 2: 127–133. (In Russ.)
Kukushkina E.I. (2013) *The History of Sociology*: Textbook. Moscow: INFRA-M. (In Russ.)

Marx K. (1960) Capital: A Critique of Political Economy. Vol. 1. In: Marx K., Engels F. *Collected Works*. 2nd ed. Vol. 23. Moscow: Gospolitizdat. (In Russ.)
Molinari G. (1907) Theory of Evolution: Progress Required for the Founding of States. *Journal des Economistes: Revue mensuelle de la science économique et de la statistique* [Journal for Economists: Monthly Review of Economic Science and Statistics]. Series 6. Vol. 14: 22–35. (In Fr.)
Novicow J. (1893) *The Struggle between Human Societies and its Successive Phases*. Paris: F. Alcan. (In Fr.)
Novicow J. (1894) *War and its Alleged Benefits*. Paris: Collin. (In Fr.)
Novicow J. (1901) *The European Federation*. Paris: Félix Alcan éditeur. (In Fr.)
Novicow J. (1905) *Justice and Life Expansion: Essay on the Happiness of Human Societies*. Paris: Félix Alcan éditeur. (In Fr.)
Novicow J. (1908) *The Problem of Poverty and Natural Economic Phenomena*. Paris: Félix Alcan éditeur. (In Fr.)
Novicow J. (1910) *Criticism of Social Darwinism*. Paris: Félix Alcan éditeur. (In Fr.)
Novicow J. (1912) *Morality and Interest in Individual and International Relations*. Paris: Librairie Félix Alcan. (In Fr.)
Novicow J.A. *Protectionism*. 4th ed. Moscow; Chelyabinsk: Socium. (In Russ.)
Savchenko M.M. (2020) The Convinced and Generous-hearted Idealist. In: Novikow J.A. *Protectionism*. 4th ed. Moscow; Chelyabinsk: Socium: 7–44. (In Russ.)

Received: 15.02.21. Accepted: 14.04.21. Final version: 11.05.21.

© 2021 г.

Л.Н. ФЕДОТОВА

ЮБИЛЕЙНАЯ СТРАНИЦА В ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В СССР

ФЕДОТОВА Лариса Николаевна – доктор социологических наук, профессор, факультет журналистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия (fedotova117437@mail.ru).

***Аннотация**. Статья посвящена трем проектам Б.А. Грушина, реализованным в Институте общественного мнения «Комсомольской правды», Центре по изучению общественного мнения (ИКСИ АН СССР), Отделе общественного мнения (ИКСИ АН СССР), в рамках которого осуществлено так называемое Таганрогское исследование. Эти проекты стали основой формирования профессионального изучения общественного мнения в СССР.*

***Ключевые слова:** общественное мнение • Б.А. Грушин • Ю.А. Левада • Институт общественного мнения «Комсомольской правды» • Центр по изучению общественного мнения (ИКСИ АН СССР) • Отдел общественного мнения (ИКСИ АН СССР) • Таганрогский проект*

DOI: 10.31857/S013216250015639-5

Пятьдесят лет назад только что созданный в Институте социологических исследований АН СССР (тогда ИКСИ АН СССР) Центр по изучению общественного мнения (руководитель – Б.А. Грушин) начал свой первый всесоюзный зондаж по ряду актуальных социальных и экономических проблем. Об этом страну и мир оповещала скромная заметка, размещенная на первой полосе Комсомольской правды, под заголовком «На весах социологов – мир мнений»[1]. В нем все знаменательно и все значимо: *мир мнений* – любимое словосочетание Бориса Андреевича Грушина, который незадолго перед этим опубликовал свою книгу «Мнения о мире и мир мнений» [Грушин, 1967] – своеобразный итог пятилетней работы Института общественного мнения, существовавшего в редакции «Комсомольской правды» (1960–1966), родоначальника опросов общественного мнения в СССР. На весах было то, к чему методически стремились: обеспечить репрезентативность результатов для всей страны. Основной посыл был, что этим будут заниматься ученые, представители новой для советской обществоведческой науки – *социологии*.

Но вернемся к родоначальнику – Институту общественного мнения при редакции «Комсомольской правды». Резонанс от его деятельности был огромный: и в мире, и в стране. Само его появление было в русле тех изменений, которые пережила страна в первую оттепель. При всей значимости тех опросов, которые провел за годы своей деятельности Институт (а это 15 опросов общественного мнения, большинство которых имело всесоюзный характер, а два были международными), необходимо сказать, что это были преимущественно *прессовые опросы*: на страницах газеты публиковались вопросы общественного звучания – например, «Удастся ли человечеству предотвратить войну?», «Как изменился уровень вашей жизни?», «Что вы думаете о своем поколении?», «Во имя чего вы учитесь?» и т.п., а читатели газеты, т*е, кто хотели принять участие* в этом опросе, присылали ответы в редакцию. Сотрудники Института вспоминали впоследствии, что их

Подготовлено по материалам: *Федотова Л.Н.* Общественное мнение в рекламе и связях с общественностью. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2013.

[1] *Федотова Л.* На весах социологов – мир мнений // Комсомольская правда.1971. 27 января.

комнатка была буквально завалена мешками этих писем, которые обрабатывались и затем становились основой журналистских, публицистических материалов в «Комсомольской правде».

Однако главное в них было другое, и рассматривая тенденцию, которую начал своим появлением этот Институт, мы бы хотели отметить в ней именно это другое: опросы *легитимировали* по сути нового субъекта – население – по общественному диалогу, который мог бы на регулярной основе воссоздавать тот самый *мир мнений*, о котором писал Б. Грушин (1). И сами читатели газеты это великолепно понимали. Свидетельства этого в изобилии присутствовали в тех самых письмах, которые приходили в редакцию. Они *легитимировали* по сути новое понятие в этом диалоге: *общественное мнение* (2). Они *конституировали потенцию* многоголосия, разброса мнений и, не побоимся этого слова, плюрализма мнений (3). Что немаловажно – они *институировали* новую профессию – профессию социолога (4). Конечно, профессионалы, которые собирались этим заниматься (а это были энтузиасты, первопроходцы), понимали трудности на их пути: еще были свежи в памяти гонения на кибернетиков, генетиков, легкой жизни никто не обещал, но ее никто и не ждал. Дальнейшее движение осуществлялось по всем четырем направлениям, но не в той последовательности, которую мы обозначили, – нельзя было ставить телегу впереди лошади.

Кто стал этим заниматься? Сами социологи рекрутировались из смежных гуманитарных дисциплин. В частности, социологи первого призыва преимущественно вышли из философии, истории, психологии. Структурно они получили крышу в только что созданном Институте конкретных социальных исследований Академии наук СССР (опустим краткосрочное пребывание отдела общественного мнения в Институте философии АН СССР).

Это время было своеобразным ренессансом социологии в стране. Почти одновременно возникли социологические школы в Новосибирске, Ленинграде, в Тбилиси (психологическая), в Эстонии. Известными в профессиональных кругах были конференции и семинары на площадках этих школ. Такая практика существовала и в ИКСИ. Так, в 1966–1967 гг. Ю.А. Левада, будучи заведующим теоретического отдела в ИКСИ АН СССР, организовал регулярные семинары по теории социологии. Это была школа, откуда вышли многие сотрудники будущего ВЦИОМа. Одновременно Левада читал на факультете журналистики МГУ знаменитые лекции по социологии[2] [Левада, 1969]. В эти годы там же он вел семинар по общественному мнению для немногих участников: пятикурсников и аспирантов. Часть занятий были посвящены разбору книги У. Липпманна «Общественное мнение». Юрий Александрович просто принес свой экземпляр этой книги на английском языке, и мы передавали ее из рук в руки, конспектируя и обсуждая. Другой способ знакомства с этим трудом американского теоретика общественного мнения был лишь спецхран Ленинской библиотеки.

Методология и методика по проблематике общественного мнения оттачивалась и на семинарах в Отделе общественного мнения[3] в рамках ИКСИ, который возглавлял, начиная с 1967 г., Б.А. Грушин, где был осуществлен крупнейший в советской социологии исследовательский проект «Функционирование общественного мнения в условиях города и деятельность государственных и общественных институтов» (1967–1974).

Общая задача исследования, вошедшего в историю социологии под кратким названием «Общественное мнение» (или Таганрогский проект, поскольку он осуществлялся на базе города Таганрога), – зафиксировать методами социологической науки

---

[2] После широкого общественного резонанса Левадовских лекций, когда партийные структуры обвинили Ю.А. Леваду в том, что некоторые их положения расходились с определенными положениями советского обществоведения. После обсуждения этих лекций на Ученом совете факультета журналистики Ю.А. Левада ушел с факультета.

[3] Семинаров было проведено ровно 47, что дало название серии методических выпусков «47 пятниц».

функционирование общественного мнения города в полном наборе формирующих и выражающих это мнение информационных каналов[4].

В какой мере руководящие органы могли судить о мнении населения по тому или иному вопросу, на основании той информации, которая доходила до них в виде писем, протоколов собраний, информации о беседах с населением и т.д.? Это был один срез; второй состоял в анализе информационных потоков, направленных *на* население – содержание печати, радио и телевидения, как центральных – как тогда говорилось, так и местных; тех же собраний; весьма разветвленной системы устной пропаганды. Задача была двуединой: она может быть названа социально-политической: в какой мере выраженное в этих каналах общественное мнение совпадает с реально существующим на тот момент? И это была не только проблема того времени, она никуда не исчезла и в наши дни. Может измениться система каналов, но сама проблема на все времена. И сегодня теоретики размышляют об этом.

Вопрос о возможных отклонениях выраженного общественного мнения от реально существовавшего теоретически вполне правомочен, поскольку существуют объективные потенциальные возможности неадекватности этих двух информационных пластов. Это может быть неадекватность самых разнообразных планов: различия по знаку, по диапазону суждений, по набору субъектов и объектов мнения и т.д. Среди потенциальных возможностей таких несовпадений просматриваются три группы: возможности, связанные с субъектом общественного мнения – широкими слоями населения; возможности, связанные с приемником общественного мнения – руководящими органами, в том числе СМК; возможности, связанные с самим передаточным механизмом общественного мнения от субъекта к приемнику. При более пристальном рассмотрении возможности первой группы могут проистекать от отсутствия в населении практики «обнародовать» свое мнение, от отсутствия установки, ориентированности на это выражение, от неискренности при обнародовании его в письмах, на собраниях и т.п. Симметрично могут быть названы возможности отклонений, находящиеся на полюсе приемника общественного мнения (например, отсутствие у руководящих органов установки на обобщение, аккумулирование мнений, отсутствие научных методов классификации и хранения этой информации). И наконец, возможности отклонений, связанные с самими каналами передачи мнения: сложность передаточного механизма, трансформация информации в зависимости от условий передачи и т.д.

Впрочем, тут была еще тема, кажется, более важная для Грушина, – видения феномена общественного мнения. Действительно, почему позднее итоговый анализ результатов проекта «Общественное мнение»[5] [Массовая информация…, 1980] был назван «Массовая информация…»? Проект замышлялся как возможность показать генезис общественного мнения, вырастающего из информационного поля массового общества. Методически в этом пионерском проекте исследовались сложность и разветвленность информационных каналов в советском обществе как на полюсе производства информации в них, так и на полюсе потребления, а также основные характеристики контента информации. Это был гигантский научный проект (более 70 отдельных исследований, или, как было принято говорить в проекте, *процедур*). И то, что стало содержанием монографии «Массовая информация в советском промышленном городе: опыт комплексного социологического

---

[4] В советское время в обществе функционировали разные формы донесения мнения различных слоев населения до руководящих органов: деятельность депутатов Советов всех уровней; письма трудящихся в редакции и тем же депутатам, в органы власти; собрания коллективов трудящихся; прием населения представителями власти и депутатами.

[5] Более ранние варианты этого текста были изданы семью годами ранее в виде ротапринтного издания ИСИ АН СССР (sic! – ИКСИ к этому времени сменил свое название) и генерального проекта «Общественное мнение» «Массовая информация в современном промышленном городе в свете проблем взаимодействия органов управления и населения: опыт комплексного конкретно-социологического исследования». В 2-х частях. М.: ИСИ АН СССР, 1973.

исследования», теоретически воссоздавало каркас понятий, которые были подступом к практическому, регулярному зондированию общественного мнения в рамках всей страны – задача-максимум для Б.А. Грушина.

Анализ информационных потоков, курсирующих в отдельном городе (хотя при выборе города стремились получить полигон, максимально приближенный по своей структуре – в ряде социально-демографических характеристик – к городскому населению страны), показал, что зондажи общественного мнения силами научной организации могут существенно дополнить существовавшие на тот момент каналы обнародования мнения самых широких слоев населения, не актуализированных собраниями, митингами, сессиями исполкомов, письмами трудящихся, СМИ. Настоятельная необходимость в этом в преддверии периода перестройки и гласности все больше ощущалась самим обществом. Увеличивающаяся политизация общества, процесс создания гражданского общества делали настоятельной необходимостью активное изучение общественного мнения. Это давало возможность лучше прогнозировать развитие социальных явлений, использовать мнение масс в ходе решения общественных проблем. Самому обществу хотелось знать о том, какие настроения, мнения, чувства, отношения курсируют в обществе, какие из них доминируют, имеют тенденцию к росту или исчезновению. Это социальная информация, как и любая другая, входит в набор тем, всегда интересующих людей: «скажи мне, каковы мнения в обществе, и я скажу, что это за общество». В лоне самого проекта было осуществлено несколько зондажей мнений населения города, которые продемонстрировали ценность этой социальной информации. Результаты исследований Центра по изучению общественного мнения в рамках первого всесоюзного зондажа по ряду актуальных социальных и экономических проблем легли в основу ряда рабочих записок-отчетов заказчикам и научных статей авторов. Проект обогатил научную отрасль по этой проблематике двадцатью диссертациями и многочисленными научными статьями.

В чем видится ценность этой информации, полученной «здесь и сейчас», через десятилетия? Во-первых, это ценность методологическая: с усложнением информационной структуры общества наших дней логика и парадигма исследований в проектах Грушина может быть воспроизведена практически полностью, лишь с небольшими эмпирическими вкраплениями новых объектов наблюдений. Методически богатство проекта и ЦИОМа силами А.В. Жаворонкова (д.соц.н., главный научный сотрудник Центра методологии социологических исследований Института социологии РАН, сотрудник проекта «Общественное мнение» с момента его основания и до закрытия) переведено в *цифру* и доступно в архиве ИС ФНИСЦ РАН. Это позволяет делать сравнительные исследования, поскольку группы сознания (выражение Б. Грушина) населения, как производные от сложности информационного климата вне их – методологическая посылка проекта – дают возможность составлять ментальную, психологическую, ценностную картину общества (любого – были бы аналогичные эмпирические данные об общественном мнении его) [Жаворонков, 2016; 2017; 2018].

Сегодня в модернизационном обществе практически невозможно себе представить любую область экономической и активной жизни социума без всеобъемлющей информации, идущей как по вертикали, так и по горизонтали [Федотова, 2018]. Однако и в те далекие времена аналогичные соображения все больше входили и в научный, и отчасти в политический дискурс.

Когда возник ЦИОМ – Центр по изучению общественного мнения – наш сегодняшний юбиляр, такая необходимость ощущалась – это подтверждается тем обстоятельством, что после обращения к ряду правительственных и общественных организаций центр имел в своем портфеле заказы на проведение опросов общественного мнения страны почти от сотни заинтересовавшихся созданием этого центра учреждений. Тематический реестр этих заказов исчислялся сотнями.

Параллельно увеличивалось внимание общества к проблематике общественного мнения. Мы в свое время провели сравнительное исследование упоминаний этой части

социологии в газете «Правда» в 1971 и 1986 гг.[6] Именно в это 15-летие произошел качественный скачок в этом внимании: в 1971 г. было опубликовано за полгода 45 материалов, касающихся социологии, в 1986 г. – 81 материал. Опросов общественного мнения касалось в 1971 г. 27% таких материалов; в 1986 г. – 46%. Еще больший интерес представляет распределение этих упоминаний по локальности – идет ли речь о советской социологии или о состоянии с этой наукой, в том числе и с эмпирическими исследованиями, в других странах. В 1971 г. все упоминания опросов общественного мнения касались других стран; в 1986 г. – 11% были уже примерами из действительности нашей страны.

С окончанием первой оттепели в нашей стране энтузиасты-социологи первого призыва стали покидать стены ИКСИ АН СССР.

Б.А. Грушин занимался проблематикой общественного мнения до конца своей жизни (2007). Результаты опросов ЦИОМа, проекта «Общественное мнение», фирмы Vox populi, которую он создал, стали основой большого социально-политологического труда в нескольких томах, где он анализировал эти опросы во временных интервалах, связанных со сменой руководства страны [Грушин, 2001; 2003; 2006].

Следующий этап в становлении в стране профессиональной структуры по изучению общественного мнения – факт создания при ВЦСПС и Госкомтруде СССР Всесоюзного центра изучения общественного мнения – ВЦИОМа (директор – академик Т.И. Заславская, заместители – д.ф.н. Б.А. Грушин и д.ф.н. Ю.А. Левада). Постановление ВЦСПС и Госкомтруда СССР «О создании Всесоюзного центра изучения общественного мнения по социально-экономическим вопросам» было подписано в декабре 1987 г. Это было крупной подвижкой в процессе, важным событием научного и общественного значения, определенным свидетельством нарождающихся демократических преобразований в стране – нашей второй оттепелью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Грушин Б.А. Мнения о мире и мир мнений: проблемы методологии исследования общественного мнения М.: Полит. лит-ра, 1967.

Грушин Б.А. Четыре жизни России: в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева. М.: Прогресс–Традиция, 2001.

Грушин Б.А. Четыре жизни России: в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева. Ч. 1. М.: Прогресс–Традиция, 2003.

Грушин Б.А. Четыре жизни России: в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева. Ч. 2. М.: Прогресс–Традиция, 2006.

Жаворонков А.В. К проблеме образов политиков в массовом сознании (опыт измерения за 1999–2016 гг.). Часть 1 // Социологическая наука и социальная практика. 2018. № 2. С. 70–93. DOI: 10.19181/snsp.2018.6.2.5858.

Жаворонков А.В. Опыт измерения жизненных ориентаций // Россия реформирующаяся: Ежегодник. Вып. 14 / Отв. ред. *М.К. Горшков.* М.: Новый хронограф, 2016. С. 79–112.

Жаворонков А.В. Семейные ориентации женщин в 1976–2000–2014 гг. // Социологическая наука и социальная практика. 2017. № 1. С. 24–48. DOI: 10.19181/snsp.2017.5.1.4991.

Левада Ю.А. Лекции по социологии. Вып. 1, 2 // Информационный бюллетень ИКСИ АН СССР. 1969. № 5–6.

Массовая информация в советском промышленном городе: опыт комплексного социологического исследования / Под общей редакцией *Б.А. Грушина, Л.А. Оникова*. М.: Политиздат, 1980.

Федотова Л.Н. Общественное мнение: хулить или хвалить? М.: Вест-Консалтинг, 2018.

Статья поступила: 16.03.21. Принята к публикации: 12.05.21.

---

[6] Исследование было осуществлено в рамках проекта «Общественное мнение» в Институте конкретных социальных исследований в 1971 г. (рук. Б.А. Грушин, автор исследования Л.Н. Федотова) и продублировано автором в 1986 г.

ANNIVERSARY PAGE IN THE HISTORY OF PUBLIC OPINION RESEARCH IN THE USSR

FEDOTOVA L.N.

Lomonosov Moscow State University, Russia

Larisa N. FEDOTOVA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (fedotova117437@mail.ru).

Abstract. The article is devoted to B.A. Grushin's three projects – "Komsomolskaya Pravda" Institute of Public Opinion, Center for the Study of Public Opinion (ICSI of the USSR Academy of Sciences), the Department of Public Opinion (ICSI of the USSR Academy of Sciences), within the framework of which the so-called Taganrog study was carried out. These three projects laid the foundation for the professional study of public opinion in the USSR.

Keywords: public opinion, B.A. Grushin, Yu.A. Levada, "Komsomolskaya Pravda" Institute of Public Opinion, Center for the Study of Public Opinion (ICSI AS USSR), Department of Public Opinion (ICSI AS USSR), Taganrog project.

REFERENCES

Fedotova L.N. (2018) *Public Opinion: Blaspheme or Praise?* Moscow: West-Consulting. (In Russ.)

Grushin B.A. (2001) *Four Lives of Russia: In the Mirror of Opinion Polls. Essays on the Mass Consciousness of Russians in the Times of Khrushchev, Brezhnev, Gorbachev and Yeltsin.* Life One: The Era of Khrushchev. Moscow: Progress-Traditsiya. (In Russ.)

Grushin B.A. (2003) *Four Lives of Russia: In the Mirror of Opinion Polls. Essays on the Mass Consciousness of Russians in the Times of Khrushchev, Brezhnev, Gorbachev and Yeltsin.* Life Two: The Era of Brezhnev. Part 1. Moscow: Progress-Traditsiya. (In Russ.)

Grushin B.A. (2006) *Four Lives of Russia: In the Mirror of Opinion Polls. Essays on the Mass Consciousness of Russians in the Times of Khrushchev, Brezhnev, Gorbachev and Yeltsin.* Life Two: The Era of Brezhnev. Part 2. Moscow: Progress-Traditsiya. (In Russ.)

Grushin B.A. (1967) *Opinions about the World and the World of Opinions: Problems of Public Opinion Research Methodology.* Moscow: Polit. lit-ra. (In Russ.)

Grushin B.A., Onikov L.A. (eds) (1980) *Mass Information in the Soviet Industrial City: The Experience of Comprehensive Sociological Study.* Moscow: Politizdat. (In Russ.)

Levada Yu. A. (1969) Lectures on Sociology. Iss. 1, 2. In: *Information Bulletin of the ICSI Academy of Sciences of the USSR*. No. 5–6. (In Russ.)

Zhavoronkov A. V. (2016) Experience in Evaluating Life Orientation. In: Gorshkov M.K. (ed.) *Reforming Russia: Yearbook*. Iss. 14. Moscow: New Chronograph: 79–112. (In Russ.)

Zhavoronkov A. V. (2018) On the Problem of Politicians' Image in the Public Consciousness (Measurements from 1999–2016). Part 1. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika* [Sociological Science and Social Practice]. No. 2: 70–93. DOI: 10.19181/snsp.2018.6.2.5858. (In Russ.)

Zhavoronkov A.V. (2017) Dynamics of Three-Dimensional Model Family Orientation (Samples 1976–2000–2014). *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika* [Sociological Science and Social Practice]. No. 1: 24–48. DOI: 10.19181/snsp.2017.5.1.4991. (In Russ.)

Received: 16.03.21. Accepted: 12.05.21.

© 2021 г.

Б. МАЛЕРТ

ПАРСОНС В УЧЕБНИКАХ ПО СОЦИОЛОГИИ: ПРОШЛЫЕ СПОРЫ, СОВРЕМЕННЫЕ ЧИТАТЕЛИ И ИХ БУДУЩИЕ ОТКРЫТИЯ

МАЛЕРТ Беттина – Институт социологии университета Инсбрука, Инсбрук, Австрия (Bettina.Mahlert@uibk.ac.at).

***Аннотация**. Показано значение работ Т. Парсонса на основе рассмотрения содержания посвященных ему материалов 20 учебников социологии 1999–2019 гг. Полезно ли изучение работ Парсонса сегодняшним студентам и другим заинтересованным читателям, и какие знания заслуживают рассмотрения? Какую возможную пользу для будущих читателей усматривают авторы учебников, решая, что надлежит обсуждать при обращении к социологическим трудам прошлых эпох? Что предлагают авторы учебников читателям и как ими обсуждаются труды Парсонса? Автор с этой целью опирается на идеи Н. Лумана о памяти как функции социальных систем. Раскрыт ряд ключевых компетенций, которые читатели могут приобрести из чтения работ Парсонса и его критиков. Это было бы невозможно, если бы авторы оценивали значение Парсонса только с точки зрения (не)удовлетворительного рассмотрения им конфликта, что и сегодня отличает споры о его трудах. Анализируя то, как авторы вспоминают Парсонса, я выделила два ключевых критерия. 1. Что нужно помнить читателям, чтобы они смогли обрести эти важные компетенции? 2. Что может помешать в этом читателям и что лучше опустить? Социологам следует смотреть в будущее и находить у Парсонса помощь в исследованиях. Результатом могло бы стать возрождение Парсонса, позволяющее по-настоящему продвинуться вперед.*

***Ключевые слова:** Т. Парсонс • современная социология • учебники социологии • память • структурный функционализм • классики социологии*

DOI: 10.31857/S013216250014596-8

Введение: как в учебниках вспоминают Т. Парсонса. В чем актуальность Т. Парсонса для современной социологии? В поисках ответа сталкиваешься с загадочным несоответствием: его идеи и концепты не анализируются, хотя им отводится немало места в учебниках. Но если большинству социологов мысли и находки Парсонса сегодня не нужны, то зачем студентам и всем интересующимся их знать? Способствует ли знание Парсонса обучению – независимо от его важности для профессионалов-исследователей? Нужно ли знать Парсонса для понимания нынешнего состояния социологии? И стремятся ли авторы учебников вдохновить молодое поколение опираться на труды Парсонса в собственных исследованиях?

Литература об учебниках дает скорее отрицательный ответ на последний вопрос. Обращение к Парсонсу – одно из проявлений консерватизма в учебниках. В работах Куна [Kuhn, 1979] и Флека [Fleck, 1979] об учебниках как особой форме знания утверждается, что учебники играют консервативную роль в воспроизводстве научных идей. По Куну [Kuhn, 1996;

1979], учебники «производят стабильные и шаблонные формулы и представления о главных парадигмах в той или иной области» [Manza et al., 2010: 272]. Работа Дж. Манзы и др. [2010] подтверждает эти наблюдения. Обзор корпуса учебников по социологии, выходивших в США с 1998 по 2004 г., демонстрирует практику деления теоретических подходов на структурный функционализм (ниже СФ), теорию конфликта и интеракционизм. В такой классификации Парсонс преподносится как представитель СФ. Дж. Манза с соавторами отмечает, что такие учебники вводят читателей в заблуждение относительно нынешнего мейнстрима социологии, а ранние теории, включая теорию Парсонса, искажены. Его важный труд *The Social System* (1951) сведен к попытке объяснять социальные системы их базовыми функциями [Manza et al., 2010: 282]. Это, по ее словам, игнорирует роль социального действия в теоретической рамке Парсонса, выделенной несколькими интерпретаторами его трудов [Alexander, 1984; Wenzel, 1991]. Дж. Манза и др. объясняют искажающий консерватизм давлением рынка на спрос/предложение учебников, а также подчиненным положением многих авторов учебников в университетах.

Выборка из 20 учебников в Австрии, Германии, Англии и США, вышедших между 1999 и 2019 г., позволила мне описать труды Парсонса способом, отличным от оценок Манза и др. Четыре книги используют деление теоретических подходов на структурный функционализм, теорию конфликта и интеракционизм; еще в трех к ним добавляются рациональный выбор, феминизм, постмодернизм, постструктурализм. Удивительно, что все 20 книг описывают Парсонса по-разному.

Эти различия исследуются мною в данной публикации. Точнее, я хочу показать, что читатели узнают о Парсонсе и как это связано с тем, в чем авторы учебников хотят читателей убедить. Мое исследование имеет целью получить представления о субъективной значимости Парсонса для современных студентов и иных читателей. Какая альтернатива возможна в отношении искажающего консерватизма как главной темы в литературе об учебниках? Полагаю, альтернативой является не консервация давних трудов, что означает представить как можно более точное отображение Парсонса, не зависящее от интересов сегодняшних читателей. Альтернативой не может быть и полная концентрация на мейнстриме нашей дисциплины, игнорирующем релевантные находки и идеи Парсонса. Полезно ли знание Парсонса сегодня студентам? Знание чего? Вопрос не простой. Похоже, авторы учебников над ним не думали.

Отсюда главное: какие будущие выгоды ждут читатели, выбирая – в их собственном настоящем – обсуждать ли труды социологов далекого прошлого? Лумановская идея памяти предлагает плодотворный путь такого поиска [Luhmann, 1997]: память – это непрерывно действующая инфраструктура, функция социальных (психологических) систем, которая фильтрует все случившееся в той системе (с той системой). Основная масса событий прошлого забывается; помнят лишь что-то. Поэтому, считает Луман, память – это в первую очередь не запоминание, а забывание. Это некая инфраструктура подавления запоминания во избежание парализующей сложности. Напоминать в учебнике все когда-то опубликованное социологами не только невозможно, но и перегрузило бы читателей, и ради чего? Поэтому учебники социологии, сообщая о Парсонсе, создают островок памяти в море забвения. Фильтрующая инфраструктура, производя эти островки, действует в настоящем; значит, она различает забвение и запоминание в зависимости от релевантности для настоящего. В этой точке появляется будущее, так как «настоящее – это не что иное, как различение прошлого и будущего (…). Если память может выполнять свою функцию (…) в настоящем, значит она имеет дело с разницей между прошлым и будущим; она управляет этой разницей, а не ориентирует односторонне на прошлое» [там же: 581]. Благодаря функции фильтра память использует прошлое для обоснования масштаба вариаций будущего [там же: 588]. В зависимости от того, что забыто и что запомнилось и как – имплицитно или эксплицитно, – проектируются возможные подходы к будущему. Они составляют суть данной статьи: *будущие возможности читателей, которые они могут обрести, читая книги*.

Сосредоточение внимания на проблеме конфликт/гармония представляется плодотворным для таких изысков. Излишний акцент на «гармонии» (интеграция, сплочение, согласие, общие ценности) был одной из главных тем критики Парсонса. С конца 1950-х гг. социологи-критики сделали его теорию систем идеологической рамкой содействия легитимации и стабилизации наличных условий. Козер [1956] и Дарендорф [1958] обвиняли Парсонса в том, что он не признает позитивную роль конфликтов как ключевых факторов реформ и исторических изменений, разрабатывали конфликтно-теоретические подходы, которые должны были исправить эти очевидные пробелы. Затем Гоулднер [1970] возглавил оппозицию марксистов, ставивших на первый план конфликт, перемены и власть.

Эти дебаты сами воплощали собой конфликт, конфликт внутри социологической науки. Вопрос о роли конфликта в обществе как ядро в спорах о мнимой «гармонии» Парсонса может быть применен и к социологии. Когда авторы учебников решают, следует ли информировать читателей об этой критике Парсонса, они не могут не поднять вопрос о роли конфликта в социологии. Вопрос о том, какую роль на самом деле играют конфликт и гармоничное сотрудничество в социологии, важен, сложен и труден для ответа. Некоторые ученые, включая Бурдье, приветствуют конфликт и соперничество между сторонниками разных теоретических парадигм. По его мнению, наука – не что иное, как борьба за символический капитал; эти схватки, и только они, реально обеспечивают прогресс науки [Bourdieu, 1998]. Другие считают возможным обосновать расхождения ученых по-иному, а битвы за территорию – контрпродуктивными [Law, 2015]. Авторы учебников сталкиваются с этими вопросами при объяснении читателям мультипарадигмальности социологии. Этот выбор важен, ибо читателям самим предстоит сделать выбор, на что следует ориентироваться им в собственном поведении: на конфликтность или на сотрудничество.

Это тем более важно, поскольку сегодня вопрос о конфликте и гармонии по-прежнему тревожит социологов. Вместо того чтобы устранить существующие расхождения, дебаты о том, как понимать Парсонса, прекратились после периода возобновления интереса к его трудам в 1980–1990–х гг. Примечателен в этом отношении Р. Мюнх: один из самых бескомпромиссных и искушенных защитников теории Парсонса на протяжении многих лет, он тоже обратился к Бурдье в конце своей академической карьеры. Исследуя перемены в научной среде, он недавно использовал концепты Бурдье «поле» и «борьба», а не труды Парсонса об университетах, утверждая, что университеты все больше соперничают за финансирование, создавая дисфункции неравенства [Münch, 2013].

Поворот Мюнха отразил ощущаемую многими потребность учитывать конфликт и власть при раскрытии фундаментальных перемен и глубинных структур современного мира. Я считаю, что, действительно, благодаря рассмотрению конфликтов и власти в последнее время были получены весьма ценные знания. Например, пост- и деколониальные подходы привлекли внимание к вопросу о месте колониализма в формировании современного мира. Они показали, что социология была и сейчас вовлечена в производство (пост-)колониальных неравенств из-за предпочтений Западу и забвения коллег с Юга. Предложены новаторские идеи исправления этих дефектов (см.: [Go, 2016]). Еще пример – недавние работы по регулированию Интернета показывают, что властные структуры, связанные с контролем знания, влияют на глобальные политику, общество и экономику почти незаметно и динамично [Haggart et al., 2019].

Тем не менее я боюсь, что вопрос о гармонии и конфликте может получить первостепенное внимание при рассмотрении значения Парсонса сегодня. Именно потому, что изучение конфликтов, власти, неравенств столь популярно, Парсонса могут использовать как априорную линзу при оценке теоретических подходов. В таком случае, если Парсонс поможет в адекватном понимании конфликта, то он полезен. Если нет, то его отфильтруют. Тогда находки Парсонса, которые могли дать прорыв и сегодня, не будут замечены. Не скажу, что способность теории разобраться с конфликтом не может быть полезным критерием ее оценки: просто она не должна быть единственным критерием. В 20 проанализированных книгах некоторые авторы предлагали ориентироваться на конфликт,

воспроизводя Парсонса для своих читателей. Другие по столь же понятным причинам отфильтровали этот аспект.

Чтобы позволить читателям составить собственное мнение, я воздерживаюсь от оценки учебников и только обращаю внимание на разброс мнений их авторов. Чтобы показать будущие обретения читателей учебников, я исследую как можно более нейтральным образом то, что они узнают о Парсонсе. Этим подходом я руководствовалась, выбирая учебники. Моя оценка их качества не была значимым критерием. Для того, чтобы как можно лучше охватывать разнообразие подходов авторов и учитывать их пользу для читателя, выбираемые книги должны быть разнообразными по целям, аудитории, сложности и структуре. Выборка включала тематические учебники, книги по теории, вводные тексты к концепциям социологии. С этими критериями я пошла в свою библиотеку и составила по возможности разнородную выборку. Она не репрезентативна. Но вместе взятые, книги позволяют уловить то, что студенты конкретного вуза узнают из учебника. Мой вуз в Австрии предлагает программу бакалавра социологии, а также магистерскую программу по социальной и политической теории. Выборка включает книги из Австрии, Германии, Англии и США. Сравнивая страны, скажу, что не нашла заметных различий; но средняя немецкая книга требовательнее и сосредоточеннее на теории, чем тексты из других стран.

Далее в статье идет показ того, как авторы фильтруют прошлое. Упоминают они Парсонса, а если да, как пишут о роли конфликта? Затем изучены связи с будущим. Каков размах вариаций будущего, воспроизводимого из прошлого? Как прошлое связано с целями, заявленными в предисловиях и введениях? В конце статьи обобщаются результаты по критерию авторских оценок роли конфликта-гармонии в социологии и в трудах Парсонса и формулируются ключевые выводы.

Конфликт, гармония или не то и не другое? Как вспоминают Т. Парсонса? Ниже обозначу авторов, которые или подают подход Парсонса излишне гармонично, или опровергают такую интерпретацию, а затем скажу о текстах, уделяющих меньше или никакого внимания этой часто обсуждаемой теме. Читатели учебника Гидденса и Саттон *Sociology* [Giddens, Sutton, 2013] узнают, что избыток акцента на гармонии – важная черта теоретической рамки Парсонса и всего СФ. Ключевая мысль такова: взаимодействие частей общества производит стабильность и солидарность подобно частям организма. В дополнение к идее *гармоничной интеракции, сотрудничества* СФ акцентирует моральный *консенсус*: приверженность к разделяемым членами общества ценностям, считает Парсонс, производит порядок и равновесие, – норму состояния общества [там же: 23, 90 f.]. Читатели узнают, что популярность СФ снизилась вследствие очевидных недостатков. У Парсонса они выражены в излишнем акценте на «факторах, ведущих к социальному сплочению за счет факторов раскола и конфликта» [там же: 24]. В результате Парсонс недооценил роль расколов и неравенств – классовых, расовых, гендерных. Но читатели узнают и то, что раздел конфликт-консенсус – одна из ключевых дилемм теории социологии. Эти дилеммы ведут к противостояниям и не поддаются разрешению.

Читателям книги *Perspectives in Sociology* предложен противоположный взгляд на гармонию Парсонса [Cuff et al., 2006: 83ff]. Как и в книге Гидденса-Саттон, читателям сообщают: Парсонса критикуют за его избыточный акцент на гармонии; но эти обвинения неверны. Сообщается, что Парсонс не применил марксистский подход к классовому конфликту – ключевому драйверу перемен в обществе, и тем не менее описал поляризованные общества. Он лишь не считал современное общество США поляризованным; классовые конфликты здесь маргинальны. Читателям сообщают, что эту позицию косвенно подтвердили марксисты, шаг за шагом отходя от наделения преобразующей силой конфликта классов в современных обществах.

Как и в книге Гидденса и Саттон, в работе Баллантайн и Робертс [Ballantine, Roberts, 2015: 47ff] сообщается, что проблема гармония-конфликт – центральная тема в социологии. Теории делятся на считающие людей сотрудничающими или соперничающими [там же: 52]. Подход Парсонса является частью более широкой структуры, называемой

структурным функционализмом, ключевая идея которой заключается в том, что «все части социальной структуры …*кооперируют*, делая все общество работающим гладко и *гармонично*» [там же: 47]. Но если читателям Гидденса и Саттон сообщили, что СФ устарел, читатели Баллантайн и Робертса узнают, что этот подход применим как инструмент понимания современных социальных явлений. Как и у других подходов, у него есть сильные и слабые стороны. Успех попыток освещения социальных явлений зависит от умения исследователя оценить, какой подход оптимален в конкретном вопросе. Применение СФ означает: «смотреть, как части общества…подогнаны одна к другой и как каждая часть способствует прочности общества» [там же]. Это включает и изучение дисфункций. Что касается старых споров о работах Парсонса, читателям кратко говорят, что, согласно теории конфликта его оппонентов, структурный функционализм в XXI в. не в состоянии понять ключевые феномены – войны, крах диктатур, расовые конфликты.

Еще в одной книге читателям предложена схожая картина так называемой функциональной парадигмы [Chambliss, Eglitis, 2019/2014]: понимать общество как состоящее из независимых частей, кооперирующих в целях беспроблемного функционирования. Далее они узнают, что у функционализма есть базовая посылка – всякая существующая институция или явление служат конкретной функции, иначе они выйдут «за пределы экзистенции» [там же: 17]. Отсюда для понимания социального феномена функционалисты изучают его вклад в поддержание порядка. В общем, читатель узнает, что посылы функционализма вынуждают исследователей ставить конкретные ситуативные вопросы при анализе эмпирического феномена. Что и иллюстрируется анализом Парсонса «традиционных» половых ролей: инструментальная – мужская; экспрессивная – женская. По Парсонсу, взаимодополняемость ролей содействует солидарности супругов, смягчает соперничество. Внимание читателя привлекают к тому, что Парсонс, ведомый посылами функционализма, не изучал, какие выгоды и недостатки имеет наложение этих ролей на мужчин и женщин. Поэтому ученые критической школы отвергли его идеи как оправдание неравенства. Читатели узнают, что коренной недостаток функционализма – «неспособность признать неравенства распределения власти, ресурсов и того, как это влияет на социальные отношения» [там же: 17]. Но им сообщают и о соответствующей слабости социально-конфликтной парадигмы – игнорирование «сил стабильности, равновесия и консенсуса в обществе. (…) Предположение, что у групп есть конфликтные, даже непримиримые интересы и что эти интересы реализуются власть имущими за счет тех, у кого власти меньше, не учитывает сил сплочения и стабильности» [там же: 20]. И другие авторы упоминают критику работ Парсонса, не акцентируя его недостаточного внимания к конфликту. Читатели книги [Joas, Knöbl, 2004] знакомятся с развернутой оценкой эмпирических и теоретических трудов Парсонса, включая их критику. Но им не говорят об избыточном акцентировании Парсонсом гармонии в функционировании обществ. Перед ними мощный прозорливый аналитик. Опираясь на теоретическую рамку, он предвидел такие глобальные процессы, как падение социализма, сохранение и даже усиление роли религии. Читателям сообщают, что у критиков Парсонса есть «зерно истины» [там же: 140]; пример – модернизация как беспроблемный процесс. Поскольку Парсонс считал западные общества самыми прогрессивными, левые студенческие движения нападали на него как защитника доминирующей системы. Но в ретроспективе позицию Парсонса можно оценить позитивно. После падения социализма власть закона, рациональная демократия и рыночная экономика действительно превосходят другие типы общественного строя. То есть диагноз Парсонса доказал: он дальновиден и надежен сегодня [там же].

Шнайдер [2008] на 95 страницах мелким шрифтом детально описал, как Парсонс развивал свою теорию с 1930-х гг. Лишь в кратком резюме этих напоминаний читателям сообщается, что труд Парсонса критиковался и за что. Первый пункт критики: он предложил только *описательный* анализ функциональных отношений, но не *объяснил* процессы и действия в реальном мире. Шнайдер, замечает, что хотя это верно, возможность установить причинные объяснения масштабных макросоциальных процессов, как об этом пишет

Парсонс, вообще вещь спорная. Вместо причинного объяснения читателям сообщается о том, что Парсонс предложил теорию эволюции: «Анализ вариантов культуры и институтов, как и их селекция, описывает социальные структуры как *эволюционно успешные решения проблем*. Так в фокусе оказывается объяснение конкретных *социальных функций*, выполняющих вновь возникшие структуры, и изучение *вытекающих отсюда процессов*» [Schneider, 2008: 178].

Второй пункт критики: Парсонс постоянно опирался на AGIL-схему, которая, пишет Шнайдер, принесла интересные плоды и сделала теорию Парсонса высококонсистентной. В то же время она стала для нее смирительной рубашкой, которая сдерживала дальнейшее построение теории и не позволяла исследователям достаточно учитывать особенности конкретных эмпирических феноменов. И все же смелый размах и четкость теоретической рамки Парсонса задали дальнейшее направление поисков в теории (Хабермас, Луман) [Schneider, 2008: 178 f.]. Читателям не говорят, что Парсонса критиковали и за избыток акцента на гармонии. Им говорят, что проблема порядка – постоянная референтная точка Парсонса в разработке теории. Но они не услышат, что это привело его к разработке сверхинтегрированной картины общества.

Показывая, как Парсонс десятилетиями строил теоретическую рамку, Шнайдер предлагает особую форму процесса запоминания. Он описывает прошлое в конкретных деталях, включая темпоральные маркеры, идентифицирует этапы (развития теорий) и ключевые события (аналитические решения Парсонса). Крузе [2018] тоже использует темпоральные маркеры, применяя другой фильтр. Не говоря о том, как Парсонс развивал свою теорию, он напоминает контекст истории, влиявший на его научную карьеру [Kruse, 2018: 12]. Он тоже вспоминает критиков Парсонса и говорит, что позднее они выработали новые подходы.

В дополнение к использованию темпоральных маркеров Н. Луман дает фундаментально иную форму запоминания. События прошлого могут быть сжаты в «объекты», которые следует использовать вновь и вновь [Luhmann, 1997: 580 f]. Лишенные темпоральных маркеров, эти объекты облегчают память. В нашем контексте примерами служат концепты, теоретические подходы. Выше показано, как Гидденс и Саттон, Баллантайн и Робертс, Шамбли и Эглитис представляют СФ довольно компактной идеей, используемой в социологическом анализе. Они делают это, фильтруя информацию о генезисе СФ. Нассехи делает еще один шаг. В книге *Sociology: Ten Introductory Lectures* [Nassehi, 2011] он не называет никаких теоретических *подходов* или *перспектив*, включая подходы Парсонса, а ограничивается введенными Парсонсом *концептами*, которые считает полезными для понимания социальных феноменов сегодня – «роль», «интеракция» или понятие двойной контингентности. Читателей не информируют о старых публикациях, которые вводят, обсуждают и меняют эти концепты. Вместо этого показано, как они объясняют современные социальные феномены.

На конкретных примерах читатели узнают, что некоторые концепты – некоторые из многочисленных сжатых историй прошлого, доступных сегодня социологам, в дальнейшем могут использоваться намного эффективнее, чем сегодня. Один пример – понимание обществ современного мира, парадигмально представленное концептом Парсонса, – национальное общество. Это понятие неадекватно по двум причинам [там же: 117ff]. 1. Как Олброу [Albrow, 1999] и Йоас, Кнёбль [Joas, Knöbl, 2004], Нассехи показал читателям, что оно не учитывает глобализацию и транснационализацию. Решением, узнают читатели, может быть концепт «мировое общество». 2. Понятие национальное общество политизировано. Оно показано как арена артикуляции требований и контртребований, связанных обязательствами солидарности. Читатель узнает, что это понимание восходит к истокам дисциплины и в свое время было уместным, отражая ряд проблем времени, а именно попытки эмансипации от аристократически-авторитарного консерватизма [Nassehi, 2011: 119]. Нассехи поясняет, что это политизированное понятие сегодня стало помехой. Оно затрудняет серьезное восприятие мультиконтекстуальности современного общества, разных

логик – к чему обращался еще Дюркгейм, говоря о разделении общественного труда. Избыточный акцент Парсонса на гармонии Нассехи не упомянул.

Обретения читателей: фильтр прошлого и видение будущего. Выше показано, что учебники фильтруют прошлое по-разному. По Луману, фильтр зависит от того, что релевантно сейчас. Для целей этой статьи релевантным для наших авторов учебников является написание книги, представляющей ценность для студентов и других заинтересованных читателей. Какие выгоды предвидят авторы? Какое «будущее настоящее», в их воображении, книги помогут реализовать читателям? Обсуждая эти вопросы, я имею в виду разные формы вспоминания, представленные в этом разделе. Я покажу, как каждая отдельная форма соответствует конкретным обретениям читателей, заранее предвиденным автором (авторами). Начну с книг, приводящих конкретику прошлого, включая отсылки ко времени (даты, эпизоды и пр.).

Йоас и Кнёбль [Joas, Knöbl, 2004] прямо заявляют, что рассматривают свою книгу как часть *их* труда над социальной теорией, адекватной современному миру. Но чем эта книга важна *читателям*? Из введения узнаем, что авторы хотят «ответить на запросы студентов, изучающих социальные науки», а также читателей со стороны, желающих понять развитие социальной теории после Второй мировой войны» [там же: 7]. Они не говорят, каковы эти запросы и почему они хотят дать на них именно такие ответы. Внимательно отслеживая, как они вспоминают прошлое, можно угадать многие, часто конкретные выгоды, обретения. Упомяну одну, связанную с критикой гармонии Парсонса. Йоас и Кнёбль полагают, что нападки студентов-леваков на Парсонса как представителя господствующей социально-политической системы понятны, хотя и вели в тупик. Парсонс действительно упустил трения и расколы при описании процессов модернизации. Это признали позднее такие его видные последователи, как Александер и Мюнх. Для читателей это может быть обещанием и приглашением, даже если взгляды Парсонса неверны или устарели (как считали студенты 1960-х), чтобы заниматься его трудами. Если брать шире, студенты узнают, что они, как и все, подвержены ошеломляющим, потенциально обманчивым влияниям их собственного настоящего. Выдающиеся коллеги, даже давно умершие, могут не дать им обмануться. Подходя к Парсонсу непредвзято, читатель может выйти за пределы обыденных пониманий современного мира, а это широко признанное качество социологии. И еще одна выгода. *Критически* подойдя к трудам Парсонса и других видных ученых, они могут увидеть слабые места своих в чем-то сильных подходов, что придаст свежие импульсы развитию социологической теории.

Упомянутый Крузе [Kruse, 2018] тоже воспроизвел контекст истории и объяснил его влияние на мысль социологов. Но делал это он с иной целью. Его *History of Sociology* нацелена на помощь студентам в понимании текстов, читаемых по ходу учебы. Ради этого он отфильтровал много больше аспектов, чем Йоас и Кнёбль, представив память о прошлом упрощенно. Крузе, кажется, думает, что студенты сражаются с трудными текстами из прошлого и в итоге откладывают их в сторону в бессилии. Но если у них в руках будет его книга, студенты быстро познакомятся с минувшими днями. В результате им будет легче читать первоисточники и извлекать из них нужное знание.

Когда Шнайдер [Schneider, 2008] напоминает, как Парсонс разрабатывал теоретическую рамку, он не приводит никаких связей с контекстом истории. Его книга дает (селективную) историю социологической теории как последовательную смену аналитических проблем. То есть Шнайдер четко следует целевой установке – сделать разные стратегии построения теории видимыми студентам, ввести их в процедуры теоретического мышления. Он также пробует вводить теоретические позиции классиков, позволяя студентам понять их не просто как конгломераты определений и устремлений. То есть Шнайдер, видимо, сознает отсутствие фундаментальной теоретической компетентности, помня свою работу со студентами. Книгой он хочет упредить сохранение этой достойной сожаления ситуации, позволив студентам понять и реализовать потенциал социологической теории.

Если Шнайдер показывает историю социологической теории как трансформацию аналитических проблем, то Эссер [Esser, 1999] иначе оценивает вытекающее отсюда мультипарадигмальное состояние дисциплины. Упоминая Парсонса, он присоединяется к критикам ее за отсутствие объяснительной силы, о чем писал и Шнайдер. Соответственно, цель его книги – предложить введение в социологию, в ее основания с точки зрения интегративной эпистемологической перспективы [там же: IX]. Эссер обильно приводит детали теоретической рамки Парсонса на ее разных фазах и обсуждает ее недостатки. Вопреки этим недостаткам, как узнает читатель, Парсонс описал структуры, процессы и социальные единицы общества в огромном богатстве и в деталях, сделал крайне важный вклад в создание более мощной объяснительной социологии, нежели СФ [там же: 400].

Выше отмечено, что Кафф и др. [Cuff et al., 2006] считают теоретическую рамку Парсонса мощным источником, а марксистскую критику – неоправданной. В их книге история социологии названа «рассказом» о саморазрушительном конфликте в науке, заслонившем потенциал аналитического инструментария Парсонса и ранних социологов. После того как критики СФ Парсонса конца 1960-х политизировали социологию, эта дисциплина заменила критику экономического неравенства критикой культурного господства. Обобщив и радикализировав эту критику, поворот к постструктурализму в итоге отверг всякую веру в знание, включая социологию. То есть, социологи постепенно повернули свой аналитический ресурс против собственной дисциплины. Представляется, Кафф и др. опасаются, что студентов привлекут эти перспективы, хотя они неспособны рационально взвесить их ценность. Их изложение истории – как альтернатива – позволит студентам самим ответить на главные вопросы критических теоретиков в адрес постструктурализма в его нынешней форме, такие как: «Должны ли мы признать, что фраза о "социальном мире" ложно имеет в виду мир вне нас и что мы фактически заняты игрой слов? Какое знание дает – может дать – она [социология. – *Прим. Б.М.*] нам? И имеет ли все это значение, ведь мы получаем удовольствие [то есть радость, удовлетворение от самого акта изучения, на что намекает Деррида. – *Прим. Б.М.*]?» И это все, к чему сводится долгий путь социологического поиска? [Cuff et al., 2006: 399].

Идет ли речь о развитии теории Парсонса, контексте истории или о давних спорах социологов, все рассмотренные выше книги вводят в рассказы о прошлом исторические маркеры. Но Баллантайн и Робертс [Ballantine, Roberts, 2015], как и Чамблисс и Эглитис [Chambliss, Eglitis, 2019/2014] их отфильтровали. Они сводят труды Парсонса и других «структурных функционалистов» к набору посылок и вопросов плюс к кратким инструкциям по их применению. Они напоминают прошлое социологии в форме, которую Луман назвал готовыми к употреблению предметами. Что предлагают эти авторы читателям?

Общая цель Баллантайна и Робертса – научить студентов ключевым компетенциям для их личностного развития и предстоящей профессиональной деятельности, включая знание, нужное для конкретной работы. Пример: «школьный учитель, обученный социологии, сможет лучше управлять классом, понимать мотивации учащихся, причины плохой учебы, лежащие вне школы» [Ballantine, Roberts, 2015: 12]. Вторя им, Чамблисс и Эглитис нацелены на стимулирование интереса студентов к пониманию общественных явлений и к инструментам научного (в рамках дисциплины) ответа на их вопросы. Они хотят научить студентов базовым исследованиям и помочь им усвоить общие навыки, требуемые работодателями вне науки. Ключевая цель Баллантайна, Робертса и Чамблисс, Эглитиса – научить не-ученых использовать социологию в будущей жизни.

Упомянутая выше книга Манза и др. [Manza et al., 2010] трактует описания СФ как парадигмальный пример искажающего консерватизма, характерного для учебников. Манза и коллеги объясняют консерватизм рыночными силами и структурами неравенств, т.е. подчиненной позицией авторов учебника в университетской системе. Иронизируя, можно завершить их анализ рефлексией: их текст – это пример специфической для конкретного поля символической власти (как его понимает Бурдье). Манза и коллеги – успешные ученые известного университета. Большинство авторов учебников преподают в педагогических

колледжах, где «*серьезных* исследований меньше, чем в крупных исследовательских университетах» [Manza et al., 2010: 287, курсив автора статьи], учебная нагрузка велика, а зарплата невысокая. В этом плане отношение Манза и коллег к искаженной устаревшей подаче социологии в учебниках совпадает с установками высшего класса, описанными Бурдье: эти люди недооценивают и не воспринимают всерьез тяжкий вынужденный труд низших классов [Bourdieu, 1984]. Отсюда у Манза и коллег высказывания про «серьезные исследования», через которые исподволь проводится незаметное различие между ними и авторами обсуждаемых книг. Напротив, следуя Луману, книги Баллантайна и Робертса, Чамблисс и Эглитиса профессионально решают задачу упрощения сложностей ориентированного на будущее упрощения прошлого во благо читателей: сжатие прошлого нашей науки до объектов, доступных для дальнейшего использования вне науки.

В этом плане одна из главных тем литературы об учебниках социологии – их низкое, ухудшающееся качество, все большая повторяемость [Hobbs, 1951; Wagenaar, 1988; Wright, 1995; cf. Manza et al., 2010: 272]. Но Бейкер [Baker, 1988] считает, что учебники низкого и высокого качества сосуществуют. Заметное исключение – на фоне книги Манза и др. – работы Гидденса. Он тоже избрал упрощенную форму подачи прошлого, не забыв критиковать акцент Парсонса на гармонии. Он с соавтором ставит цель – вдохновить новое поколение социологов, заставить волноваться, понимая прошлые и нынешние изменения в обществе. С этой целью они пытаются, по их словам, избавить от перегрузки и усталости читателей от сложных теорий и жаргона социологов [Giddens, Sutton, 2013: xxi; 5 f]. Они тоже выбрали форму тематического учебника. Используя свежие данные исследований в тематических главах, они понятно для всех обсуждают прошлые – и глубже – настоящие перемены.

Выше отмечено, что Нассехи [Nassehi, 2011] не упоминал теоретическую рамку Парсонса и дебаты о его мнимом игнорировании конфликта. Нассехи хочет научить студентов социологически смотреть на мир, используя как увеличительное стекло ключевые понятия: действие, габитус, роль, общество. Он ожидает, что чтение его намеренно небольшой и легко написанной книги станет подобным медитации, неким «зкзерцисом» [там же: 8], создающим уверенность в себе и помогающим использовать и сохранять собственное видение. Для этого он рассказывает эпизоды из жизни вымышленного «Мистера А». Он показывает, что можно «видеть», глядя на эти эпизоды через призму нужных концептов. Читатели не знают, какие взгляды и концептуальные различия Парсонса включены в этот набор; его имя, как и другие теоретики, не упоминаются, кроме кратких отсылок в конце книги. Рассказ Нассехи обрел форму *применения* выверенных концептов. Можно сказать, что Нассехи выполнил интеллектуальный труд проверки и прослушивания словаря социологов перед написанием книги; Йоас и Кнёбль же позволяют читателям участвовать в проводимой ими работе. Радикальный фильтр Нассехи настроен именно на эту цель, помогая читателям осваивать социологическое мышление.

Специальные советы читателям. Ниже я подытожу мои взгляды на то, что читатели узнают о роли конфликта в трудах Парсонса и в социологии, а также почему это может быть ценным. Если студенты прочитают рассмотренные выше книги, они столкнутся с разными оценками трудов Парсонса и аргументами его критиков: некоторые авторы считают Парсонса системно сосредоточенным на гармонии функционирования общества [Ballantine, Roberts; Chambliss, Eglitis; Giddens, Sutton]; другие такой перекос полностью отрицают [Schneider]. Опять же, некоторые авторы считают, что Парсонс избыточно акцентирует гармонию, но в целом его труды богаты ценными выводами и концептами [Cuff et al., 2006; Joas, Knöbl, 2004]. Даже заметный акцент на гармонии оценен по-разному. Для Гидденса и Саттон он говорит об устаревании Парсонса. Баллантайн и Робертс, как и Шанбли и Райт, считают это полезным: СФ имеет пробелы, и его акцент на гармонии, порождающий эти пробелы, позволяет ответить на конкретные исследовательские вопросы.

Важны и заявления некоторых авторов, что многие стандартные нападки на Парсонса «просто несправедливы и неверны» [Cuff et al., 2006: 103]. Когда недостоверные мысли

труда Парсонса были воспроизведены в учебниках, рецензенты сказали, что студенты будут «повторять этот нонсенс на семинарах»; поэтому на семинарах мои студенты читали оригиналы. Нонсенс это или нет – логичен результат: студенты опираются на разные мнения о трудах Парсонса. Обращайтесь к его трудам, если намерены работать по темам его теории.

Как авторы реагируют на наличие далеко расходящихся взглядов на труды Парсонса и их критику? Харон [Charon, 2013] решил сделать подарок читателям, не описывая эксплицитно Парсонса и дебаты вокруг него. Выше показано, что и у Нассехи такой же выбор. Лишь в одном важном месте он сделал исключение, отсылая к концепту общества у Парсонса. Хотя Нассехи не эксплицировал лежащую в основе его суждений логику, можно предположить: разделяя политизированное понятие общества, Парсонс и сторонники более конфликтного образа общества делают одну ошибку, и ее следует исправить. Разноголосица вокруг избыточной гармонии теории Парсонса явно отвлекает исследователей от этой проблемы, мешая развитию теории. Не приводить детали этих расхождений в учебнике – значит не отвлекать студентов на несущественные вопросы, обращая их внимание на теоретические лакуны и развитие науки.

Кафф и соавторы [Cuff et al., 2015: 102 f.] усиливают имплицитную мысль Нассехи о потенциально отвлекающих следствиях споров социологов. По их мнению, теория конфликта помогла противостоять Парсонсу, не добавив ничего теоретически существенного к ее веберианским основаниям. Более того, марксистам понадобились десятки лет исследований и споров, чтобы прозреть, Парсонс им давно говорил, что классовый конфликт в США лишен преобразующей силы. Это показывает, что научный конфликт может вредить и наносить ущерб коллегам, если занять хорошо обоснованную, но не популярную позицию. Те споры отвлекли социологов от производства важного знания о социальном мире. Урок для читателя: критикуя других, будь способен сделать собственный вклад; если не можешь – лучше помолчи. Иначе страдают критикуемые, ты сам и вся наука.

Подобно Каффу с коллегами, Йоас и Кнёбль подчеркивают ценные мысли Парсонса, которые его (некоторые) критики не замечают. В то же время, считают они, ряд критиков раскрыли реальные слабости рамки Парсонса. Это помогло теоретикам, стремившимся развить идеи Парсонса (Александер, Мюнх). На этом факте студенты могут учиться познавать разные теоретические позиции, прежде чем делать собственный выбор. Баллантайн и Робертс [Ballantine, Roberts, 2015], Шанбли и Эглитис [Chambliss, Eglitis, 2019/2014] конкретно предлагают, как этого добиваться.

Как только что названные авторы, Гидденс и Саттон обратились к эмпирическим проблемам, не трогая деталей споров о трудах Парсонса. В тематических главах они выверяют релевантность его концептов рассмотренным проблемам. Ставя вопрос, как Парсонс может и может ли вообще способствовать пониманию современных явлений, они фильтруют его труды соответственно их применимости сегодня. В итоге читатели узнают, что «возможно видеть современное разнообразие семейных форм (и брака) как свидетельства <…> адаптации одного из ключевых социальных институтов к быстро меняющейся социальной жизни» [Giddens, Sutton, 2013: 370]. Другая ценная идея – школьное образование дает ученикам ориентацию на личные достижения – ключевую ценность индустриальных обществ [там же: 835]. А мысль Парсонса о роли больных позволяет связать болезнь индивида с системой здравоохранения [там же: 405]. Все эти замечания не связаны с гармонией общества, не указывают и на конфликт. То есть у Гидденса и Саттон читатели могут учиться. Даже если теоретическая рамка Парсонса отражает стабильность и гармонию функционирования индустриальных обществ после Второй мировой войны, стоит задуматься, как это помогает понять современные общества.

Шнайдер добавляет показ истории социологической теории как цепи последовательных трансформаций проблем. Он говорит студентам, что ошибочно обобщать «сравнения достижений» разных теоретических подходов [Schneider, 2008: 17]. Новые подходы бесполезны, если они отвергают прежние теории или улучшают ответы на те же вопросы. Они скорее ценны тем, что вводят иной набор проблем-ориентиров, затем предлагая

теоретический взгляд на эти проблемы. Не следует разыгрывать одну теорию против другой по единственному критерию. Предлагать причинные объяснения, как требует Эссер, было бы таким критерием, так же как и проблема конфликт-гармония. То есть студенты узнают, что не раскроют (не)релевантность теорий для своих исследований, если будут их ценить только по адекватности обращения к конфликту и к власти.

Заключение. Цель статьи – дать представление о значении трудов Парсонса путем анализа 20 учебников. Какие выгоды читателей в будущем предвидели их авторы, выбирая в собственном настоящем: обсуждать или нет социологические тексты далекого прошлого? Следуя Луману, я понимаю память как непрерывно функционирующую инфраструктуру, фильтрующую прошлое в зависимости от его значимости сегодня. Память защищает от парализующей сложности благодаря забыванию массы минувших событий. В зависимости от того, что и как запоминается, можно вообразить разные версии будущего. Анализируя, как Парсонса вспоминают в книгах, я сосредоточилась на проблеме гармония-конфликт, ключевой теме критики Парсонса. Я обнаружила, что памяти о прошлом в предисловиях и введениях присущи разные цели авторов. Различны и обретения читателей, ставшие доступными из книг. Изучая обретения, я подчеркиваю ключевые компетенции, не конкретные концепты и находки Парсонса. Как полагают авторы учебников, знание Парсонса и критики его поможет читателям использовать социологию в будущей жизни, в том числе вне науки; действовать ответственно в научных конфликтах; быть готовыми разбираться в трудах выдающихся социологов, даже если они кажутся неактуальными, устаревшими; проверять разные позиции перед тем, как делать выбор; понимать стратегии и процедуры создания теорий. Мы не увидим этот и иной потенциал, оценивая значение Парсонса только по критерию его (не)достаточного рассмотрения конфликта, как это делалось до недавнего времени во многих спорах о Парсонсе. Это не все; компетенция, которую один из авторов учебника хочет донести до студентов-читателей, – оценивать теории по множеству критериев, не по одному, чтобы извлечь наибольшую пользу. И еще, анализ того, как авторы фильтруют прошлое, выявил два ключевых критерия. 1. Что нужно помнить, чтобы быть способным развивать эти компетенции? 2. Какая память мешает читателям, и ее лучше опустить? Представляется, это важные вопросы и социологического исследования; в моей статье они не освещены.

При написании учебников и в исследованиях мы можем опереться на Парсонса, как в свое время он пытался добиться целей социологии и ради этого вспоминал труды ученых, живших до него. Тем самым он формировал себя, понимая, чего можно для социологии добиться благодаря сотрудничеству ученых. Об этом напоминают Йоас и Кнёбль [2004: 43ff], говоря о труде Парсонса «Структура социального действия». При его написании, как пишут они, Парсонс четко формулировал цель, служившую возникавшей дисциплине: предложить более прочную основу для социологии, вообще социальных наук, переформулировав аналитически точно часто расплывчатые мысли четырех европейских теоретиков – А. Маршалла, В. Парето, М. Вебера и Э. Дюркгейма. Кнёбль и Йоас эксплицируют, как Парсонс вспоминает историю социальных наук, историю научного прогресса в «Структуре социального действия» – от утилитаризма к Маршаллу, Парето, Дюркгейму, Веберу – прямо к Т. Парсонсу. Могут подумать, что единственная цель Парсонса в пересказе этой истории успехов заключалась в прославлении себя как того, кто усовершенствовал творение интеллекта этих четырех теоретиков – даже если он намеревался в дальнейшем менять и улучшать свою рамку анализа. Но, утверждают Йоас и Кнёбль, Парсонс мог идти к этой цели более удобным и перспективным путем. Для социологов США конца 1930-х гг. Европа выглядела как пребывавшая в состоянии политического распада. Казалось маловероятным, чтобы кто-то обратился – исключительно! – к мыслителям Европы для введения и легитимации социологии в университетах США. Парсонс не мог ожидать признания за «Структуру социального действия». К тому же дистиллировать сложную теоретическую рамку из часто фрагментарных трудов четырех теоретиков было выдающимся по затратам времени и усилий трудом – тем более, что его труды пронизаны национальным и личным контекстом.

Йоас и Кнёбль считают, что усилия и мужество Парсонса (сформированные его взглядами на сотрудничество ученых) были вознаграждены. Благодаря его творчеству, анализу трудов классиков и его особой форме построения теории американская социология добилась замечательных успехов и к концу 1930-х гг. поднялась в теории на много более высокий уровень. Сосредоточившись на европейских классиках, Парсонс заставил социологов всего мира вернуться к основам дисциплины. Лишь его синтез утвердил Дюркгейма и Вебера как классиков.

Заглядывая в будущее, хочется пожелать, чтобы читатели любого учебника понимали: им нужно «фильтровать» то, что они узнают из книг, формулируя в дальнейшем свои собственные вопросы. Было бы большим шагом вперед, если бы учебники социологии стимулировали читателей всегда сверяться с тем, отвечают ли добытые находки и инструменты требованиям достижения конкретной аналитической цели в некоем будущем настоящем, отвергая то, что уже не релевантно, и сохраняя то, что пригодно, ревизуя – если нужно и возможно. Хотелось бы, чтобы студенты и профессионалы-исследователи перестали сосредоточиваться на чувствительности к конфликту трудов Парсонса. Желательно, чтобы они позволили Парсонсу помогать им в научных усилиях – по возможности разными способами. В итоге мы сможем увидеть возрождение Парсонса, позволяющее добиться реального продвижения вперед.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

Albrow M. (1999) *Sociology: The Basics*. London; New York: Routledge.

Alexander J. (1984) *The Modern Reconstruction of Classical Thought: Talcott Parsons*. Berkeley: University of California Press.

Baker P. (1988) Sociology Textbooks: Managing Clones or Writing Works of Distinction. *Teaching Sociology.* Vol. 16. No. 4: 281–282. DOI: 10.2307/1318144.

Ballantine J., Roberts K. (2015) *Our Social World.* Thousand Oaks: Sage.

Bourdieu P. (1984) *Distinction*. London: Routledge.

Bourdieu P. (1998) Is a Disinterested Act Possible? In: Bourdieu P. (ed.) *Practical Reason: On the Theory of Action*. Stanford: Polity Press.

Chambliss W., Eglitis D. (2019/2014) *Discover Sociology.* Thousand Oaks: California.

Charon J. (2013) *Ten Questions: A Sociological Perspective*. Belmont: Wadsworth.

Coser L. (1956) *The Functions of Social Conflict*. Glencoe: Free Press.

Cuff E., Sharrock W., Francis D. (2006) *Perspectives in Sociology*. London: Routledge.

Dahrendorf R. (1958) Out of Utopia: Toward a Reorientation of Sociological Analysis. *American Journal of Sociology.* Vol. 64. No. 2: 115–127.

Esser H. (1999) *Soziologie: Allgemeine Grundlagen* [Sociology: General Principles]. Frankfurt am Main: Campus. (In Germ.)

Fleck L. (1979) *Genesis and Development of a Scientific Fact*. Chicago: University of Chicago Press.

Giddens A., Sutton P.W. (2013) *Sociology.* Cambridge: Polity Press.

Go J. (2016) *Postcolonial Thought and Social Theory.* Oxford: Oxford University Press.

Gouldner A. (1970) *The Coming Crises of Sociology.* New York: Basic Books.

Haggart B., Henne K., Tusikov N. (eds) (2019) *Information, Technology and Control in a Changing World: Understanding Power Structures in the 21st Century*. London; New York: Palgrave Macmillan.

Hobbs A.H. (1951) *The Claims of Sociology: A Critique of Textbooks*. Harrisburg: Stackpole.

Joas H., Knöbl W. (2004) *Soziologie: Zwanzig einführende Vorlesungen* [Sociology: Twenty Introductory Lectures]. Frankfurt a.M: Suhrkamp. (In Germ.)

Kruse V. (2018) *Geschichte der Soziologie* [History of Sociology]. Konstanz: UVK. (In Germ.)

Kuhn T. (1979) *The Essential Tension: Selected Studies in Scientific Tradition and Change*. Chicago: University of Chicago Press.

Kuhn T. (1996) *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago: University of Chicago Press.

Luhmann N. (1997) Gedächtnis [Memory]. In: Luhmann N. *Die Gesellschaft der Gesellschaft* [The Society of Society]. 1st vol. Frankfurt am Main: Suhrkamp: 576–594. (In Germ.)

Manza J., Sauder M., Wright N. (2010) Producing Textbook Sociology. *European Journal of Sociology.* Vol. 51. No. 2: 271–304. DOI: 10.1017/s0003975610000135.

Münch R. (2013) *Academic Capitalism: Universities in the Global Struggle for Excellence*. London: Routldege

Nassehi A. (2011) *Soziologie: Zehn einführende Vorlesungen* [Sociology: Ten Introductory Lectures]. Wiesbaden: VS. (In Germ.)
Parsons T. (1951) *The Social System.* Glencoe: Free Press.
Schneider W. (2008) *Grundlagen der soziologischen Theorie* [Fundamentals of Sociology]. Vol. 1: Weber – Parsons – Mead – Schütz. Opladen: Westdeutscher Verlag. (In Germ.)
Wagenaar T. (ed.) (1988) Special Issue on Textbooks. *Teaching Sociology.* Vol. 16. No. 4.
Wenzel H. (1991) *Die Ordnung des Handelns. T. Parsons's allgemeines Handlungssystem* [The Structure of Social Action: T. Parsons' General System of Action]. Frankfurt: Suhrkamp. (In Germ.)
Wright R. (1995) Was there a "Golden Past" for the Introductory Sociology Textbook? A Citation Analysis of Leading Journals. *American Sociologist.* Vol. 26. No. 4: 41–48. DOI: 10.1007/BF02692354.

Перевод с англ. Н.В. РОМАНОВСКОГО

РОМАНОВСКИЙ Николай Валентинович, д. ист. н., проф., гл. науч. сотр., Институт социологии ФНИСЦ РАН; проф. Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия (socis@isras.ru).

ADDRESSING PARSONS IN SOCIOLOGICAL TEXTBOOKS: PAST CONFLICTS, CONTEMPORARY READERS AND THEIR FUTURE GAINS

MAHLERT B.

Institute for Sociology, University of Innsbruck, Austria

Bettina MAHLERT, Dr. Sci. (Sociol.), Ass. Prof. of the Institute of Sociology, University of Innsbruck, Innsbruck, Austria (Bettina.Mahlert@uibk.ac.at).

Abstract. The paper provides insights on the contemporary relevance of Talcott Parsons's writings by analyzing 20 textbooks from Austria, Germany, Great Britain and the United States, published in 1999–2019. Whether having knowledge of Parsons is helpful to today's students and other interested readers, and what knowledge, deserves consideration. Therefore, the paper asks: Which future gains of readers did textbook authors envision when they chose, in their own present, to discuss (or not) sociological writings from long ago? In order to understand what future opportunities authors wanted to create for readers, as well as how they chose to discuss Parsons to this end, the paper draws on Niklas Luhmann's notion of memory. The analysis reveals several key competencies that student and other interested readers might acquire through having knowledge of Parsons' writings and its critiques. These potentials would have gone unnoticed if authors had assessed Parsons's relevance only according to whether he adequately considered conflict or not, as has been done in many debates about his work until today. Moreover, through analyzing how authors remembered Parsons, I distilled two key selective criteria: First, what must be remembered in order to enable readers to acquire those competencies? Second, which memories would be impeding for readers and thus be better left out? These criteria are relevant for research, as well. Looking at the future, it would be desirable that sociologists let Parsons assist them in their research in many different ways, if possible. As a result, we might see a revival of Parsons that enables genuine advancement.

Keywords: T. Parsons, modern sociology, textbooks of sociology, memory, structural functionalism, classics of sociology.

Transl. by Nikolay V. ROMANOVSKIY, Dr. Sci. (Hist.), Prof., Chief Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Prof., Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (socis@isras.ru).

© 2021 г.

З.В. СИКЕВИЧ, А.А. ФЕДОРОВА

ГРАНИЦЫ РУССКОГО ПАТРИОТИЗМА (ОПЫТ НЕРЕАКТИВНОГО И КЛАССИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

СИКЕВИЧ Зинаида Васильевна – доктор социологических наук, профессор кафедры культурной антропологии и этнической социологии факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета (sikevich@mail.ru); *ФЕДОРОВА Анна Александровна – кандидат социологических наук, младший научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН* (an-f@list.ru). *Обе – Санкт-Петербург, Россия.*

Аннотация*. Феномен патриотизма рассматривается на материалах проявления русской идентичности пользователей сети Интернет. Для получения взаимодополняющих результатов, позволяющих оценивать русский патриотизм как комплекс коллективных и индивидуальных представлений, используются два противоположных подхода к сбору количественных и качественных данных. С одной стороны, в ходе виртуального исследования рассмотрены 10 национальных и националистических русских сообществ общей численностью 1,07 млн человек, базирующихся в сети ВКонтакте. Выявлены объединяющие элементы коллективных представлений, маркирующие групповую идентичность в русских сообществах за счет конвенционального сближения коннотаций терминов «национализм» и «патриотизм». С другой стороны, в ходе опроса (600 пользователей Интернета) выявлена внутренне противоречивая интерпретация категорий «патриотизм» и «национализм», а также сходное, как в русских интернет-сообществах, восприятие этих понятий как полностью или частично синонимичных. Обнаружена преимущественная интерпретация понятия «Россия» в контексте великодержавных атрибуций при минимальной ориентации на культурные и экономические ценности. Негативная интерпретация патриотизма и гражданственности обусловлена восприятием этих категорий как выражения «верности» власти, не Отечеству. Исследование выявило слабую половозрастную обусловленность коллективных представлений, что косвенно свидетельствует о включении «патриотизма» в содержательное ядро национального самосознания, присущего русским пользователям Сети. В ходе исследования апробирована авторская методика исследования феноменов патриотизма, национализма и гражданственности на основе контент-анализа вербальных конструктов.*

Ключевые слова: *патриотизм • национализм • этническая идентичность • гражданская идентичность • нереактивная стратегия • виртуальное пространство • эффект социальной желательности • «мы»-концепция • геополитическая дистанция*

DOI: 10.31857/S013216250014126-1

Постановка проблемы. В условиях геополитических изменений конца XX – начала XXI в. проблематика русского патриотизма активно обсуждается на государственном уровне. Очевидный политический запрос на теоретическое осмысление данного понятия нашел отражение в росте числа исследований, посвященных различным аспектам патриотизма, присущего русским и россиянам.

Статья выполнена по гранту РФФИ, проект № 19-011-00219.

В последние годы изучены региональные особенности проявления патриотизма [Халий, 2017], стратегии воспитания патриотизма среди подрастающего поколения [Шматько и др., 2016], раскрыта связь патриотизма и гражданской идентичности [Лубский, 2017]. Фрагментарно изучено смысловое наполнение данного понятия [Воробьев и др., 2018], часто статьи этого направления носят умозрительный характер [Романовская и др., 2015], не имеют эмпирического обоснования. Напротив, панельные опросы, проводимые ВЦИОМ[1], на наш взгляд, могут дать лишь примерное представление о ключевых точках напряженности, проявляющихся в общественном мнении о патриотизме. Часть исследований патриотизма сосредоточены сегодня вокруг популярной в англоязычных источниках проблемы разграничения конструктивного и конвенционального патриотизма [Sekerdej et al., 2016], отождествляемого в отечественных работах с термином «охранительный патриотизм» [Кузнецов, 2016].

Среди теоретического многообразия источников практически без внимания [Мартынов, 2009] остается вопрос сущностного разграничения понятий «патриотизм» и «национализм», имеющий, по нашим наблюдениям, ключевое значение в исследовании уровней идентичности граждан России. Между тем рассмотрение патриотизма как элемента «мы-концепции» [Мадинье, 1995] позволяет, помимо прочего, проанализировать особенности надындивидуального уровня русской этничности. Двойственное положение русского этноса в процессах строительства российской нации, вызванное очевидным превалированием русских во всех регионах многонациональной страны, позволяет рассматривать русский патриотизм как амбивалентное явление, лежащее в основе этнической самоидентификации, но в то же время жестко структурированное за счет эффекта социальной желательности и противопоставления национализму.

Поэтому изучение русского патриотизма в его типичных и крайних проявлениях видится важной задачей, стоящей перед отечественной этносоциологией. На наш взгляд, достоверное представление о значении патриотизма для русской идентичности может быть получено лишь благодаря сравнительному анализу мнений респондентов, в разной степени вовлеченных в дискурс актуализации патриотических настроений.

Методология. На протяжении многих лет наиболее универсальным методом, применяемым в изучении феномена этничности, оставался опрос и его основные разновидности – анкетирование и интервьюирование [Сикевич, Федорова, 2018].

Однако, описывая процессы, характерные для российского общества XXI в., нельзя не принять во внимание тенденцию повсеместной виртуализации. По данным на 2020 г., среднестатистический россиянин пользуется различными сервисами в сети Интернет ежедневно около 7 ч[2]. Более того, киберпространство с общедоступными социальными сетями стало в последнее десятилетие территорией демонстрации идентичности пользователей [Saunders, 2011]. Несмотря на часто высказываемые опасения о кибербезопасности и защите личных данных, социальные сети, обладающие высоким кредитом доверия пользователей, становятся локусом самоорганизации представителей русского этноса.

Русские национальные и националистические сообщества сети ВКонтакте, объединенные по признаку самопричисления пользователей к данному этносу, выступают доступным для анализа архивом цифровых следов виртуальной русской этничности. Постоянное обращение к проблематике этничности, характерное для коммуникативных практик в этих сообществах, имплицитно актуализирует дискурс русского патриотизма, наделяя его связками представлений и смыслов в соответствии с ценностными ориентациями членов отдельных кластеров русских групп.

---

[1] Что значит быть патриотом? // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chto-znachit-byt-patriotom (дата обращения: 14.01.2021).

[2] Social Media Users Pass the 4 Billion Mark as Global Adoption Soars // We Are Social Inc. URL: https://wearesocial.com/blog/2020/10/social-media-users-pass-the-4-billion-mark-as-global-adoption-soars (дата обращения: 15.01.2021).

Для проведения систематического анализа дискурса патриотизма, сформированного в виртуальном пространстве русской этничности социальной сети ВКонтакте, был применен комплекс методов [Lee, 2000], получивший в англоязычной социологии наименование нереактивной (Non-reactive) стратегии исследования [Webb et al., 1966]. С помощью методов цифровой этнографии [Pink et al., 2016] и автоматизированного контент-анализа средствами SMM-сервисов были проанализированы архивы постов и комментариев пользователей десяти крупнейших русских сообществ ВКонтакте, включающие национал-патриотические группы с острополитической повесткой дня (сообщества «Здоровая Русь – Россия, Украина, Беларусь», «Я русский» и др.); сообщества исторической направленности, в риторике которых довлеет тематика «Руси» и «Советского Союза» (например, «Православная Русь», «Святая Русь» и др.); объединения культурного характера, объединенные на основе сочетания представлений об этносе, религии и культурных достижениях русского народа (сообщества «Русская культура», «Русская душа || Святая Русь || История России» и др.).

Общее количество верифицированных индивидуальных пользователей сообществ данной выборки составило 1,07 млн человек. 19,1% пользователей участвовали в жизни русских сообществ в формате незаметного присутствия (read only), 36,7% пользователей вошли в состав ядра целевой аудитории, генерирующего более 80% наблюдаемого контента сообществ. В качестве периода анализа был принят шестилетний срок с 1 января 2014 по 1 января 2020 г., охватывающий временной промежуток наибольшей наблюдаемой активности пользователей (рис. 1).

Для сравнительного анализа изучаемого феномена использовался также метод анкетного опроса в пространстве Интернета. Выбор этой формы реализации классического исследования обусловлен затрудненностью очного контакта с респондентами в ситуации пандемии. Несмотря на известные недостатки интернет-опросов, связанные со спецификой выборки (преобладание активных пользователей, преимущественно с высшим образованием), удалось получить эмпирические факты, сопоставимые по важности с данными, выявленными в ходе применения нереактивной стратегии.

Общее число опрошенных составило 600 человек. В связи с целью исследования, направленной на изучение установок именно русских пользователей Сети, производился ремонт выборки, из которой были исключены респонденты, не указавшие свою национальную принадлежность либо указавшие нерусскую национальность. Далее в ходе анализа рассматривались ответы 548 человек[3].

Специфика опросного листа состояла в некотором предпочтении открытых вопросов и незаконченных предложений по сравнению с вопросами закрытого и полузакрытого типа (в примерной пропорции 3:2). Это дало возможность, во-первых, свободного изложения мнения в удобной для респондента форме, во-вторых, снизило эффект социальной желательности и, в-третьих, привело к лучшей сопоставимости с текстами членов национальных сообществ Сети. Ответы классифицировались посредством процедуры контент-анализа.

Результаты нереактивного исследования. Систематическое осмысление коммуникативных практик, существующих в виртуальном пространстве русской этничности, позволяет сделать вывод о первостепенном значении разделяемых коллективных представлений в формировании групповых границ. Поскольку минимальной единицей выборки нашего онлайн-исследования служили русские сообщества, не индивидуальные пользователи, наиболее очевидным путем анализа стало выявление типичных коллективных представлений.

[3] Структура выборки такова: по половой принадлежности – 50,7% мужчин и 49,3% женщин; по возрастным группам: 16–30 лет – 25,0%, 31–45 лет – 25,0%, 46–60 лет – 25,0% и старше 60 лет – 25,0%; по уровню образования: имеющих среднее образование 9,2%, среднее специальное образование – 20,7%, незаконченное высшее – 8,7%, высшее – 61,5%.

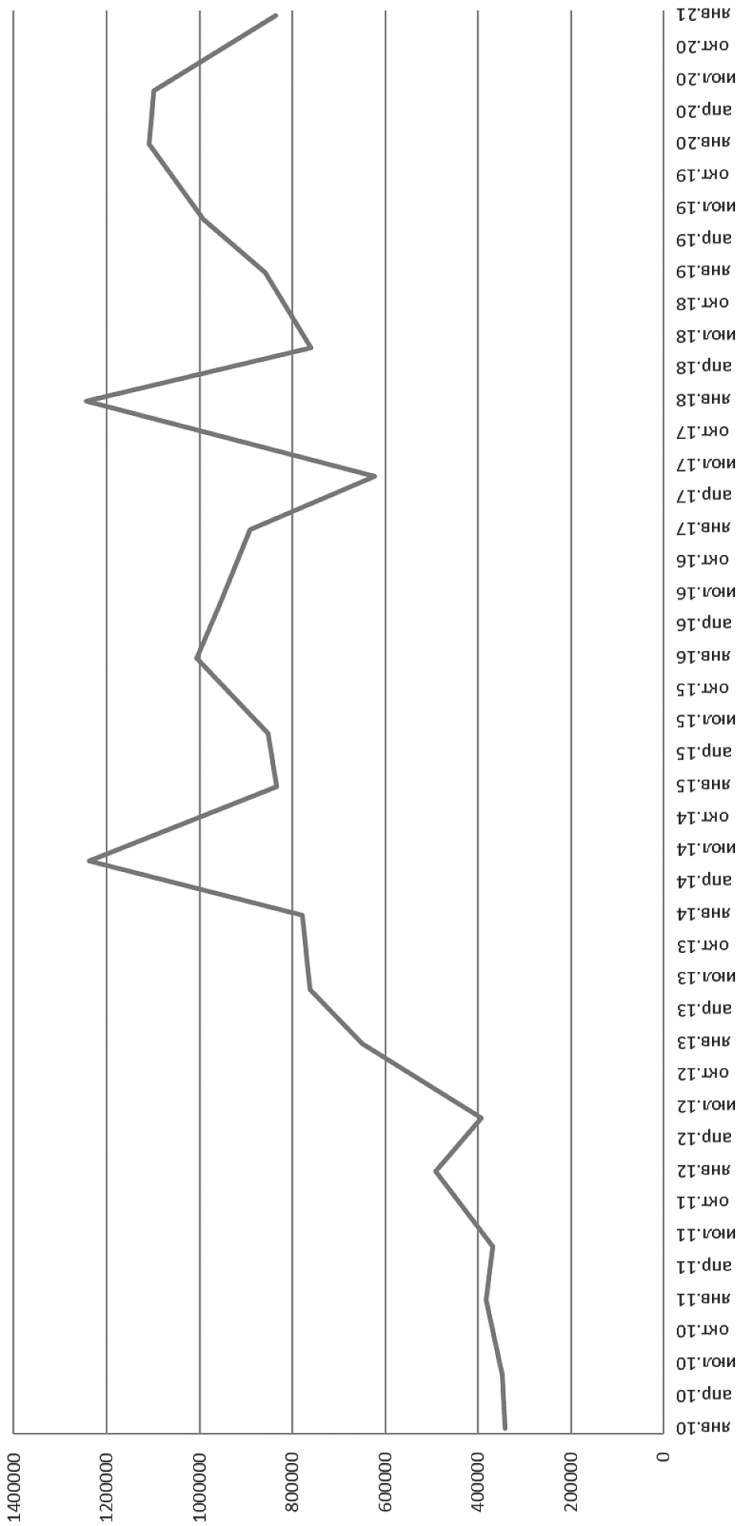

Рис. 1. Динамика изменения численности верифицированных пользователей крупнейших русских этнических сообществ сети ВКонтакте с 2010 г. по настоящее время

Формирование устойчивого виртуального сообщества, основанного на различных формах идентичности, неразрывно связано с необходимостью баланса между механизмами верификации предзаданной информации и высоким уровнем доверия среди членов группы. В этих условиях сходство представлений членов сообщества о себе – русских (автопредставления), и значимых других (гетеропредставления) выступает индикатором групповой идентичности.

Несмотря на принципиальные различия ценностных ориентаций, характерных для политико- и культурно-ориентированных русских сообществ сети ВКонтакте, именно представления о так называемом «русском патриотизме» оказались практически идентичны во всех изучаемых группах.

По данным контент-анализа, ежегодно от 8,3 до 12,1% постов в русских сообществах из анализируемой выборки были посвящены проблематике трактовки патриотизма, что свидетельствует о высоком уровне рефлексии, характерном для русских национальных и националистических групп. Максимальная концентрация цифровых следов, связанных с феноменом русского патриотизма, была отмечена в связи с обсуждением инициативы «Бессмертный полк» (в периоды ее проведения и контексте отвлеченного обсуждения).

Однако существует разница смыслового наполнения данного понятия и его классических трактовок. В связи с постоянной актуализацией дискурса этничности, характерной для изучаемых сообществ, наиболее распространенной смысловой связкой выступают словосочетания «русский патриот», «русская нация» и «русское Отечество».

Углубленное изучение смыслового наполнения термина «русский патриот» демонстрирует, что его формулировка в абсолютном большинстве постов (87,3%) складывается из рекомбинации трех основных характеристик: 1) любви/уважения к русскому народу; 2) памяти/почтения к победам русского народа; 3) интенции на помощь соотечественникам/братским народам.

Как следует из контекста высказываний, первоочередным акцентом в них выступает этническая принадлежность. В данной трактовке патриотизм становится любовью не к Отечеству в широком понимании слова (к России как государству), а к территории расселения русского этноса, к русским – как государствообразующему народу России.

Парадоксальное совпадение коннотаций виртуального русского патриотизма с широким пониманием термина «национализм», на наш взгляд, оказывается неслучайным.

Дискурс стигматизации национализма, фигурирующий, к примеру, в СМИ в связи с украинским конфликтом, создает существенные трудности для формирования границ русских виртуальных сообществ. Речь идет как об опасениях по поводу возможного уголовного преследования за проявления русского национализма в сети, так и о диссонансе самовосприятия, где любовь к собственной этнической группе может быть трактована и как крайне позитивное качество, и как часть негативного образа ксенофоба.

Именно поэтому, при всей подчеркнутой значимости патриотизма как одной из ключевых черт «мы»-концепции русских пользователей виртуального пространства, использование данного термина связано с рядом сопутствующих стратегий, сводящихся к обобщенным утверждениям, решающим задачу коллективного самооправдания: 1) «Русский патриотизм не основан на идее превосходства, у каждого народа есть свои сильные стороны, поэтому в некоторых аспектах мы объективно лучше других»; 2) «Русский патриотизм не стремится к межнациональной розни. Мы не собирались в группы, чтобы кого-то ненавидеть, мы просто любим свой народ»; 3) «Русский патриотизм нельзя назвать националистическим или тем более нацистским, потому что мы придерживаемся умеренной позиции в своих оценках» [Федорова, 2019].

Как можно заметить на примере приведенных обобщенных высказываний, обращение к терминологии патриотизма выступает частью своеобразной шкалы допустимой идеологии, построенной на принципах противопоставления воззрений, одобряемых или не одобряемых в пределах изучаемой группы (рис. 2). Фактически речь идет о конвенциональном пересмотре стереотипной дихотомии «хороший патриотизм – плохой

Рис. 2. Система оценки взглядов по отношению к русскому народу, распространенная в виртуальном пространстве этничности

национализм» за счет разграничения умеренного и радикального национализма (механизм, используемый в более конформных русских сообществах) и добавления нового предельного значения шкалы, значимого в контексте русской истории, – фашизма/нацизма (механизм, характерный для сообществ националистического толка).

Дальнейшая легитимация указанного разграничения обнаружена нами в процессе исследования коллективных представлений о значимых «других», а именно – на примере формирования образа «врагов русского народа». Как следует из данных контент-анализа, 67% упоминаний нацизма и/или крайних проявлений национализма сосредоточено в постах и комментариях, связанных с Украиной и используемых в отношении официальной украинской идеологии и «бандеровцев».

Результаты интернет-опроса: «патриот» vs «националист». Во время проведения опроса при ответе на закрытый вопрос «Характерно ли для русских чувство патриотизма, национальная гордость?» были получены следующие (вполне ожидаемые) результаты: примерно 4/5 респондентов во всех возрастных группах посчитали, что патриотизм характерен для русского народа (табл. 1).

Дальнейшее сравнение образов «патриота» и «националиста» осуществлялось посредством анализа ответов на два незаконченных предложения: «Патриот – это тот, кто…» и «Националист – это тот, кто…».

Таблица 1

Характерны ли для русских патриотизм и национальная гордость (*в % по возрастной группе*)

Возрастная группа	Характерны	Не характерны
16–30 лет	83	17
31–45 лет	77	23
46–60 лет	76	24
Старше 60 лет	79	21

По ***образу патриота*** было получено 493 ответа, которые классифицированы по трем контент-аналитическим рубрикам – «чувства» (66,8%), «поступки» (28,6%) и негативные коннотации (4,6%).

Чувства. Патриот, прежде всего, любит Родину, гордится ею, хранит ей верность, в трудных ситуациях сначала думает о России, а потом о себе, руководствуясь установкой «права она или не права, но это моя Родина». Обращают внимание развернутые ответы (ради такой реакции авторы предпочли открытую форму вопроса). Приведем наиболее показательные: 1) «*Патриот любит свой народ не для поста в сети, а простой человеческой любовью, потому что чувствует свои корни и связь с предками*» (м., 35 л.); 2) «*Патриот независимо от внутренних проблем и внешнего давления всегда выбирает сторону своей страны, действуя*

на ее благо» (м., 43 г.); 3) «*Патриот не кричит о своей любви и любит родину независимо от правительства и правителей*» (ж., 68 л.); 4) «*Патриот любит страну, даже если она его не любит*» (м., 20 л.).

Поступки. Патриот никогда не покинет Родину, даже понимая, что где-то «богаче и спокойнее». Он больше делает, чем говорит о своем патриотизме, готов на жертвы и лишения, а если понадобится, готов отдать жизнь за Россию, никогда ее не предаст: 1) «*Высший патриотизм – самопожертвование*» (ж., 63 г.); 2) «*Не бравирует своим отношением к России напоказ, а занимается реальными делами во благо*» (м., 42 г.); 3) «*Грамотно говорит по-русски, знает историю своей страны, бережет традиции и воспитывает в своих детях такое отношение к Родине*» (ж., 32 г.); 4) «*Строит свою страну, а не обсуждает соседский огород*» (м., 24 г.).

Негативные коннотации немногочисленны и отражают мнение противников существующей власти. Эти респонденты полагают, что патриот доверяет пропаганде, не хочет думать самостоятельно, молится на президента, «*орет всем, что Россия – супер, а сам мечтает свалить*». Важно отметить, что у респондентов обоих полов примерно равное количество негативных высказываний сосредоточено в возрастных группах до 30, от 31 до 45 и старше 60 лет (в среднем по 6–7 высказываний на группу), в то время как респонденты в возрасте 46–60 лет вообще не использовали негативные коннотации.

По интерпретации респондентами ***образа националиста*** было получено также 493 ответа, которые классифицированы по трем контент-аналитическим рубрикам: положительные характеристики (26,6%), отрицательные характеристики (65,9%) и оценки (7,5%).

Каждый четвертый из числа респондентов приписывает националисту *положительные качества*, по смыслу совпадающие с интерпретацией образа патриота: националист любит свою страну и народ, уважает его, делает все для их блага, защищает Родину, готов постоять за честь страны, поддерживает политику государства. При этом несколько чаще (по сравнению с интерпретацией «образа» патриота) вместо понятия «Родина» или Россия фигурирует понятие «нация/народ». В частности, националист «считает русский народ основой государства», верит в *свою нацию*, гордится своим происхождением, чтит (превозносит) *свой народ* и т.п.

Отрицательные коннотации по содержанию носят нормативный характер: националист ненавидит другие народы, не уважает их, ставит свой народ выше других (установка этноцентризма), ценит национальность, а не гражданство, «под любовью к Родине скрывает ненависть к другим», делит всех на своих и чужих и т.п. Около 3% респондентов отмечают, что националист «прикрывается патриотизмом» и считает, что «все традиции и ценности служат объектом преклонения», поскольку «для него национальная принадлежность важнее качеств личности», «для националиста нация выше свободы». Примечательно, что ряд респондентов мужского пола (примерно 4%) считают национализм радикальной формой патриотизма: «использует любовь к родине в низменных целях», склонен к «нездоровому обожанию своей страны», «извращает понятие Родина» и т.п.

Оценки националиста носят главным образом бранный характер: это – «фанатик», «фашист», «расист», «примитив», «провокатор» и другие коннотации, распространенные в абсолютном большинстве случаев среди респондентов старше 30 лет. Сопоставим модальные характеристики образов националиста и патриота, названные более чем 5% участников опроса.

Наиболее заметная оппозиция выявлена по категориям «Родина (отчизна)» и «народ (нация)», причем примерно для 3/4 респондентов это различные смысловые категории, в то время как для 1/4 части участников опроса эти понятия сливаются воедино. Данный факт в целом соответствует тенденции, выявленной при анализе виртуального пространства: для условного патриота ключевое понятие – «Родина/Отечество», для националиста – «нация/народ». В отличие от патриота националист, судя по данным опроса, интерпретирует представителей иной этнической группы чаще не как «других», а как «чужаков» или «врагов», формируя в своем сознании негативную дихотомию.

Таблица 2

Модальные характеристики (*в % от числа опрошенных*)

Характеристики патриота	Доля	Характеристики националиста	Доля
Любит Родину	45,7	Ставит свой народ выше других	19,2
Защищает от врагов	7,4	Ненавидит другие народы	10,4
Гордится Родиной	6,0	Любит свой народ	6,4
Работает во благо России	5,3	Не любит чужаков	5,7
Готов отдать жизнь	5,1	Защищает свой народ от врагов	5,5
Уважает	5,0	Нетерпим	5,2

Насколько патриотизм является *модальной чертой* русского менталитета? Участникам опроса для оценки был предложен список 15-ти качеств, гипотетически присущих большинству русских людей. Из их числа респондентам предлагалось выбрать 5 наиболее характерных для русского человека и их самих. В результате чувство патриотизма в описании русского народа заняло 4-е место (71,8%) после доброты (77,2%), милосердия (76,5%) и терпеливости (74,0%). В то же время респонденты при описании качеств, присущим им самим, отмечали патриотизм значительно реже – 41,4% опрошенных посчитали самих себя патриотами. Более того, респонденты из старших возрастных групп «примеряли» на себя данное качество на 10–13% чаще, чем молодежь до 30 лет.

Судя по данным наших предыдущих исследований [Сикевич, 2005], доброта и терпеливость стабильно занимают ведущие места в описании респондентами свойств «русского национального характера». В то же время значимость патриотизма в последнее время заметно возросла, оттеснив на более дальние позиции, в частности, такие качества, как «простота/простодушие» и «гостеприимство». Можно предположить, что этот сдвиг в системе ценностных установок обусловлен как событиями последнего десятилетия, так и усилением «антизападнических» настроений, которые формирует санкционное давление и расширяющееся противостояние России и Запада (как реальное, так и мифологизированное). Симптоматично, что в ответах на открытые вопросы красной нитью проходит тема «унижения» России со стороны «западных партнеров».

Результаты интернет-опроса: патриот и Россия. Итак, *Россия* воспринимается *не только* как *Родина*, объект любви и гордости ее граждан, *но и* как *держава*, противостоящая «происками» недоброжелателей. Об этом свидетельствует контент-анализ характеристик, полученных в ходе классификации ответов на открытый вопрос «Напишите первых три слова, которые приходят в голову, когда слышите слово "Россия"». Примерно в каждом втором суждении понятие «Родина» соседствует с понятием «***держава***» или с такими атрибутами державности, как величие, сила, непобедимость, несокрушимость, мощь, могущество и т.п.

Аналогичная тенденция выявлена и при анализе ответов на вопрос, «какие именно ***события в истории*** России вызывают чувство гордости». Участники опроса перечислили все сколько-нибудь значимые победы «русского оружия». Абсолютно первое место заняли победа в Великой Отечественной войне (74,7%), победа в Отечественной войне 1812 года (15,6%) и «все наши победы над врагами» (8,1%). Типичные развернутые ответы выглядят примерно так: «*Мы – великая страна, которая победила Орду, Наполеона и фашистов*», «*Мы смогли объединить земли и народы в огромное государство и отстоять его назло врагам*». Обращает внимание характерное «мы» – групповая идентификация народа с государством, распространенная и среди пользователей Интернета.

«Державная» установка обнаруживается и в ***списке исторических личностей***, которые вызывают у респондентов положительные чувства: Петр I («разбил шведов», «завоевал Прибалтику») – 44,1%; Екатерина II («завоевала Крым») – 9,0%, Суворов (9,0%); Жуков (6,3%); Кутузов (5,5%). Перечень исторических деятелей на три четверти состоит

из имен великих князей, императоров, генсеков и генералов. Поскольку, по мнению участников опроса, русских объединяет прежде всего, наряду с русским языком (4,5 балла), историческое прошлое (4,2 балла), очевидно, что национальная консолидация носит преимущественно державно-милитаристский характер.

В каждом третьем-четвертом ответе в качестве еще одного определения России фигурирует указание на ее ***масштаб***.

Доминирование в образе «России» атрибуций, связанных с ее восприятием как Родины, державы и пространства/природы, является чрезвычайно устойчивым и прослеживается с 1996 г., когда аналогичный вопрос был впервые включен нами в опросный лист. Ассоциации с предметным миром, географическими объектами, историей, культурой и экономикой значительно менее частотны (табл. 3).

Таблица 3

Восприятие России (*в % от числа ответивших*)

Рубрика контент-анализа	Доля
Государственность и ее атрибуты	29,9
Родина и ее восприятие	18,1
Природа и географические объекты	12,8
Пространство и его масштаб	12,3
Негативные оценки	10,2
Народ и его менталитет	6,8
История и культура	4,4
Персоналии	3,3
Предметный мир	2,2

Правда, у каждого десятого участника опроса в связи с образом России возникают негативные оценки деятельности государства или негативные чувства по отношении к России. Показательно, что те же респонденты реагировали аналогичным образом на понятие «патриот». Типичный для них ассоциативный ряд выглядит следующим образом: «*все плохо, диктатура, развал*» или «*безработица, воровство, хамство*». Вопреки возможным предположениям, данный набор негативных характеристик не имеет, по нашим наблюдениям, половозрастной обусловленности. Согласно данным контент-анализа, целостно негативное восприятие страны и своего народа было отмечено примерно в равных долях у представителей всех возрастов. Более того, не было обнаружено свидетельств так называемой женской конформности, выявленной нами ранее в ходе исследования национальных групп сети ВКонтакте.

При анализе массива ответов в целом соотношение условно положительных или нейтральных атрибуций образа «России» по сравнению с отрицательными можно представить в виде пропорции 9:1. Это подтверждает список наиболее частотных характеристик (табл. 4).

Результаты интернет-опроса: патриот vs гражданин. Логично предположить, что на уровне рефлексии любовь к своей стране как к Родине и некоему пространству соотносится с гражданской идентичностью, формируя ассоциативный ряд «патриот – гражданин». Это подтверждают данные ранжирования участниками опроса собственных идентичностей: граждане России (2,4), русские (2,6), православные христиане (3,4), славяне (3,9), жители своего города/села (4,3), европейцы (4,7).

Как видно, оппозицией по групповой самоидентификации являются гражданская (национальная) и европейская принадлежности. Эта оппозиция устойчива: в наших предыдущих исследованиях гражданская и европейская идентичности всегда были полюсами

Таблица 4

Модальные атрибуции России (*в % от числа опрошенных*)

Модальная атрибуция	Доля
Родина	18,7
Огромная, бескрайняя	13,9
Великая	12,8
Гордость	10,1
Могучая, могущественная	9,6
Держава, державность	9,4
Страна	8,0
Москва	5,7
Путин	5,5
Бедность, нищета	5,5
Любимая	5,4
Сильная	5,4
Леса, березы	5,0
Наша, мы	5,0
Народ, русский народ	5,0

системы идентификаций. Обращает внимание, что этническая принадлежность в ранговом выражении практически совпадает с гражданской, косвенно указывая на частичное «наложение» категорий этничности и гражданства. Аналогичный факт обнаружен и при анализе русских групп в виртуальном пространстве.

В каких случаях человек чувствует себя гражданином России? Так было сформулировано незаконченное предложение в тексте опросного листа. В среднем каждый 6-й (16,5%) испытывает это чувство *всегда*. Примерно для половины опрошенных пользователей Интернета это чаще всего формальный повод (предъявление паспорта или других документов, участие в выборах, служба в армии, уплата налогов и т.п.). Для каждого третьего респондента (33,8%) гражданские чувства вызывают события личной жизни (участие в праздновании 9 Мая и шествии «Бессмертного полка», просмотр радио- и телепередач и, в особенности, выезд за границу). Для каждого десятого (9,8%) поводом актуализации гражданской идентичности служат нападки на Россию, ее унижение, очернение и охаивание. Почти столько же респондентов (8,9%) чувствуют себя гражданами России, когда «любуются природой», «просторами полей», смотрят на карту. Очевидно, что природно-пространственное восприятие России сохраняется и при иной формулировке вопроса, фактически на равных конкурируя в сознании с «державными» и охранительными установками.

У 14,6% их гражданская принадлежность вызывает негативные эмоции, сопоставимые с теми, которые ранее выявились в связи с понятием «патриот» и ассоциативным рядом по поводу России. Их не устраивают коррупция, высокие налоги, всякого рода штрафы, что они «живут хуже европейцев», что «ездят по колдобинам», что «их мнение не принимается в расчет». Представители разных возрастных групп примерно в равной степени подвержены негативным эмоциям, связанным с гражданской идентичностью. Принципиальные различия наблюдаются в причинах недовольств: в то время как представители молодежи до 30 лет связывают свой негатив с геополитическими изменениями, а также с действиями верховной власти, люди 31–60 лет чаще отмечали сравнительную бедность России и непомерные налоги. Абсолютное большинство ответов респондентов в возрасте от 60 лет связано с «нищенской пенсией» и «необходимостью считать копейки». Тем не менее во всех указанных половозрастных группах «выходят на протесты»

1,3% недовольных участников данного опроса: доминирует «пассивное неприятие» над «активным действием».

Выводы. Исследование показало, что эмпирические факты нереактивного исследования и классического опроса одинаково характеризуют следующие типичные коллективные представления.

Составляющие дихотомической пары «русский патриот – русский националист» не интерпретируются как полярные по смыслу категории. По мнению членов русских групп Интернета и участников опроса, они по содержанию частично пересекаются или совпадают. Эта тенденция сильнее проявляется в виртуальном пространстве, где слабее влияние эффекта социальной желательности и нормативности.

Активное преодоление стигматизации национализма в сообществах виртуального пространства русской этничности осуществляется за счет формирования новых дихотомических связей. В частности, «правильный» русский национализм, служащий групповому сплочению, противопоставляется участниками националистических интернет-групп идеологиям фашизма и нацизма.

Смысловая связка «русский патриот – русское отечество (Россия)» по направленности и содержанию, как в нереактивном, так и в классическом исследовании, сходна. Речь идет о любви к Родине, национальной гордости и готовности поддержать соотечественников (братские народы). При этом чувства по отношению к Родине проявляются сильнее, чем готовность к действиям и сами действия во благо России. Родина для подавляющего числа участников как групп Интернета, так и опроса – это великая держава с соответствующими ее статусу атрибутами, а также пространство, освоенное народом. Характеристики, связанные с экономикой, культурой и религией, присутствуют в обоих случаях в минимальном количестве.

Национальную гордость вызывают события, почти исключительно связанные с победами России над врагами, что соответствует восприятию страны как великой державы. В определенной мере это объясняется содержанием школьных учебников по истории, а также идеологическим воздействием государственных СМИ. Однако обнаруженная тенденция по объему и устойчивости превышает институциональное влияние и является следствием самостоятельного выбора. Можно предположить, что этот выбор в известной мере обусловлен расширяющейся геополитической дистанцией по линии «Россия – Запад» и выполняет для национального самосознания охранительную функцию.

Негативная трактовка понятий «патриот», «гражданин» и «Россия» свойственна примерно десятой части участников опроса, которые воспринимают патриотизм как верность власти и оправдание любой ее деятельности. Для этого контингента «внутренних эмигрантов» гражданство – не более чем наличие российского паспорта, а Россия – страна проживания. Примечательно, что ни один из членов этой подгруппы участников опроса не назвал Россию родиной, отчизной, идентифицируя ее исключительно с властью или отдельными ее представителями («путинская Россия», «вотчина едро» и т.п.). Напротив, в нереактивном исследовании тождество понятий «Россия» и «Родина» отмечено даже у представителей леворадикального крыла националистических групп.

Субъектные характеристики (пол, возраст), судя по корреляционным плеядам и коэффициенту сопряженности, влияют на содержание ответов минимально. На наш взгляд, это связано со спецификой выборки опроса и составу участников русских групп Интернета. Понятно, желание ответить на довольно объемную анкету возникает лишь у лиц с устойчивой и актуализированной в сознании этнической и национальной идентичностью. Аналогично можно объяснить желание включиться в состав национальной группы в Интернете. Как показывают наши исследования [Сикевич, 2012], национальное самосознание относится к феноменам, которые обладают целостной природой и слабо структурированы по факторной обусловленности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Воробьев В.П., Еремина Е.В., Неделько С.И. Символы российской государственности в сознании студенческой молодежи // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 117–127. DOI: 10.31857/S013216250000767-6.

Кузнецов И.М. Вариативность дискурсов патриотизма в повседневном сознании россиян // Власть. 2016. Т. 24. № 7. С. 164–171.

Лубский А.В. Гражданский патриотизм: о совместимости патриотизма и гражданственности в российском обществе // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 23. № 1. С. 42–59.

Мадинье Г. Сознание и любовь: Очерк понятия «мы». М.: ИНИОН, 1995.

Мартынов М.Ю. Заметки о понятиях «патриотизм» и «национализм» // Социологические исследования. 2009. № 11. С. 138–141.

Романовская В.Б., Сальников В.П. Поиск национальной идеи в многополярном мире // Правовое поле современной экономики. 2015. № 7. С. 44–50.

Сикевич З.В. Этнические парадоксы и культурные конфликты в российском обществе. СПб.: СПбГУ, 2012.

Сикевич З.В., Крокинская О.К., Поссель Ю.А. Социальное бессознательное. СПб.: Питер, 2005.

Сикевич З.В., Федорова А.А. К проблеме соотношения реальной и виртуальной этничности // Социодинамика. 2018. № 8. С. 43–49. DOI: 10.25136/2409-7144.2018.8.27142.

Федорова А.А. Сетевые репрезентации этнонациональных групп в виртуальном пространстве русской этничности: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06. СПб.: Фалкон Принт, 2019.

Халий И.А. Патриотизм в России: опыт типологизации // Социологические исследования. 2017. № 2. С. 67–74.

Шматько О.Н., Кравченко И.Н., Туфанов Е.В. Актуальные вопросы патриотического воспитания в студенческой среде // Вестник АПК Ставрополья. 2016. № 3(23). С. 149–151.

Lee R. Unobtrusive Methods in Social Research. Buckingham: Open University Press, 2000.

Pink S., Horst H., Postill J. Digital Ethnography: Principles and Practices. Los Angeles: Sage Publications Limited, 2016.

Saunders R. Ethnopolitics in Cyberspace: The Internet, Minority Nationalism, and the Web of Identity. Lanham, MD: Lexington Books, 2011.

Sekerdej M., Roccas S. Love versus Loving Criticism: Disentangling Conventional and Constructive Patriotism // British Journal of Social Psychology. 2016. Vol. 55. No. 3: 499–521. DOI: 10.1111/bjso.12142.

Webb E., Campbell D., Schwartz R. Unobtrusive Measures: Nonreactive Research in the Social Sciences. Chicago, IL: Rand McNally, 1966.

Статья поступила: 15.02.21. Принята к публикации: 20.05.21.

BOUNDARIES OF RUSSIAN PATRIOTISM (CASE OF NON-REACTIVE CLASSIC RESEARCH)

SIKEVICH Z.V.*, FEDOROVA A.A.**

**St. Petersburg State University, Russia; **S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the RAS – St. Petersburg Branch, Russia*

Zinaida V. SIKEVICH, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., St. Petersburg State University (sikevich@mail.ru); *Anna A. FEDOROVA, Cand. Sci. (Sociol.), Junior Researcher, Department of the History of Evolutionary Theory and Ecology, S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the RAS – St. Petersburg Branch* (an-f@list.ru). *Both – St. Petersburg, Russia.*

Acknowledgements. This article was prepared with the financial support of RFBR, project No. 19-011-00219.

Abstract. The article addresses patriotism in connection with manifestations of the Internet users' Russian identity. To obtain consistent results related to Russian patriotism as a combination of collective and individual views, we used two opposite approaches for gaining quantitative and qualitative data. A virtual study examines 10 national and nationalist Russian communities based on the VKontakte network with a total number of participants about 1.07 million people. The research reveals unifying elements of collective ideas that demarcate group identity in Russian communities due to the conventional rapprochement between the terms "nationalism" and "patriotism". The empirical facts of non-reactive research and classical survey were fully comparable to typical collective representations.

The survey (600 Internet users) revealed an internally contradictory interpretation between categories "patriotism" and "nationalism", as well as their full or partial synonymity, also present in Russian Internet communities. It is argued that Russia is predominantly associated to great-power attributions and minimal orientation to cultural or economic values. Negative interpretation of patriotism and citizenship is caused by the perception of these categories as an expression of "loyalty" to the government, and not to the Fatherland. The study revealed a weak gender-and-age correlation of collective ideas, which indirectly indicates the patriotism is included into the content core of the Russian Internet users' national identity. The authors' methodology for studying the phenomena of patriotism, nationalism and citizenship, based on the content analysis of verbal constructs, has been tested.

Keywords: patriotism, nationalism, ethnic identity, civic identity, non-reactive strategy, virtual space, social desirability effect, we-concept, geopolitical distance.

REFERENCES

Fedorova A.A. (2019) *Ethnic and National Groups Representations in the Network Space of Russian Ethnicity*. Cand. Sci. (Sociol.) Dissertation. St. Petersburg: Falcon Print.

Khali I.A. (2017) Patriotism in the Russian: Typology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 67–74. (In Russ.)

Kuznetsov I.M. (2016). Variability of Patriotism Discourses in Everyday Consciousness of Russians. *Vlast'* [The Authority]. No. 7: 164–171. (In Russ.)

Lee R. (2000) *Unobtrusive Methods in Social Research.* Buckingham: Open University Press.

Lubsky A.V. (2017) Civil Patriotism: About the Compatibility of Patriotism and Civic Consciousness in Russian Society. *Gumanitarii Yuga Rossii* [Humanities of the South of Russia]. Vol. 23. No. 1: 42–59. (In Russ.)

Madinier G. (1995) *Consciousness and Love: An Essay about "We"*. Moscow: INION. (In Russ.)

Martynov M.Yu. (2009) Notes on the Concepts of "Patriotism" and "Nationalism". *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 138–141. (In Russ.)

Pink S., Horst H., Postill J. (2016) *Digital Ethnography: Principles and Practices*. Los Angeles: Sage Publications Limited.

Romanovskaya V.B., Salnikov V.P. (2015) A Search of the National Idea in a Multipolar World. *Pravovoe pole sovremennoy ekonomiki* [The Legal Framework the Modern Economics]. No. 7: 44–50. (In Russ.)

Saunders R. (2011) *Ethnopolitics in Cyberspace: The Internet, Minority Nationalism, and the Web of Identity*. Lanham, MD: Lexington Books.

Sekerdej M., Roccas S. (2016) Love versus Loving Criticism: Disentangling Conventional and Constructive Patriotism. *British Journal of Social Psychology.* Vol. 55. No. 3: 499–521. DOI: 10.1111/bjso.12142.

Shmatko O.N., Kravchenko I.N., Tufanov E.V. (2016) Topical Issues of Patriotic Education in Student's Environment. *Vestnik APK Stavropolya* [Agricultural Bulletin of Stavropol Region]. No. 3(23): 149–151. (In Russ.)

Sikevich Z.V. (2012) *Ethnic Paradoxes and Cultural Conflicts in Russian Society.* St. Petersburg: SPbGU. (In Russ.)

Sikevich Z.V., Fedorova A.A. (2018) To the Problem of Correlation between Real and Virtual Ethnicity. *Sotsiodynamika* [Sociodynamics]. No. 8: 43–49. DOI: 10.25136/2409-7144.2018.8.27142. (In Russ.)

Sikevich Z.V., Kravinsky D.C., Possel Y.A. (2005) The Social Unconscious. St. Petersburg: Piter. (In Russ.)

Vorob'ev V., Eremina E., Nedel'ko S. (2018) Symbols of the Russian State in Consciousness of the Student Youth. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 117–127. DOI: 10.31857/S013216250000767-6. (In Russ.)

Webb E., Campbell D., Schwartz R. (1966) *Unobtrusive Measures: Nonreactive Research in the Social Sciences.* Chicago, IL: Rand McNally.

Received: 15.02.21. Accepted: 20.05.21.

От редакции. *В статье известного американского журналиста дан конспективный обзор оценок и теоретических концептов, предложенных для понимания современной социально-политической ситуации на Западе умершим несколько лет назад Шелдоном Волиным (1922–2015), которого считают одним из самых значительных политических мыслителей США. Этот профессор ряда ведущих американских университетов известен, в частности, как автор концепции «перевернутого (инвертированного) тоталитаризма». В данной концепции, соединяющей идеи марксизма и классического либерализма, утверждается, что в современных США за фасадом демократии на самом деле установлен тоталитарный режим нового типа, подменяющий демократию участия «корпоративной властью». Знакомство с изложением этой концепции, критикующей современный западный неолиберализм, представляет интерес для российских специалистов по политической социологии, стимулируя поиск нетривиальных оценок акторов и закономерностей современной политической жизни.*

© 2021 г.

К. ХЕДЖЕС

ШЕЛДОН ВОЛИН И ПЕРЕВЕРНУТЫЙ ТОТАЛИТАРИЗМ

ХЕДЖЕС Крис (Chris Hedges) – американский журналист, лауреат Пулитцеровской премии.

Ключевые слова: *политическая социология • демократия • капитализм • тоталитаризм • западное общество • демократия участия*

DOI: 10.31857/S013216250014472-2

Шелдон Волин, самый значимый современный политический теоретик США, скончался 21 октября 2015 г. в возрасте 93 лет. В своих книгах «Политика и видение» («Politics and Vision», 1960) и «Демократия Инкорпорейтед: управляемая демократия и призрак перевернутого тоталитаризма» («Democracy Incorporated: Managed Democracy and the Specter of Inverted Totalitarianism», 2008) он не только дал подробный разбор западной политической мысли, но и обнажил реальности нашей обанкротившейся демократии, причины упадка американской империи и подъема новой ужасающей конфигурации корпоративной власти, названной им «inverted (перевернутый, превращенный) totalitarianism».

Венди Браун, профессор политической науки в Калифорнийском университете Беркли и бывший ученик Ш. Волина, писал мне: «Сопротивляясь монополиям с помощью левой теории марксизма и демократической теории либерализма, Волин разработал собственную, даже собственно американскую аналитику политического настоящего и радикальных демократических возможностей. Особо он был дальновидным в теоретизировании складывания давящего статизма (statism), сегодня мы называем это неолиберализмом,

---

Перевод выполнен по источнику: *Hedges C.* Sheldon Wolin and Inverted Totalitarianism // TruthDig. 2 November 2015. URL: https://www.truthdig.com/articles/sheldon-wolin-and-inverted-totalitarianism (дата обращения: 13.02.2021).

и в раскрытии нового слияния экономической власти с политической, что он считал подрывом демократии на корню».

В течение всей своей жизни в науке Ш. Волин отслеживал деволюцию (свёртывание) демократии, а в последней книге «Демократия Инкорпорейтед» он в деталях описал нашу специфическую форму корпоративного тоталитаризма. «Невозможно найти ни одного института нашей страны, к которому точно подходил бы термин "демократический",– пишет он в этой книге,– и уж точно не эти полностью управляемые, насыщенные деньгами выборы, зараженный лоббизмом Конгресс, имперское президентство, классово предвзятая система права и наказания или – менее всего – СМИ».

Перевернутый тоталитаризм отличается от классических форм тоталитаризма. Он находит выражение не в правителе-демагоге или в харизматическом лидере, а в безликой анонимности корпоративного государства. Наш перевернутый тоталитаризм внешне демонстрирует верность фасаду – выборам, Конституции, гражданским правам, свободе печати, независимому суду, иконографии, традициям и языку американского патриотизма. Однако практически он захватил все механизмы власти, чтобы обессилить гражданина.

В отличие от нацистов, сделавших жизнь богатых и привилегированных неуверенной, в то же время предоставляя рабочему классу и бедным социальные программы, перевернутый тоталитаризм использует бедных, сокращая и урезая медицинские программы и социальные услуги, командуя массовым образованием для нестабильной рабочей силы, запугиваемой импортом низкооплачиваемых работников, пишет Волин. Занятость в высокотехнологичной, неустойчивой и глобализованной экономике обычно столь же прекарна, как и при стародавних депрессиях. В результате граждане (или то, что от них остается) существуют и действуют в среде непрерывного состояния беспокойства. Гоббс был прав: когда граждане лишены уверенности и в то же время на них давят конкуренты, они хотят скорее политической стабильности, нежели гражданской активности, скорее защиты, чем политического участия.

Перевернутый тоталитаризм, говорил Волин мне при встрече у него дома в 2014 г. в Салеме (штат Орегон), где я сделал почти трехчасовое интервью с ним, постоянно «проецирует власть вверх». Он – «антитеза конституционной власти». «Он придуман для создания нестабильности, чтобы граждане всегда были неуверенными и пассивными». Волин пишет, что «сокращения, реорганизации, лопающиеся пузыри, разоренные профсоюзы, быстро устаревающие навыки, перенос за границу рабочих мест создают не просто страх, а экономику страха, систему контроля, власть которого питается неуверенностью, но систему, которая, согласно её аналитикам, совершенно рациональна». Перевернутый тоталитаризм также, говорил тогда мне Волин, «все время увековечивает политику, но политику, которая лишена политики». Бесконечные и экстравагантные выборные циклы, говорил он, – это пример политики без политики. «Вместо участия во власти, – писал Ш. Волин, – виртуальный гражданин лишь приглашается иметь "мнения", измеряемые ответы на вопросы, заведомо выстроенные так, чтобы их вызвать».

Политические кампании редко затрагивают сущностные проблемы. Они сосредоточены на «изготовленных» политических личностях, пустой риторике, запутанных отношениях в обществе, хитрой рекламе, пропаганде, постоянном использовании фокус-групп и опросов общественного мнения, чтобы сказать избирателям то, что те хотят слышать. Деньги эффективно заменили голосование. Каждый нынешний кандидат, включая Берни Сандерса, понимает, используя слова Волина, что «предмет империи – табу в предвыборных дебатах». Гражданин иррелевантен: он/она – не более чем наблюдатель, которому позволяют голосовать, а затем его забывают, как только электоральный карнавал окончен, а корпорации и их лоббисты вернулись к делам управления и власти. «Если главная цель выборов – служить податливым законодателям для формирования лоббистов, такая система достойна зваться *непредставительным или клиентским правительством*, – писал Волин.– Это одновременно и мощный добавочный фактор деполитизации граждан страны, и аргумент для характеристики такой системы как антидемократии».

В результате, писал он, публика «лишена доступа к государственной власти». Волин оплакивает тривиализацию политического дискурса – тактику, используемую для сохранения раскола публики, антагонизма и эмоциональных выпадов, в то время как власть корпораций остается непоколебимой. «Культурные войны,– писал он,– могут казаться признаком сильной политической вовлеченности. Но фактически это подмена. Шумиха, которую им придают СМИ и политики, жадные на выражение жесткой позиции по малосущественным вопросам, служит отвлечению внимания и вносит вклад в рутинную политику обсуждения несущественного». «Сейчас правящие группы могут действовать, полагая, что они не нуждаются в традиционном представлении о чем-то, именуемом публикой в широком смысле единого целого,– говорил он при нашей встрече.– Сейчас у них есть инструменты для работы с теми самыми неравенствами и различиями, созданию которых они сами содействовали. Это игра, в которой ты можешь подорвать сплоченность, необходимую публике, если она – публика – захочет быть политически эффективной. В то же время ты создаешь эти разные, отличные одна от другой группы, которые неизбежно оказываются в состоянии напряженности, соперничества, стычек с другими группами, так что всё это становится похожим больше на рукопашную, чем на способ формирования того или иного большинства».

В классических тоталитарных режимах (таких как нацистский фашизм и советский коммунизм) экономика была подчинена политике. Но «в перевернутом тоталитаризме справедливо обратное,– писал Волин.– Экономика господствует над политикой – и с этим господством приходят новые формы жестокости». Далее он указывал, что «Соединенные Штаты стали образцом того, как можно управлять демократией без видимого подавления». Корпоративное государство, говорил мне Волин, легитимируется выборами, которые оно контролирует. Чтобы искоренить демократию, оно искажает и переписывает законы и правила, которые когда-то защищали демократию. Базовые права в сущности отменены правовыми и законодательными указами. Суды и законодательные органы, служа корпоративной власти, интерпретируют законы, лишая их исходного смысла, чтобы усилить контроль корпораций и устранить надзор над ними.

Волин писал: «Зачем отвергать Конституцию, как сделали нацисты, если можно одновременно использовать пустоты легитимной власти путем юридических интерпретаций, которые объявляют огромные взносы в выборы защитой права свободы слова в Первой поправке или считают обильно финансируемое и организованное крупными корпорациями лоббирование просто реализацией права человека подавать петиции своему правительству?».

«Наша система перевернутого тоталитаризма избегает жестких и насильственных мер контроля, – говорил он мне. – Пока… диссидентство остается неэффективным, правительству не надо искоренять его. Однообразие навязанного общественного мнения с помощью корпоративных СМИ очень эффективно срабатывает». А элиты, особенно интеллектуальный класс, подкуплены. «Путем сочетания правительственных контрактов, денег корпораций и фондов, совместными проектами университетов, корпоративных исследователей, богатых индивидуальных доноров университеты (особенно т.н. “исследовательские университеты”), интеллектуалы, ученые и исследователи аккуратно интегрированы в систему, – писал Волин. – Книг не жгут, эйнштейны не эмигрируют».

Но, предупреждает он, если население – постоянно лишаемое самых основных прав, включая право на частную жизнь, стабильно беднеющее и лишенное надежды – становится неспокойным, то перевернутый тоталитаризм будет столь же жестоким и насильственным, как и тоталитарные государства прошлого. «Война с терроризмом и сопутствующие ей акценты на “внутреннюю безопасность” предполагают, что государственная власть, к тому же подкрепленная доктринами упреждающей войны, освобожденная от договорных обязательств и потенциальных сдержек международных правовых органов, может быть повернута внутрь, – писал он, – в уверенности, что во внутреннем преследовании террористов сила, о которой она говорит, подобная силе, проецируемой на

заграницу, должна измеряться не обычными стандартами конституции, но теневым и вездесущим характером терроризма, как он определяется официально».

Неразборчивое использование полицией насилия в бедных общностях – пример способности корпоративного государства «законно» преследовать и безнаказанно убивать граждан. Более жесткие формы контроля – от военизированной полиции до всеобъемлющего наблюдения, а также исполнение полицией роли судей, присяжных и исполнителей (ныне реальность андеркласса) – станут реальностью для нас всех, если мы не начнем сопротивляться дальнейшему переносу власти и богатства наверх. Нас терпят как граждан, предупреждает Волин, только пока мы участвуем в создании иллюзии партиципаторной демократии[1]. В тот момент, когда мы взбунтуемся и откажемся участвовать в иллюзии, облик перевернутого тоталитаризма станет выглядеть так же, как и лицо тоталитаризма в прошлом.

«Смысл афроамериканского населения тюрем – политический, – писал Ш. Волин. – В афроамериканском населении в целом примечательно именно то, что оно высоко развито политически и является единственной группой, которая на протяжении XX в. сохранила дух сопротивления и бунтарства. В этом контексте уголовная юстиция выступает как стратегией политической нейтрализации, так и каналом инстинктивного расизма».

В своих трудах Волин с негодованием писал о населении, отрезанном от печатного слова и нюансированного мира идей. Для него кино, как и телевидение, – «тирания» из-за способности блокировать, убирать все, что может вызвать классификацию, расхождения, диалог. Он был против того, что называл «одноцветным СМИ» с утвержденными корпорациями мудрецами, используемыми для «идентификации нужной проблемы и ее параметров, создающими ящик, из которого несогласные напрасно пытаются ускользнуть. Критик, настаивающий на изменении контекста, отвергается как иррелевантный экстремист, "левый" – или вообще игнорируется». Непрерывное распространение иллюзий содействует господству мифа, а не реальности в решениях властвующих элит. А когда миф доминирует, на империю опускается катастрофа, что иллюстрируют 14 лет напрасной войны на Ближнем Востоке и провал реакции США на изменение климата. Волин писал: «Когда миф начинает править принимающими решения в мире, где есть множество неясных и упрямых фактов, то результат – разрыв между акторами и реальностью. Они убеждают себя, что силы тьмы обладают оружием массового разрушения и ядерными возможностями; что их собственная нация – привилегированна от бога, вдохновившим отцов-основателей на написание конституции нашей нации; и что классовая структура страны великих и неустранимых неравенств не содержит».

Волин во время Второй мировой войны служил штурманом тяжелого бомбардировщика Б-24 «Либерейтор» в южной части Тихого океана, на его счету – 51 боевой вылет. От Гвадалканала он наступал с американскими войсками на островах Тихого океана. Во время этой кампании высшее военное командование решило нацеливать бомбардировщики Б-24, – огромные, трудноуправляемые, к тому же маломаневренные, – на японские боевые корабли. Эта тактика привела к огромным потерям самолетов и жизней летчиков. Использование Б-24 (прозванных «летающими товарными вагонами» и «летающими гробами») для атак на боевые корабли, напичканные зенитными орудиями, раскрыли Волину бессердечие военного командования, бездумно жертвовавшего летчиками и самолетами ради планов, дающих мало шансов на успех. «Это было ужасно, – говорил он о приказах бомбить корабли.– Мы несли ужасные потери; большие, неуклюжие самолеты, особенно низколетящие, при попытке бомбить японские корабли теряли несчетное количество людей, несчетное». «Было много и психологических потерь… ребята, парни, просто не могли больше этого выносить,– говорил он,– просто не выдерживали напряжения: подъем в 5 утра, в самолет и вперед, под огонь, потом назад и день отдыха».

---

[1] Речь идет о демократии участия («*participate*» – принимать участие), когда граждане не только голосуют на выборах своих представителей, но и непосредственно участвуют в политических процессах. – *Прим. перевод.*

Волин видел, как военные и представители корпораций сформировали дьявольскую коалицию, дирижировавшую созданием глобальной американской империи после войны, – силы, уничтожившие американскую демократию. Он называл перевернутый тоталитаризм «истинным лицом сверхдержавы». Нажившиеся на войне военные, адвокаты тотальной войны времен холодной войны, обескровили страну, её ресурсы. Они работали в тандеме при демонтаже массовых институций и организаций (таких как профсоюзы), чтобы политически лишить рабочих власти, нейтрализовать их. Они «нормализовали» войну. Волин предупреждал, что, как и во всех империях, они в итоге будут «выпотрошены своим собственным экспансионизмом». Возврата к демократии никогда не будет, предупреждал он, пока неконтролируемая власть военных и корпораций не будет существенно урезана. Государство войны не может быть демократическим государством.

Волин писал: «Оборона страны объявлена неотделимой от мощной экономики. Концентрация на мобилизации и перевооружении привела к постепенному исчезновению из политической повестки дня страны регулирования и контроля корпораций. Защитник свободного мира нуждался в силе глобально расширяющейся корпорации, а не в экономике, сдерживаемой "крахом доверия". Более того, поскольку враг был яростным антикапиталистом, каждый шаг, укреплявший капитализм, был ударом по врагу. Как только провели линию между коммунизмом и "свободным обществом", экономика стала неприкосновенной для целей иных, нежели "укрепление" капитализма. Капитализм и демократия сливаются окончательно. Поскольку идентичность и безопасность демократии успешно идентифицированы с холодной войной и методами её ведения, была готова сцена для сдерживания любой политики слева или справа».

Результат – страна, почти исключительно нацеленная на ведение войны. «Когда ограниченное конституцией правительство использует оружие ужасающей разрушительной силы, субсидирует его создание и становится самым крупным торговцем оружия в мире,– писал Волин, – Конституция обязана служить придатком властной силы, а не её совестью». И продолжал: «Непоколебимая поддержка патриотами-гражданами военных и их огромного бюджета означает, что консерваторы успешно убедили публику в том, что военные – это не правительство. Тем самым наиболее существенный элемент государственной власти удален из публичных дебатов. Аналогично в своем новом статусе имперского гражданина такой уверовавший остается критиком бюрократии, но без колебаний повинуется директивам Министерства внутренней безопасности США, самой крупной и наиболее интрузивной правительственной структуры в истории страны. Идентификация с милитаризмом и патриотизмом, наряду с образами американской мощи, распространяемыми СМИ, служит тому, что индивид-гражданин чувствует себя сильнее, компенсируя тем самым чувство слабости, налагаемое экономикой на перегруженную, опустошенную и неуверенную в завтрашнем дне рабочую силу. Для своей антиполитики перевернутый тоталитаризм требует верующих патриотов, не-членов профсоюзов».

Шелдона Волина часто считали изгоем среди современных политических теоретиков, концентрация которых на количественном анализе и бихевиоризме помогала им уходить от выработки общих теорий и идей политики. Волин настаивал, что философия, даже труды древних греков, – не мертвые реликвии, а живые орудия проверки и пересмотра посылок и идеологий современных систем власти и политической мысли. Политическая теория, настаивал он, – это «прежде всего гражданская и во вторую очередь академическая активность». У неё роль «не просто исторической дисциплины, занятой критической проверкой систем идей, – говорил он мне, – но роль силы, помогающей формировать публичную политику и указания правительства, а прежде всего – образование граждан, чтобы продвигать… цели более демократичного, более эгалитарного, более просвещенного общества». Его эссе 1969 г. «Политическая теория как призвание» утверждает этот императив и критикует коллег-ученых, сосредоточенных на сборе данных и научных тонкостях. Он писал с присущей ему четкостью и литературной элегантностью в этом эссе: «В фундаментальном смысле наш мир стал – как никогда ранее – продуктом конструирования,

продуктом теорий о намеренно созданных человеческих структурах, а не исторически явленных. Но в другом смысле воплощение теории в мире привело нас в мир, недоступный теории. Эти гигантские рутинные структуры отрицают изменение и в то же время демонстрируют непререкаемую легитимность, так как рациональные, научные и технологические принципы, на которых они основаны, подаются как полностью гармоничные веку науки, рационализма и техники».

Широко известная книга Волина «Политика и видение» (Politics and Vision), имевшая подзаголовок «Преемственность и новации в западной политической мысли», опиралась на огромный корпус трудов теоретиков и философов политики (включая Платона, Аристотеля, Иммануила Канта, Джона Локка, Мартина Лютера, Томаса Гоббса, Фридриха Ницше, Карла Маркса, Макса Вебера, Джона Дьюи и Ханну Арендт), дав возможность осмысливать нашу политическую и культурную реальность. Его задача, так он завершал книгу, «в эпоху сверхдержав… взрастить гражданское сознание общества». Этот императив – наращивать и защищать демократические традиции от современных сил, пытающихся разрушить их, – пронизывает все его труды, включая книги «Гоббс и эпическая традиция политической теории» (1970) и «Токвиль между двумя мирами: становление жизни одного политика и теоретика» (2001).

Масштаб Волина как ученого сравним с его масштабом как человека. Он со студентами Калифорнийского университета Беркли, где преподавал, поддержал «Движение за свободу слова»[2], писал страстные тексты в его защиту. Многие его эссе опубликованы в книге «Бунт в Беркли и не только: Эссе о политике и образовании в технологическом обществе» (1970). Позднее, как профессор Принстонского университета, он один из немногих преподавателей присоединился к выступлениям студентов против апартеида в ЮАР. Однажды он со студентами представлял петицию выпускникам Принстона. «Меня никогда не встречали так грубо, – вспоминал он. – Некоторые называли меня 50-летним второкурсником и т.п.».

В 1981–1983 г. Волин публикует журнал «Демократия: журнал политического обновления и радикальных перемен». На его страницах он и другие авторы бросили вызов мошенничеству неолибералов, имперской угрозе, росту безудержной власти корпораций, эрозии демократических институтов и идеалов. Журнал быстро сделал его парией департамента политической теории Принстона. «Помню, как-то, когда я издавал журнал, я оставил экземпляр его на столе в кабинете нашего департамента, надеясь, что кто-нибудь прочтет, отзовется, – говорил он. – Я не услышал ни слова. Все время, пока я там работал, читал лекции о демократии, ни разу ко мне не подошел ни один из коллег, сказать что-то позитивное или негативное. Просто абсолютное молчание».

Макс Вебер (для Волина – «величайший из социологов») утверждал в работе «Политика как призвание и профессия», что люди, отдающие жизнь стремлению к справедливости на современной политической арене, похожи на античных героев, которые никогда не могут преодолеть то, что древние греки называли *fortuna* (судьбой). Эти герои, писал Ш. Волин в книге «Политика и видение», тем не менее, возвышаются «до моральной страсти и величия, движимые глубоким чувством ответственности». Но, продолжал Волин, «в глубине [современный герой] – столь же пустая и патетичная фигура, как и его копия классических времен. Судьба классического героя – в том, что он не в состоянии превзойти ограничения, фортуну. У современного героя своя ирония – он сражается в мире, где ограничения управляются бюрократическими процедурами, не оставляя герою ничего, чему он мог бы противостоять. Политический лидер Вебера сделан ненужным тем самым миром бюрократии, который открыт Вебером: даже харизма бюрократизирована. Мы остались с неоднозначным политическим человеком, обжигаемым глубокой страстью – «быть страстным, *ira et studium*, это … главный элемент политического лидера» – но

[2] Free Speech Movement – леворадикальное протестное студенческое движение в Калифорнийском университете в Беркли в 1964–1965 гг., ставшее одним из предшественников «молодежной революции» 1968 г. – *Прим. перевод.*

упираясь в безликий мир бюрократии, которая живет по принципу бесстрастности, часто цитируемому Вебером (*sine ira et studio* – без гнева и пристрастности)».

Волин пишет, что даже при поражении мы все призваны быть «страшно ответственными» в борьбе за справедливость, равенство и свободу. «Вы не выигрываете,– говорил Волин в конце нашего разговора,– или выигрываете редко. А если выигрываете, то часто на очень короткое время. Вот почему политика – это призвание и профессия для Вебера. Это – не проходное предприятие для нас на каждые два или каждые четыре года, когда наступают выборы. Это – постоянные занятие и забота. И проблема, как её видел Вебер, была в том, чтобы понимать политику не как разновидность образования по поводу определенного рода политиков или политической партии, но как широкое понимание того, какой должна быть политическая жизнь и что нужно, чтобы сделать её устойчивой. Он призывал к определенному виду понимания, очень отличному от того, как думаем мы, связывая понимание политики с голосованием, поддержкой определенной партии, отстаиваемым делом. Вебер просит нас сделать шаг назад и сказать, за какой политический строй, за какие отстаиваемые ценности, связанные с ним, мы готовы сделать выбор, включая жертвы».

Волин воплотил качества, приписываемые Вебером герою. Он боролся с силами, которые, он знал, ему не одолеть. Он никогда не колебался в борьбе как интеллектуал и, что важнее, в борьбе как гражданин. Он одним из первых объяснял нам превращение нашей капиталистической демократии в новый вид тоталитаризма. Он предупреждал о последствиях необузданной империи, сверхдержавы. Он призывал нас встать и сопротивляться. Его «Демократия Инкорпорейтед» проигнорирована всеми крупными газетами и журналами страны. Его это не удивило. Он знал свою силу. Знали и его враги. Все его опасения за страну реализовались: нами правит корпоративный монстр. В итоге скажут, что Волин проиграл. Но нельзя не признать честность, яркость, смелость и благородство его жизни.

Перевод Н.В. РОМАНОВСКОГО

РОМАНОВСКИЙ Николай Валентинович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (romanival@yandex.ru).

SHELDON WOLIN AND INVERTED TOTALITARIANISM

HEDGES C.

Chris HEDGES – American Pulitzer Prize-winning journalist

Abstract. *The article by a well-known American journalist offers a brief overview of the assessments and theoretical concepts proposed for understanding current socio-political situation in the West by Sheldon Volin (1922–2015), who considered a most significant political thinker in the United States. As professor of a number of leading American universities, in particular, he authored the concept of "inverted totalitarianism". In this concept, which combines the ideas of Marxism with classical liberalism, it is argued that in the modern United States, behind the facade of democracy, a new type of totalitarian regime is actually established, replacing the democracy of participation with "corporate power". Familiarity with the presentation of this concept, which criticizes modern Western neoliberalism, is of interest to Russian specialists in political sociology, stimulating the search for non-trivial assessments of actors and patterns of modern political life.*

Keywords: *political sociology, democracy, capitalism, totalitarianism, Western society, participatory democracy.*

Translate by N.V. ROMANOVSKY

Nikolay V. ROMANOVSKY, Dr. Sci. (Histor.), Chief Researcher of the Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (romanival@yandex.ru).

© 2021 г.

КАК ДЕЙСТВУЮТ МЕХАНИЗМЫ САМОРЕГУЛЯЦИИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ МОЛОДЕЖИ?

Роль саморегуляции молодежи и выстраивание жизнедеятельности в настоящее время все больше влияют на те позиции, которые она занимает в обществе. Эту тему изучает много лет группа исследователей под руководством Ю.А. Зубок и В.И. Чупрова. На круглом столе «Саморегуляция жизнедеятельности молодежи в культурном пространстве: методология и практики», состоявшемся в ИСПИ ФНИСЦ РАН 16 февраля 2021 г., были представлены результаты оригинального с точки зрения методологии анализа исследования[1]. Академические и вузовские исследователи, специалисты по работе с молодежью (90 чел.) обсудили вопрос о том, как действуют механизмы саморегуляции молодежи.

Открывая заседание, **Ю.А. Зубок** (ИСПИ ФНИСЦ РАН) подчеркнула, что жизненный выбор молодежи в настоящий момент все больше приобретает не целенаправленный, а случайный характер. Особое значение в процессе реализации субъектности играют саморегуляция и самоорганизация, при этом не только для обретения устойчивого социального положения, но и для подтверждения самостоятельности и независимости, что находит выражение в конструировании молодыми людьми жизненных стратегий. То, как молодые выстраивают свою жизнь, какие смыслы вкладывают в это, формирует определенную матрицу сознания и определяет жизненные выборы молодежи. По мнению Ю.А. Зубок, решение обозначенных проблем имеет междисциплинарный характер, поэтому методологически в их исследовании использованы подходы ученых разных дисциплинарных полей. Именно междисциплинарный диалог способствует содержательному прорыву в изучении молодежи.

В.И. Чупров (ИСПИ ФНИСЦ РАН) посвятил свой доклад методологическим вопросам изучения жизнедеятельности молодежи, подчеркнув интегральный характер концепции исследования. Он представил оригинальный подход, в котором используются концептуальные положения теории О. Шпенглера, концепции «вызовов и ответов» А. Тойнби, идеи М. Вебера, П. Сорокина и Дж. Александера для разработки собственной типологии культурного пространства молодежи. Докладчик подчеркнул, что деятельность, направленная на других, анализируется через отношение с другими (познание «Я» через природу «Мы») и связана с мотивацией, которая выступает в качестве смыслового единства. Рассматривая особенности саморегуляции современной молодежи, он отметил значимость конструирования собственной социальной реальности с множеством жизненных миров. Проблема в том, как изучить эту множественность? Как объединить уникальные представления человека об этой реальности? Здесь исследователи обратились к концепции П. Бергмана и Н. Лукмана, а также к теории фреймов. Таким образом, он обосновал роль культуры в жизнедеятельности индивидов и групп, подчеркнул особенности ее проявления у современной молодежи, а также описал механизм ее саморегуляции как обоснованной внутренней взаимосвязи объективных и субъективных факторов, где основой

Обзор подготовлен в рамках проекта РФФИ, проект № 19-29-07559.

[1] См. об исследовании: *Зубок Ю.А., Чупров В.И.* Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности: моногр. М.: Норма, 2020. 304 с.

является процесс смыслообразования, а доверие выступает главным критерием. Особо остановился докладчик на формировании культурного пространства молодежи, отметив разноплановость – у каждой группы свое пространство, гибридизацию культуры. В условиях усиливающейся неопределенности В.И. Чупров акцентировал внимание на важности проблемы выбора жизненных стратегий, способы и формы их реализации. Анализ ценностей молодежи, основанный на ряде исследований, позволил выделить некоторые архетипы и девять субкультур молодежи, смысловую основу которых составили не эти образования, а метаструктура смыслов. Обосновано, что такой многослойный анализ возможен только при моделировании.

Эту тему продолжил **А.И. Любутов** (ИСПИ ФНИСЦ РАН), изложив принципы моделирования процесса саморегуляции жизнедеятельности молодежи на основе структурно-таксономического метода, его особенности и возможности применения. Этот общенаучный способ описания отношений и систематизации сложных смысловых полей объекта имеет ограничения, о которых докладчик также упомянул. Применение этого метода анализа при изучении многомерных социальных феноменов оригинально и обладает эвристическим потенциалом.

Ю.А. Зубок в своем выступлении сконцентрировалась на особенностях проявления механизма социокультурной саморегуляции молодежи. На примере смысловых полей социальной активности продемонстрированы габитусы активной и пассивной жизненных позиций молодых. Габитус активной позиции (86,7%) выражается через основную ментальную черту «любовь к ближнему» (83,4%), а далее накладываются различные слои: архетипы «идеализации прошлого» (73,1%) и «славы» (58,4%), «открытость всему иностранному» (63,1%), «рационализм» (60,2%), «отношение к стране как к месту проживания» (22,2%) и смысложизненная ценность «политическая борьба» (4%). Тогда как смысловое поле пассивной позиции в своем ядре связано с инновационной культурой (88%) и субкультурой самовыражения и непохожестью на других (84,8%), остальные слои включают культуру физического развития (83,7%), духовную культуру (83,7%), смысложизненную ценность «любовь» (58%), ценности благополучия (42,2%), а также связь с габитусом пассивной жизненной позиции (20,2%).

О.В. Сорокин (ИСПИ ФНИСЦ РАН) обратил внимание на девиантные смыслы в культурном пространстве молодежи, полагая, что нормативные образцы начинают соседствовать с образцами отклоняющегося поведения. В результате размывается нормативный тип личности, расширяется область незрелой идентичности, что приводит к отклоняющейся социализации. На данных общероссийского опроса (N=1610, июнь–сентябрь 2020 г.) докладчик продемонстрировал связь разных типов субкультур с отклоняющимися смыслами молодежи.

И.С. Шаповалова (БелГУ) представила результаты регионального исследования (N=2000) по изучению факторов, определяющих протестную активность молодежи в Белгородской области. Полученные данные показали, что 62,6% молодежи в целом удовлетворены своей жизнью, 18,3% считают наше общество справедливым, а 39% категорически не согласны с этим утверждением. Показатели социальной защищенности свидетельствуют в целом о положительной оценке, данной молодежью таким аспектам, как экология, отсутствие дискриминации по возрасту, социальному статусу и материальному положению, а также внешнему виду, религиозности и национальности, меньшую защиту они чувствуют от произвола чиновников, мошенничества, бедности.

На данных мониторинга «Как живешь, Россия?» (рук. В.К. Левашов) **И.С. Шушпанова** (ИСПИ ФНИСЦ РАН) осветила социально-экономические аспекты жизни российской молодежи. Первоочередные проблемы, беспокоящие молодежь, – это дороговизна жизни (50%), безработица (44%), экологическая обстановка (39%), коррупция (32%). Почти две трети молодежи согласны с утверждением, что «людям у власти нет никакого дела до простых людей», а 68% считают, что большинство граждан не могут повлиять на политические процессы в стране. При этом 27% выразили готовность выйти на митинг или

демонстрацию для защиты своих интересов, 11% готовы участвовать в забастовках и акциях протеста, 13% рассматривают для себя возможность в случае необходимости защиты с оружием в руках.

В докладе **С.Ю. Демиденко** (ИС ФНИСЦ РАН, ГАУГН) был очерчен круг основных проблем, с которыми сталкиваются молодые при выборе своего жизненного пути. Особое внимание уделено молодежи, выпавшей из сферы занятости и учебы, имеющей проблемы смыслоориентирования, подчеркнута неоднозначность трактовки феномена NEET-молодежи и ошибочность исключительно негативной его оценки. Продемонстрирована размытость границ между работой и досугом, что приводит к переосмыслению труда в сознании молодежи. На примере молодых звезд Tik-Tok и YouTube показано, что новые формы «досуговой занятости» – это не только способ получения дохода и признания, а своеобразный лифт, переход на другую социальную позицию без использования социального капитала родителей. Развитие контактов в социальных сетях является своего рода капиталом, хотя подобная занятость редко воспринимается «взрослым миром» как работа. Зачастую «досуговая занятость» является своеобразной формой социальной адаптации.

О.В. Аксенова (ИС ФНИСЦ РАН) поддержала тему изучения «выпавшей» молодежи, проживающей в локальных сообществах, не охваченной государственными программами поддержки и выстраивающей собственные стратегии саморегуляции. «Неприкаянная молодежь», «лишние люди», находящиеся на периферии современных способов устройства жизни, являют, на ее взгляд, печальную картину. С докладом о ценностной структуре современного белорусского общества и особенностях их межпоколенческих различий выступила **И.В. Лашук** (БГУ, Минск).

В продолжение темы 8 апреля 2021 г. в ИСПИ ФНИСЦ РАН состоялась конференция «Саморегуляция жизнедеятельности молодежи в изменяющейся социальной реальности», в рамках которой была презентована коллективная монография[2]. Были представлены доклады практически всех участников проекта. Открыла конференцию **Ю.А. Зубок** докладом, показавшим, что границы между целенаправленной социальной регуляцией и саморегуляцией размываются. Пространство социального регулирования заполняется многоуровневой субъектной саморегуляцией. Для достижения целостности следует укреплять связи целенаправленных и саморегуляционных процессов в жизнедеятельности молодежи. **В.И. Чупров** поднял тему противоречий этих процессов. Феномену радикализации в молодежной среде был посвящен доклад **А.Ю. Карповой** и **А.О. Савельева** (ТПУ). Интересный доклад представили **Ю.Р. Вишневский** и **Я.В. Дидковская** (УрФУ). На данных исследований они проанализировали инновационную активность молодежи, то, как рождается образ будущего в процессе ее саморегуляции. Любопытные данные продемонстрировала **Н.А. Селиверстова** (МосГУ), показав имитационные практики студенческой молодежи в высшей школе. Вопросам академической мобильности был посвящен доклад **С.В. Рязанцева** и **Т.К. Ростовской** (оба – ИДИ ФНИСЦ РАН). О молодых отцах и практиках самоорганизации выступила с докладом **О.Н. Безрукова** (СПбГУ). Также обсуждались вопросы религиозности молодежи (**Е.А. Кублицкая, И.В. Лютенко,** ИДИ ФНИСЦ РАН), их коммуникативных практик (**Е.В. Чанкова**, РЭУ им. Г.В. Плеханова) и др.

Важные аспекты государственной молодежной политики, актуализировавшиеся с принятием нового закона о молодежи, поднял в своем докладе **А.В. Кочетков** (РАНХиГС, Москва). На его взгляд, признание молодежи в качестве особой группы, требующей внимания государства, выделение молодежной политики в качестве отдельного направления деятельности государства являются современным трендом. В докладе реконструированы сущностные смыслы этой политики. Однако принятый закон не создает условий для дальнейшего развития молодежной политики, формировавшейся последние 30 лет в нашей

[2] Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: методология и социальные практики: моногр. / Ю.А. Зубок, О.Н. Безрукова, Ю.Р. Вишневский и др.; науч. ред. Ю.А. Зубок. Белгород: ООО «Эпицентр», 2021. 500 с.

стране, мало того, не создает правовых предпосылок систематизации и профессионализации. В результате существует угроза разрушения того, что было создано в этой сфере.

Подводя итоги конференции, **Ю.Р. Вишневский** отметил, что «каждый отдельно взятый молодой человек получает бесценный опыт самоопределения и проявления субъектности в форме постоянной саморегуляции своей жизнедеятельности», поэтому необходимо всестороннее и углубленное изучение и понимание сущности процессов, происходящих в молодежной среде, смысложизненных особенностей выборов молодежи, ее социальных ожиданий и способов саморегуляции. Новая монография – важный шаг к такой цели.

С.Ю. ДЕМИДЕНКО

*ДЕМИДЕНКО Светлана Юрьевна, науч. сотр. Института социологии ФНИСЦ РАН, отв. секретарь журнала «Социологические исследования», ст. препод. Государственного академического университета гуманитарных наук, Москва, Россия (*demidsu@yandex.ru*).*

DOI: 10.31857/S013216250014945-2

HOW DO MECHANISMS OF SELF-REGULATION OF LIFE ACTIVITY OPERATE IN THE CULTURAL SPACE OF YOUNG PEOPLE?

*Svetlana Yu. DEMIDENKO, Researcher, The Institute of Sociology of FCTAS RAS; Executive Secretary (editor) of the journal "Sociological studies"; Senior Lecturer, State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia (*demidsu@yandex.ru*).*

© 2021 г.

НЕ ОБРАЗОВАНИЕМ ЕДИНЫ: РАЗНООБРАЗИЕ, ДИСКУССИЯ, СООБЩЕСТВО

Ежегодное заседание круглого стола «Российское образование сегодня» продолжает свою работу. Идея научных семинаров зародилась в Отделе социологии образования ИС ФНИСЦ РАН в 2008 г. и проводится при поддержке ИС ФНИСЦ РАН, ИК «Социология образования» РОС и журнала «Социологические исследования», под руководством проф. Д.Л. Константиновского. Мероприятие направлено на развитие профессионального сообщества, формирование экспертной и разносторонней дискуссии об актуальных проблемах современного российского образования, привлечение внимания широкой аудитории к социологическому анализу ситуации и поиск возможных практических рекомендаций.

Анализ тематического репертуара докладов участников в динамике лет показал, что в фокусе внимания исследователей находятся аспекты общего, среднего и высшего профессионального образования. Интерес к проблемам дошкольного образования не только с позиции социологии образования, но также психологии и социологии детства стабилен и ежегодно составляет десятую часть выступлений. С 2016 г. вслед за изменениями тенденций в образовательных и профессиональных траекториях молодежи (охват программами среднего профессионального образования по подготовке специалистов среднего звена превысил охват программами высшего образования и продолжает расти) увеличивается и интерес участников круглого стола к мотивации выбора профессии, трудоустройству, социальному самочувствию выпускников среднего профессионального образования.

В ходе заседаний рассматриваются отдельные профессиональные группы – воспитатели, учителя, педагоги. Многомерность анализа пролегает на стыке социологии образования и социологии профессий. Роль значимого другого в трансформирующемся процессе социализации современной молодежи и риски эмоционального выгорания, связанные с характером профессии, спецификой функционирования образовательной системы, – главные сюжеты обсуждений участников в период с 2015 по 2019 г.

Участники в первую очередь концентрируют свое внимание на образовании как на социальном институте и сфере социального поведения населения, но на деле дискуссия куда разнообразней – рассматриваются социальные связи самого образования с функционированием общества. В докладах участников круглого стола «Не образованием едины» затрагивались: образовательная среда учащегося, под которой понимается только инфраструктурная составляющая; финансирование, материально-техническое оснащение и территориальная доступность образовательных организаций. Анализировались связи социального поведения молодежи в сфере образования с социальным и культурным капиталом родителей, семьи, старшего поколения, с определенными ролевыми моделями и паттернами поведения, социальными практиками внеучебной деятельности и участия в дополнительном образовании.

Пока почти не представлены в тематическом репертуаре докладов постдипломное, непрерывное образование и образование на протяжении всей жизни. Возможной причиной может служить немногочисленность группы населения, участвующей в формальном непрерывном образовании, – по статистическим данным, не более 8% от численности респондентов от 25 до 84 лет в период с 2006 по 2017 г.[1] Также перспективным полем для будущих дискуссий представляются аспекты текущего положения молодежи на рынке труда, прекаризация молодежной занятости и безработицы.

Одно из преимуществ круглого стола «Российское образование сегодня» – синергетический эффект академического осмысления теоретических положений социологии образования с практикой исследований и собственно практикой образования, широкое обсуждение

[1] Индикаторы образования: 2020: стат. сб. М.: НИУ ВШЭ, 2020.

результатов, теории и методологии исследовательских проектов внутри профессионального сообщества и вне его с преподавателями и руководителями образовательных организаций.

Широкая представленность исследователей и практиков на заседаниях КС обеспечена благодаря поддержанию сети профессиональных контактов ИК «Социология образования» РОС на межрегиональном уровне. КС представлен на сайте ИС ФНИСЦ РАН самостоятельной интернет-страницей[2].

При всей непредсказуемости и нестабильности современного мира работа круглого стола демонстрирует устойчивость и стабильность как в составе постоянных участников, так и в тенденции привлекать новых исследователей и практиков образовательной реальности. Ежегодно растет доля молодых ученых, аспирантов и соискателей, вовлеченных в дискуссию. Темой заседания 2021 г. стали новые вызовы и возможные пути их преодоления. Ввиду большого числа желающих вместо традиционного одного дня мероприятие прошло в формате двухдневного вебинара (3 и 4 марта), в работе которого приняли участие 25 докладчиков и 50 слушателей из Москвы, Йошкар-Олы, Нальчика, Нижнего Новгорода, Новосибирска, Самары, Санкт-Петербурга, Саратова и Тюмени. Сквозным сюжетом обсуждения стали переход на дистанционное, онлайн-обучение, вынужденная цифровизация всех уровней образовательной сферы, те преимущества и сложности, что стали очевидны. Пандемия лишь усилила процессы, которые шли до этого.

На заседании проанализированы реакция мира на эпидемию вообще и на ситуацию в образовании, формализованные и не формализованные практики цифровизации, рассмотрена возможность изучения перехода на «дистанционное обучение» как индикатора степени соответствия российского образования стратегическим задачам научно-технологического развития РФ. Обсуждалась необходимость смены управленческой парадигмы в формировании личности не только с учетом отечественной специфики, но и в разрезе международных сопоставлений. В частности, была высказана обеспокоенность проявлениями девиации в подростковой субкультуре, весьма частая неготовность образовательной и социальной среды учащегося включаться в онлайн-формат, трансформация классических для социологии образования барьеров в доступе к образованию, изменение обобщенного доверия к социальным институтам и, как возможное следствие, возникающее разочарование молодежи в образовании и профессии. Исследователи озабочены как текущим положением, так и перспективами: новые тенденции в дошкольном образовании, изменения, которые ждут дети в образовании; какого профессионала будущего готовит российское профессиональное образование, какие барьеры, риски, конфликты ожидают отечественное образование в условиях цифровой неопределенности.

При всей неоднозначности обнаруживаемых социальных проблем в образовании участники заседания сошлись на том, что при эффективном управлении, основанном на данных, кризисная ситуация может послужить источником создания новых точек роста и полей дополнительных возможностей для формирования человеческого капитала и профессионального развития молодого поколения.

Е.С. ПОПОВА

*ПОПОВА Екатерина Сергеевна, к. социол. н., вед. науч. сотр., Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (*espopova@isras.ru*).*

DOI: 10.31857/S013216250014509-2

UNITED NOT BY EDUCATION: DIVERSITY, DISCUSSION, COMMUNITY

*Ekaterina S. Popova, Cand. Sci. (Sociol.), Leading Research Fellow, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (*espopova@isras.ru*).*

[2] Круглый стол «Российское образование сегодня». URL: http://obrazovanie_21.tilda.ws (дата обращения: 15.03.2021).

© 2021 г.

ЗДОРОВЬЕ И ЗДРАВООХРАНЕНИЕ В ЕВРОПЕ: МЕЖДУ НЕРАВЕНСТВОМ И НОВЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ

17–19 февраля 2021 г. состоялась конференция 16-го исследовательского комитета Европейской социологической ассоциации. Ее проведение изначально планировалось в июне 2020 г. в Кракове (Польша), однако пандемия внесла свои коррективы. В мероприятии приняли участие более 120 исследователей из 17 стран. Программа была насыщенной, кроме пленарных докладов состоялись заседания 16 секций, а также рабочие встречи комитета. Можно выделить несколько центральных тем.

Активно обсуждались вопросы ментального здоровья. В пленарном докладе **П. Брекка** (Гентский ун-т, Бельгия) – влияние образования на ментальное здоровье. На примере данных, полученных в ходе исследований в более 20 европейских странах, было выявлено позитивное воздействие уровня образования на состояние психического здоровья среди большинства опрошенных. Поднимались проблемы репродуктивного поведения в современном глобальном мире. Особый интерес вызвало обсуждение суррогатного материнства (на примере Италии) и социокультурных аспектов лечения бесплодия (на примере Турции). Для Польши актуальна проблема абортов, показания для которых планомерно сокращаются, что приводит не только к появлению нелегальной индустрии, но и вызывает протесты населения.

На специальной секции «Что мы знаем о пандемии COVID-19 на данный момент?» обсуждалось влияние пандемии на жителей разных стран. **М. Хёглингер** (Цюрихский ун-т прикладных наук, Швейцария) познакомил собравшихся с результатами опроса жителей Швейцарии о влиянии изоляции на психологическое состояние. Люди с низким уровнем образования чаще были обеспокоены возможной потерей работы, особенно занятые в сфере туризма, отдыха и спорта. А самый высокий уровень стресса был зафиксирован у молодых людей в возрасте 18–29 лет, они же чаще других возрастных групп говорили об одиночестве, причем второй (осенний) локдаун оказался тяжелее первого (весеннего).

Л. Ломбарди (Миланский ун-т, Италия) рассказала о влиянии пандемии и вызванных ею ограничений на уязвимые социальные группы (мигрантов, неимущих, одиноких, бездомных и др.) Ломбардии, население которой пострадало от вируса сильнее, чем жители других регионов страны. **К. Пьедаде** (Лиссабонский ун-т, Португалия) обратила внимание на трудности, с которыми столкнулись медицинские работники в Португалии. В период пандемии в сложной этической ситуации оказались хирурги, вынужденные отказаться от проведения плановых и даже срочных операций и перейти к дистанционным консультациям. Это заставило некоторых из них чувствовать себя «бесполезными врачами», которые могут лишь наблюдать ухудшение состояния пациентов, но ограничены в своих возможностях оказания помощи. Исследователи также обратили внимание, что пандемия COVID-19 заставила временно «забыть» о других заболеваниях, хотя для многих из них (например, онкологических) чрезвычайно важна своевременная диагностика.

Вопросы вакцинации и политика иммунизации приобрели особую актуальность. Отмечено снижение эффективности кампаний по иммунизации в последние десятилетия, поскольку в ряде европейских стран получает распространение добровольный отказ от вакцинации из-за роста недоверия к ней. В этой связи особое внимание было уделено кризису экспертного знания, вследствие чего врачебное сообщество перестает быть основным источником информации для населения и при принятии решений относительно лечения. Некоторые социальные группы (например, дети мигрантов) оказались лишены доступа к прививкам, что указывает на неравенство возможностей в здравоохранении.

Пандемия подчеркнула остроту проблемы неравенства в отношении здоровья и обозначила новые перспективы для дальнейших исследований. Тема социального

неравенства обсуждалась практически на всех заседаниях: пандемия продемонстрировала серьезные ограничения в доступе как к медицинской помощи, так и к вакцинации.

Особое внимание уделялось онкологическим заболеваниям: сложностям ранней диагностики и доступа к ней; программам поддержки для проходящих продолжительное лечение. Дискуссионными стали вопросы и о возможности включения пациентов в принятие решений, переходе от биомедицинской парадигмы к социально-экологической, где пациент не сводится к роли «больного», как в первой. На основе анализа данных по 30 европейским странам показано, как уровень организации первичной медицинской помощи позволяет снизить или усилить неравные возможности доступа к процедуре скрининга онкологических заболеваний среди разных групп населения. Ключевой вывод о необходимости усиления сектора первичной медицинской помощи и расширения программ социальной поддержки населению с низким уровнем дохода не нов, но демонстрирует общность взглядов исследователей в понимании путей преодоления проблемы неравенства.

При анализе причин, обуславливающих неравенство в отношении здоровья, значительное внимание уделено институциональному фактору, в роли которого сегодня выступает сфера здравоохранения, функционирующая на принципах неолиберализма. Данный подход предполагает как сокращение государственного участия в здравоохранении, так и «лечение без заботы» (*cure without care*), когда лечат болезнь, а не пациента. Это означает, что медицинский протокол выдерживается без учета индивидуальных особенностей пациентов и имеющихся у них заболеваний, которые могут требовать корректировки схемы лечения. Многие участники мероприятия отмечали негативное влияние неолиберальной модели в здравоохранении. Перенос ответственности за здоровье с государства на индивида провоцирует пассивное отношение населения к здоровью вследствие недостаточно развитой институциональной инфраструктуры здравоохранения и ее коммодификации.

Пандемия также актуализировала тему взаимосвязи социальной детерминированности и состояния здоровья. В ряде докладов рассматривалось влияние социальных факторов на развитие хронических заболеваний. **В. Кваглия** (Миланский ун-т Бикокка, Италия) представила результаты исследования проблемы социальной идентичности больных с сахарным диабетом в аспекте распространенных стереотипов восприятия социального статуса и гендера. Принятые в обществе стандарты и связанные с ними повседневные практики, с одной стороны, создают определенную нормативность и упорядоченность общественной жизни, а с другой – выстраивают социальные барьеры для тех, кто из-за проблем со здоровьем «не вписывается» в устоявшиеся рамки. Соответственно, индивид, стремясь быть как все, либо отказывается от соблюдения необходимых для поддержания здоровья практик, либо становится «изгоем».

Обсуждалась роль социальных сетей как неформального пространства для коммуникации и поддержки людей с хроническими заболеваниями. Цифровизация способствовала кардинальной трансформации института медицины и клинической практики. Современный пациент, имея возможность «приоткрыть завесу тайны» в профессиональное медицинское знание, превратился из пассивного в активного участника и пользователя. Этот переворот во взаимоотношениях «врач–пациент» не всегда рассматривается позитивно из-за усиления некомплаентности пациентов и растущего недоверия к институту медицины. Тем не менее в условиях ограниченности медицинской поддержки социальные сети становятся эффективным источником информации о заболевании и возможностях его лечения, а также являются пространством обмена опытом болезни и поддержки друг друга.

На заключительном заседании пленарный доклад о социальных детерминантах здоровья представила **З. Слонска** (Польша). Здоровье требует постоянного внимания, поскольку это ценнейший ресурс индивида и общества, поэтому необходимо преодоление последствий всех форм неравенства в сфере его охраны.

Исследователи отмечали страх общества перед новыми вызовами и обеспокоенность неспособностью стран дать согласованный ответ на глобальную проблему с COVID-19. Конференция подчеркнула важную роль социологии и социологического сообщества в изучении проблем социального конструирования здоровья, а также пандемии COVID-19, социальные последствия которой еще предстоит оценить.

И.А. ВЕРШИНИНА, А.В. ЛЯДОВА

ВЕРШИНИНА Инна Альфредовна, к. социол. н., доц. (urbansociology@yandex.ru); *ЛЯДОВА Анна Васильевна, к. социол. н., доц.* (annaslm@mail.ru). *Обе – кафедра современной социологии социологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.*

DOI: 10.31857/S013216250014122-7

HEALTH AND HEALTH CARE IN EUROPE: BETWEEN INEQUALITIES AND NEW OPPORTUNITIES

Inna A. VERSHININA, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof. (urbansociology@yandex.ru); *Anna V. LIADOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof.* (annaslm@mail.ru). *Both – the Department of Contemporary Sociology of the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.*

Коротко о книгах

СОЦИОЛОГИЯ ПАНДЕМИИ. ПРОЕКТ КОРОНАФОМ. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2021. 319 с.

Распространение коронавируса привело к возникновению новой пандемической реальности. Вызванные пандемией глобальные и уникальные общественные потрясения ведут к масштабным социальным последствиям, требующим своего описания и изучения. В марте 2020 года ФОМ инициировал проект «коронаФОМ» для исследования социологических изменений и сдвигов, вызванных пандемией и мерами борьбы с ней. Книга рассказывает о его основных результатах, а также содержит ссылки на сайт, облако проекта и ключевые публикации.

Книга рассчитана на руководителей и сотрудников органов власти и управления, работников системы здравоохранения, экспертов, аналитиков, исследователей и всех интересующихся социальными последствиями пандемии.

«ЧЕРНЫЙ ЛЕБЕДЬ» В БЕЛОЙ МАСКЕ. АНАЛИТИЧЕСКИЙ ДОКЛАД НИУ ВШЭ К ГОДОВЩИНЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 / Под ред. С.М. Плаксина, А.Б. Жулина, С.А. Фаризовой. М.: Изд. дом ВШЭ, 2021. 336 с.

В аналитическом докладе рассматривается влияние пандемии на социальную сферу, экономику и систему государственного управления в России. Представлены результаты двух масштабных социологических исследований, отражающих динамику отношения населения к пандемии и изменения социального самочувствия, оценку последствий пандемии для отрасли образования, некоммерческого сектора и волонтерства. Оцениваются экономические последствия коронакризиса с точки зрения макроэкономики, изменения структуры отраслей промышленности, развития отрасли цифровых технологий и объемов мировой торговли. Доклад включает анализ действий федеральных и региональных органов власти в период пандемии, а также перспектив трансформации системы государственного управления в России на базе наработанных в процессе противодействия пандемии управленческих практик.

Работа предназначена для широкого круга читателей, в том числе исследователей и научных сотрудников, преподавателей и студентов.

ОБЩЕСТВО И ПАНДЕМИЯ: ОПЫТ И УРОКИ БОРЬБЫ С COVID-19 В РОССИИ. М.: Аналитический центр при Правительстве РФ, 2020. 744 с.

В книге анализируются наиболее актуальные проблемы весны–лета 2020 года, вставшие перед здравоохранением и образованием, социальной и экономической политикой, системой государственного управления в связи пандемией коронавирусной инфекции. Подробно рассматривается система мер, которые предпринимались в России для борьбы с эпидемией.

Работа предназначена для исследователей, преподавателей, студентов, аспирантов, а также широкого круга читателей.

Халас Э. СИМВОЛЫ И ОБЩЕСТВО. ИНТЕРПРЕТАТИВНАЯ СОЦИОЛОГИЯ. Харьков: Издательство «Гуманитарный центр», 2021. 296 с.

Автор книги, анализируя идеи А. Шюца, П. Бурдье, И. Гофмана, доказывает власть символов в современном обществе и их взаимозависимость: символы создаются обществом и в свою очередь формируют общество. В современных условиях символы, хотя и утратили свою прежнюю явность, продолжают играть весомую роль. В информационном потоке, который ежедневно буквально поглощает человека, необходим способ упорядочить данные и упростить их для своего восприятия, и эту функцию выполняют символы. Однако проблема состоит в том, что невозможно найти единую интерпретацию, которая будет приемлема для всех. Это приводит к символическим боям за превосходство чьей-то интерпретации, когда общество и культура становятся полем боя, а символы – эффективным оружием, что особенно заметно на политической арене.

Книга адресована социологам, антропологам, социальным психологам, политологам, исследователям социальных коммуникаций, а также всем интересующимся генезисом и функциями символизма в социальной жизни.

Рогозин Д., Ипатова А. (НЕ)СЛУЧАЙНЫЙ РАЗГОВОР О СМЕРТИ. КАК ГОВОРИТЬ НА СЛОЖНЫЕ ТЕМЫ С НЕЗНАКОМЫМИ ЛЮДЬМИ. М.: Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники»; Common Place, 2021. 170 с.

В наших разговорах с друзьями и близкими всегда есть круг полузапретных тем, которые мы не привыкли и не умеем обсуждать. В частности, немногие могут поддержать разговор о смерти и тем более начать его, хотя обсуждение подобных тем – немаловажная забота о ближних и о самом себе. Авторы книги, опираясь на годы полевой работы, объясняют, как начать и успешно провести такую беседу. Помимо теории и практики интервьюирования, особое внимание в книге уделено этическим дилеммам, с которыми в ходе работы в поле сталкиваются как начинающие, так и опытные исследователи.

Павленко С., Павленко П. СОТРУДНИКИ. ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИЦИИ. М.: Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники; Common Place, 2021. 224 с.

Книга посвящена деятельности людей, в задачи которых входит охрана правопорядка и защита государства от внутренних угроз. Эта очень закрытая, неоднородная и внутренне конфликтная социальная группа «сотрудников» имеет свои традиции, обычаи, наработанные практики в отношениях с населением и другими группами. Авторы анализируют отношение к «сотрудникам» обычных граждан, рассматривают динамику экономических отношений между охранителями и правоохранителями и демонстрируют, что в последние годы государство предпочитает обеспечивать ресурсами первых в ущерб вторым.

Баженов М.В. ПЕРЕЖИВАНИЕ СТЫДА В «ЗЕРКАЛЕ» СОЦИАЛЬНЫХ ТЕОРИЙ. М.: Алетейя, 2021. 504 с.

Монография представляет собой описание переживания стыда на языке различных социальных теорий, исходным термином которых является «социальное действие», – социальной философии, социологии, социальной психологии. Автор показывает, что стыд занимает особое место в социальной реальности, будучи социальным и асоциальным одновременно. Ситуация стыда описывается как социальный порядок на макро- и микроуровнях.

Книга адресована специалистам в области социально-философского знания, социологии, психологии, студентам и аспирантам гуманитарных специальностей.

Радаев В. СМОТРИМ КИНО, ПОНИМАЕМ ЖИЗНЬ: 19 СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОЧЕРКОВ. М.: Изд. дом ВШЭ, 2021. 376 с.

Сборник, написанный по материалам Рождественского киносеминара, который проводится на факультете социальных наук НИУ ВШЭ с 2003 года, посвящен тому, как в России смотрят и интерпретируют кино. Это книга о многих жизненных вопросах, которые волнуют каждого из нас, – о человеческих страхах и ускользающей любви, о мужской мифологии и женских играх, о межпоколенческих конфликтах и сложных профессиональных дилеммах, об особенностях национального характера и мучительном расставании с советским прошлым, о том, почему люди выставляют частную жизнь на публичное обозрение и как они ведут себя в условиях шока. Все эти вопросы обсуждаются на материале известных кинофильмов.

Подготовила А. ГОВОРОВА

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
(2021. Т. 27)

№ 1. *Анисимов Р.И.* Прекариат как новый социальный класс в контексте марксистской теории; *Козырева П.М., Смирнов А.И.* Особенности и тенденции профессиональной самоидентификации в постсоветской России; *Тев Д.Б.* Спикеры легислатур субъектов РФ: каналы рекрутирования и карьера; *Ломоносов М.Ю.* Паспорт, гражданство и гражданственность: национально-государственное строительство или разрушительство?; *Русинова Н.Л., Сафронов В.В.* Возрастные различия статусных неравенств в здоровье: значение социального государства; *Семиглазов Г.С.* Анархическая социометрия Льва Черного; *Скороходова Т.Г.* Истоки феминизма и женской эмансипации в Индии XIX в.: бенгальский вариант.

МИР РОССИИ: СОЦИОЛОГИЯ, ЭТНОЛОГИЯ
(2021. Т. 30)

№ 2. *Арутюнова Е.М., Кузнецов И.М.* Интеграционный потенциал принимающего общества: сравнительная региональная перспектива; *Малахов В.С., Осипов А.Г.* Динамика этнокультурной политики в России, Казахстане и Украине: отложенная «национализация»?; *Саари Т., Мелин Х.* Организационные ресурсы, возможности и корпоративная лояльность в подразделениях финских компаний в Финляндии и России; *Зудина А.А.* Работники старших возрастов в российском неформальном секторе: масштаб, динамика и структура занятости; *Попова И.П.* Гендерное равенство как фактор профессиональной карьеры в сфере науки и технологий; *Краснопольская И.И. и др.* Роль религии в денежной благотворительности воцерковленных жертвователей: на примере прихожан московских приходов; *Кнорре Б.К., Мурашова А.А.* «В начале было Слово…», а в конце будет число? Православие и антицифровой протест в России: с 1990-х до коронавируса; *Бороноев А.О., Миронов Д.В.* Становление журнального дела в российской социологии: феномен альманаха «Рубеж» (1991–2001).

ЖУРНАЛ СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ
(2021. Т. 24)

№ 1. *Крисберг Л., Титаренко Л.* Диалог с классиком (к 95-летию американского социолога конфликта Луиса Крисберга); *Крисберг Л.* Связь теории и практики в области изучения мира и конфликтов; *Ярская-Смирнова Е., Бодрова О.* Модели легитимации некоммерческих организаций как поставщиков социальных услуг; *Григорьева И., Парфенова О.* Роль НКО в развитии community care (общественной заботы) в России; *Левицкая А., Покровская Н.* Карьерные ожидания и планы молодых специалистов на рынке труда; *Карпова Г.* Влияние коллективной памяти на потребительские практики: кейс района Тушино (Москва); *Агапов М.* «На зимнике своя жизнь»: антропология транспортной мультимодальности; *Рудь А.* Трансформация транспортной инфраструктуры, используемой восточными хантами ХМАО – Югры (в период с 1960-х годов до настоящего времени).

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ
(2021. Т. 20)

№ 1. *Мюллер М.* Восток – дело тонкое / Пер. *М. Фетисова*; *Башков В.* От Кьеркегора к Шмитту: к политико-теологической актуальности повторения; *Кондуров В.* Политическая теология международного права: грани и границы метода; *Кализе С.Г.* Социальные сети и теория систем; *Головашина О.* Событие как объект: к плоской теории событий; *Мишурин А.* Сила коррупции: Ксенофонт о воспитании хорошего гражданина в Спарте; *Тимошкин Д.* Мигранты и пространственная маргинальность в городских цифровых медиа (на примере Иркутска); *Браславский Р., Козловский В.* Цивилизационное измерение структурирования обществ; *Борщ И.* Международное право и Православная церковь: идеи М.В. Зызыкина в 1930-е годы; *Веселкова Н.* Биографический метод как методологическая традиция в отечественной практике: обзор проектов и публикаций; *Косилова Е.* Подлинный реакционер: творчество Николаса Гомеса Давилы.

СОЦИОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, МЕТОДЫ, МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ (СОЦИОЛОГИЯ: 4М)
(2020)

№ 50–51. *Настина Е.А.* Подходы к пониманию и измерению моральной самооценки в социальных науках: аналитический обзор; *Абдурахманова Э.М.* Исследование структур обобщенных групп, выделяемых разными методами, на примере результатов исследования СТАРТ; *Сулейманова А.Н.* Обзор развития алгоритмов деревьев решений; *Калинин Н.С.* Различные равновесия в теоретико-игровой модели поведения преподавателя и (возможно) списывающего студента на письменном экзамене; *Жучкова С.В., Ротмистров А.Н.* Автоматическое извлечение текстовых и числовых вебданных для целей социальных наук.

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА
(2021. Т. 9)

№ 1. *Латов Ю.В.* От «революции» к «трансформациям» и «переменам»? Развитие дискурсов анализа качественных общественных изменений; *Солодников В.В., Зайцева А.С.* Использование социальных сетей и социализация российских подростков; *Клименко Л.В., Посухова О.Ю.* Династийность в малом бизнесе в современной России: стратегии и перспективы воспроизводства; *Фадеева Е.В.* Онкологическая помощь в условиях пандемии COVID-19; *Бесчасная А.А.* Ребенок в триаде отношений «школа-ученик-семья» в период освоения дистанционного обучения; *Эндрюшко А.А.* Российская идентичность и школьное образование: современный контекст; *Арутюнова Е.М.* Русский язык в российской идентичности: теоретические подходы и актуальный контекст; *Харченко К.В.* Потенциал целевых групп населения как фактор интеграции социального пространства территории; *Сагдиева Э.А.* Сферы приложения труда в сельской местности Пензенской области и Республики Татарстан (по данным статистики и материалов интервью); *Харченко В.С.* Мотивация и мотивационные профили сотрудников современных организаций; *Брикет Д.Н.* Типы справедливости в договорных отношениях.

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА СОЦИОЛОГИИ
(2021. Т. 12)

№ 1. *Петухов В.В., Петухов Р.В*. Социально активные группы российского общества: формирование запроса на демократическое участие; *Викторова Е.В. и др.* Процессы интеграции и идентичность: взгляд молодежи Европы; *Марин Е.Б.* Представление о социальном протесте у молодежи российского Дальнего Востока; *Гневашева В.А., Ильдарханова Ч.И*. Типовые социально-экономические поведенческие ориентации женщин на республиканском рынке труда Татарстана; *Артюшина Е.В., Коренькова М.М.* Исследование факторов удовлетворенности потребителей развитием диджитал-коммуникаций: ожидания и реальность; *Ярмак О.В. и др.* Социальные парадоксы коммуникации в постконфликтных обществах; *Ерёменко Ю.А., Жаворонкова З.А.* Нейрофизиологические исследования восприятия визуального политического контента в социальных сетях; *Морозов И.С*. Социологический подход к анализу структурированной внеучебной деятельности и школьной успеваемости среди детей с ограниченными возможностями здоровья.

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ
(2021)

№ 1. *Резаев А.В., Трегубова Н.Д*. Искусственный интеллект и искусственная социальность: новые явления, проблемы и задачи для социальных наук; *Резаев А.В*. Двенадцать тезисов об искусственном интеллекте и искусственной социальности; *Караджоянни А*. Интеграция этических оснований искусственного интеллекта: план исследования; *Кловайт Н., Ерофеева М.А*. Мультимодальный поворот в исследованиях взаимодействия человека и компьютера; *Хосогая Н*. Развитие удаленной работы и ее влияние на управление человеческими ресурсами в Японии в фокусе искусственной социальности; *Тадесс А. и др*. Интеграция образовательных технологий в Восточной Африке: один размер не подходит всем; *Смирнов А.В.* Цифровое общество: теоретическая модель и российская действительность; *Климович А.П*. Риски концентрации власти в эпоху искусственного интеллекта: между следящим капитализмом и цифровым Левиафаном; *Мартыненко Т.С., Добринская Д.Е*. Социальное неравенство в эпоху искусственного интеллекта: от цифрового к алгоритмическому разрыву; *Корбут А.М.* Одомашнивание искусственного интеллекта: умные колонки и трансформация повседневной жизни; *Давыдова А.М. и др.* Дисциплинарные практики цифрового селф-трекинга: между эмансипацией и контролем; *Егорова А.И., Кловайт Н*. Как попрощаться с роботом? Исследование достижения разговорного закрытия; *Блохин И.А. и др*. Использование искусственного интеллекта в здравоохранении: опыт валидации алгоритма искусственного интеллекта в медицинских организациях в условиях пандемии COVID-19; *Трегубова Н.Д. и др.* Транснационализм в режиме онлайн: миграционные исследования в условиях искусственной социальности; *Богданов М.Б., Смирнов И.Б*. Возможности и ограничения цифровых следов и методов машинного обучения в социологии; *Александрова М.Ю*. Методы машинного обучения в социологическом исследовании: предсказание частичного неответа с использованием наивного байесовского классификатора; *Ярцева Н.В*. Анализ больших объемов данных: возможности Gdelt Project при использовании языка программирования Python. Опыт гуманитария, решившего постичь Big Data; *Нестик Т.А. и др.* Будущее исследовательской индустрии: от конкуренции за бюджеты к поиску партнеров.

№ 2. *Настина Е.А., Девятко И.Ф*. Моральная оценка себя: разработка и апробация русскоязычного инструментария; *Михайлова О.Р*. Возможности применения эго-сетевого ана-

лиза для изучения распространения моральной паники на межиндивидуальном уровне; *Бирюкова С.С., Синявская О.В.* Больше денег – больше рождений? Оценка влияния изменений в семейной политике 2007 г. на вероятность рождения второго и последующих детей; *Сыманюк Э.Э. и др*. Отношение жителей мегаполиса к репродуктивному донорству (на примере Екатеринбурга); *Кравцова М.В.* Предикторы исторического типа семьи на примере Российской империи; *Каравай А.В*. Действия россиян по улучшению собственного материального положения в эпоху COVID-19; *Щанина Е.В*. Практики поведения пожилых людей, направленные на повышение своего благосостояния, в современном российском обществе; *Ильичева Л.Е. и др.* Доверие как мост над пропастью неуверенности между властью и обществом; *Литвинцев Д.Б.* 30 лет приватизации жилья в России: удалось ли воспитать ответственных собственников?; *Танющева Н.Ю., Куницына Н.Н*. Оценка общественного мнения о соблюдении антиотмывочного законодательства в России; *Попов Н.П.* Дональд Трамп и американский авторитаризм; *Докука С.В.* Использование стохастических акторно-ориентированных моделей для анализа коэволюции сетей и поведения; *Коршунов И.А. и др*. Как учатся взрослые: факторы выбора образовательных программ; *Подвойский Д.Г., Спиркина А.К.* Общество в маске и перчатках под микроскопом социологии повседневности: беглый взгляд; *Мерсиянова И.В., Иванова Н.В.* Трудно или легко быть общественно активным человеком во время пандемии?; *Папушина Ю.О*. Проверка гипотезы о музыкальной «всеядности» в России; *Лисовская И.В*. Перевоспитать нельзя наказывать? Как конструируются сценарии реинтеграции и ресоциализации «трудных» подростков; *Давыдов С.Г*. Цифровые компетенции россиян и работа на самоизоляции во время пандемии COVID-19; *Сапонова А.В., Задорин И.В.* «Хорошими делами прославиться нельзя»: проблемы репрезентации в СМИ деятельности некоммерческого сектора во время пандемии COVID-19 в России; *Шариков А.В*. Глобальное информационное онлайн-пространство в 2020 г.: динамические характеристики; *Чернова Ж.В., Шпаковская Л.Л.* «Бесконечный день сурка»: социологический анализ учебных практик студентов вузов в ситуации вынужденной изоляции; *Кирзюк А.А.* «У меня нет страха»: ковид-диссиденты в поисках агентности и правды.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ
(2021. Т. 22)

№ 2. *Бессонова О.Э*. Трансформация института административных жалоб в гражданские формы; *Мацукато М.* Предпринимательское государство: развеем мифы о государстве и частном секторе; *Капелюшников Р.И., Демина Н.В*. Потребление культурных благ в России: масштабы, детерминанты, дифференциация; *Кармаева Н.Н., Захаров А.Б*. Неэкономические эффекты дополнительного профессионального образования для российских работников.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
(2021)

№ 2. *Чебанкова Е.А., Дуткевич П.* Пандемия COVID-19 и мировой порядок; *Семененко И.С.* Дискурсы развития в социальных науках: в преддверии этического поворота; *Рязанцев С.В., Очирова Г.Н.* Методы борьбы с незаконной иммиграцией (опыт США, Евросоюза и России); *Костырев А.Г*. Постполитика в сетях постправды; *Самаркина И.В., Башмаков И.С.* Локальная идентичность: механизмы конвертации в конструктивные социально-политические практики молодежи; *Асеев С.Ю., Шашкова Я.Ю*. Инновационный и лидерский потенциал в структуре политических установок молодежи (на примере Алтайского края и Новосибирской области); *Чирикова А.Е., Ледяев В.Г*. Лидерство в локальных сообществах: в ком сегодня нуждается муниципальная власть в России.

ЖУРНАЛ ИССЛЕДОВАНИЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
(2021. Т. 19)

№ 1. *Григорьева И.А., Бородкина О.* Настоящее и будущее социального предпринимательства в России; *Григорьева И.А., Парфенова О.А.* Социально ориентированные НКО и социальные предприятия как драйверы разгосударствления социального обслуживания: барьеры и возможности; *Смирнов В.А.* Региональные системы социального предпринимательства в России: типология, факторы развития, ключевые противоречия; *Архипова Е.Б., Старшинова А.В.* От проблемы к решению: риторика дискурса социальных предпринимателей; *Ариф Э.М., Кузьминова Т.А.* Некоммерческая активность молодых предпринимателей Санкт-Петербурга в крафтовой сфере; *Бочаров В.Ю., Гаврилюк Т.В.* Молодежь нового рабочего класса как объект государственной социальной политики и инвестирования; *Богуславская С.Б. и др.* Социальное предпринимательство как драйвер развития социокультурной среды малых территорий; *Кабанов Ю.А., Чугунов А.В.* Развитие человеческого потенциала, социальная политика и электронное гражданское участие в российских регионах; *Видясов Е.Ю., Видясова Л.А.* Цифровизация в управлении городом: исследование коммуникационных каналов приема и обработки обращений граждан в Петербурге; *Бородкина О.И., Сибирев В.А.* Цифровой капитал потребителей социальных услуг: факторы влияния и потребность в инвестициях; *Кларк К.* Борьба с системной расовой несправедливостью в Соединенных Штатах: от войны с бедностью до социального предпринимательства и движения Black Lives Matter; *Лебединцева Л.А., Дерюгин П.П.* Бизнес и социальное предпринимательство: обзор основных теоретических моделей; *Внутских А.Ю. и др.* Социальные предприятия и СО НКО в Пермском крае: проблемы и перспективы развития.

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ
(2021. Т. 12)

№ 1. *Рентеци М. и др.* Дипломатия во времена холеры; *Кумар Н.* Сравнительный обзор вспышки COVID-19 в странах с большим и меньшим уровнями инфицирования; *Быльева Д.С. и др.* Гражданская наука: понятие, проблемы и перспективы; *Шиповалова Л.В. и др.* Цифровые технологии управления в действии, или Об активности граждан вокруг платформы «Активный гражданин»; *Мурау В., Алвес де Алвес Д.* Макауба как интернационализируемый объект: социотехническое воображаемое тропического растения; *Казакова А.А., Гаврилина Е.А.* Инженеры в действии: коллективная агентность в социологии инженерии; *Аблажей Н.Н. и др.* Университет и Академия наук: pas de deux в ритмах эпохи; *Конашев М.Б., Федорова А.А.* Академическая наука в контексте последней реформы РАН; *Винокуров Е.Г. и др.* Динамика публикационной активности и цитируемости российских авторов.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ
(2021)

№ 1. *Кузнецов А.В.* Прямые инвестиции из России за рубеж: изменения с 2018 года; *Михайлова О.В. и др.* Государство и общество в поисках солидарности: вместе или рядом?; *Малышев М.А.* Государство в системе социального партнерства Российской Федерации; *Антипина О.Н.* Этические аспекты экономической теории счастья; *Розанова Н.М.* Конкуренция и монополия в цифровую эпоху; *Кондратьева Н.Б.* Декалог аграрной цифровизации ЕС; *Понеделко Г.Н.* Устойчивое развитие как фактор взаимодействия природы и общества (на примере стран ЕС); *Квашнин Ю.Д.* Пандемия коронавируса и разворот в европейской социальной политике; *Кузнецов А.В.* Анти-

кризисная альтернатива в Великобритании; *Хромаков Д.О.* Брекзит с точки зрения торговли фармацевтической продукцией; *Айвазян А.С.* Роль ЕС в продвижении демократических реформ в странах Южного Кавказа; *Ананьев А.В.* Армянский информационно-политический разлом; *Фролова А.С., Куран М.С.* Восстание сапатистов: нищие мексиканские индейцы против мирного неолиберального капитализма.

LABORATORIUM: ЖУРНАЛ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(2021. Т. 13)

№ 1. *Роджерс Д.* Корпорации в России; *Харрис С.Э.* Самая большая авиакомпания в мире: как «Аэрофлот» научился не волноваться и стал корпорацией; *Венгле С.А.* Агрохолдинги, технологии и политэкономия российского сельского хозяйства; *Крупп Б.* Фитнес и физкультура: Nike и нетренированное тело в Москве; *Мартин Д.* Корпорация, образование и знание своего места: социальные сословия между закрытым городом и Оксбриджем.

ИНТЕРАКЦИЯ. ИНТЕРВЬЮ. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ (INTER)
(2021. Т. 13)

№ 1. *Бердышева Е.С., Белявский Б.А.* Вариативность ценности здоровья в социальных полях: вызовы и стимулы самосохранительных практик; *Андреева Е.А.* Модели поведения врачей в ситуации назначения платных услуг; *Панарина Е.С.* Рекламный гендерный перформанс: как фемвертайзинг репрезентирует женщин; *Дорофеева З.Е.* Особенности интенсивного родительства в высокоресурсных многодетных семьях; *Семенова В.В.* ИНТЕР-энциклопедия: Grounded theory. Устная история.

СОЦИОЛОГИЯ ВЛАСТИ
(2020)

№ 4. *Дмитриев Т.А.* Макс Вебер: вехи интеллектуальной биографии; *Забаев И.В., Кострова Е.А.* Этос vs габитус: этический компонент в «Протестантской этике» М. Вебера; *Пресняков И.В.* «Политеизм ценностей» Макса Вебера: контексты, происхождение, логико-методологические основания; *Масловский М.В.* Веберовский анализ плебисцитарного господства и дискуссия о множественных модернах; *Семиглазов Г.С.* Понятие государства в работах М. Вебера и Г. Ландауэра: анализ веберианского определения из перспективы анархической теории; *Катаев Д.В.* Макс Вебер и Новая критическая теория Хартмута Розы: актуализация классики; *Филиппов А.Ф.* Макс Вебер в научной полемике. К публикации новых переводов; *Вебер М.* «Энергетические» теории культуры; *Вебер М.* Теория предельной полезности и «основной психофизический закон».

ЖУРНАЛ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. СОЦИОЛОГИЯ (Минск)
(2021)

№ 1. *Енковский Л.Л.* Мировые линии и социальные сети; *Михайловский В.С.* Верификация неомарксистского концепта глобальной полупериферии (на примере роли миграционного фактора); *Мамедов А.К.* Цивилизационная бифуркация большого Ближнего Востока; *Титаренко Л.Г., Карапетян Р.В.* Цифровая трансформация трудовой сферы: сравнительный анализ показателей России и Беларуси; *Мудров С.А., Захаров Н.В.* Белорусская православная церковь на низовом уровне: организация, функционирование и роль православных братств и сестричеств в Беларуси; *Рязанова С.В.* Малая

религиозная группа в городской среде: провал проекта бахаи; *Лашук И.В.* Ценностная трансформация современного белорусского общества (по результатам социологических исследований; *Вишнякова М.В.* Состояние инфраструктуры территорий, пострадавших от аварии на ЧАЭС (в оценках населения и экспертов); *Сизова И.Л., Орлова Н.С.* Противоречия и напряженности в занятости лиц старших возрастов в современной России; *Посталовский А.В.* Мессенджеры в структуре медиапредпочтений национальной аудитории.

Подготовила А. ГОВОРОВА

INTERNATIONAL SOCIOLOGY
(2021. Т. 36)

№ 2. *Огума Э.* Национальная социология в обществе дуальной структуры: введение к спецвыпуску о социологических исследованиях в Японии; *Сато Ш.* Модерн, постмодерн и поздний модерн: обзор теорий в современной Японии; *Ногами Дз.* Историческая социология в Японии: новый баланс социальных и гуманитарных наук; *Танабе Ш.* Социологические исследования национализма в Японии; *Хигучи Н.* Исследования социальных движений в Японии после 3.11: социологический анализ; *Нагамацу Н.* Японские исследования труда: женщины и нестандартные работники; *Айзава Ш.* Национальная динамика и международное молчание. Фон и развитие японской социологии образования; *Сато Ф.* Тенденции гендерных исследований в японской социологии; *Табучи Р.* Социология семьи. Новые процессы и текущее состояние поля; *Ватанабе Д.* Понять разнообразие в поздней фазе жизни и новая культура возраста: социология старения в Японии; *Хараока К.* Тенденции исследований социальной безопасности и благосостояния; *Коидо А.* Миграция: диверсификация транснациональных потоков при неолиберальной трансформации; *Мачимура Т.* Поиск новый урбанистских нарративов в эпоху глобализации: кейс социологии города в Японии; *Хасегава К.* Японская экологическая социология: фокус и проблемы на трех стадиях развития; *Акиёши М.* Социологические исследования информации и коммуникационных технологий в Японии.

CURRENT SOCIOLOGY
(2021. Т. 69)

№ 1. *Тетро Дж.Э.К.* А ненависть тут причем? Правые движения и стереотип ненависти; *Мид Дж.* Личность и символический капитал в современной социологии; *Чи Люань.* Мотивации ритуального действия: этнографическое кейс-стади использования гуанси для получения мест в школах Китая; *Катц О., Шалев Грин К.* Конструкция времени в условиях неопределенности: темпоральные режимы в семьях пропавших без вести; *Ка-Лок Чен А., Тюнь Ю Чу.* Сексуальное принуждение мужа и жены в кросс-граничном браке: роль силы в отношениях; *Ютц Р.* Неравенства здравоохранения в Европе: имеет ли значение минимальный доход; *Пардинг К. и др.* Реформа управления в контексте. Условия труда и занятости профессионалов сферы заботы.

№ 2. *Марселло-Сервос Х.* Хрупкий, ограниченный, человеческий; *Банделли Д.* Гестационное суррогатное материнство: транснациональная прокреативная практика и работа для женщин в современном обществе; *Корради К.* Материнство и противоречия феминизма: оценка претензий на эмансипацию в ситуации суррогатности; *Сегален М.Т.* Деконструкция дискурсов социальной антропологии в их поддержке суррогатности: кейс Франции; *Джекобсон Х.* Коммерческая суррогатность в век интенсивного материнства; *Каморрино А.* Мать-природа и природа материнства: гестационная суррогатность и эко-духовность – две постмодерные формы сакрализации; *Янагихара Й.* Практика суррогатности как феномен «голой жизни»: анализ кейса

Японии с применением теории Агамбена; *Саркар С.* Не трансакция, а услуга? Изучая множественные нарративы суррогатности в Индии; *Родригес-Хауме М.Х. и др.* Трансграничные репродуктивные проблемы: мнения и установки общества по отношению к суррогатной беременности; *Рудраппа Ш.* Невозможность достижения гендерной справедливости путем запретов суррогатности.

№ 3. *Уолби С.* Развитие концепта общества: институционные домены, режимы неравенств и комплексные системы глобальной эры; *Вайс А.* Переосмысляя общество: как социологические теории помогают понимать глобальные и трансграничные социальные контексты; *Амелина А.* Теория крупномасштабных социетальных отношений через призму трансграничных сборок; *Патель С.* Встреча социологии с деколониальным: проблема туземного против проблемы колониального, экстравертность и колониальный модерн; *Боатка М.* Мыслить Европу по-другому: уроки Карибского бассейна; *Араухо К.* Новая социальная теория: от споров о модерне до пересмотра нашего концептуального инструментария.

AMERICAN SOCIOLOGICAL REVIEW

(2021. Т. 86)

№ 1. *Калмин М., Леопольд Т.* Новый взгляд на рост разводов в Европе: сравнивая перспективы взрослых и детей; *Рендлес Дж.* «Для своих деток я сделаю все»: изобретательное материнство, подгузники и неравенства в работе по уходу; *Камперо С.* Вопросы найма и меж-профессиональная сегрегация в производстве софта; *Тилсик А.* Статистическая дискриминация и рационализация стереотипов; *Даскбери С.* Кто контролирует уголовное право? Расовая опасность и принятие закона о приговорах в штатах, 1975–2012; *Мартинес-Шульдт Р.Д., Мартинес Д.Э.* Политика неприкосновенности иммигрантов и сообщения о преступлениях: многоуровневый анализ заявлений в органы правопорядка о жертвах преступности, 1980–2004.

№ 2. *Уильямс К.* Доклад президента Американской социологической ассоциации. Поддержка жизни: проблемы заработка на жизнь; *Браунинг К. и др*. Место проживания, зоны активности и степень воздействия на подростков; *Хоман П., Бурдетт Э.* Когда религия ранит: структурный сексизм и здоровье в религиозных конгрегациях; *Харт Х.Г*. Охрана траектории: управление нежелательными, двусмысленными сексуальными интеракциями на работе; *Я-Вен Ли.* Обеспечить солидарность: архитектура платформ и коллективные споры в экономике платформ Китая; *Энтеби М., Холм О.Л*. Передача экспертности поверх контекстов: кукольники США идут со сцены на экран; *МакМэхан П. и др*. Креативное разрушение: структурные последствия научного кураторства.

AMERICAN JOURNAL OF SOCIOLOGY

(2020. т. 126)

№ 3. *Окобок А.* Управление легитимностью: институциональная работа и перемены в деле об однополых браках; *Варико Н.* Забота об эмоциональном здоровье при защите статуса: азиатские американцы и белые родители американских пригородов; *Сивей Чен, Парк Б.* Потоки и границы: сетевой подход к изучению профессиональной мобильности на рынке труда; *Хон Вей Чжу, Тянь Чен.* Заразна ли ложь? Пространственная диффузия высокопродуктивных сателлитов во время китайского «Большого скачка»; *Фэрис Р. и др.* С такими друзьями: агрессия из-за расположенности и равенства.

№ 4. *Бартрам Р.* Трещины в разбитом окне: как объекты формируют профессиональный аудит; *Друо Л.* Трещины в тигеле? Религиозность и ассимиляция среди разных групп мусульманского населения во Франции; *Ройчоудхури П.* Инкорпорация: управление гендерным насилием в ситуации безвластия; *Патилло М., Керк Лайэвей Дж*. Свобо-

да: насильственная финансиализация в системе уголовного права; *Торш Ф., Абуфеле А.* Нормативность брака и выгода брака для дальнейшей жизни детей.

№ 5. *Браун-Сарачино Дж.* Жизнь после смерти политики идентичностей: джентрификация, критическая ностальгия и поминовение утраченных перегородок; *Лил Д.* Сетевые неравенства и международная миграция в Америках; *Нейл Р., Семпсон Р.* Лотерея истории: остановка на жизненном пути множественных когорт взрослых, 1995–2018; *Ю Чжи, Хао Донг.* Новая методологическая рамка изучения брачного обмена статусами; *Шахтер А. и др.* Предки, цвет или культура? Как белые расово классифицируют других в США.

EUROPEAN SOCIOLOGICAL REVIEW

(2020. Т. 36)

№ 6. *Мандель Х. и др.* Экономический обмен или гендерные идентичности? Разделение домашнего труда и экономическая зависимость жен в разных контекстах; *Худде А., Энгельгардт Х.* (Не)сходства пар по поводу установок на гендерные роли и переход к родительству в Германии; *Хикель Н., Вагнер М.* Индивидуализированные практики отношений и распад союза: различия между браком и сожительством; *Дранге Н., Телле Ч.* Сегрегация универсальной системы ухода за детьми: дескриптивные находки в Норвегии; *Кригер М.* Агенты социализации и занятость женщин-мигранток: влияние матерей и контекста страны; *Серинг Ю. и др.* Этнический состав класса и использование одноклассниками языка меньшинства: влияют ли сверстники на овладение языком; *Крос М., Хьюстон М.* Негативные и позитивные этнические контакты и связь этнического состава микрорайона с доверием, сплоченностью и предрассудками; *Вень Фань, Сики Хань.* Объяснение межнациональных вариаций положительного влияния среднего образования на здоровье: какова роль различий в навыках и заработках?

(2021. Т. 37)

№ 1. *Букоди Э., Голдторп Дж.* «Первичные» факторы межпоколенной классовой мобильности в Европе: результаты применения топологической модели; *Бароне К. и др.* Социальное происхождение, общие прочтенные книги, владение языками в раннем детстве: данные информационного эксперимента; *Бернарди Ф., Хиль-Эрнандес К.* Разрыв по признаку социального происхождения в успехе на рынке труда: компенсаторные и продвиженческие преимущества – использование микроклассового подхода; *Лёсбрук Й. и др.* Возрастная дискриминация в решении о приеме на работу: факторный опрос менеджеров девяти стран Европы; *Аксой О., Гамбетта Д.* Политика под чадрой; *ван дер Меер Т., Рискенс Т.* Шовинизм социальной поддержки перед лицом этнического разнообразия: виньеточный эксперимент в различающихся и однородных микрорайонах по поводу воспринимаемой справедливости к местным и иностранным претендентам на поддержку; *Лайт М.Т., Верминк Х.* Случай уголовного процесса над иностранцами в Нидерландах; *Туппат Ю., Герхардс Ю.* Иностранные фамилии иммигрантов и воспринимаемая дискриминация: вклад в понимание парадокса интеграции; *Абрахам М. и др.* Роль реципрокности в создании репутации; *Ло Яконо С., Сонмез Б.* Эффект доверия и доверительной среды для предоставления публичных благ.

№ 2. *Хейскала Л. и др.* Компенсаторные и мультипликативные выгоды: социальное происхождение, успешное окончание школы и стратифицированное поступление в вузы Финляндии; *Сьенстра К. и др.* Компенсация или умножение ресурсов? Взаимодействие когнитивной способности и социального происхождения в объяснении успехов в учебе; *Кречмер Д., Рот Т.* Почему у друзей сходные образовательные ожидания? Разделение эффектов влияния и отбора; *Холтманн А.-К. и др.* Хорошие формальные достижения или прочные связи – что содействует успешному переходу от

школы к работе выпускников с низким уровнем успеваемости в Германии?; *Коллишон М., Эберль А.* Еще раз о связи уровня зарплаты с удовлетворенностью работой; *Блом Н., Прелли-Харрис Б.* Темпоральные измерения безработицы и счастья в отношениях в Англии; *Тиш Д.* Мой выигрыш или твой проигрыш? Перемены в относительном богатстве внутри пар и удовлетворенность партнеров жизнью; *Шмидеберг К., Бозоян К.* Влияют ли экономические трудности и лишения на родительство?; *Лоренс Дж.* Влияние активности молодежи на удовлетворенность жизнью: квази-экспериментальное полевое исследование на примере одной национальной программы активности молодежи в Соединенном Королевстве; *Льюкс Р. и др.* Европейское исследование ценностей – 2017: на пути к применению смешанных методов.

KÖLNER ZEITSCHRIFT FÜR SOZIOLOGIE UND SOZIALPSYCHOLOGIE
(2021. Т. 73)

№ 1. *Диль К. и др.* Как часто Вы чувствовали себя ущемленным? Объяснение восприятия дискриминации; *Кюль Ш.* Группа – системно-теоретическое определение; *Ленц С. и др.* Этническая сегрегация видов школ в многочленной школьной системе и в модели «двух путей»; *Воланд Э., Майсельбах К.* Барьеры на пути к пониманию между культуралистскими общественными науками и эволюционной антропологией: причины, аргументы, выходы; *Дамеланг А., Рюкель А.-К.* Что держит на расстоянии женщин от позиций в профессии? Факторный анализ влияния реализации вакансии на оценку её привлекательности; *Майер Л.* Одно социологическое последствие неточной фокусировки; *Траунмюллер Р., Реверс М.* Свобода мнений в университете.

Подготовил Н. ВИКТОРОВ

SOCIOLOGICAL STUDIES
Monthly
2021 No. 6

CONTENTS

THEORY. METODOLOGY

3 DAVYDOV D.A. Post-Capitalism and Class Transformation in Modern Society: from a Liberator Class to a New Antagonism?

14 GO J. Three Tensions in the Theory of Racial Capitalism

SOCIOLOGY OF SCIENCE

24 GUBA K.S. Big Data in Studies of Science: New Research Field

34 DEZHINA I.G., KLIUCHAREV G.A. International Collaborations of the University Science: Incentives and Obstacles

SOCIOLOGY OF MASS COMMUNICATION

46 BOGOMIAGKOVA E.S., POPOVA E.E. The Effect of "Compassion Fatigue" in Practices of Media Consumption (the Case of the Attitude to the COVID-19 Problematization)

57 VESELOV Yu.V., SKVORTSOV N.G. Trust in the Age of Digital Transformations: a Sociological Study

69 NAZAROV M.M. Television in Convergent Media Environment: Audience Trends

ANNIVERSARY

79 Doktorov B.Z. is 80!

80 DOKTOROV B.Z. "This Project Was a Lifesaver for Me"

91 Kolomiets V.P. is 70!

92 KOLOMIETS V.P. Industrial Transformation of Television

101 Personal Pages of the Professional Path of a Sociologist (for the 75th Anniversary of A. Matulionis)

104 KHAGUROV A.A. is 85!

HISTORY OF SOCIOLOGY

105 ZOTOV A.A. Jacques Novikow's Organicism: Social Evolution as an Adaptation Proccess and Criticism of Socialism

115 FEDOTOVA L.N. Anniversary Page in the History of Public Opinion Research in the USSR

CHAIR. CONSULTATIONS

121 MAHLERT B. Addressing Parsons in Sociological Textbooks: Past Conflicts, Contemporary Readers and Their Future Gains

DISCUSSION. POLEMICS

134 SIKEVICH Z.V., FEDOROVA A.A. Boundaries of Russian Patriotism (Case of Non-Reactive Classic Research)

SOCIOLOGACAL JOURNALISM

147 HEDGES C. Sheldon Wolin and Inverted Totalitarianism

ACADEMIC EVENTS

154 DEMIDENKO S. Yu. How Do Mechanisms of Self-Regulation of Life Activity Operate in the Cultural Space of Young People?
158 POPOVA E.S United not by Education: Diversity, Discussion, Community
160 VERSHININA I.A., LIADOVA A.V. Health and Health Care in Europe: between Inequalities and New Opportunities

163 **BOOKS IN BRIEF**

165 **JOURNAL'A GUIDE**

175 **CONTENTS**
NEW BOOKS IN SOCIAL SCIENCE (inside front cover)
IN THE NEXT ISSUES (back cover)

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- **формирование учебно-методических комплексов**
- **развитие научной периодики**
- **внедрение новых стандартов научной коммуникации**

ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- **интеграция науки и образования**
- **модульный характер актуализации гуманитарного знания**
- **сетевое взаимодействие научных и методических центров**

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу **press@gaugn.ru**

press.gaugn.ru

ГАУГН

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА СОЦИОЛОГИИ ФНИСЦ РАН

БАКАЛАВРИАТ
Социология

МАГИСТРАТУРА
Методология и практика социологических исследований

АСПИРАНТУРА
Социологические науки

Социологический факультет ГАУГН — это современный образовательный и научный центр. Наши преподаватели – известные социологи с мировыми именами, авторы фундаментальных научных трудов, учебников, участники крупных российских и международных социологических форумов, члены экспертных советов при законодательных и исполнительных органах государственной власти.

Уникальность факультета заключается в том, что все предметные направления изучаются во взаимосвязи с научными проектами, проводимыми учеными Института социологии ФНИСЦ РАН.

Синтез фундаментальных научных и прикладных исследовательских направлений в области социологии позволяет готовить исследователей и аналитиков, успешно работающих в различных профессиональных областях.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).